

*Светлой памяти моей матери —
Александры Алексеевны Залесской-
Риттих посвящаю я этот труд.*

М. Риттих

От составителя

Елена Фабиановна Гнесина — крупная, очень значительная фигура в истории русской и советской музыки конца XIX и начала XX веков. Своей многосторонней деятельностью она связала век нынешний и век минувший.

Одаренная пианистка, композитор, исключительно талантливый педагог и выдающийся организатор, Гнесина была одной из учредительниц частного училища, затем — основателем других, уже государственных музыкальных учебных заведений разных ступеней, включая высшую — институт, и более семидесяти лет состояла их бессменным руководителем.

После Октябрьской революции проявляется еще одна сторона дарования Ел. Ф. Гнесиной — дарование общественного деятеля. Много сделала она на заре становления Советского государства в области перестройки музыкального образования, в развитии музыкальной культуры.

Елена Фабиановна прожила долгую (1874—1967), необычайно напряженную, активную и красивую жизнь. Вся она — в преданном и деятельном служении музыке, музыкальному образованию, его неустанному совершенствованию, в стремлении к новым достижениям, в умении энергично решать те задачи, которые выдвигал каждый новый «виток» жизни. Она обладала смелостью мысли, прямоотой и неподкупной честностью характера, решительностью действий, неукротимой энергией, исключительной преданностью основному делу своей жизни, и, наконец, удивительной, на редкость щедрой любовью к людям, которым отдавала все силы своего большого и тонкого ума, своего открытого для всех сердца.

Еще в ранней молодости Елена Фабиановна приобрела известность, а затем авторитет и прижизненное признание как педагог и руководитель учебного заведения. Имя ее часто встречалось на страницах прессы, что свидетельствовало об интересе к личности и деятельности Ел. Ф. Гнесиной, интересе, не только сохраняющемся в наши дни, но и продолжающем расти. В адрес учебных заведений им. Гнесиных и Мемориального музея-квартиры Елены Фабиановны Гнесиной поступали и продолжают поступать письменные и устные запросы: прислать необходимые сведения, сообщить библиографию, указать источники, которые помогли бы познаться с жизнью и деятельностью этого крупного музыканта. Статьи в газетах и журналах не могут дать сколько-нибудь исчерпывающей характеристики облика Елены Фабиановны. К тому же полностью материал о ней не собран, многое еще предстоит разыскивать в обширных комплексах периодических изданий. В архиве Гнесиной он отсутствует, так как сама она не собирала и не хранила статьи и заметки, ей посвященные.

Публикуемая книга — попытка представить читателю новые материалы о Елене Фабиановне, освещающие ее личность и характер деятельности. Подготавливая ее, редактор-составитель обратился к современникам Елены Фабиановны. Была поставлена задача: собрать, зафиксировать те живые, незабываемые факты, сведения, впечатления, которые были результатом непосредственного общения с нею — ученического, дружеского, товарищеского, служебного, запечатлеть беседы, встречи — иногда в течение длительного времени или более краткого периода — оставившие глубокий след в памяти. Ценность воспоминаний современников необычайно велика. Они воскрешают облик человека, своеобразие его поведения, характер речи, манеру держаться, передают окружающую атмосферу, некоторые детали жизни, быта.

Круг участников сборника достаточно широк. Среди авторов много учеников самой Елены Фабиановны, воспитанников руководимых ею учебных заведений: пианистов, вокалистов, композиторов, дирижеров и музыковедов, а также коллег по учебным заведениям, зачастую бывших ее выпускниками более ранних лет. Есть и соратники, пришедшие извне, не учившиеся у Гнесиных, но связанные с ними общей работой, и те, кто не учился и не работал в этих

учебных заведениях, но испытывал к Елене Фабиановне большую личную привязанность, и, наконец, немусыканты, но по своей профессиональной, общественной или художественно-творческой деятельности, а то и просто по дружбе, общавшиеся с Еленой Фабиановной.

Большая часть авторов знала Елену Фабиановну уже в советский период, начиная с 20-х годов и позже. Старшими из авторов — ее современников дооктябрьского времени — являются С. И. Апфельбаум и М. А. Гурвич, пришедшие в «Училище сестер Гнесиных» в 1906 и 1907 годах, затем К. П. Виноградов и Е. В. Давыдова — выпускники 1920 и 1921 годов. И только воспоминания С. В. Клумовой-Ганнушкиной связывают читателей с самыми первыми годами педагогической деятельности Елены Фабиановны. Клумова-Ганнушкина начала заниматься у Елены Фабиановны в год основания училища, в 1895 году.

Статьи, вошедшие в эту книгу, по своему типу и жанровому признаку различны. В одних зафиксированы отдельные факты, конкретные моменты из жизни Ел. Ф. Гнесиной, особенно запомнившиеся автору. Другие рисуют неповторимость ее облика в главных, крупных чертах. Есть воспоминания, воспроизводящие основные моменты жизни Елены Фабиановны так, как они запечатлелись в памяти автора от первой встречи до последних ее дней.

Все воспоминания отличаются искренностью высказываний, теплотой тона, чувством благодарности и признательности Елене Фабиановне.

Многие авторы отмечают и иллюстрируют конкретными фактами еще одну характернейшую черту Елены Фабиановны: исключительную, страстную заинтересованность каждым, в ком была хоть искра музыкального таланта, чтобы поддержать такого человека, помочь его развитию, выявить лучшие стороны его дарования.

В книге рассказывается и о необычайной человечности Елены Фабиановны, о ее тонком «душевном слухе», который давал ей возможность безошибочно оценить и понять человека, его индивидуальность, духовный склад, его психологический мир.

Посвящая свои воспоминания Елене Фабиановне, редко кто обходит молчанием других членов семьи Гнесиных, что вполне естественно. Она была представительницей уникального семейного коллектива музыкантов, крепко спаянного единой мечтой, одержимого одной идеей, совместно разработавшего свое *credo*. Это был необычайно слаженный ансамбль педагогов и деятелей музыкального образования. И вполне закономерно, что в ряде воспоминаний речь идет не только о Елене Фабиановне, но и о других участниках этого педагогического ансамбля, подчеркивается индивидуальность каждого и вместе с тем четко выявляется общность их идейно-воспитательной платформы, общность педагогических, методических и эстетических принципов.

С течением времени семейный коллектив Гнесиных стал редеть, и Елена Фабиановна осталась одна.

Издавна приняв на себя организационные дела частного училища Гнесиных, Елена Фабиановна впоследствии возглавляла уже целую «семью» государственных учебных заведений — институт, училище, специальную среднюю школу-десятилетку и школу-семилетку. Ее роль становится еще более значительной, деятельность приобретает особый размах и масштабность, возрастает авторитет. И естественно, что в воспоминаниях более поздних лет все внимание концентрируется уже на личности одной Елены Фабиановны. Образ ее, рельефно выступающий у всех авторов сначала в общем семейном ансамбле, начиная с сороковых годов выходит на первый план. Возникает ряд литературных этюдов уже только к ее индивидуальному портрету.

Рассказывая о Елене Фабиановне, некоторые авторы касаются вопросов постановки музыкального образования в учебных заведениях им. Гнесиных, атмосферы, царившей в них, воссоздают и эпизоды учебной жизни, праздников и концертов, вводят читателя и в то, как училась и как развлекалась, веселилась вместе со своими воспитателями учащаяся молодежь. В ряде воспоминаний воскрешается деревянный особнячок на Собачьей площадке (дом № 5), где первоначально размещались школа и техникум, а также и второй дом (№ 7), переданный техникуму после закрытия бывшего в нем «Музея быта 1840-х годов».

Все это представляется нам ценным и нужным. И не только потому, что давно уже не существует ни Собачьей площадки, ни узких улочек и переулков, которые вели к ней, ни уютного старого домика с его старинной обстановкой (по существу, только эти воспоминания могут

дать представление о том, в каких условиях протекала жизнь Елены Фабиановны почти полувекового (!) периода ее деятельности), но и потому, что знакомство с людьми, окружавшими ее, с этими старомосковскими особнячками, помогает яснее представить себе и понять Елену Фабиановну во всем своеобразии ее быта и духовного облика.

Поэтому же интересны и важны рассказы авторов о творческих встречах в Техникуме им. Гнесиных 20-х годов с крупными представителями искусства, о «музыкальных пятницах» Михаила Фабиановича Гнесина, о гнесинских капустниках, снискавших известность в Москве, а возможно, даже оказавших воздействие на сложившиеся позже «капустники» музыкального театра В. И. Немировича-Данченко, в котором работало немало гнесинцев.

В каждом из собранных здесь воспоминаний о Ел. Ф. Гнесиной есть своя ценность, своя содержательность. Важно все: и конкретные факты, и авторские размышления или обобщения, и фиксация только одной, тонко подмеченной детали, даже если она инкрустирована в материал уже знакомый по другим статьям. В книге такого рода последнее неизбежно: каждый из авторов, передавая свое представление о Ел. Ф. Гнесиной, прежде всего воскрешает в памяти что-то наиболее для нее характерное, запоминающееся.

Талантливый мемуарист А. Ф. Кони высказал следующую мысль: «Простые воспоминания о встречах [...] представляют собою нечто вроде отдельных кусочков мозаики [...] в своей совокупности [...] дающих возможность создать цельную, продуманную и гармоничную картину»*.

Хочется надеяться, что и наша книга простых и правдивых воспоминаний о Ел. Ф. Гнесиной, содержащих материал обильный и многообразный, поможет читателю, а быть может, и будущему исследователю представить себе в главных чертах образ этого замечательного человека и музыканта.

* * *

Книга рождалась в приближении столетнего юбилея Елены Фабиановны. И вся работа над книгой посвящена этой замечательной дате, чем и объясняется название некоторых воспоминаний.

Изданная в 1982 году книга была быстро раскуплена, но потребности читателей не удовлетворила.

Второе издание книги «Елена Фабиановна Гнесина. Воспоминания современников» дополнено новыми материалами. Это воспоминания камерной певицы Веры Духовской, режиссера, создателя и руководителя первого в мире Московского театра для детей Наталии Сац. Обе они знали Елену Фабиановну еще со времени рубежа 20-х годов, в период самого начала становления советской культуры. Более позднее время, начиная с 30-х годов, отражено в воспоминаниях поэта Цецилии Бану-Лахути, певицы Наталии Рождественской, учеников Гнесиной В. Некрасовой, Т. Антоновой, З. Финкельштейна, который с основания последнего по времени звена учебных заведений имени Гнесиных — Средней специальной школы-одиннадцатилетки (1946) являлся ее руководителем, виолончелиста А. Я. Георгиана — коллеги Елены Фабиановны по Институту им. Гнесиных, а также бывшей студентки Института Л. П. Атановой.

Некоторые воспоминания, опубликованные ранее в первом издании, здесь, во втором, дополнены новыми материалами, по разным причинам не вошедшими в первое издание. Таковы статьи Е. А. Вержболович, М. А. Гурвич, Е. В. Давыдовой, М. Э. Риттих, М. В. Мильмана, Е. Б. Ромм-Иоффе.

Все мемуары первого издания этого сборника, кроме статей С. Клумовой-Ганнушкиной и А. Хачатуряна, из-за болезни рекомендовавшего свою же, но ранее опубликованную статью, были написаны специально для этой книги. В настоящем издании это не оговаривается. Перечисленные выше новые статьи (исключая воспоминания Н. Сац, составляющие главу ее книги[†], а также А. Георгиана) подготовлены специально для второго издания данной книги, о чем говорится в комментариях.

Воспоминания расположены в хронологическом порядке. Так же вписаны в нее и указанные выше новые воспоминания. Благодаря такой композиции сборника образ Ел. Ф. Гнесиной

* Кони А. Воспоминания о писателях. — М., 1965. — С. 246.

† Сац Н. Новеллы моей жизни. Книга вторая. Изд. второе, испр., доп. — М., 1984.

предстает не только в обобщении, данном ей каждым из авторов, но и в определенной динамике, отражающей ее жизнь и деятельность во времени. Исключение составляют воспоминания М. Риттих «О наставнике и друге», вынесенные по совету редакции в начало, поскольку в них последовательно прослеживается значительный период жизни Елены Фабиановны и приводятся сведения из ее биографии дооктябрьского периода, что почти не отражено в других мемуарах.

Для второго издания переработаны, дополнены, уточнены комментарии к книге, чем и объясняется их сильно возросший объем. Комментарии содержат значительное количество совсем новых сведений, публикуемых впервые архивных материалов, расширяющих и углубляющих представление читателей о личности Ел. Ф. Гнесиной, о ее жизни и деятельности. Комментарии даются в конце издания и размещаются в соответствии с воспоминаниями.

Встречающееся в книге сокращение — ММКЕлФГ — расшифровывается как Мемориальный музей-квартира Ел. Ф. Гнесиной.

Книга воспоминаний снабжена иллюстрациями. Почти все они заимствованы из архива Ел. Ф. Гнесиной, уникальны и впервые опубликованы в первом издании.

К выходу второго издания книги

Маргарита Эдуардовна Риттих полностью завершила работу по подготовке второго издания книги, значительно расширенного по сравнению с первым (одни только комментарии возросли по объему более чем в три раза). Однако, финансовые трудности затянули выход книги в свет, и М. Э. Риттих так и не дождалась издания своего многолетнего труда.

При подготовке издания нами были проверены и уточнены данные комментариев по их состоянию на сегодняшний день, а также сверены с рукописями тексты воспоминаний, подвергшихся существенным изменениям в первом издании — везде, где это было возможным, авторский текст был восстановлен.

Выражаем искреннюю признательность всем, кто содействовал выходу книги в свет, в первую очередь, Государственному Дому-музею П. И. Чайковского в Клину, руководству РАМ им. Гнесиных, сотрудникам Редакционно-издательского отдела академии, в особенности М. В. Левчик, и лично — Е. С. Чебышевой, Л. В. Голубевой, Н. Л. Зеленской.

В. В. Тропп, И. П. Шеховцова

Вместо предисловия

С огромным удовлетворением и радостью я узнал о готовящемся к изданию сборнике, посвященном жизни и деятельности выдающегося представителя советской музыкальной культуры Елены Фабиановны Гнесиной. Необходимость издания такой книги, в которой была бы подытожена и проанализирована ее подвижническая деятельность, творческое наследие, ее педагогические принципы, давно назрела.

Трудно переоценить поистине бесценный вклад Гнесиных в развитие отечественного музыкального искусства. Сестры Гнесины положили начало уникальной системе музыкальных учебных заведений (школа, училище, институт), которые по праву носят их имя. Воспитанные в лучших традициях русского исполнительского искусства, трудолюбивые, энергичные, полные стремления посвятить себя распространению музыкальной культуры, они дружно и увлеченно принялись за работу.

Душой всей этой кипучей работы была Елена Фабиановна. Она начала преподавать игру на фортепиано с 16 лет и очень быстро снискала в этой сфере широкое признание. Точно так же и школа Гнесиных вскоре после своего создания приобрела известность и авторитет. Это во многом объяснялось тем, что в основу музыкально-воспитательных методов были положены принципы великих русских музыкантов и педагогов: Чайковского, братьев Рубинштейнов, Римско-Горсакова, Танеева, Сафонова.

Одной из главных отличительных особенностей гнесинской школы был глубокий демократизм, который позволил ей органично влиться в сеть государственных музыкальных учебных заведений, а со временем занять в ней ведущее место. Важно подчеркнуть, что в пору становления Советского государства, когда «кадры решали все», смелые начинания Елены Фабиановны и ее соратников, которых с годами становились все больше и больше, неизменно находили поддержку правительства. Новым свидетельством этой поддержки и помощи стало завершение строительства большого учебного корпуса Гнесинского института и музыкального училища.

Более полувека продолжалась целеустремленная и плодотворная деятельность Елены Фабиановны. Ее учениками с гордостью называют себя сотни музыкантов, работающих во всех уголках страны. Воспитанниками Гнесиных стали многие выдающиеся мастера музыкального искусства, в их числе А. Хачатурян, Л. Оборин, Е. Светланов, З. Долуханова и многие другие.

Мне посчастливилось на протяжении нескольких лет — с 1929 по 1932 год — быть воспитанником Музыкального техникума имени Гнесиных, посещать класс композиции Михаила Фабиановича Гнесина. Я навсегда сохранил в своем сердце благодарную память об этом замечательном мастере и скромном, сердечном человеке.

Для каждого из нас, гнесинцев той поры, годы учения овеяны самыми светлыми воспоминаниями. Мы были не просто учащимися, но и членами одной дружной семьи, которых роднила беспредельная любовь к музыке, к искусству. Каждый молодой музыкант был окружен здесь исключительной заботой и вниманием, рос в атмосфере теплоты и сердечности. Для Елены Фабиановны и ее соратников существовал единственный критерий в отношении к ученикам — талант и усердие воспитанников. Строгая и требовательная, Елена Фабиановна была в курсе всего и умела вовремя прийти на помощь каждому, поддержать в случае неудачи, вселить веру в собственные силы. Ей была свойственна исключительная прямота: она всегда высказывала свое мнение откровенно, без оговорок, не считаясь с чьим-то высоким положением или авторитетом. В то же время Елена Фабиановна была отзывчивым и добрым человеком, и поэтому в трудную минуту к ней шли за советом не только ее питомцы, но и педагоги.

Вот это сочетание постоянного внимания, сердечной доброты, требовательности с подлинно государственным подходом к делу обеспечивало успех в сложном и тонком процессе, каким является воспитание профессиональных музыкантов. А воспитывали нас не только профессионалами, знающими ремесло, но и людьми, преданными избранной профессии, сознающими

свою художественную ответственность перед. народом. Все ученики — мои товарищи и сверстники — испытывали глубочайшее уважение к своей строгой наставнице, почитали и любили ее как человека, который становился для них старшим другом на всю жизнь. От нас она требовала только одного — честного и добросовестного труда...

Хорошо известно, каким всеобщим признанием и авторитетом пользуется в мире советская система музыкального образования. Среди пионеров, закладывавших фундаментальные основы этой системы, одно из самых почетных мест принадлежит Елене Фабиановне Гнесиной. Прекрасным памятником ей стал творческий труд многих поколений музыкантов, которых вырастил и продолжает растить учебный комбинат, основанный Гнесиными. Пусть же и этот сборник станет еще одной данью памяти выдающемуся художнику-педагогу, чье имя навсегда вписалось в историю отечественной музыкальной культуры.

Гнесиным

Мне вспоминается старинный сказ Востока
О том, как деревцо сажал старик глубокий.
«Скажи мне, — у него прохожий спросил, —
Не попусту ли здесь ты тратишь столько сил?
Ты сед, а пальма даст плоды через столетье».
«Что ж, их вкусит мой внук, — на то старик ответил. —
Когда бы так, как ты, твой прадед рассуждал,
Ты вкуса финика вовек бы не узнал.
Другие встарь для нас работали без лени,
Потрудимся и мы для новых поколений».

Любуясь порослью задорной, молодой,
Шумящей вокруг своей наставницы седой,
Чей дух и взор полны горенья молодого
Под сенью этих стен, свидетельниц былого,
Где ныне новая привольно жизнь течет,
Где все стремится ввысь и движется вперед,
Малюток слушая, твердящих робко гаммы,
И смелых мастеров, владеющих сердцами,
Невольно скажешь: «Вам спасибо и привет,
Кто пять десятков лет, кипучих, славных лет
В сад музыки родной, чтоб он расцвел на диво,
Несли свои труды любовно, терпеливо.
Искусства семена, что деды встарь нашли,
Для внуков радостных вы мудро берегли.
Немало редких пальм взрастили ваши руки,
Дарящих дивный плод — живительные звуки.
И после стольких лет высокого труда
Вам о покое мысль неслосна и чужда.
Сажайте ж за ростком росток неутомимо
Во славу родины великой и любимой!
Потомство сбережет святыя семена
И ваши назовет с любовью имена»*.

* Перевод с фарси Ц. Бану

О наставнике и друге

Вся моя профессиональная, педагогическая жизнь связана с учебными заведениями имени Гнесиных. И я благодарна за то, что уже в начале самостоятельного пути мне довелось встретить и узнать такого человека, как Елена Фабиановна. Личность неповторимую. Человека исключительной судьбы. И не случайной, а направляемой с юных лет ею самой, ее сердцем и разумом, ее увлеченностью. Человека одной привязанности, одной страсти, которой было отдано все: незаурядный талант, силы, жизнь.

Я счастлива, что имела возможность работать под руководством этого замечательного человека, во многом ставшего моим наставником, пользоваться его расположением, что свой педагогический путь мне довелось начать у Гнесиных, где царила самоотверженная преданность педагогике, впрочем, никогда не декларировавшаяся, где вся постановка учебного дела была исключительно серьезной, деловой, строгой и целесообразной, где сама Елена Фабиановна своим личным примером воспитывала в коллективе неподкупную честность и прямоту, чуткость и внимание во взаимоотношениях, где понимание и знание каждого из подопечных было одним из основных и первых требований, причем не только по отношению к его профессионализму.

I

Биография Елены Фабиановны Гнесиной еще полностью не исследована, и потому есть смысл привести здесь некоторые сведения о ее родителях, о годах ее отрочества и юности, ставшие мне известными от самой Елены Фабиановны, а также благодаря работе над ее архивом.

Елена Фабиановна родилась 31 мая 1874 года в Ростове-на-Дону. Ее отец — Фабиан Осипович — человек большого характера и ума. С детских лет он горячо стремился к знаниям. Чтобы получить образование, ему пришлось преодолеть многие препятствия, самостоятельно, без чьей-либо помощи двигаясь к намеченной цели. По словам сына, Михаила Фабиановича, «отец происходил из беднейшей среды еврейского местечка бывшей Минской губернии. Пешком он пришел в город Вильнюс (тогда Вильно), чтобы учиться»^{*}. Он стал образованным человеком. И постоянно заботился о том, чтобы дети его получили возможно лучшее образование¹.

Там, в Вильно, произошла его встреча с Беллой Исаевной Фотзингер. Семья ее в Вильно была известна. «Ее отец был знаменитым народным певцом и затейником. Сочиненные им мелодии и различные его шутки и прибаутки живут на протяжении уже более века в еврейском народе»[†]. Дарование отца[‡] унаследовали четыре его дочери. Учились они у Станислава Моношко — молодого музыканта, только что завершившего свое образование в Берлине и с 1840 года обосновавшегося в Вильно. Здесь, на первых порах своей деятельности, наряду с сочинением музыки он охотно и много занимался педагогикой. Елена Фабиановна не раз подчеркивала, что ее тетки были превосходными музыкантами.

Не уступала сестрам и Белла Исаевна — мать Елены Фабиановны³. Она стала хорошей пианисткой, к тому же обладала превосходным голосом (колоратурное сопрано изумительно красивого тембра), чудом сохранившимся у нее чуть ли не до последних дней жизни. Михаил Фабианович пишет: «Моя мать превосходно пела и обладала исключительным слухом и памятью. От нее — музыкальная одаренность всей нашей большой семьи»[‡]. Белла Исаевна могла бы стать профессиональным музыкантом, большой певицей, ей открывался артистический путь. Судьба же распорядилась иначе. Она стала матерью двенадцати детей (трое умерли в младен-

^{*} Гнесин М. Ф. Воспоминания о Ростове // Статьи. Воспоминания. Материалы. — М., 1961. С. 154.

[†] Там же. С. 155.

[‡] Там же.

честве). Родители заботливо вырастили и выпестовали пятерых дочерей и четырех сыновей. Семеро из них стали профессиональными музыкантами.

И это не случайно. Елена Фабиановна утверждала, что с тех пор, как помнит себя, помнит музыку, постоянно звучащую дома, игру на рояле матери, ее голос, исполняемую ею классическую музыку, особенно арии из итальянских опер, которые она прекрасно пела и очень любила. Обремененность большой семьей и постоянные заботы о детях не заглушили в Белле Исаевне любви к музыке. Ее дарование раскрывалось в домашней обстановке, в кругу семьи. Своей музыкой она пробуждала музыкальные таланты детей.

К раннему проявлению у детей музыкальных интересов родители были внимательны. Возникла мысль о более основательном, профессиональном образовании, нежели то, которое они получали в Ростове. И когда старшей из сестер, Евгении⁴, исполнилось 14 лет, ее отправили в Москву, в консерваторию.

Вторая дочь, Елена, успешно занимаясь у преподавательницы Гольдринг, по достижении 12 лет тоже была отведена в Москву, под опеку старшей, очень серьезной и благоразумной сестры. Зачисленная на младшее отделение консерватории, Елена училась в фортепианном классе известного, опытного педагога Эдуарда Леопольдовича Лангера. Елена Фабиановна рассказывала, как однажды в класс, где она занималась, играя ре-минорный концерт Моцарта, вошел В. И. Сафонов. Он внимательно выслушал исполняемое ею произведение, и судьба девочки была решена. Сафонов взял ее в свой класс, хотя она была еще на младшем отделении, а он занимался только со старшими⁵.

Сестры (Евгения уже несколько лет занималась у него) увлеченно учились под руководством этого «выдающегося пианиста и замечательного педагога. Культура звука, пластичность, классицизм исполнения были характерны для отличной школы пианизма, насаждаемой им», — писала Елена Фабиановна*. Влияние Сафонова на обеих сестер было огромным. И не только в формировании их пианизма, но и в общем музыкально-культурном развитии, в росте их как музыкантов и, что немаловажно, в выработке важных принципов педагогики и методики, принципов, усвоенных в его классе и ставших затем основой их собственной практической деятельности.

В 1890 году Сафонов, уже будучи директором консерватории, пригласил для преподавания молодого талантливого пианиста и композитора Ферруччо Бузони, завоевавшего первое место, в международном конкурсе, организованном А. Г. Рубинштейном⁶. Комплектуя для Бузони класс, Сафонов ввел в него ряд талантливых учеников и из своего класса. В их числе была и Елена Фабиановна. Об этом консерваторском учителе по фортепиано вспоминала она до последних дней своей жизни не только с глубокой признательностью, но и с восхищением⁷. К сожалению, Бузони пробыл в Москве лишь один год, успев все же вполне оценить дарование своей юной ученицы. «Знаменитый Ферруччо Бузони, — вспоминала Елена Фабиановна, — настойчиво внушал мне мысль о переезде вместе с ним за границу, чтобы впоследствии начать деятельность концертирующей пианистки. Но я тогда была слишком юна для столь решительного шага»[†].

Среди консерваторских учителей Елены Фабиановны были Н. Д. Кашкин и А. С. Аренский. Последнему она показывала свои композиторские опыты. «Он очень поощрял меня к серьезным занятиям, но я мало верила тогда в свои возможности и жалею теперь, что не сосредоточилась в большей степени на сочинении»[‡]. Через старшую сестру Елена Фабиановна хорошо знала С. И. Танеева, у которого Евгения проходила курс композиции. Знала она и П. И. Чайковского, в те годы уже не преподававшего в консерватории, но нередко бывавшего в ней.

Сверстниками Елены Фабиановны и ее сестер (вслед за двумя старшими вскоре поступили в консерваторию и младшие: Мария и Елизавета) были высокоодаренные музыканты, ставшие впоследствии гордостью нашего музыкального искусства. Прежде всего — А. Н. Скрябин и С. В. Рахманинов. Дружба Елены Фабиановны с этими замечательными музыкантами продол-

* Гнесина Е. Из моих воспоминаний // Сов. музыка. 1964, № 5. С. 44.

[†] Там же.

[‡] Там же. С. 45.

жалась и после окончания консерватории. Среди ее товарищей были А. Б. Гольденвейзер, Н. К. Метнер, Р. М. Глиэр, Е. А. Бекман-Щербина, А. Т. Гречанинов, Э. К. Розенов⁸, А. А. Ярошевский⁹.

В 1891 году Гнесиных постигло большое горе. Умер Фабиан Осипович. Большая семья оказалась без средств к существованию, без какой-либо поддержки. В Ростове оставалась мать с младшими мальчиками — Михаилом и Григорием. Елена Фабиановна должна была работать. На помощь пришли консерваторские учителя. Выяснилось, что в гимназии Арсеньевых освободилось место учителя музыки, и Н. С. Зверев, инспектировавший тогда музыкальные классы всех немusикальных учебных заведений, рекомендовал девушку Арсеньевым. Так началась ее педагогическая деятельность.

В 1893 году Елена Фабиановна, окончив консерваторию с серебряной медалью и продолжая работать в гимназии, начала концерттировать, как солирующая пианистка, ансамблистка и аккомпаниатор. Ей посчастливилось выступать с Л. В. Собиновым и П. А. Хохловым, бывшими тогда в самом расцвете творчества¹⁰. Особенно многочисленны были выступления Елены Фабиановны в так называемых благотворительных концертах в пользу студентов университета, школ для слепых детей, в концертах, организуемых различными землячествами, в концертах «Кружка любителей русской музыки», устраиваемых супругами Керзинными и др.

Семейство Гнесиных жило тогда в Гагаринском переулке на Арбате в арендуемом ими небольшом деревянном домике. Семья была молодой, доброжелательной, гостеприимной, и сюда тянулась молодежь, привлекаемая талантливыми музыкантами, общей любовью к искусству, объединенная самыми передовыми идеалами, светлыми надеждами, мечтающая принять деятельное участие в культурном прогрессе русского общества.

Частые встречи, совместное музицирование, обсуждение прочитанного, событий дня, консерваторских дел, а также веселые затеи (шарады, буриме) сплотили эту молодежь. Возник своеобразный кружок молодых музыкантов. В него входили пианисты А. А. Ярошевский, Д. С. Шор, Э. К. Розенов, скрипачи А. А. Печников, А. Я. Могилевский, виолончелист и дирижер М. И. Альтшулер, композиторы А. Т. Гречанинов, С. В. Рахманинов, В. С. Калинников, теоретик И. Н. Протопопов¹¹. Серьезное музицирование с обсуждением исполняемой музыки перемежалось шутками, юмором, к которому все Гнесины были склонны. Увлекались афоризмами Козьмы Пруtkова. Создавали и собственные. Возник рукописный юмористический журнал «Кузьмич» — (сын Козьмы Пруtkова), а за ним и другой — «Жив Курилка!», позднее — более серьезный литературно-музыкальный журнал «Мысли и чувства», включавший наряду со статьями, стихами, пьесами и музыкальные произведения.

Евгения Фабиановна (а через нее и другие сестры Гнесины) была тесно связана с кружком литературы и искусства, в котором формировались идеи будущих основоположников Московского Художественного театра. «Я помню, — пишет Елена Фабиановна, — К. С. Станиславского (Алексеева), В. В. Лужского (Калужского) и других будущих замечательных деятелей в период, предшествовавший возникновению МХТ. Весь славный путь этих артистов (Станиславского, Качалова, Москвина, Книппер и др.) запечатлелся в моей тогда еще юной памяти». Евгения Фабиановна занималась с членами этого кружка музыкой, главным образом теоретическими предметами.

У старших сестер постепенно зрела мысль о том, чтобы их будущая профессиональная деятельность не была бы разрознена, а протекала в совместной работе, объединенной единой и общей задачей. Ее видели в педагогике. Елена Фабиановна говорила, что мысль эту высказывали также и их родители. Со временем идея совместной педагогической деятельности приобрела все большую конкретность. Было решено создать свое музыкальное учебное заведение, как только Мария¹² завершит консерваторский курс.

Задача эта была не из легких. На открытие частного училища требовалось разрешение городских властей, получить которое было весьма сложно. Для учреждения и содержания училища были необходимы материальные затраты, а средств не было никаких. Возникали и сомнения: будут ли в их учебном заведении ученики; справятся ли три молоденькие пианистки, выпускницы консерватории, со столь ответственным делом?

* Гнесина Е. Из моих воспоминаний. С. 46.

И опять помогли консерваторские учителя: поддержали морально, ободрили, вселили уверенность. Часто рассказывала Елена Фабиановна, как Н. Д. Кашкин советовал смелее браться за дело, уверял, что, начав с нескольких учеников, талантливые молодые пианистки обязательно покажут себя в педагогике самым наилучшим образом, и количество учеников будет расти.

Сестры энергично взялись за дело. Добились разрешения. Подготовили к приему учеников свою квартиру в Гагаринском переулке. Рояль был один. Приобрести второй не было возможности.

И в начале февраля 1895 года в Москве открылось «Училище сестер Е. и М. Гнесиных». Под двумя инициалами «Е. и М.» подразумевались три сестры: Евгения, Елена, Мария. Руководящая роль принадлежала старшим сестрам. Обе отличные пианистки, музыканты широких интересов и эрудиции, они обладали разными характерами и хорошо дополняли друг друга. Евгения Фабиановна была мягкая, женственная; занимаясь каким-либо вопросом, она никогда не спешила с выводами, строго взвешивая, анализируя все обстоятельства дела, отличалась исключительной вдумчивостью. Елена Фабиановна обладала характером динамичным, волевым, решительным и очень деятельным. «Наш единственный мужчина», — говорили о ней сестры. И неудивительно, что все организационные дела по училищу, с момента его основания, она взяла на себя.

Педагогический состав училища первоначально состоял только из троих сестер Гнесиных. В 1901 году, окончив Московскую консерваторию по классу Гржимали, в этот коллектив влилась четвертая сестра — Елизавета¹³, и учредился класс скрипки. Тогда же заканчивает училище Гнесиных по классу Елены Фабиановны самая младшая сестра Ольга, и тоже начинает здесь педагогическую работу¹⁴.

Сестры не только вели специальные классы игры на фортепиано и скрипке, а и все прочие: теоретические, хоровые, ансамблевые. Дисциплинам этим они придавали очень большое значение, чем существенно отличалось их училище от других частных учебных заведений Москвы.

Елена Фабиановна преподавала методику игры на фортепиано, разрабатывая ее самостоятельно, весьма оригинально и интересно (курса такого еще не существовало даже в консерватории), вела она и хоровой класс (смешанный), в котором объединялись все учащиеся. Евгения Фабиановна наряду с фортепиано специализировалась еще на детском сольфеджио, которое вела по новейшей системе швейцарского музыканта Шассевана, применяя ее в несколько измененном виде при диктантах и музыкальной грамоте. Руководила она и детским хоровым классом. Елизавета Фабиановна, помимо класса скрипки, взяла на себя класс камерного ансамбля, а несколько позже сольфеджио.

Училище Гнесиных было предназначено не только для детей, но и для взрослых. В нем обучались уже достаточно подвинутые ученики, приходящие для подготовки в консерваторию и успешно поступавшие затем и в Московскую, и в Петербургскую, и даже в Лейпцигскую высшие музыкальные школы.

Известность нового учебного заведения Москвы, его авторитет росли очень быстро. Предсказания Кашкина сбывались. Уже к рубежу веков количество учащихся выросло так, что семейными силами управиться было невозможно. Следовало расширять коллектив педагогов. Делалось это осторожно. Привлекались только те музыканты, в которых Гнесины были абсолютно уверены. Одними из первых вошли в эту педагогическую семью Р. М. Глиэр, Е. А. Бекман-Щербина, А. Т. Гречанинов, А. А. Борисяк¹⁵.

Небольшая квартирка Гнесиных становилась уже слишком тесной. К тому же увеличивалась семья — необходимо было перевезти в Москву остававшихся в Ростове Беллу Исаевну и младших братьев. Пришлось искать новое помещение для жилья и училища. В 1900 году был снят небольшой деревянный особнячок, принадлежащий Полетаевой, по Собачьей площадке, 5. В нем Гнесины и их учебное заведение прожили более полувека.

Начало нового столетия и последующие годы были для Елены Фабиановны и всей семьи временем неустанной деятельности по совершенствованию и развитию их учебного дела, временем повседневного кропотливого педагогического труда. Известность училища возрастала.

Увеличивалась и ответственность за него. Гнесины хорошо это понимали. Трудились горячо и влюбленно, с полной отдачей душевных и физических сил.

Жизнь семьи была неотделима от жизни училища. Но особенно тесно с училищем сплелась жизнь Елены Фабиановны, целиком отдавшей себя музыкальной педагогике, учебному заведению, деятельности в области музыкального образования. Понятие «личная жизнь» в применении к ней было идентично жизни и деятельности училища.

При этом следует заметить, что интересы семейства Гнесиных отнюдь не были замкнуты областью музыки, ограничены мыслями и заботой только о своем профессиональном учебном деле. Как сестры, так и младшие братья интересовались всем, что происходило в общественной жизни страны. Они чутко отзывались на различные общественные явления тех дней. Впитывали и исповедовали передовые идеалы своего времени. И было вполне закономерно, что братья Гнесины (Михаил — студент Петербургской консерватории и Григорий — студент Петербургского Технологического института) стали активными участниками революционных событий 1905 года¹⁶.

Михаил Гнесин вместе с товарищем по консерватории — Анатолием Дроздовым¹⁷ — осуществили в то время связь революционного комитета студентов со своим учителем Н. А. Римским-Корсаковым, поддерживающим требования комитета. Григорий Гнесин также примкнул к революционно настроенным студентам-музыкантам.

Московские Гнесины, тоже не были в стороне от революционных событий 1905 года. Елена Фабиановна, вспоминая Москву тех революционных дней, когда на баррикадах Красной Пресни шли жестокие бои, рассказывала, что они, Гнесины, у себя, на Собачьей площадке, давали приют раненым дружинникам, студентам и рабочим, подкрепляя их силы горячим чаем с бутербродами. «Если бы кто-либо из власть имущих узнал, что путь их (дружинников) лежал к нашей школе на Собачьей площадке, вряд ли уцелели бы и школа, и пишущая эти строки»^{*} — говорит она в своих воспоминаниях, мимоходом касаясь этого вопроса.

Жизнь семьи Гнесиных в новой квартире была исключительно деятельной, содержательной, интересной. Весь день, с раннего утра — занятия с учениками. Проходили они в жилых комнатах сестер, в гостиной, в нескольких комнатках-классах на антресолях, в небольшом зальчике, предназначенном для групповых занятий и выступлений. А вечером — встречи с товарищами, друзьями, знакомыми, музицирование, беседы за чайным столом, обмен мнениями о прочитанной литературе, музыке. И по-прежнему любимое развлечение — театрализованные шарады.

Не прерывалась дружба Елены Фабиановны со Скрябиным, Рахманиновым, а также с консерваторскими учителями: Кашкиным, Танеевым, Сафоновым. Возникали новые знакомства, переходившие вскоре в дружбу. Из них назовем С. Н. Кругликова, Ю. Д. Энгеля — ученика Танеева и Кашкина, а также Модеста Ильича Чайковского¹⁸, с которым Елена Фабиановна и другие члены семьи были связаны самыми теплыми дружескими отношениями.

Среди людей, окружающих Гнесиных, были не только музыканты. Елена Фабиановна вспоминает: «У нас нередко устраивались собрания, в которых принимали участие такие ученые-историки, как Покровский, Кизеветтер, Петрушевский, Виппер, знаменитый историк Ключевский и академик Виноградов. Позже в этих собраниях стали принимать участие и ученики Савина¹⁹, из среды которых вышли несколько выдающихся историков. К группе той же студенческой молодежи, входившей в наш прочный дружеский кружок, принадлежал и Д. К. Александров (потом профессор химии), ставший в более поздние годы мужем моей младшей сестры Ольги»²⁰ †.

Бывал у Гнесиных и Д. Д. Гончаров²¹, родственник жены Пушкина, наследник гончаровского имения «Полотняный завод». Знакомство Елены Фабиановны с ним произошло на концерте, данном в пользу одного из землячеств. Она характеризовала Дмитрия Дмитриевича как человека «высокой культуры и редких моральных качеств, который делал все возможное, чтобы улучшить условия жизни рабочих своей фабрики»[‡]. Знакомство с Гончаровым вскоре перешло в дружбу, и Елена Фабиановна провела в «Полотняном заводе» не одно лето. Она часто высту-

^{*} Гнесина Е. Из моих воспоминаний. С. 47.

[†] Гнесина Е. Из моих воспоминаний. С. 48—49.

[‡] Там же. С. 46.

пала перед довольно большим, а главное, очень искушенным в искусстве кругом гостей Гончаровых. «Будучи по убеждениям социал-демократом, — писала она, — Гончаров собирал у себя и революционеров, иногда давая длительный приют в своем большом доме тем из них, которые подвергались гонениям полиции. Некоторые из них, с которыми я там встречалась... стали видными политическими деятелями. Среди них был будущий народный комиссар по просвещению А. В. Луначарский»*.

Во втором десятилетии нашего века семейство Гнесиных понесло тяжелые утраты. В один год скончались Белла Исаевна и первый сын Елизаветы Фабиановны — Шурик Вивьен. Елена Фабиановна всегда говорила, что музыкальная одаренность его граничила с гениальностью. Она была глубоко привязана к мальчику, занималась его музыкальным развитием. Необычайно тяжело перенесла она его смерть, в течение нескольких часов посидела, совсем перестала играть, даже просто подойти к роялю казалось ей чудовищным кошунством. Дела училища она, конечно, не оставляла, продолжала заниматься со своим очень большим классом, и это спасло ее, вывело из состояния тяжелой душевной депрессии²².

А вскоре последовали новые потери близких людей: Скрябин, Танеев, Модест Чайковский и Мария Фабиановна, умершая в самом расцвете лет.

К счастью, горестные переживания не остановили течение жизни. Училище требовало деятельного участия Елены Фабиановны во всех его делах.

Прочно сложились уже некоторые традиции, требовавшие внимания и забот. Это — праздники 15 февраля — дня рождения училища. С каждым годом они становились все многочисленнее. Готовились к ним всем коллективом, но прежде всего и больше всего — сами Гнесины. Готовились заблаговременно. Праздники эти были интересными, веселыми, забавными, с выдумкой.

Установилась и другая традиция — академические концерты учащихся. Они были открытыми, с пригласительными билетами, печатными программами. Приходилось арендовать какой-либо концертный зал (чаще всего в консерватории или Синодальном училище). Слушателей собиралось много. Присутствовали крупные музыканты Москвы. Помимо уже упоминавшихся Рахманинова, Скрябина, Танеева постоянно бывали Браудо, Гольденвейзер, Игумнов, Глиэр и Гречанинов, а также замечательные артисты Художественного театра: Станиславский, Книппер-Чехова. Все это требовало большой затраты сил и времени, но окупалось результатами всегда отличными, что отмечала пресса, и радостью от успехов учеников. А их, прошедших гнесинскую школу учения, было много. Одни посвящали себя педагогике, другие — исполнительству. Были среди них и те, которые составили гордость училища. Это Н. А. Орлов²³, ученик Евгении Фабиановны, ставший затем пианистом мирового масштаба; А. И. Юрасовский²⁴, тоже из ее класса, пианист и композитор, получивший известность созданием оперы «Трильби», к сожалению, рано ушедший из жизни; замечательный пианист Л. Н. Оборин.

II

По своей учебной биографии я — не «гнесинка». Училась я в Техникуме им. А. Н. Скрябина, помещавшемся в конце 20-х годов у Никитских ворот над кинотеатром «Унион», а после слияния этого учебного заведения с Техникумом им. Н. Рубинштейна — в Областном техникуме (Мерзляковский переулок), ставшим консерваторским.

В Техникум им. Гнесиных впервые я попала в сентябре 1937 года. Мне, студентке историко-теоретического факультета Московской консерватории, предстояло пройти практику преподавания истории музыки у моего руководителя, профессора М. С. Пекелиса²⁵, который кроме консерватории преподавал также и у Гнесиных, как тогда говорили.

Все, что я там увидела, никак не соответствовало моему представлению о прославленном учебном заведении. Конечно, здесь имел значение момент сравнительный. За годы ученья я уже привыкла к прекрасному, комфортабельному, предназначенному специально для учебных целей зданию консерватории. Здесь же все было иным.

* Там же.

Небольшой одноэтажный деревянный домик. Сени с шаткими ступеньками деревянной лесенки. Малюсенький вестибюльчик — передняя, в котором всегда толпилось много молодежи. Небольшая «раздевальня» с одной-единственной гардеробщицей, сухонькой, черноволосой женщиной, тетей Линой²⁶, которая вплоть до 1963 года оставалась на своем месте. Ее особая уважительность, внимание и приветливость ко всем были таковы, что казалось, будто она встречала и провожала своих дорогих гостей, добрых друзей.

Удивительно было и то, что возле гардероба, рядом с зеркалом, были... щетки для одежды. Щетки! Как дома! (в консерватории этого не было).

Уже здесь, в этой передней, возникало ощущение домашности и уюта, веяло чем-то теплым, родным и милым, в то время как в консерватории все было красиво, богато, даже по-дворцовому парадно, торжественно и официально.

Из передний узкий проход-коридорчик вел во внутренние помещения. По его сторонам — двери в два самых больших класса, именовавшихся залами, в которых проводились концерты, студенческие вечера, общие собрания, репетировал оркестр, читались лекции для нескольких учебных групп. И все ж, какие это залы? По своим размерам они уступали многим консерваторским классам. Из коридорчика двери вели в небольшие комнатки-классы. Все крохотное. Скорее домашнее, чем учебное.

Пройдя вслед за М. С. Пекелисом дальше по коридорчику, я оказалась в полутемном помещении, из которого узенькая крутая лесенка, такая узенькая, что идти по ней можно было только друг за другом, вела наверх. Одноэтажный с улицы дом, оказывается, имел и второй этаж, точнее, антресоли. Классы здесь были еще меньше, потолки низкие, окна небольшие. Из них видны были крыши соседних зданий (дом стоял на высоком месте). Все это я разглядела, уже находясь в классе. Позже вспомнила, что лет десять тому назад была в этом доме. Принадлежал он известному литератору-славянофилу А. С. Хомякову, дочь которого после его смерти, вплоть до 1917 года, бережно сохраняла в неприкосновенности две его комнаты. После революции здесь был организован «Бытовой музей 1840-х годов». И мне посчастливилось побывать в нем в 1927 году, когда нас, школьников восьмого класса одной из тульских школ, возили на экскурсию в Москву. Училище же получило это помещение в 1930 году. Старому дому тогда уже было более ста лет. Построен он был вскоре после ухода из Москвы войск Наполеона на месте пепелища (район этот полностью был уничтожен пожаром и застраивался вновь)²⁷.

Но удивительное дело! Столетний обветшалый домик этот производил исключительно приятное впечатление. Обращали на себя внимание порядок, чистота, прекрасное содержание всех помещений, обстановка. В этих условиях порядка и чистоты никто, конечно, не мог себе позволить бросить на пол бумажку от конфет или «приткнуть» к оконной раме папироску. Кстати, курить в доме запрещалось категорически.

Два года проходила я практику. Несколько раз сама проводила занятия, заменяя М. Пекелиса. Елену Фабиановну в те годы мне встретить не пришлось. Только слышала о ней. Знала по рассказам педагогов и учащихся.

Знакомство с Еленой Фабиановной состоялось уже после окончания мною консерватории в августе 1939 года. Однажды возвратившись домой в наше студенческое общежитие, что в Большом Дмитровском переулке, я нашла на своей подушке записку, в которой сообщалось, что Ел. Ф. Гнесина просит меня завтра же зайти к ней по делу о работе в Техникуме им. Гнесиных. Это была большая радость, даже счастье. Начать по окончании консерватории педагогическую деятельность у Гнесиных было везением — почти невероятным!

Но как, откуда узнала Елена Фабиановна обо мне, почему позвала к себе?

И вот я бегу по знакомым улочкам и переулкам на Собачью площадку. Но не в дом Хомяковых под номером 7, а в другой, где помещалась музыкальная школа, где Гнесины жили, где был кабинет Елены Фабиановны. В обстановке и общей атмосфере здесь был виден тот же «почерк», та же направляющая рука, что и в доме техникума. Но, пожалуй, еще уютнее, еще более по-домашнему. И при этом еще более упорядоченно и даже чинно. А чистота доведена до степени почти музейной.

Симпатичная милая женщина, выслушав меня, куда-то скрылась и тут же возвратилась, говоря: «Проходите, пожалуйста, Елена Фабиановна вас ждет». И как-то тоже необычайно быст-

ро, как будто все это происходило в одно мгновение, я оказалась перед высокой (как мне показалось) и поистине царственной дамой, шедшей мне навстречу. Голова ее в ореоле седых волос посажена гордо. Вся осанка правильна и красива, как бывает только у людей артистического мира. Она шла мне навстречу, радушно протянула руку, удивительно мягкую, нежную в своем прикосновении.

Это и была Елена Фабиановна. Опустившись в кресло и усадив меня в другое, напротив, она попросила рассказать о себе. Я была тогда застенчива, и общение с новыми людьми мне было трудно. Я леденела. Но Елена Фабиановна так заинтересованно, так добро смотрела на меня, так располагала к себе, что я поведала ей свою крайне несложную биографию, рассказала все, что, вероятно, в данном случае и не было обязательным. Помню до сих пор, как внимательно она меня слушала, изредка задавая вопросы, касающиеся моей работы в музыкальной школе им. Глазунова, моих учеников, спрашивая о моих родных и друзьях, об учителях и интересах в музыке. «А мне вас рекомендовал Валентин Эдуардович Ферман²⁸. Будете у нас работать. Надеюсь, будете стараться. Тогда дела пойдут успешно. Хороших педагогов мы ценим. А от нас никто не уходит».

Я выразила сомнения по поводу некоторых чисто формальных сторон дела. Но Елена Фабиановна сразу отвела их, сказав: «Это уж мое дело. Пусть это вас не беспокоит. А сейчас зайдите в учебную часть. Она находится в другом доме. Скажите, что вы от Елены Фабиановны. Договоритесь о своем расписании».

В учебной части объяснять мне ничего не пришлось. Елена Фабиановна уже позвонила туда, сама все рассказала. Меня ждали. Встретили приветливо, радушно, без тени учрежденческой официальности.

Я познакомилась с милейшими людьми, замечательными тружениками, всей душой преданными своему делу и учебному заведению. Это были Виктор Николаевич Долинский и его помощницы — Елена Васильевна Бокарева и Нина Владимировна Бахрушина. Виктор Николаевич, человек немолодой, в начале войны пошел в ополчение и вскоре погиб²⁹. С Еленой Васильевной и Ниной Владимировной я дружно работала многие годы. А в тот памятный день нашего первого знакомства они своим приветливым отношением очень мне помогли. Внимательно выслушав мои пожелания, составили удобное расписание, показали расположение классов. И в течение какого-нибудь часа, без лишних формальностей я была оформлена на работу. Позже узнала: кадрами Елена Фабиановна всегда занималась сама. И не только педагогически, а также и приемом новых сотрудников, включая и технический персонал. Обычно она еще до встречи выясняла не только деловые, профессиональные качества нового человека, но и его личные качества, особенности характера.

Так вслед за двухгодичной практикой в Техникуме им. Гнесиных началась там и моя самостоятельная педагогическая работа, продолжавшаяся без перерыва (даже во время войны) в этих учебных заведениях до сегодняшнего дня.

В тот первый год педагогической работы и началось мое общение с Еленой Фабиановной. Сначала главным образом по одному, очень тревожному для меня вопросу. Направив меня по окончании консерватории научным сотрудником в Дом-музей П. И. Чайковского в Клину, Комитет по делам искусств был категорически против того, чтобы я имела педагогическую работу даже в минимальной дозе, рассчитанную лишь на один день в неделю (мой выходной). В течение первых месяцев, почти каждый раз при моем появлении на занятиях, секретарь просила меня зайти к Елене Фабиановне. И она рассказывала, что ей опять звонили из отдела кадров Комитета, требуя не допускать меня к работе и предлагая других кандидатов на это место. Говорила она спокойно. И всегда заключала: «Идите. Работайте. И не волнуйтесь. Мы сами умеем выбирать педагогов».

Я поразились тогда тому, как умела Елена Фабиановна настоять на своем, если считала это целесообразным. И конечно, была глубоко тронута тем доверием, которое она проявила ко мне, совсем незнакомому ей и в общем-то еще профессионально неопытному педагогу. Вскоре я поняла, что Елена Фабиановна как-то незаметно для меня (на занятиях у меня ни она, ни кто-либо из старших педагогов не бывал) все же знает, как я занимаюсь со своими группами. Знала

она многое и давала разные советы, касающиеся не столько существа предмета, сколько методики, поведения педагога, дисциплины в аудитории.

Никогда не забуду и того исключительного внимания и чуткости, которые проявила Елена Фабиановна и работники учебной части в труднейший и горестный период длительной тяжелой болезни и смерти моей матери. А ведь это был все тот же первый, только первый год моей работы, и я еще ничем не успела себя проявить. Только впоследствии мне стало ясно, что в этом сказалась обычная, свойственная учебному заведению Гнесиных человечность, закономерность его этики, его морального климата.

Общение с Еленой Фабиановной в следующем учебному году не могло быть ни более частым, ни более тесным. Большую часть времени я жила в Клину. Шел 1940 год — сто лет со дня рождения П. И. Чайковского. Работа в музее была напряженной. О досуге не приходилось и мечтать. Подготовка к лекциям в училище тоже требовала времени. Для этого оставались только ночи. И все же делалось все своевременно — молодость!

Часто в дни моих занятий в училище Елена Фабиановна, повстречав меня (теперь думаю: случайно ли?), просила зайти к ней. Интересовалась состоянием и делами Клинского музея. Она хорошо знала этот дом, где жил композитор. В десятых годах несколько лет проводила каникулярное время по соседству, в Демьянове, в имении В. И. Танеева. Была хорошо знакома и дружна с Модестом Ильичем Чайковским, жившим после смерти брата в Клину и основавшим там мемориальный музей.

Однажды в разговоре с Еленой Фабиановной мне пришлось пережить несколько мгновений тревоги и обиды. Я знала, что она была очень взыскательна и строга в вопросах морально-этических. Решительно вмешивалась и пресекала романтические взаимоотношения педагогов и учащихся. Меня это не касалось. Совесть была чиста. Поэтому когда в начале второго учебного года Елена Фабиановна позвала меня к себе и процитировала сообщение педагога К.: «А у Маргариты Эдуардовны — роман», — я страшно обиделась, вспыхнула, возмутилась. Елена Фабиановна ласково улыбаясь, взяла меня за руку и продолжала: «Да, да, он так и сказал — роман. И... с целой группой! которая не хочет ни у кого больше заниматься». Здесь я успокоилась. Действительно, часть этой группы приезжала ко мне в Клин, прося продолжать с ними занятия и на следующем курсе. Я поняла, что Елена Фабиановна пошутила. И вовсе не хотела меня обидеть, скорее — порадовать.

В другой раз она упрекнула меня в излишней требовательности. Сказала, что Симфония до минор Танеева для учащихся-вокалистов трудна и не следует требовать от них знания этой музыки.

Впоследствии часто приходилось мне замечать постоянную заботу Елены Фабиановны о том, чтобы требования были посильны для учащихся, чтобы педагогический репертуар исполнителей не был завышен, чтобы не было *видимости* знаний, верхоглядства. «Знать — это уметь», — часто повторяла она. И упорно боролась за создание прочного профессионального фундамента, навыков и знаний, необходимых в первую очередь, без абсолютного усвоения которых движение вперед крайне трудно, а подчас и невозможно.

Во время наших встреч Елена Фабиановна рассказывала мне о своих делах и заботах. Много внимания требовало тогда начавшееся строительство нового здания училища на улице Воровского. Очень трудно было добиться его строительства именно на этом месте. Ей предлагали ряд других площадок. Она же настаивала именно на улице Воровского, вблизи Собачьей площадки, где должна была остаться школа. С гордостью демонстрировала архитектурный проект нового дома. Поделилась и новой, уже созревшей идеей создания на базе училища Гнесиных второго музыкального вуза в Москве. С огорчением рассказала, что Комитет по делам искусств не поддержал этого проекта. Елена Фабиановна объясняла мне целесообразность замысла, знакомила с планом своих дальнейших действий для его осуществления. Ее убежденность была так сильна, что сомневаться не приходилось — новый вуз в Москве будет.

Я была обрадована тем доверием, которое мне оказывалось.

* К этому времени в характере преподавания нашего предмета произошли перемены. Курс истории музыки был заменен новым — музыкальной литературой, — в котором основополагающим было знание произведений. В их числе была и симфония С. И. Танеева c-moll.

Встречи с Еленой Фабиановной, хотя и не были частыми, приобретали все более дружеский характер. Я постепенно привыкала, «размораживалась», почувствовав в Елене Фабиановне доброго старшего друга.

Много позже, узнавая Елену Фабиановну ближе, я убедилась, что подобные встречи с отдельными людьми были для нее насущной потребностью. Она всегда делилась своими заботами, планами, радостями и огорчениями, которых было предостаточно, не только с теми, с кем полагалось «по уставу», но и с очень многими членами коллектива. Никогда ничего не решая скоропалительно, тщательно выверяя все за и против, делая всех причастными к решению основных вопросов, Елена Фабиановна, таким образом, умела вовлечь всех в их реализацию, которая осуществлялась уже «всем миром». В этом — одно из проявлений очень важной, демократической направленности ее руководства учебными заведениями.

Для семьи Гнесиных, для школы и училища 1940 год был тяжелым. Умерла Евгения Фабиановна — старшая сестра, друг, верный соратник в работе.

А спустя немногим более года разразилась новая, уже всенародная трагедия — началась Великая Отечественная война.

III

22 июня застало меня в Клину. День был воскресный. В музее полно посетителей. Известие о вторжении фашистских полчищ и начавшихся боях в одно мгновение изменило все. Машины и автобусы с экскурсантами исчезли, музей опустел. Только сотрудники, сгрудившись у репродуктора, напряженно слушали обращение к населению Советского правительства.

В Клину ситуация была сложной. Уже на следующий день сотрудники-мужчины выбыли по мобилизации, и их работа распределилась между нами, оставшимися. Вскоре началась подготовка к эвакуации основных музейных ценностей. Работали с утра и до позднего вечера, а ночью — дежурства на территории и крыше музея. Тишину нарушало жуткое гудение мессершмитов, летящих через Клин на Москву, над которой постепенно разгоралось зарево пожара. Сердце наливалось болью. Жадно ловились сообщения Совинформбюро по радио и в газетах.

Мы торопились с эвакуацией, составляли описи, укладывали, упаковывали. Наконец, первая очередь ценностей вместе со всеми научными сотрудниками музея благополучно отправлены на Урал. Меня, одну, оставили ответственной за подготовку к эвакуации ценностей второй очереди, вместе с которыми должна была и я выехать в Воткинск.

Близилось первое сентября. Начнется ли учебный год? Как-то там, на Собачьей площадке? Где Елена Фабиановна?.. Мысли эти роились в сознании, когда в конце августа шла я по дымящейся, пахнувшей гарью Москве из Замоскворечья мимо огражденных руин к Арбату.

К счастью, на Собачьей площадке все цело. В училище — нормальная для предучебного периода жизнь. Елена Фабиановна, как обычно, безукоризненно одетая и причесанная, пахнущая ее любимыми мужскими духами «Шипр», четко, спокойно распоряжалась подготовкой к началу занятий. В учебной части деловая обстановка. Все на местах, кроме Виктора Николаевича Долинского, уже находившегося в ополчении.

В сентябре, как обычно, начались занятия. Педагоги, за исключением тех, кто уже воевал или эвакуировался, приступили к работе. Постепенно редел состав учащихся.

В дни занятий я заходила к Елене Фабиановне. У нее всегда были люди: кто-то сидел в кабинете, кто-то ждал ее в вестибюле. Большинство с просьбами: помочь эвакуироваться, ускорить переселение из полуразрушенного дома, добиться выяснения судьбы ребенка, бывшего в начале войны в пионерлагере на территории, уже оккупированной врагом. Елена Фабиановна была депутатом Московского Совета, и к ней шли со своими заботами и бедами, зная ее отзывчивость³⁰.

Не всегда нам удавалось побеседовать. Но если выпадала такая удача, говорили о том, чем в те дни жили все: о положении на фронте, о Москве, о тех, кто воевал и о тех, кого уже не стало. При этом я отмечала в ней ее обычную, пожалуй, даже чуть большую собранность, энергию, мобилизованность. Она готова была принять на себя любые заботы и дела. Меня она спрашивала о Клине, о музее, о том, что уже удалось эвакуировать, что еще осталось на вторую

очередь. А в начале октября взволнованно сообщила, что в Моссовете ей настойчиво предлагают эвакуироваться.

Елизаветы Фабиановны с сыном в Москве тогда уже не было³¹. Ольга Фабиановна с мужем, профессором Военно-воздушной академии им. Жуковского, находилась в Свердловске, Михаил Фабианович — в Йошкар-Оле, где он проработал в театре первую военную зиму. Одна Елена Фабиановна из всей семьи Гнесиных оставалась в Москве. И вполне естественно, что при растущей угрозе приближения к столице вражеских полчищ о ней заботились.

Но она и слышать не хотела об эвакуации. Как оставить школу, училище, педагогов, учащихся? Нет, она никуда не поедет. И все же на эвакуации продолжали настаивать. В середине октября, в одну из последних наших встреч она с грустью сказала, что, кажется, придется ехать.

Вскоре последовал приказ Комитета по делам искусств о прекращении занятий училища. Елена Фабиановна была отправлена в Казань. Там она не бездействовала. Работала в местном училище, вела методику преподавания игры на фортепиано, консультировала педагогов и, конечно, помогала всем, кому это было необходимо. Но очень, очень скучала. Сердцем была в Москве со своим детищем. Н. А. Шумская³², в то время тоже бывшая в Казани, позже рассказала мне, как однажды, подходя к зданию училища, увидела Елену Фабиановну, одиноко сидящую на парапете подъезда. Она, как всегда, привлекала внимание своей особой импозантностью, величественностью, строгой осанкой. Но в тот момент вся она была воплощением глубокого драматизма, одиночества и печали. «У меня возник тогда образ, — сказала Шумская, — королева без королевства».

Вскоре после Октябрьских праздников, прошедших в Москве организованно и торжественно, несмотря на тревожное время и почти непрерывные бомбежки, нас, оставшихся в Москве педагогов, вызвали в училище для... начала занятий. Это была огромная радость! Две недели без работы поселили в нас уныние. Помню, Лидия Ивановна Рябкова³³ своим окающим говором объясняла: «Что же, я смотрю, ходите вы и живете здесь, как неорганизованная масса. Вот и решила на свой риск собрать всех. Хоть и нарушаю приказ, но, думаю, пойдет на пользу».

17 ноября начались плановые учебные занятия. Весть об этом дошла до Елены Фабиановны и обрадовала ее бесконечно. В открытке, обращенной к Галине Мальцевой³⁴, датированной 18 декабря 1941 года, она писала: «Я не могу простить себе своего выезда из Москвы, конечно, не следовало уезжать и теперь постоянно укорять себя за то, что поддалась уговорам. Майорова (Моссовет). Ведь я глубоко верила тому, что никогда враги не войдут в нашу родную Москву. Я всей душой со всеми вами, рвусь к вам и при первой возможности вернусь к вам, мои дорогие. Как я рада тому, что вы работаете, учитесь и живете дружным коллективом!!!»*.

И несмотря на чрезвычайно тревожные дни Елена Фабиановна стала добиваться пропуска в Москву. Просила. Требовала. Ее, понятно, не отпускали. Она настаивала. И конечно, добилась.

В моей записной книжке 21 января 1942 года помечено: «Сегодня две радости: 1) Можайск снова наш; 2) приехала Елена Фабиановна».

Появилась она неожиданно-негаданно. Ранним утром. Одна. Пешком с Казанского вокзала, совершив очень длительное и небезопасное путешествие по дорогам военного времени. Утомленная. Голодная. Но счастливая, с огромным запасом энергии, с жадной деятельностью. Ей шел тогда 68 год.

В тот же день (!), не позволив себе отдохнуть, она обошла все классы обоих домов, познакомилась с составом учащихся, выяснила состояние групп, индивидуальных классов, поговорила с каждым из приходивших в училище педагогов, расспросила об отсутствующих. И вдохнула такую уверенность в наш небольшой коллектив и в каждого в отдельности, что всем стало спокойнее.

В училище все оживило. Пульс жизни восстанавливался. Помимо учебных дел Елена Фабиановна занялась и шефской работой. Активизировалась подготовка концертных бригад для армии. Несколько раз в неделю во главе с Еленой Фабиановной прослушивались их новые программы. Бригады отправлялись на передовые линии фронта разных направлений, в том числе и

* Архив Ел. Гнесиной. ММКЕЛФГ.

на корабли Северного флота. Установились регулярные дежурства по уходу за ранеными в московских госпиталях, куда тоже приезжали концертные бригады, нередко возглавляемые самой Гнесиной.

Оживилась и учебная работа, несмотря на частые авиационные налеты. Елена Фабиановна строго требовала при объявлении тревоги прекращения занятий. Бомбоубежище было далеко, поэтому все мы спускались в подвальный этаж дома № 5. Хорошо помню, как особенно не везло одной моей группе с темой «Ф. Шуберт». Как только занятия — тревога...

Начались академические показы отдельных классов. Они были очень нужны, так как поднимали тонус и учащихся, и педагогов, требовали наилучшей формы, сосредоточенности, мобилизации сил. Моя записная книжка сохранила сведения о состоявшемся 26 января 1942 года прослушивании камерного класса. Помимо педагогов на нем присутствовали представитель Комитета по делам искусств Николай Никанорович Кухарков — прекрасный человек, отличнейший руководитель, тонко разбирающийся в людях, в их деловых и человеческих свойствах, а также комендант Москвы генерал-майор Синилов с дочерью.

В первые же дни по возвращении, оценив достаточно бедственное состояние училищного быта, наблюдая исхудавших, измученных бессонницей, холодом педагогов и учеников, Елена Фабиановна начала действовать и в этом направлении. Вскоре в классах обоих домов появились небольшие кирпичные печурки (голландские печи требовали большого количества дров, добывать их возможности не было). Благодатное тепло вернуло атмосферу уюта. Появилось кое-какое дополнительное питание, сначала в виде... лаврового листа, перца, корицы и мечты тех лет — знаменитого молочного суфле. Все это выдавалось в самом училище в дни работы педагога. Несколько позже появились чудесные бублики, затем однодневные пропуска в какую-то малюсенькую столовую на Арбате. И как самое значительное из добытого тогда нашим заботливым руководителем — рабочие карточки на продукты питания педагогам, а затем и студентам. Можно себе представить, как нелегко было Елене Фабиановне всего этого добиться. Сколько вложено ее души, терпенья, моральных сил, времени!

15 апреля — день рождения училища и школы — традиционно отмечался. И даже в условиях военного 1942 года он был отпразднован, скромно, но тепло, сердечно, так, как умела только Елена Фабиановна: по-мужски — умно и смело, по-женски — тонко, душевно, уютно. Среди напряженных дней войны — вдруг яркий свет, лучик мирной жизни. Радость.

Это происходило тогда в здании школы. Каждому вручалось угощение, своего рода праздничный паек: на десертной тарелочке из гнесинского сервиза — два печенья, один бутерброд, три конфетки — шарики на патоке, обваленные в сахарном песке (я называла их в шутку, за твердость, «шарикоподшипниками»). В зале, у входа, всех нас встречала радушная, приветливая Елена Фабиановна. Столы сияли белизной скатертей, конечно, тоже гнесинских. Шумел самовар. Пахло даже настоящим свежесваренным чаем. Тщательная светомаскировка позволила засветить всю люстру. И так было хорошо, празднично, светло!

Обычных концертов — дневного для детей и вечернего в каком-либо большом зале, чаще в консерватории — в том году не было. Но музыка звучала. Разошлись рано, так как Москва находилась на военном положении.

Встречи с Еленой Фабиановной в те годы были довольно частыми, но короткими, беседы — беглыми, мнениями обменивались в перерывах между занятиями, в коридорах, на ходу. В училище первые два военных года я оказалась единственным историком. Пришлось вести все курсы, три из которых являлись для меня новыми. А в конце декабря 1941 года меня назначили исполняющим обязанности директора Дома-музея П. И. Чайковского в Клину с обязательством к 1 марта 1942 года открыть музей для посетителей. Я увязла в новых для меня хозяйственных, ремонтных и организационных делах. С благодарностью вспоминаю ценнейшие советы Елены Фабиановны. Один из них действовал неизменно и весьма успешно: «Помните, — говорила Елена Фабиановна, — сверху вниз гораздо легче, чем снизу вверх!»

Не могу не обратить внимания и на то, что Гнесина не ревновала меня к музею, не требовала прекращения работы в нем. Напротив, понимая всю сложность моего положения, трудность задач, которые мне следовало решать, всячески стремилась помочь. Моя работа в музее ее интересовала. Несколько раз она просила меня рассказать, как через день после освобождения Клина я поехала туда для составления акта об ущербе, нанесенном музеем фашистскими ванда-

лами (акта, который затем был опубликован Совинформбюро в центральной прессе)³⁵, потом, что представляла собою дорога от Москвы до Клина, дорога, по которой еще вчера шла война, и наши войска в кровопролитиях боях погналы гитлеровцев на запад. Помню, первое, что бросилось мне в глаза при входе в вестибюль музея, это фотография, подаренная когда-то М. И. Чайковскому, а теперь плававшая в бензине (гитлеровцы залили пол вестибюля бензином, чтобы поджечь дом, но, к счастью, не успели осуществить злодейство). Вскоре Елена Фабиановна попросила меня выступить перед коллективом с рассказом о музее, об ущербе, нанесенном ему фашистами, о предстоящей работе по его восстановлению.

Уже весной 1942 года Ел. Ф. Гнесина начала хлопотать о возобновлении законсервированного строительства здания училища на ул. Воровского, и наконец добилаcь решения правительства.

А со второй половины 1942 года появились новые заботы: надо было собрать коллектив, разбросанный войной в разные концы страны, вызвать из эвакуации педагогов.

После того, как развернулось строительство по ул. Воровского, она вернулась к мысли о создании института. Далеко не все ее в этом поддерживали, многие даже осуждали, считая эту идею несвоевременной. Другой бы на месте Елены Фабиановны отступил перед этими трудностями. Она же твердо верила в практическую целесообразность, актуальность задуманного.

Елена Фабиановна читала мне сочиненные ею и всегда собственноручно писавшиеся письма-ходатайства в соответствующие инстанции, советовалась, радовалась удачным находкам в формулировках. Она сознательно стремилась к их своеобразию, активно возражала против официальности, стандартности стиля в такого рода деловых бумагах.

Помню ее и очень огорченной, сетующей на отказ на непонимание ее замысла, на ревнивую позицию одного из коллег и старых товарищей, противодействующих учреждению в Москве второго музыкального вуза³⁶. Все это сильно расстраивало Елену Фабиановну, но не останавливало. Следовали новые ходатайства. На помощь призывались новые люди. Будучи твердо убежденной сама, она умела убедить или переубедить других. И вот результат — в марте 1944 года, когда на всех фронтах еще шли жестокие бои, вышло постановление правительства об организации в Москве Музыкально-педагогического института имени Гнесиных.

Как ликовала, как радовалась этому 70-летняя Елена Фабиановна! Указ об учреждении института явился для нее настоящим праздником и лучшим подарком к приближающемуся юбилею.

С этого времени жизнь Елены Фабиановны стала еще более напряженной. Организация института, разработка его структуры, устава, учебных планов, подбор педагогических кадров, размещение нового учебного заведения — все эти вопросы решались не только под ее непосредственным руководством, но и при самом активном ее участии. Благодаря тому, что Елена Фабиановна возглавляла все три учебных заведения, вопрос любой сложности решался и улаживался как-то естественно и мягко. Ее авторитет, беззаветная любовь к своему делу, опыт и мудрость руководства объединяли вокруг нее людей, которые во всем охотно шли навстречу. И хотя в тесноте двух небольших домиков на Собачьей площадке училище и школа давно уже «задыхались», они потеснились еще более, гостеприимно приютив и новорожденный институт. Осенью 1944 года он принял первых студентов. Так началась его учебная биография.

В это же время Елена Фабиановна параллельно вела строительство нового учебного здания. Повторяю — *вела*. Конечно, были и архитектор, и строительная контора, и заместитель по хозяйственной части, были соответствующие отделы Комитета по делам искусств, была партийная организация и местный комитет, которые участвовали в этом трудном деле, но вела-то строительство именно Елена Фабиановна. Большие и малые его проблемы, состояние дел на каждый день — все это было не только хорошо ей известно, но постоянно, каждодневно ею направлялось. Она общалась с прорабом, беседовала с бригадирами и рабочими, знала их судьбы, многим помогала чем и как могла, организовывала для них встречи, концерты. Ее энтузиазм и горение, естественно, рождали ответную реакцию, вызывали заинтересованность общим делом. Переговоры с различными инстанциями, добывание строительных материалов и многое другое приходилось делать ей самой. А какого невероятного напряжения сил стоило ей все это!

1945 год в истории учебных заведений имени Гнесиных был знаменательным. 15 февраля исполнилось 50 лет их деятельности. Для Елены Фабиановны этот юбилей был большим праздником. Праздником полувекового неустанного и беззаветного труда на поприще музыкального образования и просвещения. И конечно, она старалась организовать его как можно лучше, провести торжественно и радостно, чтобы все коллективы учебных заведений им. Гнесиных и каждый человек в отдельности возможно полнее и радостнее ощутили это событие.

Большая группа старейших педагогов получила награды. Среди них было и звание заслуженного учителя — звание для музыкантов новое, «добытое» Еленой Фабиановной. Она сумела убедить, доказать правомерность для учителей музыки этого звания, давно уже присуждаемого учителям общеобразовательных школ, но не распространявшегося на музыкальные.

Удалось ей сохранить и реализовать хорошую традицию минувших юбилейных дат — выпуск юбилейной брошюры. Она вышла в свет хотя и небольшим тиражом (2000 экз.), но изданная корректно, с иллюстрациями, а главное — своевременно³⁷.

С фотографической точностью запечатлелся в моей памяти один момент юбилейного торжества в Большом зале консерватории. Елена Фабиановна, воодушевленная, радостная, с гордо поднятой головой встает из-за стола президиума, уверенной походкой выходит на середину эстрады, коротко благодарит за правительственные награды³⁸, за поздравления... И неожиданно, нарушая традицию подобных выступлений, говорит, что у нее все же есть одна просьба: «В настоящее время мне больше всего необходимы... гвозди! Дайте мне гвозди! Без них я не могу закончить строительство нового здания!» И зал загудел. Раздались оглушительные аплодисменты, одобрителные восклицания. Аудитория горячо поддержала ее.

Радостные хлопоты, связанные с юбилеем, не освобождали Елену Фабиановну от повседневных дел. Учебная жизнь требовала постоянного внимания.

IV

Пришел и день мира. День победы. Прекрасный, самый светлый и радостный для всех тех, кому его довелось пережить. День всеобщего ликования. Ужасы и страдания войны остались позади. Страна возвращалась к мирной жизни.

В свою гнесинскую школу возвращались дети, пополнялся состав учащихся среднего звена и института, появились и учащиеся в военной форме.

Для Елены Фабиановны это время принесло много забот. Но она не сетовала, не тяготилась ими. Скорее радовалась. Надо было видеть, как внимательна была она к каждому пришедшему для поступления или восстановления. И ни для кого не было отказа в прослушивании, в беседе, в получении профессионального совета.

Активно продолжала Елена Фабиановна хлопотать о возвращении из эвакуации, о демобилизации педагогов. Хорошо помню ее ходатайства в 1944 году о Г. Г. Нейгаузе; помню, как настойчиво добивалась она демобилизации Ю. В. Муромцева, с 1946 года ставшего ее заместителем по институту³⁹. Вряд ли возможно перечислить всех тех, о ком она проявляла заботу, в чьи судьбы вмешивалась, кому помогала.

Приведу только один пример. Учащийся Н. прибыл в Москву откуда-то издалека уже после начала учебного года и был зачислен на теоретическое отделение училища, в класс композиции. К середине учебного года я обратила внимание на то, что он сильно изменился, стал рассеян, плохо выглядел, был неподготовлен к занятиям. Мне казалось, что порой он с трудом преодолевал сонливость. Из беседы с ним выяснилось, что ему негде жить, что ночует он на вокзале, да и то, если это удастся. По приезде в Москву его приютили знакомые, но милиция отказала в прописке. Я — к Елене Фабиановне. Она задала только один вопрос: талантлив ли? Тут же она позвонила начальнику отделения милиции и получила разрешение на прописку. Вот так она помогала, никогда не откладывая начатого дела и не перекладывая его ни на кого другого. Таков был стиль ее работы во всем, что бы она ни делала.

К осени 1946 года строительство первой очереди нового здания, его фасадной части было завершено. В октябре началось переселение и размещение в нем учебных заведений. Конечно, уезжать из милого, уютного старого дома всегда нелегко. А в 72 года — особенно.

В то время я уже не работала в Клину и часто виделась с Гнесиными. Елена Фабиановна рассказала мне о том, что побудило их в начале 1900-х годов снять дом на Собачьей площадке. Они обратили внимание, что над пятью большими окнами по фасаду находились скульптурные барельефы пяти женских головок. «Мы подумали, — сказала она, — нас пять сестер. Сама судьба привела нас к этому дому! И мы его сняли. И вот прожили в нем более полувека!»

При институте учреждалась специальная школа-десятилетка для особо одаренных детей. Хлопот с ней было как-то особенно много. Были большие трудности со штатным расписанием, с утверждением заместителя Елены Фабиановны. Все же с осени 1946 года школа действовала.

Постепенно стали открываться новые факультеты и отделения в институте: сначала факультет хоровых дирижеров, а затем (никогда не бывший еще ни в одной консерватории) — народных инструментов. Помню, как озабочена была Елена Фабиановна по поводу последнего. Понимая необходимость совершенствовать, поднимать уровень исполнителей на балалайке, домре, баяне, она все же колебалась. Инструменты-то ведь — меньшей сложности, возможно, следует ограничиться существующим средним образованием? Как всегда, советовалась по этому поводу со многими музыкантами и педагогами. Факультет был утвержден и уже через несколько лет вполне оправдал себя.

Институт имени Гнесиных оказался «первопроходцем» и в учреждении заочного отделения при музыкальном вузе. Сначала открыли прием только на историко-теоретический факультет. Сколько новых задач пришлось тогда решать нашим кафедрам: разработку программ, учебных планов и особенно важную из них — задачу методики преподавания. Первые студенты — педагоги училищ — заинтересованные, серьезные, отзывчивые. Учились увлеченно.

К рубежу 40—50-х годов все учебные заведения имени Гнесиных находились в апогее своего роста. Елена Фабиановна с помощью своих соратников талантливо и деятельно ими руководила. И не только в общем плане, что, кстати, было бы естественно. Нет. Руководила весьма конкретно, в том, присущем именно ей, стиле руководства, который выработался на протяжении более чем полувекового опыта. Как и раньше, она хотела сама во все вникать, вовремя поправить, не допустить какой-либо оплошности, ошибки. Даже эстетическую сторону — убранство аудиторий, зала, коридоров, содержание их в порядке и чистоте, не говоря уже о поведении студентов, об их отношении к инструментам, к новым предметам обстановки — не упускала из поля зрения, воспитывала в людях бережливость, чувство ответственности за все, что их окружает.

Помню, какое возмущение Елены Фабиановны вызывало небрежное обращение с инструментами, как негодовала она, узнав, что разрезана обивка на новом стуле, кресле или диване, что на столах для аудиторных занятий появились чьи-то автографы, что неизвестные «художники» и «поэты» демонстрируют на них свои опусы. Это было настоящим «чп». Велись розыски, с виновных строго взыскивали. И уличенные вряд ли могли допустить повторения своего недостойного поступка.

Нередко ранним утром, еще до начала занятий, Елена Фабиановна обходила все помещения учебного здания, строго отмечала недостатки, тут же требовала их немедленного устранения, сама наставляла уборщиц, что-то объясняла штукатуру, плотнику, слесарю или коменданту. Технические служащие относились к ней с большим уважением и немного побаивались ее строгой взыскательности. Такие обходы всего здания она делала до начала занятий. Затем принималась за другие многочисленные дела и обязанности.

В эти годы, много общаясь с Еленой Фабиановной, наблюдая ее в разных жизненных ситуациях, я обратила внимание на редкую черту ее характера, в известной мере свойственную всем Гнесиным, но особенно сильно выраженную именно в ней. Это — совершенное отсутствие чувства личной собственности, желания что-то иметь, обладать той или иной материальной ценностью. Все, чем она располагала, при необходимости, не размышляя, могла она отдать для нужд учебных заведений: гостиный стол, кресло, настольную лампу с большим кружевным абажуром, нужную для оперного класса, скатерть для приема гостей, картину для создания уют

Ни Елена Фабиановна, ни ее сестры, ни Михаил Фабианович не имели значительных денежных сбережений. Не имели дачи, хотя было бы вполне естественно, чтобы эта дружная семья имела общий зеленый уголок для отдыха. Не имели машины. И не потому, что все это не по средствам. Просто об этом не думалось. Все мысли, планы, чаяния — все было направлено в область их деятельности. Все отдавалось только учебным заведениям, их росту, совершенствованию, процветанию.

Елена Фабиановна и Ольга Фабиановна, а раньше и старшая сестра Евгения Фабиановна не имели даже собственной квартиры. Жили в казенной. Убеждена, что если бы такая возможность и явилась, Елена Фабиановна ее бы отвергла. Ей важно было всегда, круглосуточно быть здесь, рядом с ее детищем. Музыка окружала институтскую квартиру Гнесиных. Со всех сторон слышались голоса певцов, звуки фортепиано, скрипок, духовых, ударных инструментов. Даже на лестничной площадке, у входной двери в квартиру постоянно кто-то занимался, чаще всего духовики и контрабасисты. С точки зрения большинства — мука, ад! Елена Фабиановна никогда не жаловалась. Так же, как никогда не сетовала на усталость, на перегрузку делами, работой. Мне даже кажется, что чем более сложные задачи ставились перед нею как руководителем, чем труднее их было осуществить, тем полнее была ее удовлетворенность.

Жизнь вне дел и забот была для нее немыслима, свой летний отпуск она использовала не всегда и уж, конечно, не полностью. Вскоре начинала тосковать, сетовать на отсутствие прямой телефонной связи с Москвой, посылала в Москву телеграммы и письма с разными распоряжениями и советами, просила, чтобы к ней чаще приезжали для обсуждения того или иного вопроса, что-то обдумывала, решала. И зачастую уезжала раньше срока. Уезжала очень довольная, что отдых, наконец, кончился!

В 1949 году музыкальная общественность отмечала 75-летие Елены Фабиановны. Празднование этого юбилея было перенесено на февраль 1950 года, для того чтобы совместить его и с другой датой — 55-летием учебных заведений имени Гнесиных. В своем, как всегда, лаконичном ответном слове Гнесина без юмора сказала, что возраст ее, правда, уже преклонный, но все же ей «просто очень необходимо» прожить еще несколько лет. Есть дела, не доведенные до конца, не закончено строительство института, специальная средняя школа не имеет еще своего помещения.

Вообще каждую юбилейную дату — и свою личную, и своих учебных заведений — Елена Фабиановна использовала для обнародования планов и дел ближайшего будущего. И конца им не было, этим планам! Если одно дело завершалось, другое уже было «на мази». Отдыха она себе не давала, о покое не помышляла. В ответ на советы побережь себя — не раз повторяла известную блоковскую строчку: «Покой нам только снится...». Я же убеждена, что сновидения ее были тоже полны деятельности.

При всех неимоверно тяжелых испытаниях, которые в 40-е годы вместе со всей страной пришлось пережить Елене Фабиановне, это десятилетие в ее жизни было временем замечательных успехов, удач, осуществлений больших планов. Она имела все основания испытывать счастливое чувство творческой удовлетворенности.

«За благом вслед идут печали», — сказал поэт. В жизни Елены Фабиановны начало 50-х и последующие годы были полны тревог, печали, горя. Пережить ей пришлось многое.

Время было трудное. Здесь и известное постановление ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 года «Об опере „Великая дружба“ В. Мурадели», принесшее тяжелейшие переживания не только тем композиторам, которые ныне известны как классики советской музыки, но и всему советскому искусству того времени. Вслед за этим постановлением, в 1949 году газета «Правда» публикует редакционную статью «О космополитизме и антипатриотизме», обрушившую на наше общество новые беды.

В духовной жизни страны настала новая тяжелейшая полоса: полоса гонения на научную мысль, на многих представителей интеллигенции, крупных ученых, полоса доносов, клеветы...

Нельзя забывать, что и постановление 1948 года, и статья в «Правде» давали простор разного рода «оргвыводам». Они коснулись как учебных заведений им. Гнесиных, так и самой семьи Гнесиных.

Елена Фабиановна, будучи директором музыкальных учебных заведений, стала получать приказы и письма от вышестоящих организаций с требованием об увольнении ряда педагогов,

часто крупных и даже выдающихся специалистов, много лет безупречно проработавших рядом с нею⁴⁰.

Как человек высокой нравственности и справедливости Елена Фабиановна не могла слепо выполнять эти требования. Она сопротивлялась, боролась, как могла. Но не все было в ее силах. Отстоять удавалось не всех. Учебные заведения лишились ряда крупных, талантливых специалистов. Но это не все. Грозовые тучи нависли и над самими Гнесиными.

Михаилу Фабиановичу Гнесину, профессору, доктору искусствоведения, известному композитору, пришлось уйти из Института, оставить педагогическую работу. Сделать этот шаг было нелегко. Но иного выхода не было. Вся семья переживала это очень тяжело.

Елена Фабиановна чувствовала, как изменилось отношение Комитета по делам искусств и к ней самой. Знала она и о доносах, клеветнических письмах, поступавших в высокие инстанции и на Михаила Фабиановича, и на нее. Создавалась угроза не только для семьи Гнесиных, но и для учебных заведений, носящих их имя.

К тому же летом 1951 года во время отсутствия Елены Фабиановны (она находилась в санатории на лечении), совершенно неожиданно и без согласования с ней, ее заместитель Ю. В. Муромцев был переведен в Комитет по делам искусств на должность начальника отдела театров (см. об этом письмо Ел. Ф. Гнесиной Н. С. Голованову, приводимое в комментариях к воспоминаниям Е. Ф. Светланова). Елена Фабиановна осталась без помощника по институту. Найти человека, полностью отвечавшего ее требованиям, было трудно. Нужен был не только верный и деятельный помощник, но и будущий преемник, знающий и поддерживающий гнесинские традиции. Прежде она была спокойна: институт перейдет от нее в надежные руки Ю. В. Муромцева. Теперь, с его переводом, покой исчез.

Все это, а также атмосфера тех лет заставили Елену Фабиановну серьезно задуматься о том, как спасти учебное заведение и прежде всего институт, на который было направлено особое негативно-пристрастное внимание вышестоящих организаций.

Она понимала и то, что в создавшейся ситуации определенную роль могли сыграть и ее лета (возраст был действительно преклонный). И в эти годы она — директор целой системы учебных заведений, а также профессор большого фортепианного класса, заведующая кафедрой специального фортепиано, ведущая аспирантов. Елена Фабиановна никогда не жаловалась на перегрузки и работала самозабвенно. Но мысли о будущем ее не оставляли.

Много размышляла обо всем этом Елена Фабиановна. И решение было принято. В 1948 году она пришла к заключению снять с себя общее руководство учебными заведениями, предоставив каждому из них самостоятельность. Сделать это она решила постепенно, начиная со школы-семилетки. Директорами становились бывшие ее заместители — люди вполне достойные, проверенные, знавшие и любившие свое дело.

Предложение это, внесенное Еленой Фабиановной Комитету по делам искусств, было принято и реализовано. Оставался институт, директором которого она продолжала быть. В 1953 году Гнесина сняла с себя и руководство вузом. Сняла с условием, что на эту должность будет назначен Ю. В. Муромцев. Условие Комитет принял. Одновременно для Елены Фабиановны была учреждена должность Художественного руководителя института.

Все эти события переживались Еленой Фабиановной очень тяжело.

В том же 1953 году тяжело заболела и вскоре скончалась Елизавета Фабиановна Гнесина. Кончина ее тоже связана с уже упоминавшимися здесь событиями того времени, а также еще с одним фактом: Елизавета Фабиановна — доцент кафедры скрипки и альта, более полувека проработавшая в учебных заведениях, воспитавшая огромное число музыкантов, в 1952 году, без согласования с Еленой Фабиановной (тогда еще директором), была уволена из института. Пережила она это трагически, что стоило ей жизни. Новое, большое горе и для семьи, и для учеников, и для самих учебных заведений...

А жизнь предъявляла новые требования, возникали новые проблемы. Теперь Елену Фабиановну волновал вопрос о том, чтобы с получением своего рода «автономии», дружная семья всех четырех ее учебных заведений не распалась, чтобы сохранилась их крепкая взаимосвязь, чтобы старшие звенья опекали младших, чтобы совместно решались важные вопросы педагогики, воспитания и развития музыканта — с его первых шагов к последующему мастерству. Сохранить цельность всей системы учебных заведений им. Гнесиных — этот вопрос становил-

ся для нее первостепенным. Будучи формально художественным руководителем института, она, по существу, продолжала руководить и им, и училищем, и двумя школами, была в курсе всех их дел, помогала решать наиболее трудные вопросы и, прежде всего, укреплять их взаимосвязь.

В 1954 году с особой праздничностью торжественно отмечалось 80-летие Елены Фабиановны. Юбилейный концерт и чествование проходили в Большом зале консерватории. И партер, и ярусы были переполнены гостями, коллегами, учениками. Появление на эстраде Елены Фабиановны публика встретила горячей овацией. Долго не смолкали аплодисменты. Елену Фабиановну вел под руку Р. М. Глиэр⁴¹. Как прекрасно и радостно было видеть их рядом в такой торжественный день: двое соратников еще по учебе в консерватории, ставшие прославленными музыкантами, сыгравшие и продолжающие играть такую большую и важную роль в истории отечественной музыки! Оба — в действии, в работе. Праздничные, в орденах, счастливые, красивые особой красотой мудрой старости.

Было приветствие от правительства и награждение вторым орденом Ленина. Приветствовали театры, концертные коллективы, учебные заведения, бывшие выпускники, отдельные деятели искусств и науки.

Чествование продолжалось долго. Выступления юбилярша выслушивала стоя, позволяя себе присесть лишь в краткие моменты. Все поражались: откуда такой запас физических сил? А они рождались в той радости и благодарности, которые возникали в связи с этим праздником, проникнутым искренностью, дружелюбием и признательностью. День этот дал ей силы и для дальнейшей деятельности.

Ближайшей целью было строительство концертного зала. Его очень недоставало. Для выступлений симфонического оркестра, хоровых коллективов, оперного класса, оркестра народных инструментов приходилось арендовать различные залы. Это было и непрактично и неудобно. Опять начались хлопоты, письма, переговоры в различных инстанциях, а затем разработка архитектурного проекта. Все дела Елена Фабиановна вела сама, стараясь предусмотреть все до мелочей.

И тут пришла беда. Однажды, встав в 5 часов утра, когда все еще спали, она упала, поскользнувшись в ванне, и сломала бедро. Врачи Института травматологии оперировать не решились. Более полугода пролежала Елена Фабиановна в больничной палате с подвешенной ногой. Но она не унывала. По ее настоянию в палату поставили телефон, связали с внешним миром. И она продолжала работать, занимаясь делами учебных заведений, и особенно будущим концертным залом. Осенью уже предстояла закладка фундамента. Елена Фабиановна мечтала к этому дню вернуться домой⁴²...

Перед тем как выписаться из Института травматологии Елене Фабиановне сказали, что обнаружена опухоль, которую следует немедленно удалить. Известие было встречено ею внешне стойко. Силу нового удара смягчала радость предстоящего возвращения домой, в привычную обстановку, встречи с коллегами, друзьями, учащимися. Это заглушило мысли об опасной болезни.

Через некоторое время, немного отдохнув дома, Елена Фабиановна вновь вернулась в больницу. Операция прошла успешно. Дела быстро пошли на поправку.

А судьба готовила ей новые испытания.

Примерно в тот же период заболел Михаил Фабианович; сначала инфаркт, а затем перелом бедра. Операцию он перенес сравнительно хорошо, поправился, начал работать, но в мае 1957 года скоропостижно скончался. Михаил Фабианович был младшим из братьев, и Елена Фабиановна нежно любила его, относилась к нему по-матерински заботливо, постоянно опекала, гордилась им. Смерть брата, замечательного, чистой души человека, крупного музыканта, композитора, педагога, ученого, была для Елены Фабиановны большим горем. Перенести его опять помогла неустанная деятельность. Но теперь все оказалось сложнее. Костылями пользоваться было трудно. Она их не любила, а самостоятельно передвигаться не могла. Позже, правда, кабинет ее радиофицировали, поставили динамик, с помощью которого могли транслироваться студенческие концерты.

С этих-то пор в ее жизни особую роль стал играть телефон, ее незаменимый помощник. С раннего утра, едва позавтракав, она устраивалась в кабинете, в кресле на роликах, за письменным столом. Рядом находился телефон. Так начинался рабочий день.

Много времени отдавала она строительству концертного зала. Особенно заботилась об освещении. Хотела, чтобы оно было по-настоящему концертным — мягким и, вместе с тем, торжественно-праздничным. Люстра долго не устраивала Елену Фабиановну. Трижды привозили ее с завода и трижды отправляли для доработки. И теперь люстра действительно является прекрасным украшением зала.

Очень огорчилась Елена Фабиановна, когда в зале обнаружились погрешности акустики. Тотчас же обратилась она к своему бывшему ученику Сергею Петровичу Алексееву⁴³, который сделал все возможное, чтобы обеспечить равномерность, полноту и сочность звучания.

Вникала она и в вопросы, связанные с оформлением зала. Сама выбирала ткань для штор, участвовала в разработке моделей мебели. И вот наступил радостный день — 21 ноября 1958 года состоялось торжественное открытие концертного зала.

Завершение одного дела отнюдь не означало наступления отдыха или хотя бы передышки. На традиционной встрече гнесинцев — 15 февраля 1958 года Елена Фабиановна в свойственной ей шутиливой форме сказала, что, хотя ей скоро исполнится 84 года, она все же хотела бы еще немного пожить, чтобы выполнить еще одно важное дело — обеспечить нормальные условия жизни для студентов, переселить их из обветшалых домов студенческого городка, что на Трифоновской улице, в новое здание.

И она начала этим заниматься с обычной для нее настойчивостью, горячностью, страстностью. Осенью 1962 года общежитие для студентов было готово. Елена Фабиановна непременно хотела присутствовать на его открытии. Ольга Фабиановна и Ю. В. Муромцев ее отговаривали. Но она настояла. Выступила с кратким приветственным словом. На следующий день Елена Фабиановна с восторгом показала мне телеграмму, полученную от студентов-новоселов со словами горячей признательности и благодарности⁴⁴. Тогда же, по секрету, сообщила мне, что ее... уронили (!), помещая в машину. «Только, пожалуйста, — сказала она заговорщически, — не говорите этого Юрию*. Он будет сердиться на рабочих. И еще, пожалуй, выговорит им за это. А ведь они не хотели. Уж так получилось!»

Студентам нашим, к сожалению, лишь немногим более 10 лет пришлось пожить в «своем» доме, так любовно построенном для них заботой и хлопотами Елены Фабиановны. Вскоре после перевода ректора института Ю. В. Муромцева на должность директора Большого театра новое руководство вуза по согласованию с Министерством культуры РСФСР передало общежитие в другие руки. А студенты-гнесинцы оказались в смешанном общежитии вузов искусств.

Еще с середины 50-х годов учебные заведения, размещенные в доме по ул. Воровского, начали испытывать серьезный жилищный кризис. Елене Фабиановне сначала удалось получить самостоятельное здание для школы-десятилетки, тем самым освободить первый этаж; далее начались хлопоты о постройке самостоятельного здания для училища. И вот началось строительство по соседству с институтом тринадцатизэтажного училищного корпуса. А несколько позже возник жилищно-строительный кооператив «Гнесинец», существенная роль в создании которого принадлежала также Елене Фабиановне. Таким образом, педагоги-гнесинцы смогли получить новые благоустроенные квартиры, причем в самом центре Москвы.

Еще в конце 50-х годов заместитель директора по научно-методической работе А. А. Иконников⁴⁵ предложил мне взяться за создание печатного труда по истории всех учебных заведений имени Гнесиных. Добавил, что этого хочет и Елена Фабиановна. Выходившие к юбилейным датам небольшие брошюры и сборники лишь отчасти отражали интересную, яркую событиями жизнь гнесинцев. Нужна была большая книга, вобравшая в себя всю многолетнюю историю гнесинского творения.

Однако осуществить это столь ответственное дело я, в силу большой загруженности, не имела возможности. И я отказалась.

Время летело незаметно, приближались значительные для Елены Фабиановны даты — ее 90-летие и 70-летие училища и школы. Вновь возник вопрос об издании книги. Меня стали

* Ю. В. Муромцеву.

уговаривать и Муромцев, и Иконников, а как-то позвала к себе Елена Фабиановна и сказала: «Мне скоро 90 лет. Доживу ли я до этого дня — не знаю. Хотела бы дожить. Но не могу быть спокойна, пока вы не пообещаете мне, что возьмете на себя создание книги об учебных заведениях, об их истории. Пока жива, я могу помочь, облегчить чем-то этот труд». Здесь уж отказаться было невозможно.

Началась разработка плана книги, подбор авторского коллектива. Вся работа протекала в тесном общении с Еленой Фабиановной. Писалась книга трудно, с большим коллективом авторов, тоже загруженных учебной работой. Материалы собирались буквально по крупицам. Елена Фабиановна торопила — ей так хотелось увидеть этот труд! Увы, книга была завершена уже без нее⁴⁶.

Все это происходило незадолго до дня чествования Елены Фабиановны. Ей уже звонили из различных газет и журналов, корреспонденты брали интервью, интересовались документами, фотографиями прежних лет. Она просила меня помочь ей то в одном, то в другом, а иногда и просто присутствовать при ее беседе с журналистами. С этих пор Елена Фабиановна всем рекомендовала меня как своего биографа, захотела, чтобы именно я была автором большой радиопередачи к ее юбилею и участвовала в организации телевизионной передачи. Вместе с нею мы готовили к публикации и ее воспоминания. Словом, как-то незаметно Елена Фабиановна вовлекла меня во многие свои дела и интересы. Тогда мы особенно сблизились, и жизнь ее в те 60-е годы мне посчастливилось знать достаточно хорошо.

В 1963 году умерла Ольга Фабиановна. Ушла из жизни последняя из сестер, самая младшая, воспитанница и ученица Елены Фабиановны. Из всей большой семьи Гнесиных осталась одна Елена Фабиановна. Держалась она стойко, мужественно.

Со смертью Ольги Фабиановны связано еще одно переживание. Ввиду острой нехватки помещений ректорат попросил у Елены Фабиановны разрешения использовать кабинет умершей сестры для учебных целей. Было это буквально через несколько дней после похорон. Елена Фабиановна решила по-своему: немедленно освободить всю верхнюю часть квартиры, чтобы в ней разместить ректорат, а кабинет Ольги Фабиановны предоставить Ю. В. Муромцеву. Она сама рассказала мне об этом в тот же день. Говорила твердо, спокойно, и только одна фраза — «Я не думала, что нужно так торопиться. Все можно бы подготовить к началу следующего учебного года...» — выдала ее глубокую душевную боль. Но обиды своей она никогда не высказывала. Это одна из примечательных черт ее характера. С жаром рассказывала о неудачах, связанных с делами учебных заведений, о некоторых людях, которые ее не поддерживали, и никогда об обидах, причиненных ей лично. Она умела подавить в себе это чувство. Была человеком гордым. В вопросах деловых — очень самолюбивым. Мелочного же самолюбия не знала.

Приняв решение о немедленном освобождении комнат покойной сестры, Елена Фабиановна, вероятно, не вполне представляла себе все сложности, которые при этом возникнут. Ольга Фабиановна увлекалась живописью (сама писала маслом и акварелью), литературой. Ее комнаты были красиво, со вкусом обставлены старинной мебелью, преимущественно красного дерева. В них было много прелестных мелочей и картин, а также личная библиотека (книжная и нотная), рояль, архив. Кроме комнат наверху была еще и общая столовая с камином, перевезенным из дома на Собачьей площадке.

Все заботы по освобождению комнат легли на Елизавету Тимофеевну Кудряшову, воспитанницу Гнесиных, выросшую и получившую образование в их семье, ставшую преподавателем фортепиано школы-семилетки⁴⁷. Обливаясь слезами, оплакивая Ольгу Фабиановну, Елизавета Тимофеевна дни и ночи разбирала содержимое шкафов, этажерок, ящиков письменного стола. К Ольге Фабиановне она была особенно привязана, называла ее мамой, нежно и заботливо ухаживала за нею во время болезни.

Тяжело разорять обжитую квартиру. К тому же куда переносить вещи? Как их устраивать? Что-то было отдано учебным заведениям, что-то кому-то дарилось, что-то продавалось. Как на грех это было время всеобщего увлечения недорогой полированной фанерной мебелью. Драгоценное дерево внимания не привлекало, комиссионные магазины его не принимали. Все приходилось выбрасывать, как старый хлам, на улицу.

Эти месяцы были тяжелыми, напряженными, полными волнений и скорби. Близилось лето. Елена Фабиановна очень устала, чувствовала себя плохо. Нужно было подумать об отдыхе.

Помню, забежала я как-то к Елене Фабиановне в разгар сессии, в начале июня. В квартире, вестибюле, на лестнице стояли спущенные сверху вещи, обычного порядка не было, в атмосфере квартиры чувствовалась некоторая нервозность, напряженность. Обсуждался вопрос об отдыхе. Перспектив не было. Я предложила поехать в Рузу*. Мой совет был поначалу отвергнут. Но когда я сказала, что там можно получить отдельный коттедж, что есть опытные врачи, есть медсестра Татьяна Александровна Баганова, прекрасный, отзывчивый человек и отличный специалист⁴⁸, с моими доводами согласилась. И с 1 июля Елена Фабиановна могла начать свой отдых. Но она категорически отказалась выехать прежде, чем нижний этаж квартиры будет окончательно отделен от верхнего. Отъезд состоялся поздно.

С этого года каждое лето она проводила в Рузе, привыкла к ней, полюбила, встречалась там со своими бывшими учениками, воспитанниками школы, училища, радовалась этим встречам. Елена Фабиановна всех помнила, живо интересовалась их деятельностью, жизнью.

Немного придя в себя, Елена Фабиановна, конечно, начинала скучать по делам, беспокоясь о судьбах училищного дома. В записной книжке Е. Т. Кудряшовой, жившей с ней в Рузе, есть такие строчки: «Мы с Еленой Фабиановной наполнили уже себя достаточно кислородом и соскучились по московской жаре, духоте, пыли, поэтому решили окончательно выехать из этого прекрасного места»[†]. Уезжая раньше времени, Гнесина вписала в книгу отзывов следующее:

Экспромт (посвящ. «Рузе»)

О «Руза» милая! Зачем,
Зачем так поздно я тебя узнала,
Иначе ты давно могла бы быть моей!
Не знала я о прелести твоей!!!
Жалеть уж поздно... но мечтать
Могу. Еще хоть раз, хоть в 90 лет
Приехать снова в «Рузу»,
Но вместе с музыкой!

июль 30 [1963]

Все последующие годы Елена Фабиановна проводила отпуск неизменно в Рузе и каждый раз оставляла шуточные экспромты, восхваляющие Дом творчества⁴⁹.

А в Москве действительно ее ждали дела. С осени вновь оживилась подготовка к предстоящему девяностолетию Елены Фабиановны. Ее много интервьюировали, фотографировали, записывали на пленку для радио и телевидения. Хорошо помню, как много мне пришлось работать над радиопередачей. И не только над разработкой плана и текста, что было сделано в самом тесном контакте с Еленой Фабиановной, но и над озвучиванием, записью всего текста. Особенно не удавалось начало. Его пришлось повторять многократно. Измучились все. И, конечно, утомили, замучили будущую юбиляршу.

Однажды, зайдя к ней, я нашла ее обеспокоенной вопросом туалета для торжественного вечера. Что шить? Из какого материала? Главное, кто будет шить? Несколько дней вопрос этот тревожил Елену Фабиановну, но наконец она облегченно вздохнула и решила: пусть будет прежнее платье, служившее ей еще 10 лет тому назад! А на плечи будет накинута горностаевая пелерина!..

* Дом творчества композиторов.

† Архив Ел. Ф. Гнесиной. ММКЕЛФГ.

‡ Музыкальные инициалы Ел. Ф. Гнесиной: Е — F — G.

Торжество решили устроить в новом зале института, правда, тем самым ограничивался круг желающих быть на этом вечере.

На юбилей откликнулись многие газеты и журналы, оба музыкальных журнала⁵⁰. В майском номере «Советской музыки» были опубликованы воспоминания Елены Фабиановны, помещен ее большой фотопортрет, сделанный в те дни, а также моя статья о ней. Редактор журнала Е. А. Грошева прислала, еще до выхода тиража, сигнальный экземпляр с поздравлениями и пожеланиями от всех сотрудников.

29 мая в 21 час состоялась телевизионная передача. Обращаясь к телезрителям, Елена Фабиановна сказала: «Дорогие друзья! 31 мая мне исполняется 90 лет! Но мне не верится, что это действительно так — ведь я совсем не чувствую себя такой старой! Я привыкла долго жить, и думаю, что смогу еще сделать что-нибудь хорошее для людей, для искусства, которому я отдала всю свою жизнь. Я люблю хороших девушек и юношей, очень. Люблю детей, природу и вообще все прекрасное в жизни!

Горячо благодарю всех, кто меня сегодня приветствует, в том числе и детей — моих правнуков, исполнивших мои сочинения. Еще раз большое, большое спасибо!»*.

30 мая в 19 часов прошла часовая радиопередача, а 31 мая, в день рождения — чествование в нашем концертном зале. Собрались ученики, уже ставшие коллегами, старые друзья, крупные музыканты — З. Долуханова, Г. Нейгауз, Е. Светланов, А. Хачатурян, Т. Хренников, К. Эрдели и многие другие. Был там и К. Е. Ворошилов, всегда внимательный к Елене Фабиановне.

Юбилярша с кресла не вставала. Всех нас удивило, что не было в ней обычной приподнятости духа, живости реакции, воодушевления. Позже выяснилось: опасаясь за ее здоровье, врач дал ей лекарства, которые несколько притупили восприятие. Правда к концу вечера «сетка», отделяющая ее от всего происходящего, как она сама определила это состояние, исчезла, и Елена Фабиановна как бы пробудилась, стала радоваться, искренне смеялась юмористическим театрализованным выступлениям, даже пригубила шампанского, которое эффектно открыли и налили в бокалы ей и всем сидящим в президиуме артисты оперетты, бывшие ее воспитанники. Но ответного слова, заранее приготовленного, сказать ей не дали[†]. Позже она очень об этом горевала. Мне показалось, что осталась у нее некоторая неудовлетворенность этим вечером. Впрочем, возможно, я ошибаюсь. Праздник этот был в ее жизни последним. Он образовал некий рубеж. Годы, следующие за ним, были иными, прежде всего по состоянию ее здоровья.

Гуманное и естественное побуждение не заботить ее делами приносило отрицательные результаты. Она не жаловалась, не сетовала, но я всегда чувствовала, что ее мучило сознание своей отстраненности от многих дел.

И все же забот у Елены Фабиановны было немало. Например, много помогала она Ю. К. Чернову, молодому директору училища. Ел. Ф. Гнесина всегда смело и решительно поручала молодым людям ответственные посты. В Чернова она поверила, относилась к нему с характерной для нее материнской заботливостью, вниманием. И он стал превосходным руководителем, за что глубоко ценил Елену Фабиановну. Вместе обдумывали они вопрос об учреждении в училище отделения музыкальной комедии. Вместе обсуждали результаты первых сценических показов этого отделения, а затем и выпускных экзаменов. К сожалению, судьба к Чернову была безжалостна. Он умер в самом расцвете сил⁵¹.

Елена Фабиановна продолжала заниматься и делами института, обеих школ, даже Уфимским филиалом нашего заочного отделения, хотя и очень отдаленного территориально.

С нетерпением ждала она выхода книги об истории своих учебных заведений, работа над которой шла интенсивно и успешно. Елена Фабиановна жадно знакомилась с каждым новым ее разделом или главой.

Однако прежней кипучести в ней уже не отмечалось. Да и в квартире было теперь не так многолюдно. Иногда на входную дверь кто-то прикалывал записку, извещающую о том, что Елена Фабиановна нездорова и что просят не беспокоить, не звонить. Делалось это втайне от нее. Узнав об этом, Елена Фабиановна негодовала, требовала снять всякие запреты: «Никаких

* Архив Ел. Ф. Гнесиной. ММКЕЛФГ.

† Текст этого слова приводится в воспоминаниях Ю. В. Муромцева.

записок! Пускать всех, кто приходит». Она томилась одиночеством. Радовалась каждому проходящему, тянулась к людям.

Внимательно следила Елена Фабиановна за всем, что происходило в мире, просматривала все газеты и журналы, делилась особенно поразившими ее корреспонденциями.

Однажды она показала мне статью, в которой рассказывалось о мужестве фронтовой медсестры Кати Деминой⁵². От фотографии девушки невозможно было оторвать взор. Поразительна была прелесть веселых лучистых глаз, всего юного облика этой девочки-воина. Елена Фабиановна написала ей, и Екатерина Илларионовна Демина-Михайлова, после войны получившая высшее медицинское образование и ставшая врачом, конечно, откликнулась на это письмо. Завязалась переписка. Знакомство перешло в дружбу. Елена Фабиановна очень полюбила Катюшу, как она ее называла, с нетерпением ждала фильма, посвященного Деминой, сделанного по сценарию писателя С. С. Смирнова. Организовала просмотр в зале института.

Особое место в сердце Елены Фабиановны тех лет занял молодой американский пианист, победитель Первого международного конкурса имени П. И. Чайковского Ван Клиберн. Она была совершенно покорена своеобразием его таланта, его юношеской непосредственностью, искренностью. После конкурса В. Клиберн вместе с пианистом Л. Н. Власенко, переводчицей и фотографом посетил Елену Фабиановну. Чтобы не привлекать внимания многочисленных поклонников Клиберна, они зашли через запасной вход, где их уже ожидали. Елена Фабиановна приняла Клиберна исключительно радушно, по-матерински ласково. Советовала ближайшее время посвятить серьезной работе в области пианизма⁵³. В свой следующий приезд в нашу страну Клиберн побывал у Елены Фабиановны уже с родителями. Эти встречи — счастливые, светлые события в ее жизни тех лет. На встречах с Клиберном я не присутствовала, но храню фотографию, подаренную мне Еленой Фабиановной, с ее автографом. Привожу его текст:

«11/VI 65 г. Ван Клиберн вторично был у меня, и снова очаровал меня! Он приехал с папой, мамой, переводчицей и фотографом, который сделал этот прелестный снимок. Дарю его моей дорогой Маргарите, моему историографу (историографине!).

15 декабря 65 г. *Ел. Гнесина*»

Упомяну еще об одном музыканте, с которым познакомилась в последние годы жизни и о котором мне рассказывала. Это молодой японский пианист и педагог Владимир Такеноучи⁵⁴. Знакомство состоялось через композитора А. Я. Эшпая, навестившего Елену Фабиановну и представившего его. Затем завязалась дружеская переписка, длившаяся вплоть до последних дней ее жизни.

Людьми Елена Фабиановна всегда увлекалась. А в эти годы особенно жадно искала новых дружеских связей. Это понятно. Круг прежних друзей сужался. Редели ряды товарищей, сверстников юности и молодости. А в 1961 году ушел последний из них — А. Б. Гольденвейзер.

С конца 1965 года Елена Фабиановна стала чаще прихварывать. Болела нога, участились «лежачие» дни. Больше месяца она очень страдала, но дел не оставляла, и прежде всего связанных со строительством училища. Беспокоилась и о 15 февраля. Сетовала, что в последние годы из-за невозможности передвигаться она видит на этих встречах массу людей, но не может с каждым отдельно пообщаться, не все к ней «пробиваются», многие стесняются подойти.

Лечение дало результаты, пришло некоторое облегчение, и Елена Фабиановна снова стала деятельна и активна. В апреле присутствовала на концерте С. Рихтера, данном им в память Ольги Фабиановны в нашем зале. Сердечно его приветствовала, была очень благодарна за память и внимание.

Близилось 100-летие со дня рождения Ферруччо Бузони, выдающегося пианиста, дирижера, композитора, учителя Гнесиной по консерватории. Она очень высоко его ценила, горячо любила и приняла непосредственное участие в организации вечера-концерта, посвященного его памяти. Готовила воспоминания о нем и 19 мая с эстрады концертного зала сама прочитала их⁵⁵.

В июле вновь отдыхала в полюбившейся ей «Рузе», но лето было дождливое, прохладное. Близость реки, повышенная влажность не благоприятствовали здоровью.

Почти всю осень и зиму Елена Фабиановна провела в постели.

В марте поставили диагноз: гангрена. Необходима срочная ампутация ноги.

31 марта Гнесину отвезли в клинику.

На следующий день была сделана операция. Перенесла ее Елена Фабиановна хорошо. Е. Т. Кудряшова рассказывала: «Я поражена, сидит в постели, обмахивается веером, улыбается, оживленно разговаривает с доктором. Настроение приподнятое. Температура нормальная».

Но этот подъем вскоре исчез. По словам Елизаветы Тимофеевны, теперь она не хотела никого видеть. Сказала, что надо побыть одной со своим горем, привыкнуть.

Увиделась я с Еленой Фабиановной через две недели после операции. Она очень ослабла. Но все же интересовалась делами института, расспрашивала о нашей книге, еще раз попросила, чтобы при ее издании на переплете или суперобложке было бы начертано наискось крупно два слова — ИМЕНИ ГНЕСИНЫХ⁵⁶.

Последний раз я видела Елену Фабиановну 29 мая. Она попросила дать ей свежий номер еженедельника «РТ» и показала мне информационную заметку о телепередаче, посвященной нашим учебным заведениям, которая состоится 2 июня. Просила, чтобы я непременно посмотрела и рассказала ей о том, как прошла эта передача.

На стуле лежала только что вышедшая в свет грампластинка с записью «Всенощной» Рахманинова⁵⁷. Елена Фабиановна одобрила текст моего пояснения к ней. Попросила достать и принести ей еще несколько дисков для подарков.

Свидание оказалось последним.

31 мая 1967 года ей исполнилось 93 года, а ранним утром 4 июня Елена Фабиановна скончалась.

Хоронили ее 8 июня. Ю. В. Муромцев сам руководил всей подготовкой, поэтому организовано все было по-гнесински. Вспоминать подробности не могу. Слишком тяжело и горестно.

15 июня состоялось захоронение урны на Новодевичьем кладбище, рядом с сестрами и братом⁵⁸.

Горе вечной разлуки неизмеримо, скорбь глубока. А в памяти навсегда остался живой обаятельный образ.

Ел. Ф. Гнесина была человеком большого, ясного, трезвого ума. Благородного, щедрого и нежного сердца. Яркого, кипучего темперамента. Натурой деятельной и активной. При этом она обладала редкой стойкостью и мужеством. Это был характер масштабный. Это была личность, и личность выдающаяся.

Мои воспоминания

В нескольких словах трудно охарактеризовать деятельность и заслуги сестер Гнесиных. Для этого потребовалось бы написать целую книгу. Любовь и уважение, вызываемые упоминанием имени Гнесиных, были добыты ими колоссальным трудом, поистине жертвенным служением своему искусству.

Мне, как одной из первых учениц Гнесиных, живой свидетельнице роста и расцвета их школы, особенно приятно и дорого видеть блестящие результаты их упорной и плодотворной деятельности, проследить долгий и неизменно поднимающийся в гору путь от скромной небольшой школы к Институту имени Гнесиных.

Воспоминания мои относятся к самому началу основания Гнесинской школы, к 1895 году. Они больше всего будут касаться деятельности Елены Фабиановны как моей учительницы, которой я обязана всем своим музыкальным образованием. Чтобы дать ясное представление о заслугах и особенностях ее преподавания, мне придется сказать несколько слов о себе.

Мне было 14 лет. Музыке я училась с 8-летнего возраста, с большой охотой и усердием, успевая технически. Первая моя учительница по классу фортепиано окончила консерваторию у Н. Г. Рубинштейна, но она почти не обращала внимания на музыкальную сторону, на тонкость исполнения, на детальную отделку произведения, довольствуясь правильно разученным текстом, развитием техники и количеством материала, приготовленного к уроку. Я слышала от нее только похвалы.

Что же нашла Елена Фабиановна при моем вступительном экзамене, что она сказала, прослушав меня? Замечания сыпались градом: «Почему берете темп, который не можете выдержать до конца? Почему выколачиваете концы фраз? Почему голос не поет, почему пропадает? Почему не меняете педаль вовремя?» Я была совершенно ошеломлена этой требовательностью, так как ни разу до тех пор мне не приходилось слышать ничего подобного. Но все эти замечания делались так мягко, с таким обаянием, что я нисколько не была задета критикой, а, наоборот, была очень ею заинтересована. Мало того, Елена Фабиановна сразу проверила мой слух и определила, что тонкого музыкального слуха, необходимого для эстрадного пианиста и крупного музыканта, у меня нет, но технические данные большие, есть усердие, любовь к музыке, и что при этих данных из меня может выйти хороший педагог. Вывод Елены Фабиановны был прямо противоположен мнению моих прежних учителей, утверждавших, что из меня выйдет крупная пианистка. Но ее мнение оказалось единственно правильным.

Став ученицей Елены Фабиановны, я навсегда рассталась с формальным отношением к музыке: пришлось много работать, чтобы изжить все недочеты.

Отношение ко мне Елены Фабиановны было до того самоотверженным, она так старалась вдохнуть в меня искру своего горения, что через пять лет занятий с ней даже опытные музыканты не могли распознать, что же такое перед ними: талант или хорошая выучка?

Однажды после моего выступления Елена Фабиановна сказала: «Смотрите, как мы с вами обманываем публику. Мне говорят, что во всей школе самая лучшая ученица и настоящая музыкантша — это вы». Мы долго смеялись, так как она знала цену своей ученице, а я — себе. На экзамене в Лейпцигской консерватории, куда я вскоре поступила, я, конечно, не могла принять на свой счет похвалу, которую заслужила только Елена Фабиановна. И за нее я была горда, так как в словах одобрения, адресованных мне, выражалось признание ее школы.

Новаторство вместо рутины, вдохновение вместо равнодушия, высокое педагогическое искусство вместо формальных занятий — вот в чем заключалась тайна все возрастающего успеха школы сестер Гнесиных.

Это были великие энтузиасты, вдохновляющие и заражающие своим вдохновением. Счастливы были они, когда к ним поступали талантливые ученики, но еще счастливее были их ученики, получившие от них максимум того, что каждый мог взять.

Елена Фабиановна обращала особое внимание на музыкальный уровень учеников, боролась с недостатками, пробуждала добросовестность, требовательность к себе, любовь к искусству. Ученик знал, что ничто не пройдет для него безнаказанным, незамеченным, ничто не ускользнет от тонкого слуха и внимания Елены Фабиановны — ни хорошее, ни плохое. Требовательность Елены Фабиановны к ученику росла прямо пропорционально его талантливости: талантливым больше всего и доставалось. Хотя она лелеяла их, радовалась, гордилась ими, но требовала от них еще больше, чем от учеников с обычными способностями, и никаких поблажек им не делала. Отсюда та серьезность и глубина исполнения у всей блестящей плеяды ее учеников: Н. Орлова¹, Л. Оборина, А. Клумова и др.

Клумов пришел в школу мальчиком 11—12 лет, настолько испорченным преподаванием своей первой учительницы, которая сама хорошо играла, но абсолютно не умела преподавать, что Елена Фабиановна отказалась его принять. Ввиду его выдающихся музыкальных способностей — абсолютного слуха, необыкновенной памяти и страстной любви к музыке она предложила Клумову учиться игре на скрипке. Однако вскоре скрипка была оставлена, и Ольга Фабиановна, к великому удовлетворению родителей мальчика, взяла его к себе в класс. Он окончил с блеском школу у Ольги Фабиановны, техникум — по классу Елены Фабиановны, а по творческому классу занимался у Михаила Фабиановича. Это иллюстрация к тому, что делала школа, и прежде всего Елена Фабиановна, с действительно одаренными учащимися.

При всей загруженности работой сестры Гнесины всегда находили время принимать участие в жизни своих учеников. Они поддерживали их как морально, так и материально; помогали личными средствами, устраивали вечера в пользу нуждающихся учеников.

Выступления учеников Гнесиных были известны всей Москве. На концерты собирались не только родители, родственники учащихся и профессиональные музыканты — ими интересовалась самая широкая публика.

Эти строки являются лишь слабой попыткой охарактеризовать деятельность Елены Фабиановны и ее сестер. Можно сказать одно: счастливы те, кто знал сестер Гнесиных, кто работал с ними, счастливы все прошедшие их школу!

Мысли и воспоминания о Елене Фабиановне Гнесиной

Я получила музыкальное образование и работала всю свою жизнь преподавателем класса фортепиано в учебных заведениях имени Гнесиных и могу сказать, что вся семья Гнесиных представляла собой уникальный коллектив педагогов. Поэтому совершенно невозможно говорить о Елене Фабиановне изолированно от других членов семьи.

Это были удивительные люди и педагоги. Они умели безошибочно определять потенциальные возможности ученика, находить к каждому свой подход, всегда были полны желания прийти на помощь. Их отличала крайняя взыскательность и вместе с тем доброта. И ученики это хорошо понимали.

Нельзя не отметить и необыкновенную скромность и простоту Гнесиных. Они не помышляли о славе и ставили своей целью лишь воспитание культурных музыкантов, которые в свою очередь несли бы свои знания и культуру другим. Неудивительно, что авторитет их училища быстро возрастал.

Александр Борисович Гольденвейзер всегда присутствовал на выпускных экзаменах техникума. Елена Фабиановна называла его «наш крестный отец». Когда же наши ученики держали экзамен в консерваторию, Гольденвейзер всегда бывал на приемных испытаниях даже по теоретическим дисциплинам и если оставался доволен ответом ученика, говорил: «Сразу видно, что это с Собачьей площадки, 5». Такова была его оценка тех, кто приходил из школы Гнесиных.

У Гнесиных существовала интересная традиция. Перед экзаменом или концертным выступлением Елена Фабиановна и Евгения Фабиановна менялись на некоторое время учениками. Эта смена была очень полезна учащимся, а в работе не могло быть существенных разногласий — методика имела общие основы, и главные вопросы трактовки произведений, темпы и прочее оставались неизменными. Однако обмен учащимися заставлял и педагогов, и учеников еще больше мобилизовать свои возможности и внимание.

У старших сестер Гнесиных при единой методике все же подход к учащимся был разный. Елена Фабиановна, в силу, очевидно, своего темперамента, требовала всегда мгновенной реакции на свои замечания, была не слишком терпеливой и сердилась, если не сразу получалось то, что она хотела. Евгения Фабиановна же спокойно ждала того момента, когда возникнет результат, всегда верила, что он будет. Если же учащемуся не удавалось выполнить задание, она только огорченно вздыхала, чем вызывала еще большее старание ученика и желание добиться требуемого.

Урок кончался, но не прекращалось общение педагога с учеником: и Елена Фабиановна, и Евгения Фабиановна всегда были полны забот о своих воспитанниках. Был случай, когда ученица под влиянием каких-то обстоятельств перестала вдруг заниматься. Она исчезла, ничего не объяснив своему педагогу. Елена Фабиановна немедленно послала старших учеников на ее поиски. Благодаря вмешательству Елены Фабиановны и Евгении Фабиановны все кончилось благополучно. Их влияние, авторитет, такт, благородство возымели свое действие, и ученица вернулась в класс.

Помню случай, когда мальчик, совсем еще ребенок, потеряв родителей, остался один. У него была большая тяга к музыке. Он появился у нас в школе и со слезами стал просить принять его. Елена Фабиановна тут же откликнулась, прослушала его, устроила в детдом и зачислила в школу на бесплатное обучение. За время учения мальчика Елена Фабиановна постоянно помогала ему, заботилась как могла.

Много забот, любви и внимания проявила Елена Фабиановна и к моему сыну, Виктору Апфельбауму¹. Елена Фабиановна хотела, чтобы он в будущем выбрал путь музыканта, но судьба решила иначе. Окончив училище Гнесиных, Витя поступил в Академию художеств и стал профессиональным художником, членом Союза художников. Елена Фабиановна поняла его и не

сердилась. После войны, возвратясь с фронта, Виктор написал два портрета Елены Фабиановны и подарил ей, а также ряд пейзажей, которые до сих пор украшают стены ее кабинета. Их обоюдная привязанность была крепкой и нежной. И когда однажды к Елене Фабиановне пришел известный художник с просьбой написать ее портрет, Елена Фабиановна, поблагодарив, сказала, что ее хорошо и с любовью пишет другой художник — В. Апфельбаум, воспитанник их учебных заведений.

Елена Фабиановна очень любила детей. Когда она приезжала ко мне на дачу, то всегда собирала вокруг себя ребят, друзей моего сына, затевала с ними разные игры, вырезала из бумаги различные фигурки, делая это весьма талантливо. Она увлекала детей игрою в «теневого театр», показывала, используя различные комбинации пальцев рук, силуэты разных зверьков и птичек.

В течение всей жизни Елена Фабиановна неизменно присутствовала на экзаменах, проявляя большой интерес к успехам малышей. Ее привлекали забавные высказывания, она даже просила нас записывать их. Ставились в школе и детские спектакли. Один из них — спектакль-опера «Гуси-лебеди» — оказался настолько интересен, что его неоднократно повторяли и в других аудиториях².

Хочется вспомнить и наши ежегодные юбилейные вечера, организуемые 15 февраля. Они были интересными и очень веселыми. В свое время на них побывали Скрябин и Рахманинов. (Последний однажды сказал Елене Фабиановне: «Какая же это школа или училище? Это настоящий музыкальный институт!») В 20-е годы на этих вечерах разыгрывались шарады, в которых участвовали и педагоги, и учащиеся. Был даже организован «шарадный комитет» под талантливым руководством К. П. Виноградова. В «шаркоме» принимали участие замечательная пианистка Е. А. Бекман-Щербина, ее дочери Вера и Ольга, Ю. Померанцев, Ю. Сухаревский и, конечно, все Гнесины. Елена Фабиановна среди всех казалась самой молодой по своему темпераменту, умению веселиться, по творческой инициативе³.

А как писала Елена Фабиановна юмористические стихи! Уже в последние годы жизни — в Рузе, она сочинила целую поэму, посвященную Дому творчества Союза композиторов⁴.

Никогда не падая духом, все неприятности она переносила стойчески и оптимистично. Даже находясь в больнице после тяжелой операции, меньше всего говорила о себе, о болезни, продолжала заботиться о своих учебных заведениях, читала все письма, которых приходило немало. И юмор даже и тогда не покидал ее. Я не слыхала от нее слова «трудно». Она говорила: «Если нужно — значит можно».

Елена Фабиановна всегда считала, что в мире гораздо больше хороших людей, чем плохих. Она верила людям и не хотела допустить, что кто-то может ее обмануть. Так, однажды в Рузу приехал неизвестный ей человек и уверил Елену Фабиановну в том, что в дороге потерял свой чемодан. Он просил помощи. Не помню, на что он еще ссылался, но Елена Фабиановна доверчиво отнеслась к его рассказу, тотчас же дала ему денег и какие-то вещи. Наше сомнение даже рассердило Елену Фабиановну. Ольга Фабиановна была осторожнее, не так доверчива, и на этой почве сестры часто расходились во мнениях.

Хочу принести Елене Фабиановне и всем Гнесиным нескончаемую благодарность за их тепло, за их жертвенный труд, любовь и заботу, которыми они так щедро награждали тех, кто так или иначе соприкасался с ними.

Слово «воспоминание» у меня не вяжется с Еленой Фабиановной, как и со всей семьей Гнесиных. Это не воспоминание, а лишь продолжение их жизни, в которой и я неизменно живу и участвую.

Из воспоминаний о Елене Фабиановне Гнесиной

Я пришла в школу Гнесиных девятилетней девочкой и все последующие годы, за вычетом нескольких лет занятий в консерватории и двух лет эвакуации во время войны, сначала училась у Гнесиных, а потом работала рядом с ними. Свыше полувека я наблюдала Гнесиных в самые разные периоды их жизни и работы. И всегда, в любые, даже самые тяжелые периоды жизни, как, например, во время войны, атмосфера работы в гнесинских учебных заведениях была полна кипучей энергии, бодрости, целеустремленности.

Каждое удачное выступление ученика на концерте становилось радостью для всего коллектива, а педагога выступавшего ученика поздравляли искренно, тепло и сердечно. Требования к работе были серьезные, не допускалась никакая небрежность, а о халатности или равнодушии не могло быть и речи. На ошибки педагога указывали откровенно, но дружелюбно, никогда не обидно.

Общая атмосфера была настолько увлеченной, сестры Гнесины так заражали своей преданностью искусству, своим интересом к педагогическому делу, что все педагоги работали с максимальной отдачей.

Гнесины были в курсе всего нового как в музыке, так и в музыкальной педагогике. Но ничего ими не принималось без серьезного предварительного изучения. Так, например, когда РАПМ начала гонение на музыку Чайковского как якобы «чуждую пролетариату», Елена Фабиановна смело вступилась за сохранение гениальных произведений великого композитора в учебном репертуаре. В противовес мнению многих Елена Фабиановна высоко ценила «Песни без слов» Мендельсона, считая, что они являются отличной подготовкой учащихся к исполнению музыки Шопена и Шумана.

Репертуар, на котором воспитывались учащиеся, был обширен и разнообразен, подробно разработан Гнесиными. Помимо музыкальных произведений всех времен и стилей, большое значение придавалось изучению полифонии, работа над полифонией считалась одним из самых важных разделов обучения. Вдумчивый анализ многоголосия, вслушивание в развитие каждого из голосов и их переплетение между собой, различная окраска голосов обостряет слух и укрепляет память учащегося. Двухголосие, часто исполняемое одной рукой, ставит различные звуковые задачи для каждого из голосов и дает богатейший материал для развития более тонкого пианизма. Поэтому полифония занимала важное место в учебных программах. Каждым учащимся изучались почти все двух- и трехголосные инвенции Баха. На следующем этапе обычно ежемесячно выучивалась новая прелюдия и fuga из «Хорошо темперированного клавира» Баха. Много играли сюит Баха и Генделя. Большое внимание придавалось различным редакциям произведений классиков, обсуждавшимся совместно с педагогами.

В работу учащихся всегда включались упражнения, гаммы и этюды разного характера и с различными техническими заданиями. Уделялось внимание свободе и легкости пианистического аппарата. Елена Фабиановна никогда не допускала в пианизме студента напряженности, «зжатости» рук. Ради того чтобы избавиться от этого недостатка, она не опасалась свести занятия учащегося на небольшой срок к одним упражнениям и к игре только в медленных темпах. Упражнения Елена Фабиановна всегда придумывала сама, для каждого ученика индивидуальные, чтобы помочь ему преодолеть дефекты пианизма, которые мешали в изучаемом репертуаре. Этим быстро достигалась нужная исполнительская свобода.

Елена Фабиановна очень любила маленьких детей, и прием их в школу проходил непринужденно и весело. Она так умело и ласково обращалась с маленькими абитуриентами, что те доверчиво и охотно выявляли все свои способности.

Помню, какой радостью для всех нас, маленьких школьников, было празднование 15 февраля — юбилейной даты открытия школы. Все сестры Гнесины во главе с Еленой Фабиановной создавали атмосферу общего веселья, организовывали игры, танцевали с ребятами,

наряжались в самые разнообразные костюмы, хранившиеся для этих случаев в сундуках. Гнесины разыгрывали замечательные остроумные шарады обычно на музыкальные темы. Было это задолго до организованного уже после Октябрьской революции старшими студентами и молодыми педагогами известного в Москве гнесинского «шаркома».

Вспоминается время, когда Елена Фабиановна занималась с маленьким Левой Обориным¹. Она сразу распознала его выдающиеся способности, очень любила его и уделяла ему много времени и внимания. Она часто брала мальчика на концерты, выбирая такие программы, которые были ему доступны. Сам он выступал на концертах школы по многу раз в году. Выступления Оборина уже в возрасте 14—15 лет отличались высоким художественным уровнем и доставляли слушателям большое наслаждение, а его тонкое, проникновенное исполнение произведений Шумана помнится мне до сих пор.

Оборин отвечал Елене Фабиановне такой же привязанностью и все последующие годы всячески помогал ей в нуждах училища, а в дальнейшем — института. Много лет подряд Лев Николаевич был председателем Государственной комиссии на выпускных экзаменах института, всегда объективный, доброжелательный, справедливый критик.

Частые выступления на академических концертах школы и училища были обязательными для всех студентов, приучавшихся благодаря этому к хорошему творческому самочувствию в моменты ответственных выступлений.

Елена Фабиановна Гнесина требовала, чтобы в артистической комнате, у двери которой обычно стояла Ольга Фабиановна, выпускавшая исполнителей на эстраду, царило спокойствие и тишина. Не допускались болтовня или смех, мешавшие сосредоточенности, собранности, резко обрывались всякие проявления волнения или боязни, строго запрещались такие возгласы, как «я боюсь!» или «я волнуюсь!». Запрещение это было совершенно правильным, так как самовнушение оказывает сильное и вредное воздействие на нервную систему ученика и на его самообладание на эстраде.

Особенно празднично проходили ежегодные концерты гнесинцев в Малом зале Московской консерватории, частыми слушателями которых бывали С. В. Рахманинов, А. Н. Скрябин, Р. М. Глиэр, А. Т. Гречанинов и многие другие видные музыканты.

А. Т. Гречанинов сочинял для детского хора, которым руководила Евгения Фабиановна, прелестные песни, а также преподавал гармонию и вел класс фортепианного ансамбля в училище². В этом классе регулярно (еженедельно) учащиеся играли с листа симфонические произведения, имевшиеся в переложении для двух фортепиано в восемь рук. Гречанинов требовал исполнения этих произведений сразу в темпе и в нужном правильном характере. Занятия в классе ансамбля учащимся очень нравились: они развивали умение читать с листа, давали навыки ансамблевой игры и возможность глубоко знакомиться с широким кругом самых разнообразных симфонических произведений.

Характер у Елены Фабиановны был горячий, не всегда выдержанный. Случалось, что при плохой работе ученика Елена Фабиановна взрывалась, могла очень рассердиться, накричать, но гнев ее быстро проходил, и она тут же старалась загладить свою вспышку с такой добротой и открытостью, что у студента, понимавшего справедливость упреков Елены Фабиановны, не оставалось никакой обиды, а только желание работать серьезнее и лучше.

Отзывчивость Елены Фабиановны на нужды и беды людей была совершенно исключительной. С какой бы просьбой к ней ни обратились, если, конечно, просьба была обоснованна и справедлива, Елена Фабиановна тут же, не откладывая, записывала все данные в блокнот и начинала действовать. И можно было быть уверенным, что она использует всю свою энергию и добьется нужного результата. Так же настойчиво и бесстрашно боролась она с несправедливостью. Эта отзывчивость и смелость характерны для всей ее деятельности с самых молодых лет. Расскажу лишь об одном, но очень типичном случае.

Евгения Фабиановна привезла с собой из летнего отпуска, проведенного в Армении, маленького, музыкально одаренного мальчика. Был он из малосостоятельной семьи, которая не могла обеспечить его проживание и обучение в Москве. Гнесины попросили знакомого многодетного врача взять мальчика к себе: семье, где воспитываются пятеро детей, не составит особого труда прокормить и шестого. А в школе ежегодно устраивались лотереи, сбор от которых

шел на уплату за его содержание. Позже материальную сторону его воспитания стала осуществлять Армянская республика. Блестяще окончив школу и училище, молодой музыкант продолжил свое образование в Московской консерватории по классу А. Б. Гольденвейзера.

В 1937 году юноша принял участие во Всероссийском конкурсе музыкантов-исполнителей. Однако при подготовке ко второму туру его вдруг отстранили от участия в конкурсе, как выяснилось, из-за того, что человек, в семье которого он жил, был репрессирован.

В тот решительный для молодого человека момент жизни никто из его профессоров не рискнул вмешаться, и консерватория ничего не предприняла для того чтобы ему помочь.

Тогда за дело взялась Елена Фабиановна. Она написала и лично отвезла письмо в Кремль, звонила в высокие инстанции и добилась разрешения на дальнейшее участие юноши в конкурсе, одним из первых лауреатов которого он стал³.

Во время войны Елена Фабиановна вместе со всем коллективом всячески помогала армии и трудовому фронту. В самом начале войны для спасения от бомбежек оставшихся в Москве учащихся школы и детей сотрудников вывезли в организованный Еленой Фабиановной летний лагерь под Рязанью.

В Москве педагоги и старшие учащиеся принимали самое активное участие в оборонных работах, организовывали посылки на фронт, шили для бойцов теплые вещи. Велась также большая концертная работа в госпиталях. Концертные группы выезжали на фронт.

Елена Фабиановна много помогала в то время всем нам, педагогам школы и училища, заботилась об эвакуированных, добивалась бронирования и сохранения их квартир.

Позднее, когда после кратковременного перерыва в учебной работе (с конца октября до середины ноября 1941 года) училище вновь начало работать, и позже, когда Елена Фабиановна вернулась из Казани в Москву, она начала заботливо «собирать» своих педагогов, хлопотала для них о разрешении возвратиться в Москву и приступить к педагогической деятельности.

Много сил отдавала Елена Фабиановна шефской работе, приобщению широких масс рабочих к искусству. Как во время войны, так и в мирное время она обычно сама составляла программы, отбирала исполнителей и часто сама выезжала с концертными бригадами на места.

Высоко ценил Елену Фабиановну народный комиссар просвещения А. В. Луначарский.

Очень внимательно относился к Елене Фабиановне и Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов. В тот период, когда строилось здание института, он ведал вопросами культуры, и Елене Фабиановне был всегда открыт к нему доступ. К. Е. Ворошилов интересовался ходом строительства, помогал Елене Фабиановне в преодолении возникавших трудностей. Когда строительство было закончено, Климент Ефремович приехал осмотреть Институт и остался очень доволен как самим зданием, так и концертом, организованным специально для него. Он тепло и сердечно благодарил Елену Фабиановну, педагогов и учащихся, присутствовавших на встрече.

Среди знакомых Елены Фабиановны было много известных артистов, таких, например, как А. А. Яблочкина и О. Л. Книппер-Чехова. Бывали у Елены Фабиановны и Ван Клиберн, и наш первый космонавт Юрий Гагарин, и известная своей приверженностью к музыке королева Бельгии Елизавета.

Общая артистическая одаренность Елены Фабиановны, энергия, активная любовь к педагогике и к людям создавали незабываемую атмосферу напряженного, но радостного творческого труда. Этот труд позволил превратить небольшую школу сестер Гнесиных, помещавшуюся в маленьком особнячке на Собачьей площадке, в громадный учебный комбинат.

Из моих воспоминаний о Елене Фабиановне Гнесиной

Елену Фабиановну я увидел впервые осенью 1915 года, когда пришел в дом № 5 на Собачьей площадке поступать в музыкальную школу. Мне было 16 лет. До этого я пять лет обучался по классу рояля на курсах музыки, декламации, хореографии и т. д., которых в Москве в то время было много и где учили «чему-нибудь и как-нибудь».

Я начал играть одну из прелюдий Скрябина, но Елена Фабиановна, не дав закончить, сказала: «Достаточно. А теперь сыграйте мне гамму до мажор в противоположном движении». Это было выше моих сил и умения. Елена Фабиановна посмотрела на мои руки и продолжила: «Играть на рояле вы не умеете. Нужно начинать все сначала. Идите домой и подумайте. Если решитесь — приходите к нам учиться. Придете, спросите Елену Фабиановну. Запомнили? Повторите!» Я повторил и ушел, скажу откровенно, несколько ошеломленный и озадаченный ее прямотой.

Вот такой — строгой, прямой, откровенной, иногда резкой и вместе с тем мягкой, душевной, умеющей с первых же минут знакомства угадать и понять человека, любящего музыку, поддержать его — я узнал Елену Фабиановну.

Я, конечно, пришел к Елене Фабиановне. Занятия мои продолжались долго, с большими перерывами: с 1919 по 1922 год я служил в Красной Армии, потом болел, училище окончил только в 1925 году. Учеником я был, откровенно говоря, весьма средним, увлекался в те годы спортом, что, конечно, мешало нормальным занятиям на фортепиано.

Елена Фабиановна требовала, чтобы ученики всегда приходили в класс раньше назначенного часа и слушали игру своих товарищей. До меня играл Лев Оборин¹. Это был очаровательный розовощекий мальчик со светлыми кудрявыми волосами, одетый в черный бархатный костюмчик с белым отложным воротничком. Левочка, как звала его Елена Фабиановна, уже в те детские годы проявлял огромную музыкальную и специфически фортепианную одаренность. Понятно, что играть мне, почти взрослому человеку, после него было крайне сложно.

Сравнение было далеко не в мою пользу². Лева Оборин много и усердно занимался, учил всегда несколько произведений помимо тех, что были заданы. Я же часто не успевал приготовить даже необходимый минимум. Особенно трудно давались последние 10—15 минут урока, когда полагалось читать с листа. На пюпитр ставились двух- или трехголосные инвенции Баха в редакции Бузони с огромным количеством всевозможных аппликатурных и прочих редакционных указаний. Играть можно было в любом темпе, но точно, не пропуская ни одной ремарки редактора. Елена Фабиановна всегда была очень строга в отношении текста. Но строгость во много раз повышалась, когда дело касалось музыки Баха. Произведения этого величайшего гения были основой воспитания музыкантов в Гнесинской школе.

Как известно, большое значение имеет посадка пианиста за инструментом. Елена Фабиановна уделяла этому огромное внимание. В те годы я уже был юношей высокого роста. И сколько раз мне попадало за то, что я гнулся за роялем. Сколько раз Елена Фабиановна повторяла с настойчивостью, присущей пожалуй только ей, что сидеть надо прямо, собранно и вместе с тем свободно и ненапряженно. На моих нотах «Прялки» из «Летучего голландца» Вагнера-Листа во всю первую страницу широким характерным почерком Елены Фабиановны было написано: «Не гнуться!!!»³.

Воспитывала Елена Фабиановна и артистичность поведения на эстраде. Многократно репетировала с каждым из нас, особенно перед ежегодными ученическими концертами, проходившими тогда в Малом зале консерватории, разные моменты нашего поведения на эстраде: как выйти на эстраду, как с достоинством поклониться публике и сесть за рояль, как по окончании исполнения встать и вновь поклониться и как, не делая лишних поворотов, уйти с эстрады.

К преподаванию в училище историко-теоретических предметов и композиции Гнесины привлекали крупных музыкантов. За годы моего учения здесь преподавали А. Т. Гречанинов,

Р. М. Глиэр, Г. Э. Конюс, М. Ф. Гнесин, М. М. Ипполитов-Иванов, замечательный историк музыки К. А. Кузнецов. Как только в Москве появлялись молодые интересные педагоги, Елена Фабиановна немедленно привлекала их к работе. В качестве примера назову хотя бы В. Э. Фермана (история музыки), Д. Р. Рогаль-Левицкого (инструментовка).

Елена Фабиановна сама была предана музыке безраздельно и требовала подобной жертвенности от других, в первую очередь от своих учеников. В 1923 году, я, ничего ей не сказав, поступил на работу в качестве концертмейстера в оперную студию К. С. Станиславского. Работа со Станиславским и общение с оперным искусством очень меня увлекли и стали отнимать много времени, что, конечно, скоро сказалось на качестве моей учебы в классе. Елена Фабиановна узнала о моей работе в студии и позвонила Константину Сергеевичу, сказав, примерно, следующее: «Мой ученик поступил к Вам в студию и перестал заниматься. Увольте его». И через несколько дней я был освобожден от работы. Вновь поступил я в студию уже по окончании техникума.

Школу Гнесиных очень ценили крупнейшие русские музыканты. Елена Фабиановна была дружна с Рахманиновым⁴. Помню, как однажды, когда я пришел на урок, она сказала мне: «Вчера я была у Сергея Васильевича, и он подарил мне вот эту свою фотографию»⁵. Фотография с дарственной надписью Рахманинова и теперь висит на стене кабинета Елены Фабиановны.

В течение многих лет бессменным председателем выпускной комиссии был А. Б. Гольденвейзер. Дружила Елена Фабиановна и с А. Н. Скрябиным, дети которого учились в Гнесинской школе. Бывал у Елены Фабиановны А. В. Луначарский, с которым ее связывало старое знакомство еще с дореволюционных времен. Она впервые встретилась с ним у Гончаровых, потомков Натальи Николаевны Гончаровой, в их имении «Полотняный завод», где Луначарский под видом репетитора детей Гончаровых скрывался от преследования царских властей. А. В. Луначарский много и заботливо помогал Гнесинской школе и, в частности, Елене Фабиановне как ее руководителю, в те сложные и трудные годы становления Советского государства⁶.

Елена Фабиановна, любя острое слово, шутку, и сама была очень остроумна и находчива. Возможно, эта способность передалась ей от ее учителя В. И. Сафонова, который, как известно, был большим острословом. Приведу пример ее юмора. На выпускных экзаменах я играл «32 вариации» Бетховена. Играл технически не очень совершенно. Председатель комиссии А. Б. Гольденвейзер после каждого моего «несовершенства» как бы про себя, но довольно внятно и слышно для окружающих «хмыкал». После экзамена Елена Фабиановна сказала мне: «Я не помню точно, сколько раз Александр Борисович „хмыкал“ по поводу вашей неряшливой игры, но во всяком случае не менее тридцати двух раз!»

Невозможно забыть ежегодно отмечавшийся день основания школы — 15 февраля. Торжество начиналось с утра, когда веселились дети. Днем проходил концерт учащихся в Малом зале консерватории, а вечером на Собачьей площадке устраивался праздник для взрослых, заканчивающийся традиционными шарадами.

Эти дни, дни радости, веселья, шутки необычайно сближали нас, гнесинских учеников. В постановках шарад принимали участие и ученики, и педагоги, и сами хозяева. Душой этих шарадных представлений была Елена Фабиановна. Как-то совершенно стихийно сложилась постоянная группа учеников, в которую входил и я. Елена Фабиановна тут же придумала название этой группе — «шарадный комитет» или сокращенно, как в те годы было очень модно, «шарком». Меня, как руководителя этой группы, Елена Фабиановна прозвала «наркомом по делам шаркома». Я позволю себе назвать имена и фамилии участников «шаркома». Это сестры Бекман Вера и Оля, Лена Давыдова, Оля Померанцева, Таня Корнилова, Сережа Скребков, Шура Николаев, братья Сухаревские Боря и Юра, Арам Хачатурян, Лева Книппер, Шура Ютанов, Юра Муромцев. Да простят меня товарищи, многие из которых стали именитыми композиторами, учеными, музыкантами, что я называю их просто по имени. Но вот такими молодыми, веселыми, остроумными, как теперь говорят, находчивыми они вошли в мою жизнь, и такими они навсегда в ней остались.

В нашей группе сложилась настоящая дружба, подлинная гнесинская атмосфера любви, доброжелательства, взаимовыручки. Мы вместе готовились к экзаменам, «болели» друг за друга, помогали друг другу в трудные минуты сомнений и тревог. Участие в этой группе помогло многим из нас в становлении как музыкальных деятелей. И самое замечательное, что эта теплота взаимоотношений, дружбы и товарищества сохранилась у нас по сей день.

В свое время в педагогической среде Москвы шли толки о том, что в Гнесинской школе слишком много педагогов из бывших ее воспитанников. Противники этого полагали, что можно найти хороших педагогов и среди окончивших другие музыкальные учебные заведения. Но большинство считало эту линию верной, потому что так обеспечивалась полная методическая преемственность. На примере моей работы в качестве педагога я хочу рассказать о том, как сестры Гнесины посвящали в педагоги своих учеников.

Весной 1924 года Елена Фабиановна вызвала меня и сказала: «Мы хотим попробовать вас на педагогической работе. Летом предлагаем вам вести музыкальную грамоту в подготовительной группе, которая будет осенью поступать в школу. Вы согласны?» Я, конечно, с радостью согласился. Осенью, когда ученики подготовительной группы успешно сдали экзамен по музыкальной грамоте, Елена Фабиановна вновь вызвала меня и сказала: «Мы решили поручить вам вести группу музыкальной грамоты».

Так начался мой педагогический дебют, и так началось воспитание меня как педагога⁷. После каждого урока Елена Фабиановна придирчиво разбирала мою работу. Как оказалось, все мои уроки она слушала из-за двери (!) и таким образом имела полное представление о том, как я их веду. В беседах со мной Елена Фабиановна ничего не говорила о моем знании материала. Очевидно, она была уверена, что предмет я знаю, да иначе она и не поручила бы мне эту работу. Разговор шел об умении вести урок, о дисциплине учеников, об атмосфере урока, о педагогической настойчивости, педагогическом такте, даже о внешнем поведении и внешнем виде педагога.

Не знаю, где мне больше доставалось от Елены Фабиановны: в фортепианном классе, где я еще был ее учеником, или на этих беседах со мной как с педагогом. То она сообщала мне, что я вел урок вяло, говорил слишком тихо и недостаточно внятно, то обращала внимание на то, что такой-то ученик разговаривал, а я этого не заметил, что в классе нет атмосферы подлинной серьезности, что аудитория по-настоящему не захвачена и даже немного скучает. Иногда она говорила мне, что я не знаю свой класс, что педагог должен знать каждого ученика, его привычки, способности. Но самым трудным для меня была проверка моих оценок. Нужно сказать, что Елена Фабиановна прекрасно знала и поразительно помнила музыкальные данные и возможности каждого ученика. И вот при проверке оценок начинались репрессии:

— Почему вы этому ученику поставили пять за диктант?

— Он написал.

— Не мог он написать сам, он списал, а вы не видели.

И так о каждом ученике. В конце концов оценки снижались чуть ли не трем четвертям учеников. Елена Фабиановна всегда была очень строга в оценке и прежде всего в своем классе.

Вот такой суровой и беспристрастной была гнесинская система воспитания педагогов. Выработывалось единое педагогическое мышление, единая психология. Вот почему Гнесины, будучи сами замечательными педагогами, были правы, пополняя свои учебные заведения педагогами своей выучки, своего воспитания. Это-то и сделало школу одной из лучших в стране.

Гнесины в моей жизни (из дневников 20-х годов)

1. Первое знакомство

Знойное Подмосковное лето 1921 года. У меня было обострение болезни легких, и поэтому мой муж (врач) отправил меня полечиться после трудных экзаменов (ГИТИС) в санаторий «Надеждино» под Москвой. Несмотря на недомогание, голос мой звучал ясно, легко и, должно быть, красиво. Я использовала каждую свободную минуту, чтобы петь. Пела у себя в палате, пела на балконе, пела в саду, пела в лесу. Вот почему директор санатория попросил меня принять участие в концерте для больных (вернее, отдыхающих). Петь людям — это радость и большое, большое счастье!

На полудомашнем концерте я пела самозабвенно, а когда мне хлопали и улыбались моей юности, я тоже улыбалась, счастливая и радостная.

И вот на другое утро, ясное, летнее, ко мне постучали: «Да, да, войдите!» — Я расчесывала свои длинные светлые волосы, любуясь пунцовой розой, подаренной мужем.

Постучали еще раз: «Войдите, войдите, пожалуйста!» В дверях стояла милая дама:

— Здравствуйте, Верочка. Вас тут все так зовут, можно мне тоже?

— Конечно, пожалуйста.

— Простите за фамильярность. Я Гнесина, Ольга Фабиановна¹.

— Садитесь, прошу вас!

— Верочка, спасибо вам за вчерашний концерт. Пели прекрасно, доставили большое удовольствие!

— Чудесно, что вы пришли ко мне, и спасибо, что похвалили меня.

— Но я пришла не только вас благодарить, — Ольга Фабиановна ласково и снисходительно улыбнулась. — Я пришла вас просить... Я хочу показать вам произведения моего брата, Михаила Фабиановича.

— Благодарю вас, Ольга Фабиановна, но это, вероятно, очень трудное сочинение, как у всех современных композиторов?

— Мы, сестры Гнесины, аккуратно посещаем «Музыкальные выставки современных авторов» в Малом зале консерватории, где и слушали в вашем исполнении произведения многих наших авторов — Лобачева, Гребнева², «Потонувший колокол» Гауптмана в дуэте с Доливо³, романсы Борецкого и Шишова⁴, и потому вам бояться нечего.

— Может быть, вы правы, я с удовольствием познакомлюсь с сочинениями вашего брата. Люблю современную музыку.

— Вот и отлично! После ужина приходите к домику директора, я с ним уже договорилась. Там есть хороший инструмент, и мы попоем. Итак до вечера!

Произведения Михаила Фабиановича до сих пор мне были не знакомы.

Наступил вечер. После ужина каждый мог провести свои свободные часы там, где ему нравилось. Запыхавшись, прибежала я в домик директора. Ольга Фабиановна уже поджидала меня у калитки сада. В руках у нее — свернутые в трубочку ноты.

— Зачем же было так бежать! — встретила она меня суровым голосом. — Певице этого не полагается...

— Больше не буду!..

— Ну то-то же, идемте!

В комнате никого не было, посредине стоял концертный рояль.

— Вот, посмотрите две песни из драмы «Роза и крест» Блока. Эта драма шла в Художественном театре. Брат писал к ней музыку. Ему не понравились театральные певцы. Он остался недоволен...⁵

— Ну, что вы, Ольга Фабиановна, как можно! — перебила я ее.

— Верочка, но ведь я вам не предлагаю петь в Художественном театре. Я люблю сочинения моего брата, и вот, мне кажется, эти две песни будут хорошо звучать в вашем голосе...

— Не сердитесь на меня, я попробую, — пробормотала я. Когда Ольга Фабиановна сыграла Песню пажа Алискана, я пришла в восторг.

— Ольга Фабиановна, да это же чудо! Я с радостью начну учить это чудесное, ласковое произведение Гнесина!

— Значит я не ошиблась, — сказала довольная Ольга Фабиановна. И добавила:

— Да, знаете ли, гармония здесь довольно сложная, но мелодия сияющая, солнечная. И кантилена такая напевная...

И мы стали разучивать эти трудные, но красивые произведения.

«День веселый, час блаженный
Нежная весна!
Стукнул перстень драгоценный
В переплет окна!
Аэллис, о роза, внемли, внемли соловью,
Все отдам — святые земли
За любовь твою!»

«„Алискан — красивое животное“, — говорит сам Блок, — пояснила мне Ольга Фабиановна, — знает куда зовет...». Музыка Гнесина хорошо, наглядно мелодично охарактеризовала слова Блока.

Мы занимались долго, с упоением. В санатории прозвучал гонг, призывая нас к сну.

— Ольга Фабиановна, как мне благодарить вас за радость, что вы мне подарили? Эти две песни будут всегда в моем репертуаре. Большое, большое спасибо.

— Приходите завтра опять в это же время, выучим эти песни и покажем брату.

Мы расстались с Ольгой Фабиановной, возбужденные вдохновенной, страстной музыкой Гнесина, особенно песней Гаэтана — сильное, звучное произведение.

Утром, чуть свет, я побежала в библиотеку, чтобы скорей прикоснуться к Блоку, из которого знала только его поэму «Двенадцать».

Основу драмы «Роза и крест» — драма человека, драма сердца, прошедшего долгий путь испытаний и любви. Сам Блок охарактеризовал песню Гаэтана как «Звнящий зов». — «Ревет ураган, поет океан! Вечный кружится снег! Мчится мгновенный век! Снится блаженный брег!»

Гнесин создал для Песни Гаэтана сильную, звучную музыку. Мощный, насыщенный аккомпанемент делает это произведение глубоко драматическим. Два произведения — песни Алискана и Гаэтана — по музыке и словам диаметрально противоположны и вместе с тем дополняют друг друга.

Таково было мое первое знакомство с Гнесиными и с музыкой Михаила Фабиановича.

Время шло. Я окончила ГИТИС. Состоялся мой первый «Лидерабэнд» (Вечер песни) в Малом зале консерватории, в этом Храме музыки. Затем новый концерт с программой — Чайковский и Рахманинов. Сестры Гнесины, поздравляя, твердили: «Верочка, вот бы вам познакомиться с Бихтером! Бихтер, Бихтер!»

В 1923 году, 13 января, совершилось великое событие в моей жизни. Я выступала в Петрограде вместе с гениальным пианистом Михаилом Бихтером⁷. Успех был полный. Каратыгин дал на наше выступление блестящую рецензию.

По возвращении в Москву я получила от Бихтера письмо: «...Как видите, и я должен начать письмо свое с благодарности и с уверения, что всегда и везде рад буду слушать Ваше пение и соучаствовать в нем.

Конечно, ваше предложение я охотно принимаю, очень ценю и благодарю за него.

Что касается программы. Мне кажется первую лучше было бы закончить значительной творческой личностью, например, так:

Даргомыжский, Гречанинов, Глазунов.

Во вторую же программу, кроме Прокофьева и Стравинского (что прекрасно), умоляю ввести Гнесина. Это будет и украшением программы и введет вас, незнакомую с музыкой Гнесина, в новый бесконечно глубокий, обаятельный и нежный, но с неодолимой силой отрывающий от привычного мышления и чувствования мир...

Готовый служить М. Бихтер»⁸.

Приезд М. А. Бихтера в Москву и наше с ним выступление в Малом зале консерватории стало событием в музыкальном мире. Игра Бихтера на фортепьяно — это явление настолько неординарное, что рассказать о нем невозможно. Все вздохи, восторги, удивления, похвалы — это ничто. Незадолго до своей смерти Арам Ильич Хачатурян в разговоре с моим сыном сказал: «Игру Бихтера нельзя забыть. Другого талого пианиста я не помню, и наши современные пианисты значительно ниже и по интерпретации и просто по звучанию фортепьяно. Бихтер — гений и, к сожалению, работники искусств его не понимали, вернее не желали понимать. Его травили, работать не давали. Пенсию дали 30 рублей — он умер в бедности».

Гнесины были счастливы видеть нас с Бихтером вместе и твердили:

«Верочка, мы же вам говорили, что вы с Бихтером созданы друг для друга. Такой великолепный ансамбль!».

Михаил Алексеевич Бихтер был влюблен в музыку Гнесина еще со студенческой скамьи. Он всячески пропагандировал ее, и меня неустанно знакомил с произведениями этого замечательного композитора. Чем больше я узнавала музыку Гнесина, тем с большей радостью исполняла ее.

С самим Михаилом Фабиановичем Гнесиным я знакома не была. И вдруг... после нашего концерта 3 ноября 1923 года в Малом зале консерватории, где мы выступили с программой из произведений Танеева, Глазунова, Метнера, появилась рецензия, подписанная инициалами «М. Г.». Это был Михаил Фабианович Гнесин. Привожу ее полностью:

«Вечер песни Веры Духовской и М. Бихтера

(Малый зал консерватории, 3 ноября)

Превосходный концерт по замыслу и выполнению. При всех значительных различиях в композиторском облике Танеева, Глазунова и Метнера, произведения этих авторов на редкость гармонируют.

Большинство из исполненных в этот вечер песен редко приходится слушать в концертах (особенно глазуновские), несмотря на то, что некоторые из них (Нереида) относятся к самым замечательным произведениям в русской романсовой литературе. Нисколько не удивительно то малое внимание, которое уделяют артисты столь ценным образцам вокальной лирики. Особенно, типичной для всех трех авторов, представленных на концерте 3 ноября, является то, что только лишь при наличии проникновенного внимания исполнителей к конструктивной стороне произведений, ко всем основным и необычным линиям в этих маленьких и совершенных музыкальных сооружениях, раскрывается лирическая их сущность, их действенная сила.

При довольно поверхностном отношении большинства даже хороших певцов и пианистов-аккомпаниаторов к многообразным особенностям музыкального стиля исполняемых вещей, при отсутствии глубокого интереса к обаятельной загадке, таящейся в клубке гармоний, мелодий, ритмов, фигурационных приемов, типичных для автора и произведения, исполнители осуждены быть воплощениями только лишь наиболее „темпераментной“ или ярко изобразительной музыки, для успеха даже у взыскательных слушателей достаточно элементарно хорошего исполнения в „традициях хорошего вкуса“ с доброжелательным соблюдением авторских пометок.

В. Духовская и Бихтер имели решимость и право посвятить концерт музыке Танеева, Глазунова и Метнера.

Исполненные произведения предстали на этот раз во всей полноте их действенной силы. Редкая пластичность в воплощении целого, в гибких перегибах формы, тонкая выразительность, красочность, совершенство ансамбля — таковые драгоценные особенности совместного выступления В. Духовской и Бихтера.

М. Бихтер был в этот вечер на обычной своей исключительной высоте.

Но и Вера Духовская с ее гибким прекрасным по тембру голосом, с несомненным талантом воплощения явила значительное совершенство в выполнении трудной и разнообразной программы, серьезно и вдумчиво проработанной. В ансамбле с Бихтером она не была затенена им — нужна ли большая похвала для молодого еще артиста? М. Г.»

Такая рецензия, написанная серьезным, умным, не умеющим лгать человеком, для нас с Михаилом Алексеевичем была большой наградой за упорный труд.

Бихтер, влюбленный не только в музыку Гнесина, но и в самого Михаила Фабиановича, считал его благороднейшим человеком, с чистой поэтической душой, живущим по высшим правилам жизни.

2. У Гнесиных. В доме на Собачьей площадке

После нашего знакомства в санатории «Надеждино» Ольга Фабиановна частенько приглашала меня к себе домой на Собачью площадку, в мезонин школы Гнесиных. Здесь я познакомилась, а затем и подружилась и с Еленой, и с другими сестрами — Евгенией и Елизаветой Фабиановнами. В уютных комнатках старого московского особняка мы музицировали, говорили о музыке, об искусстве. Однажды, беседуя о новой живописи, Ольга Фабиановна подарила мне книгу Гогена «Ноа-Ноа» (мое преклонение перед Бихтером впоследствии выразилось и в том, что я называла его «Богом Тупапау»).

Гнесины познакомили меня со своим другом Александром Тихоновичем Гречаниновым, выдающимся русским композитором⁶. Его музыку любили и исполнять, и слушать. Свои произведения Александр Тихонович играл с большим блеском и, подпевая «композиторским» тенорком, достигал большого впечатления и образности. Он пригласил меня, тогда еще студентку, принять участие в своих авторских концертах. Занимался со мной терпеливо и серьезно. Наши совместные выступления с ним всегда имели шумный, большой успех.

Вскоре Елена Фабиановна попросила нас с Бихтером дать концерт в школе Гнесиных в пользу учеников*.

Успех был громадный. Я получила от Гнесиных корзину цветов и чудесное итальянское ожерелье.

— Это вам, Верочка, от нас, за ваше высокое искусство. Спасибо и от учеников наших, вы и дорогой Михаил Алексеевич сделали доброе дело! Спасибо...

— Да что вы, Елена Фабиановна, не надо благодарить. Я так люблю петь... и с большим удовольствием выступаю в вашей школе... — у меня не хватало слов от радостного возбуждения.

— Ну, а теперь идемте пить чай, — сказала Елена Фабиановна и раскрыла перед нами двери в следующую комнату.

В начале 20-х годов в Москве, как и повсюду в России, царили голод, холод, разруха: шла гражданская война... Поэтому все, что мы увидели, явилось полной для нас неожиданностью. (Да здравствует нэп!)... Громадный стол, накрытый белой скатертью, красиво и нарядно сервирован. В вазах тартинки с мясом, ветчиной и колбасой. Вкусный праздничный домашний торт. Все было сделано с большим вкусом, без претензий на роскошь.

Утоление нашего голода стало наградой за большой и трудный концерт.

В тот вечер, наконец, состоялось мое знакомство и с Михаилом Фабиановичем, который был очень внимателен и любезен. Он подошел ко мне и, наклонившись над моим стулом, произнес почти шепотом: «Спасибо, Вера Осиповна. Вы пели вдохновенно, и мои произведения в волшебных руках Михаила Алексеевича и в вашем артистическом исполнении вторично родились. Спасибо!»

* Программа, этого концерта: I отделение: А. Рубинштейн — «Ночь», «Азра», Басня «Осел и Соловей»; Н. Метнер — «Я вас любил», «Вальс», «Зимний вечер», «Телега жизни»; II отделение: П. Чайковский — «Кабы знала я», «Погоди», «Забыть так скоро»; С. Рахманинов — «Сирень», «Маргаритки», «Ау», «Ночь печальна», «Крысолов». На бис исполнены: Лядов — «Гуленьки», Чайковский — «То было раннею весной», Гнесин — «Песнь паж Аликсана», «Песнь Гаэтана».

Конечно, похвала Гнесина — это не просто «любезность автора», а тоска композитора по звукам, им рожденным.

За столом было весело, шумно, празднично. И вдруг послышался решительный голос Елены Фабиановны:

— Друзья, сейчас будут обещанные шарады!

— Ура! — гаркнули мы все дружно.

— Разделимся на две группы! — прибавила Елена Фабиановна.

— Чудесно! Чудесно! А как же делиться? — спросил озадаченный Михаил Алексеевич.

— А вот так, — Елена Фабиановна указала на сестер Гнесиных и Михаила Фабиановича, — вот наша команда.

— А мы? — крикнула я.

— А вы, друзья, — наши противники, или, вернее, пока наши зрители! Поняли?

— Поняли, поняли! А где же взять нужные костюмы? — опять крикнула я.

— Верочка, спуститесь к швейцару, у него все нужные аксессуары!.. — ответила Елена Фабиановна и прибавила: — Начинаем!

Елена Фабиановна повелительно хлопнула в ладоши. Большая дверь в соседнюю комнату-залу, где был наш концерт, открылась и мы увидели зеленый сад (все комнатные цветы были расставлены на полу). На ковре в непринужденной позе возлежал Фабий Витачек (племянник Гнесиных). Это был Ной. Два юных ученика Гнесиных изображали насмешливых шалопаев, смеявшихся над сонным, опьяневшим отцом. Сим — старший сын Ноя, не смеялся над отцом, а прикрыл его «овечьей шкурой» (вывернутой наизнанку шубой Елены Фабиановны). Это сделал милый Лева Оборин — ученик Гнесиных, который присутствовал на нашем концерте. Добродушный, домашний, видимо, сам получавший удовольствие от участия в шарадах, он укрыл спавшего Ноя (Витачека) с такой артистичностью, что мы ему зааплодировали.

Революционные годы еще не успели выветрить из нашей памяти страницы священной истории, вот почему мы легко отгадали первый слог шарады — «Сим»¹⁰.

Мы хлопали, радовались и ждали продолжения — разгадки следующего слога, второго действия игры.

На этот раз в центре комнаты стоял стол, на нем — стул, на котором был помещен большой футляр от какого-то музыкального инструмента. А на футляре — черный рулон. И все это прикрыто темным клетчатым пледом. Это напомнило нам фотографа на Никитском бульваре. Перед этим сооружением, словно перед фотокамерой, в кресле сидел Михаил Фабианович. Вытянувшись, он застыл с неподвижным, почти безумным взглядом. Фоном, как во всех маленьких фотографиях, служил кусок длинной материи красного цвета, который с двух сторон держали Витачек и Ольга Фабиановна. Картина неподражаемая. Хлопали Гнесину и всей постановке действия. Хохотали и радовались. Мы отгадали второй слог «фон», но будучи захваченными игрой и ожидая нового представления, пока умолчали об этом.

Дверь снова открылась. В середине комнаты, окруженная тесным кольцом своей команды, стояла Елена Фабиановна и держала в руках какие-то билеты.

— Кто идет в театр? — вдруг громко спросила Елена Фабиановна. И в ответ потянулись десятки рук: — Я! — крикнул Михаил Фабианович.

— Я, и я, и я, и я!.. — кричали другие.

О, с каким интересом и любопытством смотрели мы этот импровизированный любительский спектакль и ждали продолжения. Наконец, услышали:

— Внимание, внимание, а вот и наше целое!

Дверь в соседнюю комнату открылась, и глазам нашим представился оркестр: за пюпитрами с нотами сидели участники шарады. В руках у них были медные кастрюльки, чугунные сковородки, металлические тарелки и кружки, терки, противни и другая кухонная посуда. Елена Фабиановна стояла у дирижерского пульта. Взмах палочки и... о, ужас! Началась невероятная какофония, поднялся такой шум! Все участники «оркестра» самозабвенно били в такт свои инструменты, мычали закрытым ртом импровизированную мелодию. Наша группа не выдержала: мы кричали, мы аплодировали, мы смеялись и радовались: «Симфония! Сим-фон-ия!!!».

Наши крики слились в общем гуле с невообразимым шумом от «кастрюльного джаза». Михаил Фабианович громко смеялся и аплодировал.

Теперь, перечитывая свои дневники и пересматривая все это, я могу, улыбнувшись, сказать: только люди с чистой и благородной душой могли так по-юношески отдыхать и радоваться.

Какое счастье выпало мне общаться с такими замечательными людьми — талантливыми, яркими, энергичными. И не удивительно, что эти никогда не знавшие покоя люди сумели создать из маленькой музыкальной школы мощный комплекс известных на всю страну музыкальных учебных заведений.

Слава Гнесиным! Слава Елене Фабиановне!..

Воспоминания о Елене Фабиановне Гнесиной

В марте 1916 года моя тетушка Н. Я. Давыдова¹ повела меня в училище Гнесиных. До этого я занималась музыкой эпизодически у частных педагогов.

Хорошо помню маленький дом, крытое крыльцо и просторную раздевалку сразу при входе. Из-за двери была видна еще одна комната и белые двери, которые вели куда-то дальше.

Когда вошла Елена Фабиановна, я немного испугалась ее строгого, оценивающего взгляда: «О, какая большая! Не дашь ей 13 лет!» Поговорив с тетушкой, она сказала: «Ну, пойдем!» — и открыла большие белые двери. Зал, весь залитый солнцем, наполненный живой зеленью цветов, стоявших у всех окон, показался мне необыкновенно красивым и нарядным.

Елена Фабиановна экзаменовала меня долго. Я должна была сыграть то, что знала, потом прочитать с листа небольшую фортепианную пьесу, кажется, Моцарта. Затем она села за другой рояль и заставила меня повторять то, что она играла: сперва мелодии, потом аккорды и маленькие музыкальные отрывки. Так как я не имела никакого представления о теории музыки, то это был единственный способ проверить мои музыкальные данные. Помню, она задавала мне вопросы о том, каких я знаю композиторов, какие симфонии слышала и играла в четыре руки. Она была поражена тем, что мне неизвестен Бах, что я не предполагала даже, что произведения надо учить наизусть, а не только читать с листа или подбирать по слуху. «Что же с тобой делать! Такая большая и ничего не умеешь как следует!» — это был итог экзамена. Но при этом Елена Фабиановна вдруг улыбнулась, похлопала меня по плечу, смягчив этим свой суровый приговор.

Когда мы вышли, она тут же прошла в маленькую дверь налево к Евгении Фабиановне. Там, как я узнала позже, происходил «совет» двух сестер, где они всегда вместе, порой дружно, а порой со спорами — с горячностью Елены Фабиановны и тихой иронией Евгении Фабиановны — решали все важнейшие вопросы жизни школы и училища. Обсуждались успехи учеников, их проступки, работа тех или других педагогов или какие-нибудь хозяйственные дела.

Вся жизнь Гнесиных, в самом прямом смысле, была отдана учебным заведениям. Сестры жили в помещении школы, обедали и ужинали под звуки учебного репертуара. Помню, как однажды за утренним чаем Елена Фабиановна, услышав откуда-то сверху фальшивую ноту и грязную педаль, моментально вскочила и побежала вверх, чтобы узнать, у какого педагога так плохо играет ученик и сделать ему замечание. Однажды, когда я уже преподавала в училище и вела сольфеджио, она вызвала меня и сделала строгое внушение: «Слышала, что на уроке слишком весело, ученики смеются».

В 1948 году, когда Елена Фабиановна решила снять с себя обязанности директора детской школы-семилетки и на эту должность была назначена я, она постоянно внушала мне: «Главное, ты должна всегда знать все, что происходит в школе; видеть все и слышать сама, а не сидеть в кабинете и ждать, когда тебе о чем-нибудь доложат». На всю жизнь сохранила Елена Фабиановна этот принцип в своей работе, привила его своим преемникам.

Дружно и хорошо работалось в учебных заведениях имени Гнесиных. В любое время можно было прийти к Елене Фабиановне за советом, с вопросами, с удачами и неудачами. А иной раз Елена Фабиановна вызывала к себе, прямо и сурово высказывала свои замечания.

В последние годы Елена Фабиановна очень страдала от того, что не могла принимать деятельное участие в жизни учебных заведений. Ей казалось, что к ней мало заходят, не во все посвящают. Она всегда сердилась, когда ей говорили, что это происходит потому, что не хотят ее утомлять. Как-то раз я ей сказала, что она может быть спокойна за институт, ведь Муромцев прекрасный директор. На это она ответила: «Конечно, это так, но он склонен к формализму и сухости».

Елена Фабиановна ненавидела формализм в работе. Особенно ее раздражали те правила, по которым тот или иной студент или ученик может быть исключен. Скольких учеников она спасла от этого!

Таких случаев помню много. Приведу некоторые из них. Евгений Светланов учился в учебных заведениях им. Гнесиных всех ступеней. Учеником, особенно в училище, он был не из легких. Трижды возникал вопрос о его исключении. Елена Фабиановна категорически становилась на его защиту. Она говорила: «Талантливого человека надо учить и растить, а не просто выгонять»².

Плохо складывалась учебная биография Владимира Федосеева. Он попал в плохую компанию, перестал заниматься. И опять Елена Фабиановна его отстояла. Сама взялась за него, долго с ним беседовала, оставила в институте под свою ответственность, а приказ об исключении уничтожила³.

В людях Елена Фабиановна прежде всего ценила талант и на редкость верно обнаруживала, угадывала его. Она умела найти путь для плодотворного развития этого таланта, помочь ему. Так было и с А. Хачатуряном, когда он в 16 лет пришел в училище, не владея никаким инструментом, кроме... барабана. Сперва Елена Фабиановна направила его в класс виолончели, но познакомившись поближе, настояла на том, чтобы он посещал у М. Ф. Гнесина композицию.

Помню и другой случай. Елена Фабиановна вызвала меня как директора школы и сказала: «Эту девочку надо принять и учить на виолончели. Она талантлива и догонит своих сверстников, хотя ей уже 13 лет». Это была Наталья Шаховская⁴.

Елена Фабиановна понимала, что многим учащимся и студентам, особенно вокалистам, трудно даются теоретические дисциплины. «У него хороший голос и не надо его мучить теорией, а нужно всячески помочь развить слух», — говорила она мне о Евгении Белове⁵.

У нее была замечательная педагогическая интуиция, помогавшая не просто учить играть на фортепиано, но растить и профессионально воспитывать своих учеников в наиболее подходящей для их способностей области. Еще в училище мы посещали хор, аккомпанировали певцам, скрипачам, имели учеников по фортепиано, занимались с отстающими по теории и сольфеджио. И все это делалось как-то естественно и просто. Константин Петрович Виноградов сначала помогал Елене Фабиановне в работе с женским хором, затем сам стал руководить им. Елена Фабиановна понимала, что концертирующий пианист из него по возрасту получиться не может, но он талантливый музыкант. И вот она сама рекомендовала его К. С. Станиславскому в только что открывшуюся Оперную студию. П. Г. Козлов был выдвинут в качестве педагога по теории музыки. В. Я. Шубина⁶ — концертмейстером.

Про меня Елена Фабиановна говорила словами пословицы: «Бодливой корове бог рог не дает». Мое дилетантское воспитание в детстве при плохих физических данных — маленькие и неудобные руки — всю жизнь сказывалось в недостаточной технике. И хотя Елена Фабиановна очень ценила мою музыкальность, темперамент, звук, она видела, что пианистки из меня не получится. Занимаясь в училище, я много помогала Евгении Фабиановне в классах детского сольфеджио и детского хора. Вскоре Евгения Фабиановна передала мне классы детского сольфеджио, а несколько позже и детский хор, которым я руководила до 1948 года. Мне эта работа очень нравилась и, вероятно, я справлялась с ней, потому что еще в 1924 году мне поручили вести под руководством Елизаветы Фабиановны группу сольфеджио в училище. Я очень волновалась — у меня были такие великовозрастные ученики, как Г. Г. Аден, Т. Н. Ливанова⁷ и другие. Елизавета Фабиановна умела как-то особенно доброжелательно и ненавязчиво помогать мне, советовала, давала материал для диктантов, приносила свои пособия. Многие из них сохранились у меня. Интересно, что уже в те годы Елизавета Фабиановна использовала для анализа на слух и для диктантов примеры из художественной литературы. Она передала мне составленный ею небольшой сборничек таких примеров из произведений Бетховена, Моцарта, Бизе, Грига.

Большинство из нас, молодых педагогов-гнесинцев, начинали свою работу, даже не окончив училища, не говоря уже о вузе. Видимо, постановка дела была настолько серьезной, мы видели столько хороших примеров, что могли справляться с преподаванием и без диплома и без специальных курсов методики. Нас учили жизнь, пример и практика.

Елена Фабиановна умела окружать себя интересными и талантливыми людьми. В 20—30-х годах у нас были замечательные педагоги. Среди них известные, опытные преподаватели В. В. Листова, Э. Г. Гельман, Л. В. Ростропович, а также много талантливой молодежи: Д. Р. Рогаль-Левицкий, В. Э. Ферман, Е. Ф. Колобова, В. Р. Шор, А. Я. Георгиан. И с каждым Елена Фабиановна беседовала лично. Ей неважны были титулы и анкетные данные, она старалась увидеть в человеке его душу, его преданность и увлеченность музыкой и своим делом.

В 30-х годах и позже, вплоть до середины 60-х, в училище и институте по просьбе Елены Фабиановны выступали лучшие артисты и музыканты. Вспоминаются вечера-дуэты М. А. Бихтера и В. Духовской⁸, Коретти Арле-Тиц и Б. Б. Тица⁹, а также сольные концерты Е. А. Бекман-Щербины, Л. Н. Обороина, а позже — Н. А. Дорлиак, С. Т. Рихтера и других.

Многие считали, что Елена Фабиановна очень честолобива. Да, она действительно всегда хотела, чтобы в ее учебных заведениях все было самое лучшее. Но это не было обычное личное честолобие, а какое-то неодолимое стремление к совершенствованию.

Ее высокая гражданственность, чувство нового и преданность искусству позволили ей всегда идти в ногу со временем, быть передовым человеком. Нельзя забывать, что многое из того, что теперь уже прочно вошло в учебные планы и в методы работы наших детских школ, училищ и вузов, получило свое начало именно у Гнесиных. Введение в музыкальной школе как обязательных дисциплин сольфеджио и детского хора, открытие теоретических, а также композиторских отделений в училищах, учреждение в институте факультета народных инструментов, народного хора и многое другое было начато именно в учебных заведениях Гнесиных и чаще всего по инициативе самой Елены Фабиановны. Так, еще в 20-х годах М. С. Пекелис вел в училище интересный предмет — слушание музыки, а для вокалистов тогда же был организован класс ритмического чтения с листа, который вела Е. Цертелева. У Елены Фабиановны был очень острый и трезвый взгляд на то, что надо делать, а чего не надо.

Помню, как трудно приходилось музыкальным учебным заведениям на рубеже 20—30-х годов, когда в их работу активно вмешивались представители РАПМ. Следуя своему вульгарно-социологическому методу, они настойчиво и категорически требовали исключения из учебного репертуара сочинений многих выдающихся композиторов: Баха, как композитора религиозного, Рахманинова — помещика и эмигранта, Чайковского — буржуазного «нытика» и других. Елена Фабиановна открыто восстала против этих вредных установок. Немало пришлось ей в связи с этим пережить. Но зато и в школе, и в училище сочинения этих великих музыкантов продолжали звучать.

Когда решением правительства в институте был открыт факультет народных инструментов, Елена Фабиановна честно призналась мне: «Ты знаешь, я не люблю баян и домру. Но это нужно». Когда же в институте появились такие талантливые исполнители, как Ю. Казаков, А. Сурков, когда был создан оркестр народных инструментов, она стала их поклонницей.

Бывали и курьезные случаи. Помню, в 1922 или 1923 году стали входить в моду светлые шелковые чулки. И вот однажды я пришла на вечер в таких чулках. Елена Фабиановна, которая всегда следила за тем, как мы одеты, сейчас же остановила меня: «Что это? У тебя как будто голые ноги!!! Пойдем, я дам тебе черные чулки!» Она заставила меня переодеть чулки. Через несколько лет, когда такие чулки стали носить все, я как-то напонила ей случай с переодеванием и добавила: «А вот Вы сами в таких чулках». На это она мне ответила: «Видишь ли, нельзя отставать от времени ни в чем, даже в моде. Но надо было привыкнуть».

Елена Фабиановна всегда была тщательно одета, причесана. Я никогда не видела ее в халате, неприбранную, и она терпеть не могла неряшливых, нечистоплотных людей, но замечала и любила, когда ученики и педагоги выглядят красиво, нарядно.

В тяжелые годы гражданской войны с одеждой в стране было очень трудно. Помню, С. С. Скребков ходил в толстовке, сшитой из голубой бархатной портьеры, у меня было платье из пледа, в котором для приличия были выдернуты яркие пестрые нити. Учащиеся да и педагоги носили валенки (если они были!), обувь на веревочной подошве, тапочки на картоне. Мне был выделен ордер на обувь, но ее не было, и я купила маленькие галоши, которые служил мне выходными туфлями. Особенно нуждающимся Елена Фабиановна отдавала свои вещи.

Забываясь об учащихся, Елена Фабиановна выхлопотала 5 стипендий-пайков имени Луначарского и несколько посылок АРА⁹. Пакет состоял из 400 г конопляного масла, 500 г селедки и 2 кг ржаной муки. Ездили получать паек мы сами, везли его на салазках. Посылки же состояли большей частью из носильных вещей. Елена Фабиановна сама распределяла их. Мне нужны были ботинки, но ничего подходящего не было, и Елена Фабиановна посоветовала мне взять мужские полуботинки 40-го размера! «Ничего, положишь ватки в носок!» И действительно, я с успехом носила их целый год.

С транспортом тоже было плохо, ездить на шефские концерты приходилось в холодных автобусах или на подводах. Елена Фабиановна всегда сама нас сопровождала. И надо было видеть, как внимательно осматривала она, тепло ли мы одеты. Сколько своих шарфов, шалей накручивала на нас! Конечно, отъехав немного, молодежь, особенно мальчишки, сбрасывали их с себя. Особенно любили мы ездить в санаторий «Узкое». Нас угощали там горячим чаем с сахаром (!) и булочкой, оставляли ночевать. После холодных московских квартир эта великолепная усадьба, ее обстановка казались нам сказкой.

У Елены Фабиановны не было детей. И все тепло своего сердца она отдавала своим ученикам. Мне посчастливилось быть близкой с Еленой Фабиановной в течение многих лет. В трудных и тяжелых событиях моей жизни она всегда принимала горячее участие и помогала по мере сил. У меня сохранилась записка, написанная ею в 1933 году, когда я сильно заболела после рождения сына Дмитрия. Вот ее текст:

«Дорогая моя Леночка! Что же это с тобой приключилось! Бедная ты моя дочка! Мой совет — ехать скорее в больницу, именно в Боткинскую, где Владимир Николаевич Розанов окажет тебе всякое внимание. Я позвоню ему сегодня же вечером.

Целую тебя крепко, крепко, моя дорогая, тебя и Митеньку.

27/VI 33 г. Твоя Ел. Гнесина»¹⁰.

«Дочкой» Елены Фабиановны я оставалась всю жизнь, даже тогда, когда она уже звала меня Еленой Васильевной. Самым ценным в наших отношениях была честность, прямота и открытость. Елена Фабиановна порой ругала меня, будучи недовольной моими поступками, но всегда, высказавшись, доверительно и ласково разрешала все недоразумения.

Елена Фабиановна очень любила детей, особенно малышей. Она умела с ними разговаривать, развлекать и забавлять их. Устраивала для них теневой театр, искусно изображая при помощи пальцев зайца, собаку, щелкающего зубами волка, птичку и проч. Она неизменно присутствовала на всех детских праздниках, на постановках детских опер. Но с детским хором она никогда не работала, сольфеджио у детей не вела. Это была область Евгении Фабиановны, а позже сольфеджио преподавала Елизавета Фабиановна. И Елена Фабиановна не вмешивалась в их текущую работу, в методику, но всегда участвовала в обсуждении репертуара. Сестры очень уважали работу друг друга, хотя часто спорили, порой расходились в мнениях.

Вспоминая последние годы жизни Елены Фабиановны, я всегда удивлялась ее мужеству. Она потеряла всех своих родных, близких и дорогих ей людей и все же оставалась деятельной, живой и остроумной. Даже в больнице, незадолго до кончины, перед ампутацией ноги, она шутила с врачами, хотя, конечно, знала, что ей предстоит и как тяжела ее болезнь.

Елена Фабиановна была не только моим учителем, но и матерью, и другом. Она воспитала меня как педагога. Почти 60 лет я училась у нее, работала рядом с нею. Всего этого забыть невозможно, это вошло в мою жизнь.

Из воспоминаний

Я познакомился с Еленой Фабиановной при довольно-таки драматических для себя обстоятельствах.

Приехав впервые в Москву из небольшого города Белева Тульской губернии осенью 1923 года с твердым намерением посвятить себя музыке, я, несмотря на свой весьма перерезренный возраст, был абсолютно не подготовлен к профессиональным занятиям музыкой. Весь мой багаж в тот момент составляло довольно приличное знание гармонии, которую я прошел под руководством скрипача Б. А. Михаловского — ученика А. К. Лядова по теории, случайно оказавшегося в те трудные годы в нашем городе.

На фортепиано же я играть совсем не умел по той простой причине, что в нашем городе тогда не у кого было учиться.

Это нисколько не мешало мне, впрочем, храбро аккомпанировать тамошним любителям-певцам и хоровым кружкам и даже разбирать попадавшие мне под руку сольные пьесы. Выручали меня природные музыкальные способности да шумное и неумеренное употребление правой педали, с помощью которой я пытался создать некоторого рода дымовую завесу для прикрытия многочисленных грехов и неясностей, в которых были повинны мои руки.

Естественно, что педагоги консерватории, куда я пробовал держать экзамен, не могли принять ни на фортепианный, ни на теоретический факультет такого провинциала-самоучку, каким я был в свои восемнадцать лет, хотя в то же время приемная комиссия, отметив мой слух и музыкальность, дала мне направление в любое музыкальное училище по моему выбору, чтобы помочь наверстать упущенное мной время.

Б. Л. Яворский¹, объяснивший мне от имени приемной комиссии консерватории всю ситуацию, посоветовал взять направление в техникум Гнесиных. Он очень тепло отозвался о деятельности Гнесиных, и я покорно согласился, поскольку своего мнения по этому вопросу не имел, и не мог иметь. В Белеве я вообще ничего не слышал о каких-то музыкальных учреждениях, кроме консерватории.

К этому моменту я уже начал понимать всю катастрофическую глубину моей неподготовленности и музыкального невежества и, естественно, находился в весьма подавленном состоянии.

Держа в руках бумажку с направлением, я уныло шагал по Арбату, время от времени спрашивая прохожих, как пройти на Собачью площадку, которая не нравилась мне уже самим своим названием. Наконец, передо мной возникла эта долгожданная площадка, оказавшаяся очень тихой и безлюдной, лишенной не только собак, но и прохожих. Без труда нашел я скромный дом, никак не походивший на солидное музыкальное учреждение, и, грустно вздохнув, вошел со двора в прихожую.

В доме стояла такая тишина, что было слышно тиканье часов. После шума, многолюдства и обширных помещений консерватории эта домашняя обстановка подействовала на меня двояким образом: отсутствие официальной и немного казенной атмосферы меня как-то успокоило, но в то же время чрезмерная простота и как бы частный характер вызвали какое-то недоуменное чувство.

В канцелярии, куда я прошел из прихожей, сидела строгая на вид дама (это была, как я потом узнал, Валерия Александровна Стрельбицкая² — умный и милейший человек). Дама прочитала бумагу, которую я ей протянул, и, взяв ее с собой, удалилась в какие-то внутренние помещения училища, попросив меня подождать.

В ожидании я осматривался. Передо мной были широко раскрытые двери в большую комнату. Это был зал училища. Там стояли рядами стулья и возле окон какие-то зеленые растения в кадках, висели портреты композиторов и сумрачно поблескивали два рояля, сдвинутые хвостами друг к другу. Зал мне сразу понравился и вызвал внутреннее доверие. Он был такой уют-

ный и хотя не совсем домашний, но уж, во всяком случае, не казенный. «В таком светлом зале, — подумалось мне, — наверное, приятно заниматься».

Из внутренних комнат раздалась шага, и я впервые увидел Елену Фабиановну. Она была такая, какой я ее знал много лет потом — с пышными белыми волосами и строгим, умным, внимательным взглядом. Она держала в руке мою бумагу. «Эта бумага для нас не обязательна, — сказала она, — мы сами решаем, кого принять к нам учиться, а кого — нет. Пойдемте, я вас проэкзаменую. Вы хотите на теоретическое отделение?» И она прошла в зал, а я — за ней. «Подойдите к тому роялю, что налево, и возьмите на нем этот аккорд», — приказала она, подойдя к другому, что стоял направо.

Я услышал четырехголосный аккорд (до сих пор его помню: *до* — *фа-диез* в малой октаве в левой руке и *ми-бемоль* — *ля* в первой октаве — в правой) и сразу взял его на другом инструменте. «Я принимаю Вас, — сказала Елена Фабиановна, — платить можете?». Я ответил, что нет. (Семья наша отчаянно бедствовала в то время, на руках у родителей было еще двое детей моложе меня, с трудом мне купили билет до Москвы, а денег дали с собой всего пять рублей.) «Ну, хорошо, мы подумаем, как Вас освободить от платы. Идите к Валерии Александровне, оформляйтесь». «Я беру его на теоретическое отделение», — сказала она даме в канцелярии. Таким образом, с помощью уменьшенного септаккорда я в несколько секунд стал студентом техникума.

Уже впоследствии, после окончания училища, забирая документы и получив на руки заполненную мной тогда анкету поступающих, я с благодарностью прочитал на ней собственноручно написанную Еленой Фабиановной резолюцию: «Очень одаренный. Платить не может». И действительно, с первого семестра я был освобожден от платы.

Ободренный результатом экзамена, я решил тут же узнать у Елены Фабиановны: нельзя ли мне поступить также и на фортепианное отделение. «А вы разве владеете инструментом? — спросила она, — ну, идите опять в зал и покажите, что вы можете».

Я сел за рояль и начал, как умел, расправляться с бедным «Полишинелем» Рахманинова. Елена Фабиановна меня остановила и спросила строго и удивленно: «Вы учились у кого-нибудь?» Я ответил, что, по правде говоря, в Белеве было не у кого учиться. «Ну это сразу и видно, — сказала она, — значит, Вы самоучка». Мне пришлось согласиться с этим справедливым диагнозом. Она подумала. «Ну вот что, я дам вам педагога по специальности фортепиано, попробуем вас учить».

Так я стал студентом училища по двум специальностям. Однако если уроки по теории композиции в классе у Михаила Фабиановича Гнесина проходили плодотворно и интересно, то с фортепианными моими занятиями дело обстояло из рук вон плохо. Мой педагог, без труда удивившись в полном отсутствии у меня каких бы то ни было понятий о постановке руки и правильных приемах звукоизвлечения, махнул на меня рукой и, задав несколько этюдов Черни, лениво выслушивал, как я безуспешно пытался заставить свои неуклюжие пальцы хоть как-то двигаться. Его равнодушие угнетало меня, косвенным образом подтверждало мне мою бездарность и безнадежность всяких попыток хотя бы в самой скромной степени овладеть инструментом. Однако вскоре пронесся слух, что этот педагог уходит, а его учеников распределяют по другим классам. Отчаявшись в возможности хоть как-то научиться владеть инструментом, я, признаваясь, довольно-таки равнодушно ждал решения своей участи.

Однажды ко мне подошла Елена Фабиановна. «Ваш педагог уходит, — сказала она, — хотите поступить ко мне в класс?» От неожиданности, я пробормотал что-то невнятное, что, однако, должно было означать согласие. «Но, имейте в виду, что я спущу с вас семь шкур. Вы к этому готовы?» Я ответил: «Все мои шкуры к вашим услугам». «Ну, хорошо. Придете ко мне после каникул. Ваше имя, кажется, Евгений? Я так и буду вас звать просто — Евгением. Не возражаете?» Так на всю жизнь я остался для Елены Фабиановны просто Евгением, и так она потом всегда ко мне обращалась.

Мне было назначено время для занятий в воскресенье. Другие дни были у Елены Фабиановны заняты, и она отдала мне утро своего единственного выходного дня.

Наслушавшись от студентов рассказов о вспыльчивом характере и строгости Елены Фабиановны, о тех страшных разносах, которые она учиняет всем, даже оканчивающим ученикам, я не без робости и внутреннего волнения ждал первого урока.

Сев со мной рядом и объяснив правила посадки за инструментом, она стала показывать мне сначала на закрытой крышке инструмента, а потом на клавишах прием свободного падения руки. С величайшей тщательностью и терпением, шаг за шагом, она разъясняла мне первоначальные приемы по освобождению рук. Для меня это было абсолютной новостью, и от неожиданности задач, поставленных передо мной, я как-то туговато воспринимал то, что она мне говорила и показывала.

Вот здесь проявилось то величайшее педагогическое мастерство и понимание психологии ученика, которые были так характерны для Елены Фабиановны. По многу раз повторяя одно и то же, ни на минуту не изменяя спокойного, благожелательного тона и ничуть не раздражаясь на мою неуклюжесть и непонятливость, она настойчиво и неуклонно вела меня к освоению тех основных движений на клавиатуре, которые с такой легкостью усваиваются в детском возрасте и так трудно даются взрослым.

На второй урок, кроме гамм и упражнений, мне была задана двухголосная инвенция Баха ф-мажор, с которой, таким образом, и началось мое профессионально-музыкальное образование. Помню хорошо, с каким трудом мне далась тогда элементарная координация рук, когда одна рука должна была играть стаккато, а другая легато.

Терпение и благожелательность Елены Фабиановны при этом казались неистощимыми. Однако через несколько уроков я получил от нее весьма серьезный нагоняй за халтурную работу дома. Надо отдать ей справедливость, что и разности она умела делать отлично, как, впрочем, и все, чем ей приходилось заниматься в ее многогранной деятельности.

Вообще, терпеливо занимаясь той черной работой по постановке рук, которая является фундаментом профессионализма, она в то же время последовательно и беспощадно вытравляла из моей натуры провинциального дилетанта, неуклонно повышая при этом от урока к уроку профессиональную требовательность. В сущности, это было не просто обучение владению инструментом, это было формирование твердых навыков серьезного, добросовестного и честного отношения к своему делу, а, следовательно, в конечном счете являлось и формированием характера.

Через полгода, весной, я играл на экзамене первую часть ля-минорной сонаты Шуберта, «Прялку» Мендельсона и еще какие-то этюды и с этого момента вошел в число учеников Елены Фабиановны уже не на «птичьих правах», а получив нормальные два урока в неделю по расписанию.

Развивая технические навыки и прививая внимательное и любовное отношение к обозначенным в нотном тексте намерениям композитора, Елена Фабиановна стремилась пробудить и самостоятельность музыкального мышления ученика, выявить его исполнительскую индивидуальность.

Со мной дело обстояло вначале довольно трудно, поскольку я только в 18-летнем возрасте услышал профессионального пианиста (это был Игумнов!) и пережил первое потрясение от знакомства с симфоническим оркестром, до крайности поразившим меня мощью и богатством своих возможностей. В силу крайней неразвитости моего исполнительского воображения, не впитавшего необходимых впечатлений в раннем возрасте, я не знал, что хочу выразить, исполняя ту или иную пьесу. Елена Фабиановна отлично учла эту отсталость моего музыкального мышления. Дав мне разучивать для исполнения на ученическом вечере «Papillons» Шумана, она спросила, справлюсь ли я с теми задачами, которые ставит передо мной как исполнителем это произведение. Я честно ответил, что нет. И тогда она с присущим ей терпением и добросовестностью, такт за тактом, нота за нотой прошла со мной все двенадцать пьес, объясняя их характер и показывая те технические приемы, которыми надо было добиваться необходимых звучностей.

Я исправно скопировал то, что мне предложила Елена Фабиановна и точно так, как она показывала, сыграл на вечере. Но в результате этой работы моя фантазия сделала огромный скачок, после которого я уже сам заметно стал проявлять собственную исполнительскую инициативу.

Так, применив, казалось бы, не слишком полезный прием «натаскивания» ученика, Елена Фабиановна способствовала пробуждению художественного воображения, которое не проявлялось до сих пор из-за крайне неблагоприятных внешних условий развития.

В дальнейшем Елена Фабиановна направляла меня в качестве аккомпаниатора в вокальные классы, что тоже значительно двинуло вперед мою музыкально-исполнительскую самостоятельность.

В последний год пребывания в классе Елены Фабиановны (всего учился у нее три с половиной года) я, по-видимому, довольно крепко стоял на ногах, потому что больше не слышал от нее замечаний по интерпретации подготавливаемых пьес, хотя в их числе было такое произведение, как ля-минорная органная fuga Баха-Листа, где ни одного исполнительского указания в нотном тексте ни от автора, ни от редактора, как известно, не имеется. Она только говорила: «Ну так, Евгений, это пойдет».

Забегая вперед, скажу, что именно самостоятельность интерпретации мной этой fugи сыграла решающую роль на экзамене, который я держал на дирижерское отделение Московской консерватории, не имея ни малейшей оркестровой практики, при конкурсе в пятнадцать человек на место. Об этом мне уже потом сказал профессор по классу дирижирования К. С. Сараджев.

На следующий день после выпускного экзамена мы, четверо окончивших класс Елены Фабиановны, — Р. Жив, С. Элинсон, М. Григорьев и я — сфотографировались вместе с ней где-то на Арбате и через несколько дней получили от нее фотографии с трогательными словами, как бы напутствиями в жизнь. Мне посчастливилось получить от Елены Фабиановны такую надпись: «Евгений! Очень надеюсь, что вы и дальше пойдете вперед такими же крупными шагами и надеюсь (если доживу) услышать о вас, как о большом музыканте».

Благополучно окончив техникум по классу фортепиано и композиции, я смог поступить в класс Г. Г. Нейгауза и на дирижерское отделение той самой Московской консерватории, которая в свое время направила меня учиться у Гнесиных.

Из всех моих учителей, оказавших большое влияние на формирование моих художественных вкусов и стремлений, среди которых необходимо назвать таких мастеров, как М. Ф. Гнесин, Р. М. Глиэр, Г. Г. Нейгауз, К. С. Сараджев, Н. С. Голованов, Вл. И. Немирович-Данченко, я всегда первым назову имя Елены Фабиановны.

Время — лучший судья всех деяний человека. Чем дальше отходит от меня тот день, когда робким неучем я впервые вошел в класс Елены Фабиановны, тем ясней становится все значение ее неповторимой личности, ее великого и самоотверженного труда, педагогической мудрости и того душевного расположения к людям, без которого немыслимо ни одно настоящее творческое свершение ни в жизни, ни в искусстве.

Памяти большого друга

Знакомство мое с Гнесиными началось более полувека тому назад. В ту пору я была студенткой фортепианного факультета Ростовской-на-Дону консерватории по классу профессора Василия Васильевича Шауба¹. Там, в консерватории, я познакомилась с Михаилом Фабиановичем Гнесиным².

Обаятельный, ласковый человек, тонкий и чуткий психолог, культурнейший музыкант, Михаил Фабианович был учителем (класс композиции) Владимира Моисеевича Тарнопольского, ставшего впоследствии моим мужем. Он-то и познакомил меня с Михаилом Фабиановичем. Было это на одном из вечеров для студентов, где я впервые услышала из уст Михаила Фабиановича красочный рассказ о событиях в Петербургской консерватории в годы первой революции, об участии в ней Н. А. Римского-Корсакова и А. К. Глазунова, о волнениях студентов консерватории, возглавлял которые Михаил Фабианович³.

На меня, в то время 15-летнюю девочку, весьма впечатлительную, этот вечер произвел сильное действие, и я его ясно помню до сих пор.

Позднее, окончив Ростовскую консерваторию, мы с мужем в 1923 году переехали в Москву.

Моя первая попытка поступить в Московскую консерваторию кончилась неудачно. К. Н. Игумнов, прослушав меня в этюдах Листа («Мазепа» и «Блуждающие огни»), сказал: «Девочка, мы Вас примем, но Вам надо года на два попасть в руки хорошего педагога, чтобы исправить Ваши недостатки, пополнить Ваши исполнительские знания. Вот, если бы Вы могли попасть к Елене Фабиановне Гнесиной — это было бы чудесно. Вы знаете, я готов просить за Вас Елену Фабиановну и напишу ей письмо». Я поблагодарила Константина Николаевича и вернулась домой чрезвычайно опечаленной, так как в Ростове считалась весьма одаренной и талантливой пианисткой.

Мой муж поделился с Михаилом Фабиановичем результатами прослушивания. Зная, что Елена Фабиановна очень строга, никого не принимает в свой класс, я, будучи глупо самоуверенной, не обратилась к ней. Тогда Михаил Фабианович попросил Самуила Евгеньевича Фейнберга позаниматься со мной. Уроки эти проходили у него дома, на тогдашней Маросейке, недалеко от Ильинских ворот. Это было в конце зимы. Занятия с Самуилом Евгеньевичем были очень увлекательны, он сам много играл, показывал. Это были первые годы его педагогики. Его требования я хорошо понимала и чувствовала, но выполнить технически не могла.

И все же я вновь иду на экзамен в консерваторию. Опять отказ. Здесь меня снова слушали К. Н. Игумнов, А. П. Островская и другие педагоги. Константин Николаевич подошел ко мне и укоризненно заметил: «А ведь я Вам советовал обратиться к Елене Фабиановне Гнесиной. Я ей написал о Вас письмо». Мне было стыдно смотреть ему в глаза, я бормотала какие-то извинения и пришла домой в отчаянье и слезах.

Вскоре мне было назначено время увидеться, и я пришла с повинной к Елене Фабиановне. Вначале она сказала, что взять меня посреди учебного года не может, что мест в ее классе нет, свободного времени для меня нет и просила зайти через несколько дней.

Когда я вторично пришла к Елене Фабиановне, она сказала мне: «Ну, покажите, что Вы умеете». Не помню, что и как я сыграла на прослушивании, но результат был положительный. О письме Игумнова Елена Фабиановна мне ничего не сказала ни тогда, ни позже. Содержание письма я узнала уже после кончины Константина Николаевича и Елены Фабиановны, когда оно было найдено в архиве Елены Фабиановны⁴.

Таким образом, в январе 1925-го года я стала студенткой Музыкального техникума имени Гнесиных по классу Елены Фабиановны.

Пришлось начинать с азов. Прежде всего — педализация. Елена Фабиановна требовала минимум педали, только в крайнем случае. Я же не знала тонкой педали, и, играя непосильно

трудные, слишком сложные произведения, пользовалась ею щедро, неразумно и нерасчетливо. Пришлось педализировать до-мажорную гамму.

Второй проблемой оказалось качество звука, легато в мелодии. Об этом я тоже была мало осведомлена, чувствовала неудовлетворенность, а как решить эти задачи, не знала. Много пришлось потрудиться, прежде чем рояль у меня зазвучал по-новому.

Произведения Елена Фабиановна давала очень легкие по сравнению с моим прошлым учебным репертуаром. У нее я играла этюды Мошковского, Вариации Мендельсона и Лядова, части из сонат Бетховена, Поэмы Скрябина соч. 32 и др.

Первые уроки с Еленой Фабиановной приносили мне немало огорчений, потому что у меня не было знаний, не было технических средств, чтобы выполнить требования Елены Фабиановны. Но постепенно я начинала более глубоко и чутко прислушиваться к инструменту и стала понимать, чему меня учит Елена Фабиановна. Она была и ласкова, и добра, но и строга.

Помню, как в день классного концерта утром я была на уроке у Елены Фабиановны и мне порядком от нее досталось (я должна была играть «Шесть вариаций» Мендельсона): она сказала, что я очень плохо играю, что все недоделано, сыро.

Я, конечно, со всей искренностью восприняла эту уничижительную критику и, придя домой, повалилась на кровать в слезах, с твердым намерением не идти на концерт вообще. Но примерно около шести часов вечера ко мне домой пришла ученица Елены Фабиановны с запиской от нее, в которой была просьба обязательно играть вечером. Это меня немного ободрило, я привела себя в порядок, оделась и пошла играть. Видимо, я сыграла весьма прилично, так как Елена Фабиановна, мило мне улыбаясь, сказала, что, оказывается, полезно бывает иногда поругать накануне выступления.

Обстановка в классе Елены Фабиановны была деловая, строгая.

Я любила слушать, когда Елена Фабиановна показывала мне фрагмент изучаемого мной произведения. Ее мягкие, гибкие пальцы извлекали теплый певучий звук. Она почти постоянно напевала — и очень выразительно — мелодию, которую надо было услышать. Огромное внимание Елена Фабиановна уделяла аппликатуре, требуя абсолютно точности и сердясь, когда это нарушалось. Она делала много разных пометок в нотах карандашом — свидетельство выражения ее темперамента.

Училась я у Елены Фабиановны два с половиной года и весной 1927 года уже играла дипломную программу. Идя на экзамен, я упала на мостовой и сильно «раскрасила» себе колено. Я была в своем, казавшемся мне чудесным, креплешинном платье терракотового цвета. И несмотря на боль и кровь, я больше была озабочена тем, чтобы не запачкалось мое платье.

Войдя в училище, я увидела Ольгу Фабиановну. Та позвала меня к себе и быстро оказала медицинскую помощь — промыла рану, забинтовала ногу, перебила чулки. И вот я, ничего не сказав о случившемся Елене Фабиановне, вышла играть. В моей программе были пятиголосная Прелюдия и fuga Баха до-диез минор, первая часть Концерта Бетховена соль мажор, Баллада Шопена фа мажор, Хроматический этюд Листа фа минор, Этюд Скрябина ре-бемоль мажор (двойными терциями). Чувствуя приподнятость, ответственность, я забыла о боли в колене и ощущала ее лишь в паузах между исполняемыми произведениями.

Постоянным председателем дипломной комиссии в течение многих лет в училище Гнесиных был Александр Борисович Гольденвейзер. За столом сидел также Константин Николаевич Игумнов. А в зале находились Елена Александровна Бекман-Щербина, Елена Федоровна Колобова⁶ и только что появившаяся в Москве Мария Вениаминовна Юдина.

Я мечтала о том, что, если мне суждено учиться в консерватории, то уж непременно у Игумнова. Но судьба распорядилась иначе. После удачного исполнения дипломной программы я увидела в руках Елены Фабиановны листок бумаги. На одной стороне было написано: «Александр Борисович! Хотите иметь Ревекку в своем классе?» (это спрашивала Елена Фабиановна), а на другой — ответ А. Б. Гольденвейзера: «Такую ученицу всякому иметь лестно». Тем самым участь моя была решена. Ослушаться я уже не могла.

И вот я вновь поступаю в консерваторию. Мне предлагают начать с Баха. В конце фуги я слышу: «Спасибо, достаточно». Больше слушать не стали. Я, конечно, опять расстроилась. Прихожу домой и — в слезы. Узнавать результат экзамена я отказалась. Говорю себе: «Стыдно, бесполезно». Пошел муж. Возвращается и говорит: «Ну что ты, дурочка, плачешь? Ты принята

на второй курс». Я оцепенела от неожиданности и тут же помчалась с букетом цветов к Елене Фабиановне. Теперь уж я ее не боялась, и мы крепко расцеловались.

Учась в консерватории, я часто приходила к Елене Фабиановне, играла ей свои вещи, рассказывала о своих консерваторских делах, о том, как подрабатывала по ночам в редакциях газеты «Экономическая жизнь» и журнала «Хлебный экспорт» в качестве корректора.

Когда осенью 1927 года консерватория объявила конкурс на замещение должностей аккомпаниаторов, я подумала: ведь я неплохо читала с листа, с многими произведениями вокальной и инструментальной литературы была знакома с детства (13-летней девочкой вела кружок камерной музыки при райкоме комсомола, знала песни Шуберта, Шумана, Брамса, Листа).

Прослушивание вели К. Н. Игумнов, А. П. Островская, В. В. Нечаев⁷ и др. Мне досталось читать с листа романс Бородина «Для берегов отчизны дальней». Пел тогдашний студент консерваторий (позже солист Большого театра) Петр Медведев. С перепугу, не заметив ключевых знаков, я начала играть не в той тональности. Опомнилась лишь на второй строчке. За моей спиной стояла А. П. Островская. Отступать мне было некогда и некуда, пришлось все произведение транспонировать до конца.

Как только мы закончили, Анна Павловна наклонилась ко мне со словами: «Деточка, да ведь Вы не только читаете с листа, а еще и транспонировать умеете!» Так моя концертмейстерская участь в консерватории была решена.

* * *

Еще до поступления в училище в класс Елены Фабиановны мой муж однажды взял меня с собой на один из «четвергов» к Михаилу Фабиановичу Гнесину. Происходили «четверги» в его квартире, помещавшейся в подвале дома № 5 на Собачьей площадке. Там собиралось довольно много людей: музыканты, поэты, художники. Показывали свои сочинения, читали стихи, играли, пели. Там бывали М. А. Бихтер и Вера Духовская, М. В. Юдина (уплетавшая в несметном количестве бутерброды с вареной колбасой и сладким чаем, которые неизменно каждый четверг подавались гостям). Время было голодное. Продукты получали по карточкам. Эти скромные угощения, видимо, представляли собою все запасы хозяев музыкальных четвергов. Меня страшно смущало то, что гости с таким удовольствием их уничтожали.

На этих четвергах бывали А. А. Крейн, М. Ш. Кравец, Л. Л. Штрейхер, В. И. Рамм, Сабсо-вич, К. И. Назаревич⁸ и многие другие. Тогда я впервые и встретила с Еленой Фабиановной. Изредка заходили на эти собрания Евгения Фабиановна и Ольга Фабиановна.

Хорошо помню Надежду Товиевну (жену Михаила Фабиановича), небольшую, худенькую, скромно и застенчиво державшуюся, беспокойную, суетливую, старавшуюся никого не обойти, ко всем подойти с лаской и вниманием. Иногда она отсутствовала (как помнится, она работала библиографом и была очень занята). Изредка появлялся сын Михаила Фабиановича. Станный, замкнутый, он производил впечатление нездорового человека⁹.

Михаил Фабианович с неизменной трубкой во рту, смотрел на всех своим добрым и лукавым взором, улыбался, но порой становился задумчивым. Вся атмосфера и обстановка этих «четвергов» осталась в моей памяти на всю жизнь. Здесь я впервые встретила с замечательными людьми, познакомилась с их композиторским и исполнительским творчеством.

Во время моей учебы в училище, по пятницам, после занятий, в зале проводились концерты. Это были творческие встречи учащихся с крупными музыкантами, поэтами, художниками. В наши «пятницы» мы слушали выступления Веры Духовской и М. А. Бихтера, М. В. Юдиной, Людмилы Глазковой, исполнявшей романсы М. Ф. Гнесина, Е. Ф. Колобовой, игравшей наряду с классической музыкой сонаты А. Мосолова, Елену Александровну Бекман-Щербину. Елена Александровна играла редко исполняемые транскрипции Листа. Играла она легко, непринужденно, солнечно, с присущим ей виртуозным блеском и изяществом. Ее блестящая техника, первоклассный пианизм, удивительная непосредственность музыкальной трактовки вызывали всеобщее восхищение, ее мастерство было беспредельным.

Среди гостей наших «пятниц» были Р. М. Глиэр, А. А. Крейн, Ф. М. Blumenфельд, К. Н. Игумнов, А. Б. Гольденвейзер, недавно приехавший в Москву Г. Г. Нейгауз. На одном из

вечеров выступал со своими новыми стихами Э. Багрицкий. Читал он их очень выразительно, горячо и страстно.

В период моего обучения в училище я вела там кружок камерной вокальной музыки. Была также редактором стенгазеты. А моим заместителем был Арам Хачатурян. Вялый, нерасторопный, он постоянно опаздывал на собрания, свои общественные задания никак не мог выполнить в срок. Мне не раз приходилось срочно выручать его. Ни я, ни мои однокашники в ту пору и представить себе не могли, что «наш Арамчик» так переменится и превратится в блестящего темпераментного композитора и общественного деятеля мирового значения.

Со мной одновременно учились Ю. В. Муромцев, А. А. Николаев, О. П. Померанцева, Ю. М. Сухаревский, Е. А. Акулов, М. Г. Григорьев, В. В. Красноглагова, сестры Вера и Ольга Бекман, Сережа Скребков, А. Л. Иохелес, последний был значительно моложе нас; я помню его в коротеньких штанишках. А как веселы и остроумны бывали наши ученические капустники! Их главными затейниками были П. Г. Козлов, О. и В. Бекман. На этих вечерах зал был набит до отказа.

Однажды к нам домой приехали Елена Фабиановна и Михаил Фабианович. Нашей дочери было тогда месяца два-три. Дорогим гостям было продемонстрировано ее купанье. Это привело их в восторг. Елена Фабиановна преподнесла нашей Верочке бумажный нагрудник, сделанный ею собственноручно, с надписью: «Лопай, что дают». Эту реликвию мы долго хранили, но в войну она была утеряна. В тот вечер Елена Фабиановна познакомилась с нашей старой няней Агафьей Андреевной, вырастившей меня и моих братьев. Она была украинкой и принципиально не говорила по-русски. Ее коверканье русских слов, веселость и остроумие привели наших гостей в восторг, и они очень смеялись. Вместо слова «коридор» она говорила «калитор», вместо «парк культуры» — «Пан Кантуры» и так многое другое. До конца своих дней Елена Фабиановна интересовалась ее судьбой и часто задавала мне вопрос: «А ваша Гапа еще жива?» «Да, — отвечала я, — она живет в семье моего брата, ей уже около 100 лет».

После моего окончания консерватории в 1931 году Елена Фабиановна, явно ревнуя меня к ней (ведь я осталась там работать концертмейстером), предложила мне должность концертмейстера в училище, и вскоре по совместительству я начала работать в вокальном классе О. Ф. Славинской¹⁰, а позже — в институте, в классе М. Л. Львова¹¹. Через некоторое время, снова по предложению Елены Фабиановны, я стала вести камерный класс и класс вокального ансамбля. Спустя много лет, когда Т. Н. Трофимова¹² организовала и возглавила концертмейстерский класс, Елена Фабиановна попросила меня работать и в нем.

Я часто навещала Елену Фабиановну дома. Она сама звонила мне по телефону, расспрашивала о здоровье дочери, родных, просила зайти к ней по разным делам. Так, веря в мои редакторские способности, Елена Фабиановна однажды попросила меня вместе составить и отредактировать ходатайство (по поводу строительства нового учебного корпуса) на имя председателя Совета Министров А. Н. Косыгина. Мой совет начать бумагу со слов «Мне исполнилось 90 лет» ей очень понравился и был тут же реализован. Вскоре Елена Фабиановна рассказала мне о положительном решении вопроса. Строительству, начиная с архитектурных проектов, Елена Фабиановна уделяла много внимания, сил и времени. Ей очень хотелось дожить до новоселья.

Елена Фабиановна неоднократно избиралась депутатом районного и городского совета и активно работала в этих исполнительных органах. Она всегда старалась помочь всем, кто к ней обращался. Ни один человек, если он был честен с ней, не оставался неудовлетворенным. Просьбам, в которых сквозили корыстные цели, Елена Фабиановна давала решительный отпор. Обмануть ее было невозможно. Она умела беспощадно развенчать «в пух и прах» того, кто шел к ней с нечестными намерениями!

Елена Фабиановна вела обширную переписку с жителями разных городов. Ни одно письмо не оставалось без ответа. К ней обращались с самыми разнообразными просьбами: устроить больного в санатории, поместить ребенка в детский сад, помочь поступить на работу, и т. д. Мне приходилось наблюдать, как четко работала Елена Фабиановна: она тут же снимала телефонную трубку и звонила в нужные инстанции. Обычно начинала она разговор так: «Говорит профессор, заслуженный деятель искусств Гнесина». Далее шло изложение ходатайства.

И важно то, что каждый такой вопрос она не забывала; через некоторое время снова звонила, выясняла, проверяла и не успокаивалась до тех пор, пока не получала уверенность в том, что дело решено положительно.

Определенных часов приема посетителей у Елены Фабиановны не было. К ней шли люди в любое время. И несмотря на наши просьбы установить какой-то регламент, сделать перерыв на обед и отдых, она на это не соглашалась.

Однажды, когда Елена Фабиановна была больна, кто-то из домашних повесил по секрету от нее на двери объявление с просьбой в течение двух обеденных часов ее не беспокоить. Первого же посетителя она спросила, почему он не пришел в назначенное время. Тот объяснил, что причина — записка на двери. Это вызвало страшное негодование Елены Фабиановны. Она просила принести ей эту записку, тут же разорвала ее на мелкие куски и устроила нагоняй провинившемуся. Больше подобные объявления на двери ее квартиры не появлялись.

Задолго до своей кончины Елена Фабиановна была лишена возможности свободно передвигаться. Она была прикована к передвижному креслу. В последующие годы возникла еще одна болезнь: гангрена пальца на ноге. Частичные хирургические вмешательства врача и друга Елены Фабиановны В. Н. Леонова у нее на дому поддерживали статичное состояние больной. Елена Фабиановна иногда рассказывала мне: «Вот сегодня я 19 раз обошла вокруг стола» (конечно, на костылях!), говорила об этом с гордостью и радостью. Она была жизнелюбом и очень хотела жить, творить, растить музыкальные кадры.

Еще в пятницу утром Елена Фабиановна позвонила мне, попросила прийти к ней в субботу, так как Елизавета Тимофеевна должна была уйти к врачу, и Елена Фабиановна оставалась одна. Я, конечно, обещала прийти. Но к вечеру состояние ее ухудшилось, нога начала чернеть, поднялась температура. Пришлось срочно госпитализировать. Врачи предложили серьезную операцию — ампутацию ноги. И Елена Фабиановна героически дала на это согласие.

Весь период пребывания Елены Фабиановны в клинике имени Вишневского был тяжелейшим для нее испытанием, мы — ее близкие, ученики, друзья — по очереди навещали ее, кормили, беседовали с ней. И вот что мне рассказала Елена Фабиановна: когда ее положили на операционный стол, она пропела врачам вступление к арии Иоанны из оперы Чайковского «Орлеанская дева»: «Да, час настал! Должна повиноваться небесному велению Елена». Даже в эту тяжкую минуту Елену Фабиановну не покинул ее привычный оптимизм.

Послеоперационный период был очень мучительным. Елена Фабиановна жаловалась на то, что чувствует боль в ноге, которой у нее уже не было. Рана не заживала. Положение осложнялось диабетом, которым она страдала. Через некоторое время пришлось расчищать рану, — по существу это была вторичная операция. Елена Фабиановна сохраняла мужество, надежду и даже в такое время заботилась о своей внешности. Полусидя в постели, она тщательно совершала свой утренний туалет. Ежедневно по утрам приезжала Вера Яковлевна Шубина в качестве куафера — причесывать Елену Фабиановну. Приходя утром в больницу, я встречала Веру Яковлевну, уже возвращавшуюся домой.

Елене Фабиановне нравилась моя домашняя кулинария. Но аппетит уже был плохой. В последние дни она ела очень мало. Кормили мы ее буквально из ложечки. И в то же время она продолжала жить интересами института, делами строительства нового здания, принимала визитеров, говорила с ними о делах.

Как-то на мое предложение принести ей что-нибудь вкусное Елена Фабиановна робко сказала: «Мне так хочется мороженого». Я принесла мороженое. Елена Фабиановна с наслаждением утолила свое желание. В другой раз я спросила Елену Фабиановну, что бы ей хотелось сейчас больше всего. Ответ ее меня поразил и растрогал до слез. Елена Фабиановна сказала: «Больше всего мне хочется вас сейчас поцеловать, милая Ревекка». Мы тепло поцеловали друг друга, и Елена Фабиановна добавила: «Вы мой настоящий друг; ведь другие далеко не так акkuratны в своих дежурствах, как Вы».

Елизавета Тимофеевна навещала Елену Фабиановну ежедневно, проводила с ней долгие часы.

Многие гнесинцы побывали у нее в клинике. Мы беседовали с хирургами, которые говорили нам: «Что поделаешь? Возраст!»

До последних дней Елена Фабиановна была в полном сознании. Лишь за два дня до кончины она впала в забытие и уже не приходила в себя.

Смерть Елены Фабиановны была тяжелейшим ударом для всех, кто ее знал, для ее учеников, друзей. Мы понимали, что это неизбежно и все же примириться с этим было невыносимо.

Выдающийся педагог-воспитатель, высоко принципиальный человек, общественный деятель — Елена Фабиановна занимала ведущее положение в музыкальном образовании нашей страны. По ней равнялись, к ней приходили за советами, за консультациями. Она очень любила детей. И дети отвечали ей тем же.

Мы, ученики и друзья Елены Фабиановны, представители старшего поколения, полны душевного тепла и благодарности к этому большому человеку, замечательному педагогу и труженику, посвятившему всю свою жизнь любимому делу.

Воспоминания о Елене Фабиановне Гнесиной

Мои воспоминания о Елене Фабиановне ни в какой степени не являются биографическими, не претендуют они и на систематическое изложение материала во времени. Это всего лишь ряд непосредственных личных наблюдений и впечатлений, которые помогут расширить и углубить представление о многогранном облике выдающегося музыканта и педагога, общественного деятеля и замечательного человека — строгого и отзывчивого, сурового и доброго, требовательного и вместе с тем снисходительного — каким была Елена Фабиановна.

Благодаря своим демократическим взглядам Елена Фабиановна обладала верной политической интуицией, что сказалось еще в ее отношении к революционным событиям 1905—1907 годов. Думаю, что именно это определило и правильное понимание ею Великой Октябрьской социалистической революции.

В Москве до революции был ряд частных музыкальных школ, которые, однако, в скором времени, после Октября, прекратили свое самостоятельное существование. А Елена Фабиановна не только правильно определила свое отношение к происходящим событиям, но стала с первых же дней установления Советской власти активно сотрудничать с учреждениями, ведающими музыкальным образованием, принимать деятельное участие в разработке новых учебных планов, программ, методических принципов и т. д. Несмотря на трудности жизни первых лет после революции, училище под руководством Елены Фабиановны продолжало активно и плодотворно работать. Это в свою очередь определило и внимательное отношение к учебному заведению советского правительства и, в частности, народного комиссара по просвещению А. В. Луначарского. Привожу текст записки, направленной им в Главтоп, ведавший тогда снабжением Москвы топливом, из которой ясны как отношение А. В. Луначарского к учебному заведению, так и оценка им его работы:

«Дорогой товарищ!

Очень прошу оказать мне поддержку в небольшом деле, которое изложено в прилагаемой при сем записке заведующей II Московской Государственной показательной музыкальной школы Е. Гнесиной. Со своей стороны обращаю Ваше внимание на то, что это совершенно исключительная школа. Я знаю лишь очень немного учебных заведений, считая все типы школ в Москве, которые доставляли бы мне столько радости своей деятельностью и добросовестностью и необычайно плодотворной работой. Музыкальный отдел и Наркомпрос гордятся этой своей школой, и им было бы очень больно, если вследствие холода пришлось бы закрыть эту школу... Прошу Вас уважить вне всякой очереди, в виде исключения, просьбу этой исключительной школы.

Нарком просвещения А. Луначарский¹».

Елена Фабиановна была выдающимся музыкантом и педагогом, но этим далеко не ограничилась ее деятельность. В России в прошлом было много крупных музыкантов и педагогов, есть они и в настоящее время, будут и в последующих поколениях. Но отличительной чертой Елены Фабиановны была ее необычайно разносторонняя одаренность, делающая ее неповторимой. Меня всегда поражало, как в одном человеке могло быть сосредоточено столько разнообразных качеств. Педагог, выпустивший из учебных заведений за время своей педагогической деятельности сотни пианистов; композитор, создавший большое количество произведений учебного репертуара, активно используемых и по сей день; человек неиссякаемой энергии и инициативы, крупный общественный деятель; талантливый организатор, обладающий неутомимой настойчивостью в осуществлении задуманного. К этому еще надо добавить почти фанатичную преданность делу, которому она служила и посвятила всю свою жизнь, — делу музыкального образования в нашей стране и, в частности, руководимым ею учебным заведениям, которым было присвоено имя Гнесиных. В. И. Немирович-Данченко в надгробном слове на могиле К. С. Станиславского назвал его отношение к искусству «влюбленным жречеством».

Эти слова полностью можно отнести и к Елене Фабиановне, к ее деятельности в области музыкального образования.

Мне хотелось бы остановиться на отдельных, как мне кажется, важных чертах ее педагогической деятельности.

Самым главным результатом занятий с Еленой Фабиановной было то, что учащийся получал определенную школу, фундамент, без которого невозможно дальнейшее продвижение вперед, независимо от того, будет ли оно самостоятельным, или под чьим-либо руководством на следующем этапе образования. Эта основа закладывалась сначала в школе, а затем в училище, и, поступая в консерваторию, мы понимали, что не будь у нас этой школы, мы не могли бы заниматься в высшем звене, а может быть, и не были бы приняты. Как часто, уже гораздо позже, на вступительных экзаменах в Институте им. Гнесиных, мне приходилось слушать молодых людей, игравших достаточно сложные произведения, у которых все как будто и «выходило», но не владеющих по-настоящему ни стилем музыки, ни полифонией, ни хорошей педализацией — словом, всем тем, чему в высшем звене уже научить невозможно не только потому, что там перед учащимися стоят другие задачи, но и потому, что это часто бывает уже поздно.

Елена Фабиановна строго следила за последовательностью учебного репертуара, проходимого ее учеником, порой долго выдерживая его на тех произведениях, которые были необходимы для последующего продвижения вперед. К сожалению, теперь это далеко не всегда соблюдается в нашей педагогике, а в последнее время даже появился специальный термин «завышенный репертуар», который можно часто слышать при обсуждении экзаменов и академических вечеров учащихся. Причина обращения к непосильному для учащихся репертуару заключается, видимо, и в том, что преподаватель не может устоять перед «натиском» своего ученика, а также в стремлении педагога показать своего ученика в наиболее выгодном свете, забывая при этом, что выступления учащихся — это не соревнование учителей. И нам в годы нашей юности хотелось играть произведения посложнее и поэффектнее, с которыми, возможно, мы и справились бы технически, но при этом не только не получили бы пользы, а причинили бы себе вред, так как в силу своей недостаточной общемузыкальной подготовки мы не могли воспринять стилевые черты и охватить всю глубину произведения, что в конечном счете является самым главным.

Елена Фабиановна была совершенно неумолима по отношению к сложному репертуару. Она говорила: «Если вы начнете разворачивать бутон руками, чтобы он быстрее распустился, то цветок не только не расцветет раньше, но будет погублен».

В связи с этим мне припоминается такой случай. Елена Фабиановна очень долго выдерживала своих учеников на инвенциях Баха. Я и М. Григорьев², с которым мы вместе учились у Елены Фабиановны, считали, что давно уже доросли до фуг из «Хорошо темперированного клавира» и просили разрешения разучивать их, на что неизменно получали решительный отказ. В марте готовился отчетный годовой концерт техникума, проходивший в Малом зале консерватории. Прорепетировав перед концертом у Елены Фабиановны финал ре-мажорной сонаты Моцарта для двух роялей, мы — Елена Фабиановна, Григорьев и я — отправились пешком в консерваторию. На улице было скользко, и мы, подхватив галантно Елену Фабиановну с двух сторон, продолжали свою работу по «выклянчиванию» фуги. Елена Фабиановна была в хорошем настроении (хорошо прошла репетиция), много шутила и разговор, как говорится, происходил в атмосфере взаимопонимания. Мы с Григорьевым решили: ну уж теперь обеспечена нам fuga! Прошел отчетный концерт, начались плановые занятия, но фугу в этом учебном году мы так и не получили.

Помимо соблюдения строгой последовательности в учебном репертуаре, Елена Фабиановна давала произведения специально для преодоления слабых сторон в подготовке учащихся. На это тоже идет не каждый педагог, так как учащийся может быть показан с наименее выгодной стороны. Елену Фабиановну это в силу ее педагогической убежденности и авторитетности не только не беспокоило, но она даже не задумывалась об этом.

Она была убеждена, что увлечение педагога сильными сторонами ученика может отвлечь внимание от недостатков и помешать своевременному и последовательному развитию молодого музыканта, а позже восполнить упущенное будет крайне трудно.

Я пришел в училище, обладая неплохой беглостью, но, видимо, с недостаточно глубоким пониманием музыки в целом. Один из моих приятелей говорил мне тогда: «Ты играешь хорошо — быстро и громко». И вот я был посажен Еленой Фабиановной на медленные части сонат Моцарта, не представлявшие для меня технических трудностей, но заставившие меня много потрудиться, а Елену Фабиановну — много со мной повозиться. Вначале я несколько скучал на этой, как мне тогда казалось, несложной музыке, и только уже значительно позже я понял всю значимость этого педагогического приема, сыгравшего важную роль в моем становлении.

Очень много внимания Елена Фабиановна уделяла искусству педализации. Она учила нас при употреблении правой педали учитывать не только обогащение и окраску звучности, но и стиливые особенности произведения, что и определяло характер ее применения. Глубина, сила, длительность, время нажатия и снятия педали зависели в основном от стиля музыки композитора, характера произведения, нюанса. Педаль в произведениях Листа и Шопена должна была отличаться не только по объему, но и по своему характеру от педали, применяемой в пьесах Гайдна и Моцарта. В «пиано» Елена Фабиановна разрешала брать педаль очень мягко и не глубоко. Вот я перелистываю ноты произведений, которые я проходил с Еленой Фабиановной. Ноктюрн Шопена ре-бемоль мажор. В верхнем левом углу надпись карандашом, четким почерком Елены Фабиановны: «В *pp* и *p* — еле касаться педали». Этюд Листа «Шелест леса» — надпись: «Меньше педали вообще и, в частности, в пиано возможно меньше нажимать». В пьесах в жанре вальса педаль, как правило, не разрешалось держать дольше второй четверти. Велась строгая борьба со стуком демпферов при взятии, перемене или снятии педали, а тем более — со стуком ноги по педали. В целом мы приучались к скупой, а порой даже к аскетической педали, что гарантировало нас от излишней педали и неизбежно возникающей от этого грязи. В связи с этим мне вспоминаются слова пианиста Иосифа Гофмана: «Остерегайтесь слишком частого, а пуще всего продолжительного употребления педали — это смертельный враг ясности, — и далее: ...гораздо важнее знать, когда не употреблять»*. При попытке кого-либо из учащихся прикрыть не получавшееся технически место чрезмерной педализацией Елена Фабиановна говорила: «Не старайся несовершенство рук компенсировать ногами... к тому же тоже несовершенными!». Однако отрицательное отношение Елены Фабиановны к чрезмерно «густой» педализации отнюдь не означало, что рекомендуемая ею педаль была ограниченной. Наоборот, мы знакомились в классе с самыми разнообразными видами педализации: обычная запаздывающая, педаль, берущаяся одновременно с звуком или аккордом, полупедаль, вибрирующая и т. д. Речь шла лишь об уместности применения того или иного вида педали в данном конкретном случае и об обязательном слуховом ее контроле.

Елена Фабиановна обладала отличной музыкальной памятью. Причем знание ею музыкальной литературы, в особенности произведений, которые она проходила с учащимися, было не общим, поверхностным, а глубоким и, если здесь уместно это слово, практическим.

К. С. Станиславский в ходе репетиции часто говорил актерам, особенно когда кто-либо из них пускался в пространные рассуждения: «В искусстве знать, значит — уметь», — и предлагал артисту сделать то, что он объяснял. Елена Фабиановна всегда и «знала», и «умела». Для иллюстрации я приведу лишь один пример. При прохождении инвенций мы должны были играть каждый голос отдельно, что при исполнении среднего голоса в трехголосных инвенциях представляло некоторые сложности, — он распределялся между обеими руками. На одном из уроков я играл средний голос в трехголосной инвенции, а Елена Фабиановна по сложившейся у нее привычке, сидя рядом, «подыгрывала» мне его на октаву выше. Кто-то вошел в класс и обратил к ней с каким-то неотложным вопросом. Разговаривая с собеседником, она, не останавливая меня и не смотря в ноты, доиграла до конца на память весь средний голос инвенции.

Остановлюсь еще на одной стороне педагогических взглядов Елены Фабиановны. Мы знаем, что многие учителя весьма ревниво относятся к педагогическому общению своих учащихся с другими преподавателями. Кто знает, быть может, в основе этого лежит неосознанное опасение, что, ознакомившись с другим учителем и увлекшись им, учащийся хотя бы из ощущения новизны сможет предпочесть его своему педагогу. Елене Фабиановне это никогда не было свойственно. И думаю, что это происходило не только благодаря ее большому педагогическо-

* Гофман И. Фортепианная игра. Ответы на вопросы о фортепианной игре. М., 1961.

му авторитету и отсутствию какой бы то ни было тенденции искусственного удерживания своих учеников, но и в силу ее широких взглядов на музыкальное воспитание. Она считала, что общение ученика с хорошим музыкантом полезно и может только обогатить его, совершенно пренебрегая при этом другими соображениями. Бывали случаи, когда она сама рекомендовала поиграть разучиваемое произведение кому-либо из других музыкантов.

При окончании училища в мою экзаменационную программу входила органная токката до мажор Баха в обработке Бузони.

Незадолго до выпускного экзамена Елена Фабиановна предложила мне сыграть токкату известной пианистке М. В. Юдиной, уделявшей большое внимание в своей исполнительской деятельности творчеству Баха, и предварительно договорилась с ней об этом. После прошедших занятий с Юдиной Елена Фабиановна с большим интересом расспрашивала меня о впечатлении Марии Вениаминовны от моего исполнения и о высказанных ею соображениях. Этот случай был далеко не единственным.

Елена Фабиановна обладала неиссякаемой инициативой, целеустремленностью в осуществлении задуманного ею дела, благодаря чему она доводила его до конца, преодолевая встречающиеся на ее пути трудности. Тут использовались все средства, начиная от мобилизации всех внутренних возможностей и кончая личными посещениями или обращением по телефону, а когда это не удавалось, — в письменной форме (причем в особо важных случаях она писала письма от руки, своим крупным разборчивым почерком) непосредственно к руководителям министерств, членам правительства. И надо сказать, что ей оказывали большое внимание и старались помочь, понимая, что ее усилия направлены на улучшение общенародного дела — музыкального образования в нашей стране. Некоторые работники Комитета по делам искусств просто побаивались Елену Фабиановну из-за ее настойчивости, энергии, нетерпимости к волоките, отговоркам. Они знали, что если здесь не решат дела, то Елена Фабиановна обратится в следующую инстанцию и не утаит там, кто не сумел решить ее вопроса. Позднее, когда Елена Фабиановна по состоянию здоровья уже была лишена возможности выезжать, ее активная деятельность продолжалась при помощи телефона.

Когда я заходил к ней перед началом работы в 9 часов утра, она уже сидела у себя в кабинете за столом, всегда хорошо одетая и тщательно причесанная и говорила по телефону с кем-либо из руководителей министерства или других учреждений об очередном деле.

В послевоенные годы в Институте и Училище им. Гнесиных осуществлялся ряд строительных работ. Конечно, было бы несправедливо умалять в строительных делах роль руководства института и училища в целом, партийной и общественных организаций, однако можно с уверенностью сказать, что, если бы не инициатива, энергия и настойчивость Елены Фабиановны, вряд ли это все было бы осуществлено. В последнее время вся страна наша строилась и, естественно, возникали многочисленные трудности с рабочей силой, строительными материалами, техникой. Елена Фабиановна сама занималась вопросами строительства. Она лично держала постоянную связь с председателем Московского Совета и его заместителями, руководящими работниками министерств, имеющих отношение к строительству. Она буквально не давала покоя начальнику, главному инженеру, прорабу, требуя, чтобы они систематически докладывали непосредственно ей о положении дел и причинах, вызывающих те или иные задержки. Можно было только удивляться, как быстро и, я бы сказал, как профессионально она вошла в строительные дела. В таких специфических понятиях, как кассауры, швеллеры, тавровый профиль, балясины, лепнина, сантехника, мангалы, она разбиралась не хуже, чем в музыкальных терминах. И все это одновременно с другими сторонами ее деятельности — руководством учебными заведениями, заведованием кафедрой, преподаванием, заседаниями совета института, присутствием на экзаменах и вечерах, общественной работой и так далее.

Я коснулся лишь одной, пожалуй, наиболее сложной и наиболее далекой от профессии Елены Фабиановны стороны ее деятельности, связанной со строительством. Но таковой она была во всех случаях за исключением одного, когда дело касалось ее лично. Она не умела заниматься своим благополучием. Жизнь ее была поистине беззаветным и бескорыстным служением делу, порой в ущерб личным удобствам. Русскую поговорку «От трудов праведных не наживешь палат каменных» полностью можно отнести к Елене Фабиановне. Имея большие деловые

связи в самых высоких инстанциях и используя их для дела, которому она посвятила свою жизнь, она никогда не обращалась к кому-либо с просьбой, касающейся ее лично.

Работала Елена Фабиановна очень много и не признавала не только приемных часов, но вообще никакого регламента. Посетители шли к ней в любое время, и она принимала их, не исключая и обеденного времени. И если кто-либо из ее родных или присутствующих, открывая дверь во время обеда, говорил пришедшему, чтобы он зашел позже, Елена Фабиановна по-настоящему сердилась (звонок был слышен в ее комнате). С большим трудом уже в конце ее жизни мы уговорили ее вывесить на двери своего кабинета приемные часы. Уступив, наконец, нашим просьбам, она согласилась на это, но... все осталось по-прежнему, и все дальнейшие попытки упорядочить рабочий день Елены Фабиановны были бесполезны. Когда я убеждал ее подумать о своем здоровье хотя бы ради дела, она с лукавой улыбкой, свойственной всем Гнесиным, говорила: «А ты знаешь, что по этому поводу сказал Блок?» И увидев мой недоумевающий взгляд, продолжала: «Покой нам только снится».

Какой был характер у Елены Фабиановны? Об этом существовали самые различные мнения. Одни говорили, что она строга, сурова и вспыльчива. Другие — что добра, благожелательна и отзывчива. Кто же был прав? Может быть, истина лежала где-то посередине? Нет, думаю, что были правы и те, и другие. Все зависело от того, по каким вопросам к ней обращались. Она была совершенно нетерпима к плохому, к недостаткам, будь то лень учащегося, плохое отношение преподавателя к работе, неправильное поведение кого-либо в коллективе, плохо оштукатуренная стена в строящемся здании, неправдивость. И в этих случаях она, действительно, была строга и сурова. Однажды преподаватель К. на уроке проявил к студентке несколько больше внимания, чем этого требовали его педагогические обязанности. Это стало известно Елене Фабиановне (она очень зорко следила за моральной атмосферой в учебных заведениях). Елена Фабиановна вызвала к себе преподавателя К. Тот, видимо, не предполагая темы разговора, а может быть, именно догадываясь, пришел к ней, «вооружившись» букетом цветов. Елена Фабиановна очень любила цветы, но когда они преподносились ей корыстно, это только раздражало и сердило ее. Так, видимо, случилось и на этот раз. Букет сыграл роль масла, подлитого в огонь.

Я не знаю, какая судьба постигла букет, но на другой же день преподаватель К. был освобожден от работы в институте, согласно «личному заявлению».

Была ли Елена Фабиановна вспыльчива? Да, но и отходчива в том случае, когда это не касалось принципиальных вопросов. Вспоминается такой случай. Утром я был на уроке в школе, и Елена Фабиановна сказала, чтобы я обязательно пришел вечером на концерт учащихся старших курсов. Выйдя из училища, я встретил на углу Серебряного переулка Елену Фабиановну с несколькими свертками в руках, возвращавшуюся из магазина. Я вызвался помочь ей и попросил дать мне один из пакетов. Едва я успел его взять, как он выскользнул у меня из рук, упал, разорвался, и из него покатались на тротуар мелкие круглые конфеты. Мало того что они раскатились по асфальту, но они все до одной (!) скатились в решетку водостока и через несколько мгновений исчезли. Эти злосчастные драже пользовались особой симпатией в семье Гнесиных, и Елена Фабиановна с большим трудом достала их ко дню рождения кого-то из членов семьи, а получить их еще раз в то время было просто невозможно. Понятно, что она очень на меня рассердилась, отругала, упрекнув в неуклюжести, нескладности, и прогнала меня прочь с моими услугами. Я уже не мог и подумать о том, чтобы идти вечером на концерт, где неизбежно встретился бы с Еленой Фабиановной. На другое утро придя в училище, я увидел Елену Фабиановну. «Почему ты не пришел вчера на концерт?» — спросила она меня. Я что-то буркнул невнятно про вчерашние конфеты. «Какие конфеты — и, вспомнив, весело рассмеялась. — Как они ловко укатились все до одной в решетку, ведь нарочно так не сделать бы! А на концерт тебе надо было прийти, он был очень интересным».

Елена Фабиановна всегда благожелательно относилась к молодежи и ее выдвижению. Бывают и такие руководители, которые не любят иметь около себя сильных помощников, но Елена Фабиановна это было абсолютно чуждо. Она не только смело выдвигала талантливых молодых музыкантов, причем часто на самостоятельную работу, но и обладала каким-то особенным даром угадывать способности и склонности у подрастающего поколения. Многие, теперь уже зрелые музыканты, занимающие ответственные места на педагогической, исполнительской и

руководящей работе, должны быть благодарны Елене Фабиановне за свои первые шаги, сделанные благодаря ее решительной инициативе.

До последних своих дней Елена Фабиановна умела ценить и поддерживать новые, прогрессивные явления жизни. Ей не были свойственны часто встречающиеся у пожилых людей привязанности и привычки, укоренившиеся с годами, хотя и утратившие уже свою целесообразность. Но поддерживала она то или иное нововведение, только глубоко и внимательно проанализировав его, изучив, убедившись в его действительно прогрессивном значении. И это было мудро. Как часто, увлекаясь новизной, мы с течением времени убеждаемся не только в том, что она была видимой, но и в том, что не принесла никакой пользы.

В 1948 году в Государственном музыкально-педагогическом институте им. Гнесиных было впервые введено заочное музыкальное образование². По существу, это была очно-заочная форма обучения, так как студенты дважды в течение года приезжали в институт на учебные и зачетно-экзаменационные сессии продолжительностью по одному месяцу. Эта система музыкального образования была встречена некоторыми музыкантами с большим сомнением. Отнеслась к этому настороженно и Елена Фабиановна. Однако по прошествии некоторого времени, когда опыт показал, что заочное музыкальное образование себя оправдывает, она стала его горячо поддерживать и пропагандировать, далеко обогнав скептиков, еще продолжавших сомневаться в целесообразности этой формы обучения. Как известно, в течение прошедших двадцати пяти лет заочные отделения высших музыкальных учебных заведений дали стране десятки тысяч музыкантов, которые плодотворно работают.

Так было и с введением высшего образования для исполнителей на русских народных инструментах, которое впервые было учреждено тоже в Институте им. Гнесиных в 1948 году. Убедившись в его необходимости, Елена Фабиановна всячески способствовала его развитию и укреплению³.

Говоря о свойстве Елены Фабиановны быстро принимать все новое, не отягощая себя грузом старых представлений и привычек, мне хочется остановиться на одном, быть может, незначительном, но характерном эпизоде. В новом здании Института им. Гнесиных на улице Воровского была выстроена квартира для Елены Фабиановны и Ольги Фабиановны, в которую им нужно было переезжать из старинного дома с мезонином на Собачьей площадке, где раньше помещалось училище и где сестры Гнесины проживали, кажется, с 1900 года. Я зашел к ним накануне переезда и застал Елену Фабиановну сидящей в ее классе-кабинете, где в юности проходили наши уроки, среди упакованных книг, нот и других вещей, находившихся в этой комнате. Стены, обычно сплошь увешанные портретами, были голы, и о былых фотографиях напоминали только обои, выгоревшие от солнца по контурам висевших в течение многих лет портретов. Елена Фабиановна была в мрачном настроении и едва ответила на мое приветствие. Я спросил осторожно: «Что произошло?» Она ответила: «Юрий, я жила в этом доме 48 лет. Тут прошла моя молодость и лучшие годы, связанные с развитием нашего детища — музыкального училища. В этом доме бывали крупнейшие музыканты, тогда еще молодые Рахманинов, Скрябин, Глиэр, Гречанинов и многие другие, которые поддерживали практически своим участием или морально наше молодое начинание. В этих стенах учились и закончили училище Оборин, Хачатурян, Хренников... Не говоря уже просто о привычке и привязанности к помещению, в котором мы живем так много лет. И вот завтра я должна покинуть этот дом, оставить его навсегда и переехать в новую, правда, хорошую квартиру, но чужую. Я не знаю, как это совершится, но для меня это будет очень тяжело, и я, наверное, никогда не смогу привыкнуть к новому помещению».

Видя ее действительно встревоженное состояние, я, желая успокоить ее, говорил о том, что новая квартира очень хороша по планировке, что она имеет все удобства, расположена тоже непосредственно в здании учебного заведения и т. д. Но мои слова не произвели желаемого впечатления на Елену Фабиановну, и она продолжала оставаться со своими мыслями, мало обращая внимания на то, что я говорил. Я ушел. На другой день Гнесины переехали в новое здание, и к концу дня я навестил их. Я вошел в новый кабинет-класс. Это была светлая комната, во многом по своей планировке подобная классу-кабинету в старом доме, но более просторная. Входная дверь расположена также ближе к левой стене, напротив — два окна, боковые стены

глухие. Это дало возможность расположить уже распакованные вещи по аналогии с их расстановкой в старом помещении: книжные и нотные шкафы, полки, письменный стол, аквариум. Также рядом, несколько под углом, стояли два рояля. Все стены были уже заполнены фотографиями, привычными для всех нас, проводших много лет в старом помещении. Елена Фабиановна сидела за письменным столом и разбирала какие-то бумаги. Помня наш вчерашний разговор, я, стараясь придать своему лицу «сочувственно-скорбное» выражение, осторожно спросил: «Ну как?» Она оторвалась от бумаг и бодрым голосом сказала: «Ты знаешь, Юрий, как будто всю жизнь здесь живу! И все мои старые, добрые друзья опять со мной», — добавила она, показывая на портреты, развешанные точно в том же порядке, как это было в домике на Собачьей площадке.

Характерно, что, всегда проявляя искреннюю озабоченность по отношению к заболевшим людям и принимая горячее участие в оказании им помощи, Елена Фабиановна была совершенно «безучастна» к своим недугам. Задаваемый ей в начале разговора вопрос о ее здоровье и самочувствии вызывал у нее даже раздражение, и она просила переходить к делу. За последние годы она стала прихварывать, и можно было поражаться и одновременно учиться тому, с каким мужеством, она переносила свои невзгоды, никогда не давая болезни взять верх над ее активной деятельностью, работоспособностью.

В середине 50-х годов Елена Фабиановна сломала ногу и была помещена в больницу. Через несколько дней я решил навестить ее. Шел я с тяжелым сердцем. Сложный перелом, преклонный возраст... Был ясный летний день. В палате, выходящей на солнечную сторону, было очень жарко и душно. Елена Фабиановна лежала с поднятой «на вытяжке» больной ногой. Сказав буквально несколько слов о своем положении, причем в шутовском тоне, она сразу активно перешла к вопросам работы института, говоря о том, что необходимо решить, не откладывая, в ближайшее время. К концу моего посещения я уже не знал, кто из нас двоих себя хуже чувствует: я, изнывающий от жары и духоты, или; Елена Фабиановна, элегантно обмахивающаяся веером и шутившая о том, что тропический климат, кажется, переместился в Москву. Даже в последние дни жизни, когда она лежала в клинике в тяжелом состоянии после ампутации ноги, ее не покидало мужество, и, невзирая на свою болезнь, она продолжала интересоваться жизнью учебных заведений.

В заключение я хочу привести текст ответного слова Елены Фабиановны на ее 90-летнем юбилее, который отмечался в институте 8 июня 1964 года.

«Горячо, от всего сердца, благодарю всех, всех, кто меня сегодня приветствовал.

Я счастлива, что моя скромная многолетняя работа получила такую высокую оценку.

Я рада, что очень многие наши питомцы-„гнесинцы“, которые работают во всех уголках нашей Родины, тепло откликнулись на мой праздник.

Я очень долго живу, но мне хочется прожить еще несколько лет, чтобы успеть сделать еще что-нибудь хорошее для людей, для искусства, для молодежи; моя мечта: увидеть отстроенный отдельный дом для моего первенца — училища Гнесиных, которому в [19]65 году исполнится 70 лет.

Вот и все!

Еще раз всем, всем большое спасибо!»⁴.

В лице Елены Фабиановны от нас ушел выдающийся деятель советской музыкальной культуры, отдавший до последнего дня всю свою долгую, большую жизнь беззаветному служению делу музыкального образования в нашей стране. Пусть ее замечательная деятельность будет примером для будущих поколений, которые посвятят себя делу обучения и воспитания молодых музыкантов.

Ел. Ф. Гнесина

Думая о Елене Фабиановне Гнесиной, невольно обращаюсь к воспоминаниям. Это было давно. В 1921 году я приехал из Тбилиси в Москву. Мне уже шел 19-й год, но я вовсе не был уверен в том, что музыка — мое призвание. Только друзья утверждали в один голос, что я должен заниматься именно музыкой. И вот одна из воспитанниц школы Гнесиных Ашхен Степановна Мамиконян привела меня в старенькое здание на Собачьей площадке (теперь его уже нет). Экзамен состоял в том, что я отгадывал ноты и по слуху играл на рояле. Так я впервые переступил порог Гнесинского техникума, и первой меня встретила здесь и по-матерински ободрила Елена Фабиановна Гнесина.

Вся обстановка, царившая в техникуме, как-то по-особому меня взволновала. С одной стороны, здесь господствовала, я бы сказал, домашняя, уютная атмосфера, а с другой — чувствовалось: все в техникуме подчинено непреклонной трудовой дисциплине. Я ощутил это и в первых беседах с Еленой Фабиановной. Она говорила со мной очень строго, но глаза у нее были добрые и ласковые. С тех пор мое музыкальное воспитание целиком находилось в верных руках талантливой семьи Гнесиных, и им я обязан своим будущим.

Общеизвестно, что Елена Фабиановна — замечательный педагог. К ученикам она относилась с исключительной требовательностью, настойчивостью. От ее опытного слуха не ускользала ни одна мелочь. Она никогда не считалась со временем, когда речь шла о достижении художественных результатов. Она воспитывала своих учеников по фортепианному классу в лучших традициях русской пианистической школы, которые унаследовала от своего педагога по Московской консерватории В. Сафонова. Среди ее питомцев немало известных ныне музыкантов. И мне довелось заниматься некоторое время под руководством Елены Фабиановны, хотя моей основной специальностью была тогда виолончель. Честно признаться, по молодости лет я не выдержал строгого режима, которого требовала от меня взыскательная преподавательница, и прекратил занятия на рояле. Теперь могу только сказать, что я очень жалею об этом скоропалительном решении.

Помимо практической работы с учениками, Елена Фабиановна внесла ценный вклад в педагогический репертуар своими сочинениями. Ее детские фортепианные пьесы незаменимы для начинающих пианистов.

В Елене Фабиановне меня всегда поражало редкое сочетание одаренной художественной натуры с удивительными организаторскими способностями. Ведь это именно она, будучи одним из учредителей школы, вот уже почти семьдесят лет бессменно руководит своим детищем. На протяжении этих десятилетий ее деятельность проникнута поистине юношеским горением, заразительным энтузиазмом, неутомимой энергией. Смело можно утверждать: в первую очередь — именно ее заслуга, что маленькая школа превратилась в мощный музыкальный «комбинат», известный сейчас и за пределами нашей страны. Это осуществилось благодаря неустанным, право же, героическим трудам Елены Фабиановны. Она внимательно вникала во все дела не только творческие, но и хозяйственные. Утром она занималась с учениками, составляла учебные программы и планы и тут же интересовалась, хорошо ли отапливается помещение, не забыли ли замазать окна в классах и так далее.

Руководя большим институтом, она знает дела и нужды чуть ли не каждого ученика. Но и каждый студент-«гнесинец» знает, что в лице Елены Фабиановны он имеет отзывчивого старшего товарища.

Проходят годы, выпускники разъезжаются по стране, несут музыкальную культуру людям, но они не забывают родную alma mater. И Елена Фабиановна не забывает своих воспитанников, она следит за их судьбой, радуется их достижениям. А ей есть чему радоваться. Теперь куда ни приедешь, везде можно встретить гнесинцев.

«Славный юбилей» — эти слова от частого употребления как будто обветшали, стали стандартной формулой. Но тут действительно другого не скажешь. Какая славная жизнь за плечами Елены Фабиановны! Все свои силы отдала она воспитанию музыкальной молодежи. Трудовой подвиг — так охарактеризовал бы я ее беззаветное служение искусству.

С 1951 года работаю я в Институте им. Гнесиных. По сей день я связан с Еленой Фабиановной деловой и личной дружбой. И в дни, когда отмечается 90-летие замечательного музыканта, я хочу поблагодарить Елену Фабиановну за все ее добрые дела, пожелать ей от всего сердца всего самого хорошего.

Из воспоминаний о занятиях с Еленой Фабиановной Гнесиной

К тому времени, когда мы, учащиеся старших курсов техникума были уже окрепшими музыкантами, когда более или менее определились наши наклонности в области будущей музыкальной деятельности, Елена Фабиановна организовала кружок по методике обучения игре на фортепиано начинающих. Это было в 1926—1927 годах.

Несмотря на то, что большинство учащихся в классе Елены Фабиановны оканчивали техникум по исполнительскому отделению, многие из нас уже имели фортепианные уроки. У одних к этому были педагогические наклонности, других побуждали иметь уроки материальные затруднения. К своим педагогическим занятиям мы относились со всей серьезностью и ответственностью. Этому в немалой степени способствовала Елена Фабиановна. Она предлагала без стеснения обращаться к ней за помощью при затруднениях в наших занятиях. Охотно давала различные советы. Не только учащимся своего класса помогала Елена Фабиановна в педагогической работе. К ней на консультацию приходили учащиеся фортепианных классов других педагогов, и она безотказно всем уделяла время и внимание.

Я вспоминаю фразу, брошенную однажды Еленой Фабиановной: «Да, надо учить вас преподаванию, в жизни вы без этого не обойдетесь». Это, вероятно, была та мудрая мысль, которая и привела ее к организации кружка.

В то время методики занятий с начинающими по фортепиано, как дисциплины, еще не существовало ни в одном музыкальном техникуме¹. Не было ее, как обязательного предмета, и у нас. Посещали кружок те учащиеся, которые ощущали в этом необходимость. По памяти перечисляю основной состав кружка того времени: О. Васильева, Е. Вержболович, Б. Виленкина, сестры З. и Т. Григорьевы, А. Дубинина, В. Дышлевская, Б. Збарская, Н. Здобнова, Л. Калнынь, Л. Кононова, Н. Кудрявцева, Е. Кудряшова, М. Кушенская, Н. Лебедева, Н. Медведева, Л. Медведовская, А. Николаев, Е. Неперт, О. Померанцева, С. Рубин, С. Сербинова, С. Элинсон. Многие из посещавших кружок впоследствии стали профессиональными педагогами и методистами.

Как происходили занятия кружка?

Конечно, не было еще выработанной системы в ведении этого предмета, не было теоретического курса лекций. Возможно, в чем-то это было даже хорошо. Мы сразу же начинали заниматься конкретными, практическими вопросами. Помню, собирались мы в зале на Собачьей площадке, 5, усаживались вокруг рояля, в центре — Елена Фабиановна. Она показывала упражнения, а затем кто-либо из нас повторял их. Придумывали мы и свои упражнения, что Еленой Фабиановной весьма поощрялось. Она всегда ясно излагала последовательность в занятиях с начинающими, подкрепляя конкретными примерами на упражнениях, как следует вырабатывать координацию движения рук и хорошую посадку за инструментом, уделяла внимание общему характеру ведения урока. Она советовала разнообразить занятия, чтобы у ребенка не было утомления. Параллельно с упражнениями для рук следовало знакомить ученика с инструментом, с нотоносцем. Рекомендовалось вводить элементы развития слуха: пение песенок, ритмику и слушание музыки.

Вспоминаю советы Елены Фабиановны. «Если у ребенка недостаточно хороший слух, его можно развить, если же плохой ритм, то не беритесь с таким ребенком заниматься». Этот совет, как истину, я не раз вспоминала в своей последующей педагогической и концертмейстерской практике.

Елена Фабиановна советовала будущим педагогам вести занятия спокойно, воспитывать в себе выдержку, избегать раздражения и с присущей ей прямоотой, в шутливой форме, приводила себя в качестве отрицательного примера.

Вообще занятия кружка Елена Фабиановна вела очень живо, легко, остроумно, дружески. Это была беседа, которая помогала нам, начинающим педагогам.

Надо сказать, что ко времени создания кружка начали издаваться сочинения Елены Фабиановны: «Азбука» в первой редакции, две первые тетради этюдов, а вскоре и последующие — третья и четвертая, сборники пьес. На занятиях кружка мы анализировали эти сочинения с точки зрения применения их в нашей педагогической работе. Например, в какой последовательности давать номера «Азбуки», какие упражнения можно придумать к тому или иному этюду. Разбирали, какую цель преследует тот или иной этюд или пьеса. Быть может, именно в результате занятий с нами Елена Фабиановна в последующих изданиях «Азбуки» изменила порядок номеров, сделала некоторые дополнения.

В своих сочинениях для начинающих² Елена Фабиановна большое место отводила развитию самостоятельности, независимости каждой руки. Для этого она уже на самой первой ступени занятий вводила различные штрихи в партии правой и левой руки.

Вспоминаю, что иногда на наших занятиях происходили курьезы. Мы подсмеивались друг над другом, когда, играя тот или иной этюд, сами не всегда сразу и точно могли выполнить требования, которые должны были в дальнейшем предъявить нашим ученикам.

Во многих этюдах и пьесах Елены Фабиановны есть интересные полифонические сочетания, приучающие начинающего ученика к многоголосию. В некоторые пьесы Елена Фабиановна ввела более сложные гармонические звучания. Педагогический репертуар, создаваемый Еленой Фабиановной, был тогда новым и важным учебным материалом, позволяющим на музыкальных произведениях применять основные установки «Гнесинской школы».

Гнесинская система противопоставлялась изжившей себя старой пианистической школе, основанной на изолированном развитии пальцев, а не на свободном развитии мышц всей руки. Поэтому можно сказать, что Елена Фабиановна была одним из пионеров — борцов за новый метод обучения на фортепиано, за новую систему музыкального воспитания.

В настоящее время в результате деятельности педагогов-методистов существует целый ряд интересных, серьезных работ по методике фортепианной игры, например, сборник статей под редакцией Г. Прокофьева «Музыканту-педагогу», «Очерки по методике фортепиано» М. Бариновой и другие. Выпущено много хороших нотных сборников как-то: «Школа» под редакцией А. Николаева, «Юный пианист» (два тома) под редакцией В. Натансона, сборники Ляховицкой и Л. Баренбойма и много других. Все это очень помогает начинающему педагогу, да и не только начинающему. Тогда же хорошо подобранного педагогического нотного материала не было, и сочинения для начального обучения Елены Гнесиной, выпущенные в 20—30-х годах, были весьма ценным и нужным учебным материалом.

Кружок по методике занятий с начинающими пианистами, организованный Еленой Фабиановной, явился предвестником будущих курсов преподавания методики, введенных впоследствии в программы и в практику других техникумов.

О педагоге моей юности

Каждый период человеческой жизни интересен по-своему, но один из них все же наиболее яркий и светлый. Этот период — молодость!

Моя молодость неразрывно связана с семьей Гнесиных, семьей, сыгравшей значительную роль в жизненном становлении многих музыкантов, в том числе и моем.

Я произношу эту фамилию во множественном числе, но, несомненно, Елена Фабиановна Гнесина была центром, организующим началом в этой семье музыкантов.

Первые мои воспоминания, связанные со школой Гнесиных, относятся к началу 20-х годов нашего века. Это были замечательные годы, когда все поколения, молодежь в особенности, рвались ко всему новому, свежему, прогрессивному. Для людей, тянувшихся к музыкальному искусству, имя Гнесиных звучало, как символ прекрасного.

Школа и Техникум Гнесиных являлись магнитом для детей и молодежи (ведь тогда еще не существовало Центральной музыкальной школы). Бытовало мнение, что если более или менее одаренный ребенок попадает в это заведение, он наверняка станет профессионалом.

Эти слухи дошли и до моей семьи. Моя мать в середине учебного года повела меня в этот храм искусства. Моя музыкальная подготовка была минимальной — месяца 2—3 занятий частным образом. В основном же я «готовил» себя сам: подбирал услышанные случайно отрывки музыкальных произведений. Музыкантов в нашей семье не было.

Первое впечатление от «храма» было весьма скромное: небольшой одноэтажный домик, вход со двора... Да к тому же еще название улицы, где находился этот домик: «Собачья площадка»!.. — все это несколько снижало пиетет, которым было окружено имя Гнесиных. Нас (меня и мою мать) в гардеробе очень любезно встретила женщина средних лет (ее звали Лина)¹. Вот уж поистине, как говорил Станиславский, «театр начинается с вешалки». С ней, как и с другими работниками гардероба, все мы, учащиеся, впоследствии были очень дружны.

Нас отвели в необыкновенно уютный кабинет, весь увешанный картинами и фотографиями известных деятелей искусств.

Приняла нас деликатнейшая и добрейшая Евгения Фабиановна. Пригласив сесть и расспросив мою мать о цели посещения, она тут же стала задавать мне вопросы: люблю ли я музыку, или ее любит моя мать, хочу ли я учиться, ведь труд музыканта нелегкий. Затем, попросив повернуться к ней спиной, стала проверять мои слуховые данные. Предложение «повернуться спиной» меня неприятно насторожило. Мне с детства внушали: стоять спиной, когда с тобой разговаривают, невежливо, а тут добрая на первый взгляд женщина сразу толкает на какой-то неблагоприятный поступок... Но первый, неправильно понятый мною «шаг» был тут же забыт, в особенности после того, как проверив мои музыкальные данные, Евгения Фабиановна сказала, что я «подхожу» и могу начинать учиться в школе Гнесиных. Радости моей не было конца.

Свою общеобразовательную школу, каюсь, я не любил: занятия в то время проходили нерегулярно (школа не всегда отапливалась), и кроме того задачи по арифметике с бассейнами и мчащимися навстречу поездами вселяли в меня ужас. В общеобразовательной четырехэтажной школе, где я учился, было обычно холодно, а здесь — тепло и уютно. Теплота ощущалась не только потому, что помещение отапливалось (Гнесины поистине героическими усилиями выхлопывали дрова!) — вся атмосфера школы была теплой и радушной.

Сначала я учился на фортепиано у Ольги Фабиановны — прекрасного и очень требовательного педагога. Так как подготовки у меня никакой не было, естественно, я играл на рояле «зажатыми» руками. Поэтому все усилия моего педагога были направлены на то, чтобы «освободить» мои руки. Я долго не мог понять, что от меня хотела Ольга Фабиановна. Я ее боялся. После каждого ее урока у меня в ушах звучало одно слово «давишь!» (Слово «давишь» у меня ассоциировалось с известной русской народной сказкой, где медведь торжествующе кричал: «А я вас всех давишь!»)

В классе Ольги Фабиановны я быстро подружился со сверстником А. Клумовым², впоследствии ставшим моим большим другом. Когда мы с ним сидели вместе, ожидая урока, он мне на ухо шепотом рассказал о том, что его отец знал Гнесиных еще раньше, до поступления его в школу, что он очень красивый и нравится Ольге Фабиановне. Поэтому, когда и к Алеше была предъявлена претензия — «давишь, освободи руку!» — он сказал ей: «А я знаю, вот если бы мой папа на Вас женился, Вы бы меня так не ругали!»

Одновременно с нами в школе учился сын Елизаветы Фабиановны, Фабий³, или, как мы все его называли, Фабик. Мальчик необычайно одаренный. Учился он и на фортепиано, и на скрипке, да к тому же еще сочинял музыку. Побочную партию из его детской скрипичной сонаты я помню до сих пор. Когда мы с Алешей Клумовым ленились и приходили с невыученным уроком, Ольга Фабиановна нам ставила в пример Фабика, который все успевает делать и делает все хорошо.

Замечательно было поставлено преподавание смежных музыкальных дисциплин. Трудно забыть уроки по сольфеджио — этим занималась Елизавета Фабиановна. Я не знаю, как ведется эта дисциплина в школе сейчас, но тогда диктант мы писали по швейцарской системе. Каждому ученику давали отпечатанный на твердом картоне нотный стан и коробку с металлическими нотными знаками: когда на рояле проигрывалась мелодия, мы просто накладывали на нужную линейку металлический знак — восьмушку или целую ноту, ту или иную паузу. Отпадала надобность в карандаше, резинке, не надо было стирать ошибку, достаточно было чуть передвинуть металлический значок выше или ниже.

Когда диктант был таким образом написан, вернее, наложен, подходила Елизавета Фабиановна и проверяла результат работы. На всю жизнь запомнилась фраза Елизаветы Фабиановны: «Постройте, пожалуйста, от ноты „до“ увеличенную кварту и ее разрешение!». Звук «ш» она растягивала и произносила с особенной мягкостью. Подкупало ее уважительное отношение к каждому ученику — всем она говорила «вы».

Участвовали мы в детском хоре, которым с большим увлечением руководила Евгения Фабиановна. В репертуаре хора были очаровательные детские песни, специально написанные для нас Р. М. Глиэром и А. Т. Гречаниновым. Такие песни Гречанинова, как «Здравствуй, гостья-зима!» или Глиэра «Пришла весна!», до сих пор звучат в моей памяти. Очень жалко, что они не поются сейчас.

После окончания школы мы с Клумовым перешли из класса Ольги Фабиановны в класс Елены Фабиановны и стали учениками училища (тогда оно именовалось техникумом).

Влияние Елены Фабиановны простиралось абсолютно на все дела школы и техникума. От зоркого глаза ее не ускользала ни одна деталь, ни один уголок человеческой души.

Умело находя ключ к сердцу каждого ученика, она почти безошибочно направляла его на верный путь. Достаточно вспомнить, как много лет назад в стенах техникума появился 20-летний Арам Хачатурян, который сразу покорила Елену Фабиановну своими музыкальными данными. Но ему было все-таки двадцать лет! Учить на рояле? Поздно. Голоса не было, следовательно, вокалист из него получиться не мог. «Осмотрев» молодого музыканта, можно сказать, с головы до ног, как опытный врач, Елена Фабиановна уверенно сказала: «Ты будешь учиться на виолончели!».

И что же? Через короткий срок у Хачатуряна зазвучала виолончель. (У него обнаружился красивый звук!) И только несчастье (болезнь рук) оказалось для всех и для него в итоге счастливым: оно превратило неплохого виолончелиста в выдающегося композитора.

Разумеется, в формировании композиторского облика Хачатуряна сыграл большую роль Михаил Фабианович, обладавший поразительным чутьем педагога. (Простите за нескромность, но Гнесин по одной гармонической задаче открыл композиторские склонности и у меня, и у моего рано умершего друга А. Клумова).

У Елены Фабиановны за многие годы ее педагогической деятельности были всякие ученики: высокоодаренные и средней одаренности, были просто хорошие музыканты, не обладавшие, однако, чисто пианистическими возможностями. Тем не менее она считала нужным и важным готовить из них если не пианистов, то во всяком случае настоящих профессионалов-музыкантов широкого профиля. Из ее класса вышли не только солисты-пианисты, но и перво-

классные педагоги, концертмейстеры, теоретики, методисты и даже дирижеры. Вспомним такие имена, как С. С. Скребков, А. А. Николаев, Е. А. Акулов, Ю. В. Муромцев, К. П. Виноградов и многие, многие другие.

Кстати, когда А. А. Николаев заканчивал техникум, именно Елена Фабиановна подсказала ему идею написать методическое пособие, посвященное первым шагам начинающего пианиста, что он и сделал. Тщательно отредактированная Еленой Фабиановной работа была представлена в приемную комиссию Московской консерватории, где произвела серьезное впечатление. Это, несомненно, добавило «очки» абитуриенту. Действительно, то был первый случай в истории консерватории, когда на фортепианный (исполнительский) факультет помимо исполнения сольной программы поступающий представлял еще и методическое пособие.

Елена Фабиановна точно угадывала в своих учениках и чисто музыкантские особенности. Не отказываясь идти (и вести) по пути наибольшего сопротивления, она помогала каждому найти свое исполнительское «лицо».

Так, в ученике А. Гуревиче⁴ Елена Фабиановна угадала будущего бахиста, в А. Клумове — яркого темпераментного романтика-лирианта, в А. Мытнике⁵ — лирика и т. д. и т. п. Трудно забыть в связи с этим курьезные претензии отца А. Гуревича. Он был недоволен программой, которую Елена Фабиановна предложила его сыну для выступления на концерте: «Почему он так часто играет Баха? Дайте ему что-нибудь... Петрарки!» (Однажды он слышал, как кто-то из друзей сына играл «Сонет Петрарки» Листа!)

Какие же особенности были характерны для Елены Фабиановны как педагога? Ее воспитанники получали великолепную школу, основу пианизма, заключавшуюся, прежде всего, в правильной постановке рук. Она добивалась при игре на фортепиано полной свободы рук, всего туловища. Придавала большое значение и посадке за инструментом.

У меня хранятся ноты (Этюд ми мажор Паганини-Листа), где на полях написано ее рукой: «Обратите внимание на ноги!» (В том месте, где играется *glissando* двумя руками, я сильно отставлял левую ногу.)

Когда ученики во время игры начинали петь, Елена Фабиановна их одергивала: «Не петь! Петь нужно на рояле, и пальцами, а не голосом! Этим ты только себя обманываешь, думая, что у тебя поет рояль!».

Елена Фабиановна старалась вырабатывать крепкую пальцевую технику, для чего давала много этюдов, заставляла играть все виды гамм. Большое значение придавала рациональной аппликатуре, предъявляла требования к точному прочтению текста. Ее ученики были обязаны знать не только нотный текст, но и в точном переводе все авторские указания: агогику, нюансы — причем, она не терпела приблизительности при переводе иностранных терминов на русский язык. Важную роль Гнесина отводила правильному голосоведению. Фуги Баха выучивались ее учениками не каждой рукой отдельно, а по голосам, в разных комбинациях, что в то время не было распространенным явлением среди педагогов. Неукоснительно следила она и за правильной педализацией. После овладения всей технологией шла углубленная работа над эмоционально-образной сферой произведения.

Ни на одном уроке я не видел Елену Фабиановну равнодушной или хотя бы спокойной. В педагогическом процессе она была предельно активна, горяча, порою даже слишком, особенно когда ученик играл фальшиво. В таких случаях, бывало, и по рукам шлепала... Зато, когда ученик играл хорошо, радости не было конца.

В своей педагогической практике Гнесины прибегали к «дуровскому методу дрессировки». Когда урок проходил плохо — ругали, когда хорошо — не только хвалили, но и совали в рот что-нибудь вкусенькое.

То время (двадцатые годы!) было трудное. В годы НЭПа стали открываться частные магазинчики. На Арбате был небольшой кондитерский магазин. Как-то после занятий мы толпой шли по улице. Увидев витрину кондитерского магазина, — прильнули к стеклу. Долго разглядывали поглощавших пирожное. Среди покупателей оказались сестры Гнесины... Но наша зависть была недолгой. В ближайшие же дни многие из нас, хорошо сыгравшие на уроке, были вознаграждены такими же пирожными. Гнесины отдавали ученикам последнее, что у них было.

Занимаясь с учащимися школы и училища, Елена Фабиановна закладывала основы формирования будущих больших музыкантов.

На Первом международном конкурсе пианистов им. Шопена Л. Н. Оборин, ученик Елены Фабиановны, а затем К. Н. Игумнова, одержал блестящую победу, получив первую премию. Состоялся банкет, на котором Константин Николаевич предложил тост за «фундамент» Обори-на, заложенный Еленой Фабиановной. Кто-то громко добавил: «И за „крышу“ — Константина Николаевича Игумнова». Два тоста с энтузиазмом были приняты.

Профессура Московской консерватории чрезвычайно высоко ценила гнесинских учеников. А. Б. Гольденвейзер, в течение многих лет бывший председателем выпускной экзаменационной комиссии, часто обижался на Гнесиных за то, что не все их ученики по окончании училища шли к нему в консерваторский класс.

В понятие «воспитание» Гнесины вкладывали все, вплоть до внешнего облика студента. Вспоминаю одну ученицу, модницу. Подходила ей новая мода или нет, она всегда проверяла ее на себе. В то время появились предельно узкие юбки, настолько узкие, что быстро ходить в них было невозможно. Увидев ученицу в такой юбке, Елена Фабиановна быстро схватила девушку за руку и с задорной улыбкой предложила: «Давай побежим! А то ты опаздываешь на урок!» Разумеется, неудобный для бега костюм был посрамлен, а страстям к моде нанесен удар. Так назидательность часто заменялась шуткой, и воспитательная цель легко достигалась.

А вот пример того, как дорожила Елена Фабиановна одаренными учениками, как умела найти выход из трудного положения, чтобы только сохранить их, не дать им уйти от музыки.

У Елены Фабиановны учился очень способный мальчик по имени Котик (настоящее имя я не помню). Сначала он учился очень хорошо, но вскоре увлекся театром, МХАТом и, в частности, В. И. Качаловым («Бранд»⁶ был кумиром тогдашней молодежи) и заявил, что бросает и музыку, и общеобразовательную школу, а хочет стать актером. Никакие уговоры на него не действовали. Тогда Елена Фабиановна, хорошо знавшая В. И. Качалова, не поленилась обратиться к нему за советом. Василий Иванович быстро откликнулся, написал неизвестному ему мальчику письмо и подарил ему свой портрет с такой надписью:

Я верю, Котик, что скучны
Вам (!) «Пифагоровы штаны»,
Но без штанов пуститься в свет —
Благословенья «Бранда» нет!
Идите в жизнь Вы напролом,
Но... получив сперва диплом!

Цель была достигнута. Мальчик вернулся к своим занятиям.

Больше всего Елена Фабиановна заботилась об общей культуре учеников. Она знакомила нас с крупными деятелями искусств, науки, литературы. У тогдашнего члена коллегии Наркоминдела, впоследствии академика, Ф. А. Ротштейна⁷ устраивались музыкальные вечера, на которых присутствовали такие видные политические деятели, как М. М. Литвинов⁸. Подготовив со своими учениками соответствующую программу, Елена Фабиановна приезжала с ними на эти вечера. Никогда не забуду с каким волнением, пожав руку «самому» Литвинову, я сел за рояль и сыграл сонату Метнера. Неоднократно к нам приезжал А. В. Луначарский. Несмотря на громадную занятость, у него всегда находилось время знакомиться с неоформившимися еще музыкантами, слушать их игру, беседовать с ними. Однажды в училище, находясь в зените своей славы, приехал В. Э. Мейерхольд со своей женой, известной актрисой З. Райх. Состоялась непринужденная беседа, после которой, мило улыбаясь, З. Райх спросила: «Нет ли у кого-либо из молодежи желания со мной потанцевать?» Большая часть молодых людей застеснялась. Лишь один смельчак — то был Ю. Сухаревский⁹, впоследствии блестящий пианист, известный ученый (доктор наук) — уверенно выполнил задачу кавалера... Часто в техникум приглашались известные исполнители. Они специально для учащихся давали концерты. Припоминаю выступления трио — Шор, Крейн, Эрлих, скрипача Б. Куцына.

Нас, меня и моего закадычного друга А. Клумова, Елена Фабиановна часто с гордостью называла «мои сыны», что впоследствии, как ни странно, сыграло для меня отрицательную роль.

Когда я поступал в Московскую консерваторию, нашлись люди, которые обвиняли меня в том, что я являюсь... «гнесинским сынком», и на этом основании я не был принят в консерваторию. Сейчас это звучит по меньшей мере странно, но тогда встречались перегибщики, считавшие Гнесиных частными собственниками.

Да! Гнесины еще в дореволюционное время создали музыкальное училище, считали его своим детищем, но не в смысле извлечения из него какой-либо материальной выгоды — они были абсолютными бесребрениками. Для них школа и училище (впоследствии техникум) стали родным домом, своей семьей так же, как консерватория была родным домом для большинства старой профессуры Московской консерватории.

Горько вспоминать, что в рапмовские времена ректор консерватории Б. С. Пшибышевский нашел возможным отказать Елене Фабиановне в аренде Малого зала для проведения очередного юбилейного концерта музыкального техникума. На этот отказ Елена Фабиановна ответила: «Ничего, зато следующий юбилей мы отпразднуем уже в Большом зале, а вот будете ли вы тогда приглашены на этот концерт — это большой вопрос!». Ее слова оказались пророческими. Ректор Пшибышевский был вскоре снят, а следующий юбилей Гнесинского техникума торжественно прошел в Большом зале Московской консерватории.

Не могу не отметить, как Елена Фабиановна выполняла свои общественные функции. С какой обязательностью, с какой добросовестностью! Гнесинское училище взяло шефство над военным госпиталем в Сокольниках. Как тщательно отбирались лучшие номера для предстоящего концерта! В морозные вечера на санях Елена Фабиановна, никому не доверяя, сама ездила на эти концерты, возглавляя студенческие концертные бригады.

Особой темой для воспоминаний может служить юмор. Юмор и Гнесины...

Большинство старых гнесинцев хорошо помнят вечера самодеятельности, устраиваемые той же Еленой Фабиановной. Первый подобный вечер начался с постановки шарад, в которых участвовали неутомимые острословы: К. Виноградов, П. Козлов, А. Хачатурян, сестры Е. и О. Бекман, Е. Давыдова, братья Ю. и Б. Сухаревские, С. Скребков, С. Алексеев. Группа эта действовала в течение нескольких лет, получив название «шарадного комитета». Был сочинен и гимн «шаркома»:

Мы все шаркомики,
Большие комики,
И в нашем домике
Живем давно...

Гимн звучал в сопровождении импровизированного «оркестра». Партию ударных, сидя верхом на стуле, лихо исполнял Л. К. Книппер. Гнесины веселились вместе со всей молодежью, полные такого же юного задора.

Но время неудержимо шло вперед. Прошли незабываемые годы юности, годы учения. «Сыны» превратились в отцов и дедов. Многих уже не стало... В последнее время ввиду большой загруженности я не мог уже часто бывать у Елены Фабиановны. Когда эти интервалы становились слишком долгими, она звонила сама, мягко корила меня, после чего я немедленно навещал ее. Во время этих, к сожалению, нечастых посещений я вновь чувствовал себя молодым, почти мальчиком, недаром Наталья Ильинична Сац, будучи как-то свидетельницей одной такой встречи, заметила: «Когда вы сидели у Елены Фабиановны, мне казалось, что перед ней не солидный мужчина-профессор, а какой-то мальчик в коротких штанах!»...

Гениально писал Л. Н. Толстой: «Бывает старость величественная, бывает гадкая, бывает жалкая старость!» У Елены Фабиановны, несомненно, была старость величественная. Ее не покидал оптимизм. Несмотря на тяжелый недуг, присущая ей мудрость, любовь к людям, желание делать им добро поддерживали ее дух.

Раз в моем присутствии Елену Фабиановну навестила одна певица, бывшая воспитанница училища. Елена Фабиановна с улыбкой на лице, мягко укоряла ее за забывчивость. Потом, подумав, сказала: «Да тебе, наверное, что-нибудь сейчас нужно? Надо чем-нибудь помочь?» — Та смутилась. — «Да ты не смущайся! Я понимаю — ведь тебе действительно некогда, ты так

много работаешь. Ну, ладно! Выкладывай, говори, что тебе нужно?» Выслушав просьбу, Елена Фабиановна тотчас начала куда-то звонить, кого-то о чем-то просить...

О Елене Фабиановне Гнесиной вспоминать можно до бесконечности, но рамки статьи ограничены, и поэтому прежде чем поставить точку, хочу добавить только следующее: большое искусство так или иначе всегда связано с традициями прошлого. Так пусть же замечательные гнесинские традиции развиваются дальше, пусть они живут в сознании будущих поколений!

О том, что было

Эти записки о годах моей юности связаны со временем познания музыки, с Еленой Фабиановной и всей семьей Гнесиных. Я хочу поделиться тем, что сохранила память за время учения. Может быть, эти личные впечатления добавят какую-нибудь черточку к образу моего педагога, замечательного человека, Елены Фабиановны Гнесиной.

Памятен особнячок с большими, светлыми окнами, куда в 20-х годах я спешила на уроки и где жили три сестры Гнесины: Елена Фабиановна, Евгения Фабиановна и Ольга Фабиановна.

Темный коридор приводил в класс Елены Фабиановны — небольшую комнату, тесно уставленную ее личными вещами. Рояль для занятий с учениками стоял клавишами к единственному окну, выходившему во двор, к нему был придвинут другой, поновее. На нем проигрывались готовые вещи. В большом аквариуме плавали рыбки вуалехвостки. У дверей — стол перед диваном. Тут ученики с волнением поджидали свою очередь.

Елена Фабиановна любила до начала урока побеседовать, посмеяться со своими старшими учениками, при случае подарить им какой-нибудь милый пустячок. К этому надо добавить, что стены комнаты были сплошь увешаны картинами, живописными портретами, фотографиями крупных музыкантов с их дарственными надписями. Все это говорило о творческой и личной жизни хозяйки.

Иное впечатление оставляла комната, которая служила классом Евгении Фабиановны. Она примыкала к ее личным апартаментам и выглядела изящно и со вкусом обставленной гостиной. Бывали случаи, когда Евгения Фабиановна приглашала на чашку чая всех своих многочисленных учеников, и в просторном помещении ее класса скопления народа не было заметно. Мягкие, приглушенные тона ковров, портьер, широкий уютный диван создавали настроение покоя.

Деревянная лестница вела на второй этаж. Там, в низких комнатах, тоже размещались классы, а также жила и преподавала Ольга Фабиановна. Ее класс украшали живописные полотна и рукоделия ее собственной работы. Вышитая ею дорожка покрывала кресло-качалку, в котором Ольга Фабиановна любила отдыхать.

В обстановке каждой из сестер отражалась их индивидуальность: открытость и широта характера Елены Фабиановны, сдержанная доброжелательность ее старшей сестры, женственность и артистичность младшей.

Я приехала в Москву из Тамбова, где училась на последнем курсе местного музыкального училища. Провинциальное обучение в то время во многом отставало от столичного. В мои 16 лет я оставалась музыкально невежественной, обладала зажатой постановкой рук. И все же мне посчастливилось продолжить занятия в этом прославленном училище.

Начались они в классе Александры Семеновны Стариковой¹, которая вела младшие курсы, была молода и красива. Она окончила Московскую консерваторию и совершенствовала свое пианистическое мастерство в Вене у Леопольда Годовского, после чего концертировала, а в 20-годах стала работать в Гнесинском техникуме. Мне довелось слышать игру Александры Семеновны в Тамбове, куда она приезжала к своему отцу, С. М. Старикову, пианисту, дирижеру и директору Тамбовского музыкального училища². В программу своих концертов Александра Семеновна включала незнакомые тогда в провинции произведения Метнера, Скрябина, Равеля, Дебюсси и с блеском исполняла их.

Все ученики ее класса дружно обожали свою прелестную учительницу, а я, наверное, больше всех, и казалась она мне идеалом музыканта и человека. Занималась я у Александры Семеновны только один год, а на второй год ее не стало. Было ей всего 29 лет. Эта трагедия и привела меня в класс Елены Фабиановны.

О кончине Александры Семеновны я узнала от соученицы, посланной за мной Еленой Фабиановной. В прихожей, в канцелярии стояли траурные венки. Толпились люди. Меня тотчас провели в класс к Елене Фабиановне. Она встала мне навстречу, дружески обняла. Наверное,

знала, как знала она все обо всех, кем для меня была Александра Семеновна, сказала, что двух старших учениц Александры Семеновны — Нину Мемешкину³ и меня — она берет в свой класс.

Первый урок запомнился тактичной сердечностью Елены Фабиановны. Усадив меня за рояль, она попросила сыграть то, что я разучивала в последнее время. Это была пьеса Шумана «Блуменштюк». Играла я с мыслью о своей дорогой Александре Семеновне. Елена Фабиановна наклонилась, заглянула в мои глаза, потом отошла к окну и сказала: «Ну что ж, будем работать вместе», — и засадила меня за двухголосные инвенции Баха и этюды Крамера.

Теперь-то мне ясно, что помешало моим занятиям с Еленой Фабиановной. Без сомнения, моя робость. Елена Фабиановна совершенно не выносила учеников, не умеющих держать себя в руках. А у меня от ее справедливых, но резких замечаний путались строчки, я переставала соображать и... скисала. Конечно, это не могло не вызвать соответственной реакции. Чтобы успокоиться, Елена Фабиановна припоминала «ловкие тоненькие пальчики Левушки Обороина», говоря о них с искренним восторгом. А я все больше теряла веру в себя, все больше боялась уроков. Наконец, разразилась катастрофа. Как-то показывая Елене Фабиановне Шестую сонату Бетховена, я вдруг отчаянно разрыдалась и выбежала из класса. «Я полная бездарность. Не для меня музыка», — так я решила и с этим вернулась в класс. Елена Фабиановна встревожилась. «Нет. Нельзя тебе бросать музыку, — сказала она мне, — но будет лучше, если я тебя передам Евгении Фабиановне».

Зная требовательную, но мягкую манеру преподавания Евгении Фабиановны, я обрадовалась. Еще раньше, по просьбе А. С. Стариковой, бывшей большим ее другом, Евгения Фабиановна особо прошла со мной курс теории музыки.

Каждый из членов удивительной гнесинской семьи старался мне помочь. Елизавета Фабиановна, преподававшая сольфеджио, занималась со мной по этому предмету, и у нее в классе я аккомпанировала маленьким скрипачам. Михаил Фабианович читал нам историю музыки и вовлек меня в кружок по изучению старинной музыки, а также предложил прослушать краткий курс его лекций по акустике, затеянный им для желающих. Мы собирались по вечерам в зале. Михаил Фабианович расхаживал перед доской в своей тюбетейке, посасывал трубку, доходчиво и наглядно объяснял нам законы этой сухой науки, поражая тонкостью своего слуха.

Итак, я перешла в класс Евгении Фабиановны и у нее закончила техникум. Но несмотря на то, что я недолго была ученицей Елены Фабиановны, она в дальнейшем относилась ко мне с вниманием и заботой. Узнав каким-то образом о стесненном материальном положении нашей семьи, Елена Фабиановна стала давать мне ежемесячно по 10 рублей, говоря, что это «профсоюзная» стипендия. Да была ли такая? Каждое лето посылала меня в дом отдыха по бесплатным путевкам, приглашала к своему столу, как и многих других учеников, даже возила к знакомому профессору Ганнушкину, желая выяснить и устранить причину моего несобранного, нервного поведения. Я думаю об этом с чувством удивления и благодарности.

Я отнюдь не являлась исключением. Моя сверстница, ученица Елизаветы Фабиановны Саша Трактина⁴ (впоследствии музыкальный руководитель и дирижер МТЮЗа) недавно вспоминала, как она, живя в чужом городе, буквально перебивалась с хлеба на воду. Об этом узнала Елена Фабиановна и поспешила найти ей работу, устроила играть в оркестре кинотеатра. И это еще не все. Узнав, что Саша по сложившимся обстоятельствам не может летом поехать домой повидаться с матерью (отпуск в кинотеатре приходился на время экзаменов), Елена Фабиановна организовала специально для нее досрочную сдачу экзаменов и потом вручила ей льготный железнодорожный билет для поездки домой, который сама же для нее выхлопотала.

Бесспорно, Елена Фабиановна была и душой, и мыслью училища, своей энергией и увлеченностью привлекала к себе интересных людей. Среди них был и А. В. Луначарский. Не раз я относилась по ее просьбе к нему на квартиру какие-то деловые бумаги и письма.

Елена Фабиановна самостоятельно разработала курс методики обучения игры на фортепьяно, дополняя ее теоретическую часть практической работой с нами. Она сама подыскивала нам начинающих учеников и следила за нашими занятиями с ними.

К руководству ученическим хором Елена Фабиановна относилась с присущей ей горячностью, добиваясь слаженного и выразительного звучания. Мы разучивали хоры из опер русских

композиторов: женский хор из оперы Рубинштейна «Демон», «Проводы масленицы» из «Снегурочки» Римского-Корсакова, а потом, наравне с солистами и во главе с Еленой Фабиановной, выступали на шефских концертах.

Вела также Елена Фабиановна класс фортепианного ансамбля. Мы играли камерные и симфонические произведения классиков: Гайдна, Моцарта, Бетховена в четыре руки на одном и двух роялях. Ноты она приносила из своей библиотеки, темпераментно дирижировала, а иногда сама садилась за рояль, показывая, как надо исполнять ту или иную вещь. У нее был безупречный ритм. Она прекрасно чувствовала оркестровые краски. А когда мы не справлялись, сердилась и говорила: «Это же совсем не трудно. Для того, чтобы хорошо читать ноты, нужно только иметь голову на плечах».

Можно удивляться, как у Елены Фабиановны на все хватало времени. Каждый день ее был расписан по минутам, а вечерами на любом концерте, будь то ученический вечер или концерт крупных музыкантов, выступавших по ее просьбе в техникуме, можно было в первом ряду зала увидеть пышную прическу Елены Фабиановны и ее оживленное лицо.

Сколько прекрасных исполнителей выступало в нашем зале, как много давали нам их концерты! Маленькое помещение зала не вмещало всех желающих послушать Баха в исполнении М. В. Юдиной, и тогда открывали двери и слушали из канцелярии. То же бывало на концертах К. Н. Игумнова. Незабываем его вечер бетховенских сонат. Педагог училища Е. Ф. Колобова на своих концертах знакомила нас с фортепианными произведениями современных отечественных композиторов: Мосолова, Половинкина, Мелких... Выступала камерная певица Вера Духовская, исполняя романсы Аренского, Гречанинова, Кюи под аккомпанемент замечательного музыканта Бихтера. Запомнился чарующий, грудной голос негритянской певицы Коррети Арле-Тиц⁵. А во время своих гастролей в Москве Эгон Петри — первый из зарубежных музыкантов, посетивший тогда нашу страну, — по просьбе Елены Фабиановны выступил и в зале училища. Играл он Бетховена и Шуберта, а на «бис» — Шопена, поражая своим мастерством.

К концертному залу примыкала просторная комната. Она имела много назначений. Там встречались учащиеся с гостями, там мы танцевали, когда выпадал такой случай. Там же помещалась ученическая библиотека. Создавалась она из книг, пожертвованных педагогами и учащимися. Мысль о создании библиотеки принадлежала Елене Фабиановне. Она же заложила ее основу, подарив свои личные ноты и книги. Работали в библиотеке сами учащиеся. Из этой комнаты выходили на эстраду, вернее, в зал, к роялю, потому что эстрады не было. Там же Елена Фабиановна в антракте угощала приглашенных исполнителей чаем с пирожными, которые в те годы не просто было достать. Елена Фабиановна созванивалась с кем-то и посылала членов нашей ученической «хозяйственной комиссии» за этим редким, по тому времени, лакомством. Случалось, что Елена Фабиановна просила меня похозяйничать у самовара. Я разливала чай и прислушивалась к оживленному остроумному разговору Елены Фабиановны и гостей.

Вот и пришло время рассказать о детище 20-х годов — «шаркоме». «Шарадный комитет» организовала группа старших учащихся. Ведущая роль досталась Косте Виноградову, прозванному в шутку «наркомом от шаркома»⁶. Подготовив юмористические номера, «шаркомики», как их ласково называли, выступали перед публикой, неизменно пользуясь шумным успехом. Елена Фабиановна веселилась от души, глядя на то, как высокий мужественный Костя, одетый в балетную пачку, старательно выделял балетные па, изображал умирающего лебедя. Непосредственно и радостно воспринимала она уморительные выдумки «шаркомовских» затейников. Вот ее любимая ученица Леночка Давыдова⁷ увлеченно отстукивает на пишущей машинке письмо Онегину и поет при этом соответствующие фразы из оперы. А премьер коллектива, тот же Костя, изображая Онегина, падает к ногам испуганно отскочившей Леночки-Татьяны и, потирая колено, жалобно поет: «Я так ушибся, я так наказан!» И многие другие талантливо задуманные и выполненные номера заставляли Елену Фабиановну смеяться до слез. Выступления проходили при музыкальном сопровождении блестяще одаренного пианиста Юры Сухаревского⁸.

Вот в какой дружеской, свободной и в то же время деловой обстановке воспитывались мы, ученики 20-х годов! Немудрено, что на этой почве расцветали таланты. Моя подруга Нина Мемешкина, перешедшая вместе со мной в класс Елены Фабиановны, смогла взять все, что так щедро давали нам сестры Гнесины. Она получила высшее музыкальное образование и всю жизнь работала концертмейстером и педагогом, тем самым оправдав труд, на нее возложенный. А моя жизнь сложилась иначе. Я не училась в консерватории, но работала там в библиотеке и имела возможность слушать прекрасную музыку.

* * *

В тяжелые годы войны Елена Фабиановна всю свою энергию, все душевные и физические силы направила на строительство нового дома для училища и вновь учрежденного Института им. Гнесиных. Это была тяжелейшая задача, решить которую в то время было почти невозможно. Но Елена Фабиановна умела находить самые неожиданные возможности для ее осуществления. Приведу один пример, поразивший и восхитивший тогда всех, кто явился его свидетелем.

В 1945 году отмечался пятидесятилетний юбилей Училища и Школы им. Гнесиных. Было это в Большом зале консерватории. Чествовали и Елену Фабиановну — бессменного директора на протяжении полувека. Звучали проникновенные речи, гремели овации, объявлялись правительственные награды. Кто-то из высоких поздравителей объявил, что Елене Фабиановне выделяется персональная машина. Когда пришло время ей самой выступать с ответным словом, она твердой своей походкой подошла к микрофону. Зал замер и приготовился слушать:

«Мне нужны гвозди! — разнесся по залу ее требовательный голос. — Строительство учебного здания задерживается. Дайте мне гвоздей! А без машины я могу обойтись!» Аплодисменты, смех, возгласы одобрения встретили это заявление. Не знаю, получила ли Елена Фабиановна персональную машину, но гвозди получила наверняка. В 1946 году основная часть здания была построена.

Шли годы. Самым светлым воспоминанием оставались годы учения у Гнесиных. И мне захотелось сказать об этом Елене Фабиановне, написать ей. Письмо я послала в дни, когда узнала о несчастье, приковавшем ее к креслу. Я не ждала ответа, но, видимо, не учла всеобъемлющего сердца Елены Фабиановны. Как-то в библиотеке, где я работала, раздался телефонный звонок, и знакомый голос из прошлого потребовал, чтобы я сейчас же, немедленно пришла. Одного имени Елены Фабиановны было достаточно, чтобы меня отпустили с работы.

И вот я сижу в классе Елены Фабиановны, и словно не было этих 20 лет разлуки. Тот же внимательный взгляд темных глаз, та же прическа, та же обстановка, такие же рыбки вуалехвостки в аквариуме и повсюду цветы. Только мягче и как-то доступнее показалась мне Елена Фабиановна.

Наше знакомство возобновилось, и я стала часто бывать у нее. Елена Фабиановна посвящала меня в свои дела, замыслы, делилась огорчениями, без которых не обойтись в работе. Тогда строился концертный зал. Как-то раз она показала свой рисунок люстры для зала, по которому ее и изготовили.

Вспоминали мы прошлые — 20—30-е годы, педагогов и учеников тех лет. Частой темой наших разговоров был ученик Елены Фабиановны Сергей Кайдан. Только в 27 лет он получил возможность начать серьезные занятия музыкой, к которой его неудержимо влекло. В мое время он занимался композицией у Михаила Фабиановича и фортепиано у Елены Фабиановны. По заданию комсомола он написал пионерскую песню на слова А. Жарова «Взвейтесь кострами, синие ночи...», вошедшую в антологию советской песни как пионерский гимн. Клевета неверного «друга» лишила Кайдана доброго имени и на многие годы оторвала от ученья, семьи, друзей. Но и в тех нечеловеческих условиях, в которых он очутился, он оставался музыкантом. По поводу его несчастной судьбы Елена Фабиановна постоянно сокрушалась и, вероятно, старалась как-то облегчить ее⁹. Так сложилось, что связь с «большой землей» у него сохранялась только через меня. Елена Фабиановна всегда участливо расспрашивала меня о Сергее, а когда это стало возможным, выхлопотала разрешение о его зачислении на заочное отделение института. Хотя Сергей и не смог воспользоваться этим, но крепкий фундамент, заложенный во вре-

мня учения в техникуме, дал ему возможность всю дальнейшую жизнь работать в области музыки.

Знания, полученные нами в Гнесинском техникуме, любовь к музыке оставались с нами на всю жизнь, какую бы профессию мы ни выбрали. Примером может служить Веня Грановский, ученик Елены Фабиановны¹⁰. Он стал крупным физиком, лауреатом Государственной премии, но музыка всегда сопровождала его научной деятельности.

Меня поразила память Елены Фабиановны. Она вспомнила, как тринадцать лет назад Веня Грановский играл на ученическом вечере «Карнавал» Шумана.

Я благодарна судьбе за то, что она свела меня с чудесной семьей Гнесины, познакомивших меня с музыкой — самым прекрасным, самым удивительным проявлением человеческого духа.

Елена Фабиановна

В ней все было своеобразно. Странно-привлекательная внешность. Обаятельная внешность умного, уверенного в себе недюжинного человека. Такими чаще бывают мужчины, но Елена Фабиановна была очень женственна. Она всегда следила за собой, за своей удивительно хорошо найденной прической, за своими платьями и костюмами. Мы никогда не видели ее плохо причесанной или одетой «не к лицу». Запомнился ее черный палантин из росомахи, в котором она была очень эффектна. Мне приходилось иногда бывать с ней в концертах, и я всегда был горд сопровождать Елену Фабиановну Гнесину.

Елена Фабиановна делала много добра. В затруднительных случаях к ней шли и знакомые, и даже незнакомые люди. Но это вовсе не значило, что ее доброта была евангельски-безграничной. Она шла на помощь только в том случае, если была уверена, что человек заслуживает хорошего к себе отношения.

Запомнился такой случай: в училище занималась Лена М. Елена Фабиановна любила ее за искренность и душевную чистоту. Лена была круглой сиротой, очень нуждалась. На стипендию прожить было трудно. За несколько дней до выдачи стипендии Елена Фабиановна вызывала ее и заставляла взять немного денег. Получив стипендию, Лена прибегала к Елене Фабиановне и, несмотря на ее протесты, оставляла на столе свой долг. Елена Фабиановна тут же перекладывала эти деньги в большой конверт с надписью: «Деньги Лены М.». В конце следующего месяца все повторялось сначала.

Много и часто говорят о том, что семья Гнесиных умела и любила весело отдыхать. Вспоминаются замечательные «шарады» под руководством К. П. Виноградова, а мне на память пришло другое. Как-то Елена Фабиановна была приглашена на юбилей училища им. Римского-Корсакова. Это училище помещалось на станции Тарасовка Северной железной дороги. Елена Фабиановна взяла с собой своего заместителя по учебной части Александра Наумовича Юровского¹ и меня. После юбилея нас чем-то угощали, и празднество затянулось. Нам предстояло уехать с последним поездом. Мы сидели втроем в небольшой комнате первого этажа, в которой было две двери. Александр Наумович сказал, что он уточнит время отхода поезда, и вышел в одну из дверей. Мы с Еленой Фабиановной ждали его довольно долго. Она начала беспокоиться, время на исходе, до станции далеко, а быстро идти она не могла. Я открыл дверь, в которую вышел Александр Наумович и обнаружил, что она ведет в комнату, где были сложены духовые инструменты и сидели какие-то люди. Александра Наумовича я там не нашел. Другого выхода из комнаты не было. Я робко спросил: «Скажите, а где же высокий пожилой человек, который только что был здесь?» И услышал в ответ: «Он выскочил в окно...». Я рассказал об этом Елене Фабиановне и думал, что она рассердится на Юровского за то, что он нас бросил. Но она поняла весь комизм ситуации, засмеялась и сказала: «Ну прямо Подколесин! Идемте на станцию, еще успеем». На станции мы обнаружили смущенного Александра Наумовича, и Елена Фабиановна всю дорогу над ним смеялась.

Лидия Ивановна Рябкова, старый член партии, до встречи с Еленой Фабиановной не имела никакого отношения к музыкальному искусству. Всю жизнь она была на партийной работе в женотделах, в системе кооперации. В наше училище Лидия Ивановна была назначена еще до войны в качестве заместителя Елены Фабиановны и парторганизатора. Я вспоминаю первую встречу с ней в кабинете Елены Фабиановны на Собачьей площадке. Лидия Ивановна была как-то настороженна и крайне сдержанна. Елена Фабиановна представила ей меня: «Мой заместитель, Лидия...» «Моя фамилия Рябкова», — сурово прервала Елену Фабиановну Лидия Ивановна. Первое впечатление от знакомства было не очень приятным. Но скоро Лидия Ивановна стала настоящим другом Елены Фабиановны, уважаемым и любимым членом нашего коллектива. Мы видели, что два превосходных человека поняли друг друга, что их объединило одинаковое отношение к труду, беззаветная преданность делу.

Понимание своего долга, умение отдавать все силы, знания, все способности на выполнение задач, которые ставит эпоха, всегда отличали Елену Фабиановну. Оценила это и Лидия Ивановна Рябкова — человек, умевший разбираться в людях².

Перед каждым руководителем жизнь ставит иногда вопросы, решать которые должен он сам, исходя из своих взглядов, из своих принципиальных установок. Вот тогда и становится очевидным подлинное лицо руководителя.

Перед Еленой Фабиановной необходимость отстаивать свои взгляды на искусство, свои педагогические установки возникла в период, когда в искусстве и литературе появились так называемые ассоциации — пролетарских музыкантов, писателей, художников. Понять ошибочность их взглядов на искусство, их искажение марксистско-ленинских установок в области эстетики было нетрудно. Но очень трудно было противостоять административному нажиму наиболее ретивых членов ассоциаций. Ассоциация пролетарских музыкантов требовала, чтобы в музыкальных учреждениях и учебных заведениях были организованы ячейки, проводившие политику ассоциации. Многие руководители спасовали перед рапмовцами, но Елена Фабиановна категорически отказалась допустить их в училище. Нужно знать обстановку, которая сложилась тогда, чтобы оценить по-настоящему мужество, стойкость, принципиальность Елены Фабиановны. Рапмовцы причинили ей много неприятностей. Но она осталась непреклонной.

Я вспоминаю те давно прошедшие времена, потому что мы были свидетелями бескомпромиссности Елены Фабиановны и ее мудрости в решении принципиально важных вопросов.

До Великой Отечественной войны в Комитете по делам искусств в качестве одного из руководителей работал С. Шатилов³. Он с большим вниманием, уважением и симпатией относился к Елене Фабиановне, и она очень ценила его ум, благожелательность, тактичность. В знак особо дружеского отношения он звал ее на «ты».

Во время войны генерал Шатилов очень ненадолго прилетел в Москву, заехал на несколько минут к Елене Фабиановне, обнял ее, снял свои часы и надел их ей на руку. «Носи их, — сказал он, — это мне Ватутин за Киев подарил».

Елена Фабиановна никогда не расставалась с этими часами.

В начале войны строительство теперешнего здания Института имени Гнесиных было законсервировано. В его подвальном этаже оборудовали бомбоубежище. Когда начались ночные бомбежки Москвы, жители соседних домов приходили туда каждую ночь. Елена Фабиановна оставалась у себя на Собачьей площадке и никак не хотела идти в бомбоубежище. Однажды мы все же уговорили ее спуститься в это помещение, но ей там очень не понравилось, и она продолжала проводить бессонные ночи дома. Днем она работала, как всегда, в училище. Мы понимали, что жить так ей нельзя, и начали очень осторожно советовать уехать в Казань, где в это время находилась ее сестра Елизавета Фабиановна. Сначала Елена Фабиановна и слушать нас не хотела. Но наконец Лидия Ивановна Рябкова убедила ее в необходимости отъезда. Елена Фабиановна знала, что лучшего организатора работы училища в это время, чем Рябкова, нельзя было себе представить. И на Лидию Ивановну она оставила училище. Отправили мы Елену Фабиановну, но, как оказалось, ненадолго. Она не выдержала разлуки с училищем и вскоре вернулась из Казани обратно в Москву. Второпях ей забыли дать хоть какой-нибудь еды на дорогу, но, к счастью, в одном вагоне с ней ехали офицеры, принявшие в ней участие и поделившиеся с ней своими припасами.

В Москву она приехала рано утром. Офицеры, естественно, разошлись по своим срочным делам, из нас никто не знал о возвращении Елены Фабиановны, и поэтому ее не встретили. Городской транспорт не работал. Елена Фабиановна осталась одна со своими вещами на Казанском вокзале. Она наняла мальчишку с салазками, на которые были погружены ее вещи, и пешком через всю Москву пришла на Собачью площадку в свое родное училище.

Это еще одно волнующее воспоминание о Елене Фабиановне, о ее несгибаемой воле, о высоком понимании ею своего долга, о преданности делу, которому она посвятила всю свою прекрасную жизнь.

Елена Фабиановна — в передовых рядах советской интеллигенции

Я познакомился с Еленой Фабиановной Гнесиной в Наркомпросе в 1924 году при следующих обстоятельствах. По рекомендации Надежды Константиновны Крупской я заведовал колонией детей-сирот, родители которых погибли в боях за революцию и во время гражданской войны. Колония эта находилась под Москвой, на станции Подсолнечная, за озером Сенеж.

В один из приездов в Москву в Наркомпросе меня представили Елене Фабиановне, которая была там по каким-то своим делам¹, и рассказали ей, какое сложное дело мне поручено. Время было тяжелое, питания не хватало, и это, конечно, болезненно сказывалось на здоровье детей. Елена Фабиановна подробно и заинтересованно расспрашивала меня о колонии, о быте и занятиях ребят, а затем предложила мне свою помощь. Я попросил ее поговорить с Надеждой Константиновной, чтобы добиться хотя бы небольшого увеличения пайка для детей. Елена Фабиановна, понимая, что удовлетворить такую просьбу в это трудное время почти невозможно, все же обещала поговорить с Крупской. Сама Елена Фабиановна всегда очень близко принимала к сердцу бедственное положение детей, особенно сирот, и переживала за них.

Несколько позже, в 1927 году, работая уже среди комсомольцев железнодорожных мастерских Белорусско-Брестской железной дороги, я вновь встретился с Еленой Фабиановной. Мне надо было организовать для школьников концерт, посвященный 10-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Я сразу же подумал об Елене Фабиановне, поехал к ней, рассказал про школу, про ее шефов-комсомольцев. Не скрыл и того, что школа находится не в Москве, что ехать нужно более часа по железной дороге до станции Перхушково, а затем еще пройти лесом более одного километра. Елена Фабиановна выслушала меня и тут же дала согласие участвовать в этом мероприятии, обещала устроить интересный концерт и даже сама хотела приехать вместе с учащимися. Примечательно, что дальность расстояния ее несколько не смутила. Беспокоил ее только вопрос об организации вечера. Она строго просила меня обратиться на это внимание и хорошо подготовить все от начала и до конца.

Я постарался организовать все наилучшим образом, мы даже наладили освещение школы и летней террасы — освещение было электрическое, а источником энергии служили автомобильные аккумуляторы!

Народа собралось много, около 250 человек. Елена Фабиановна приехала задолго до начала и привезла с собой десять учащихся. Я открыл вечер докладом о 10-летию Великого Октября. От учителей школы с приветственным словом выступили старые, уважаемые учительницы Е. К. Абрамова и О. П. Зенина. С большим, очень теплым приветствием от музыкального техникума выступила и Елена Фабиановна Гнесина. Программа концерта была тщательно продумана, интересно подобрана и прекрасно исполнена. Вечер прошел с громадным успехом. В конце Елене Фабиановне был вручен большой красивый значок «Десять лет Великой Октябрьской социалистической революции» и программа вечера, выполненные руками школьников².

С тех пор прошло несколько десятилетий. Но в моей памяти воспоминания эти хранятся отчетливо. Помню я волевое, энергичное лицо, светящиеся несказанной добротой глаза Елены Фабиановны... Я видел в ней человека большой души и искреннего сердца.

Позднее я никогда не забывал Елену Фабиановну и по мере возможности навещал ее. Общение с нею было прервано лишь в годы войны — я был на фронте. После войны встречи с Еленой Фабиановной возобновились.

Беседы наши были очень интересны. Она рассказала мне об Анатолии Васильевиче Луначарском, с которым познакомилась еще в первые годы нашего века у Дмитрия Дмитриевича Гончарова, когда гостила в его доме «Полотняный завод» Калужской губернии. Рассказала о том, как много лет спустя, уже после революции, она пришла к наркому просвещения Луначарскому с каким-то делом, и он узнал ее, встретил ласково и сказал: «А вы, Елена Фабиановна, нам сейчас очень нужны»³.

Вспоминала она и о тревожных декабрьских днях 1905 года, о том как принимала участие в судьбе восставших рабочих. Дело в том, что рядом с их музыкальной школой на Собачьей площадке было небольшое дворничье помещение в подвальном этаже с кирпичной печью и плитой, и там-то, в дни восстания, работники школы поддерживали огонь, постоянно имелся кипяток и чай для измученных, промерзших рабочих, среди которых были и раненые. Здесь они могли перевязать раны, сменить бинты и хоть немного отдохнуть. Околоточный и городской обо всем этом даже и не подозревали. От школы они имели хороший доход и были этим довольны.

Выйдя в 1957 году на пенсию, я стал еще чаще бывать у Елены Фабиановны. Она с интересом слушала и то, что я, в свою очередь, рассказывал о моих встречах с замечательными людьми, и прежде всего о В. И. Ленине и Н. К. Крупской, с которыми я виделся в Горках в 1922—1923 годах. Рассказывал я и о А. В. Луначарском, которого знал по гражданской войне, по Наркомпросу, да и просто встречался с ним в летнее время в бывшем имении Вяземских, где он отдыхал. И К. Е. Ворошилова я помню с гражданской войны, виделся с ним и после Великой Отечественной у него на даче под Москвой. Он часто спрашивал меня: «Как поживает наша дорогая Елена Фабиановна, как она здравствует?» — и отзывался о ней всегда с исключительной симпатией, теплотой и сердечностью.

Как-то беседуя с Еленой Фабиановной, я упомянул о Косте Наборовском, способном мальчике, с которым встретился в предместье летом 1963 года. Елена Фабиановна не забыла этого разговора и в следующую встречу предложила мне подробнее узнать о его судьбе. Я постарался это сделать, и она тут же при мне написала письмо директору минской школы-десятилетки И. Г. Герману о том, чтобы этому мальчику было оказано внимание ввиду его больших способностей. Вскоре мне пришлось быть в Минске, и я сам отвез это письмо директору. А в начале лета 1964 года Елена Фабиановна была уведомлена о том, что Костя Наборовский принят в музыкальную школу Минска⁴. Ее сердечность, внимание и доброта не знали границ.

Вся ее жизнь — трудовой подвиг

В истории советского фортепианного искусства, в его формировании и огромных успехах незабываемую роль сыграли многие крупные музыканты — композиторы, исполнители и педагоги, основоположники советской пианистической школы. Это были видные художники, встретившие Великую Октябрьскую революцию уже в зрелом возрасте и отдавшие свой талант и профессиональный опыт строительству новой, социалистической музыкальной культуры. К таким музыкантам принадлежала и Елена Фабиановна Гнесина.

Она прожила долгую жизнь, которая, начиная с 18-летнего возраста, была подлинным трудовым подвигом.

Популярность в Москве всего семейства Гнесиных и их учебных заведений была исключительной. В связи с этим не могу не вспомнить забавный рассказ Евгении Фабиановны Савиной-Гнесиной. Зайдя как-то в продуктовую лавочку, она услышала, как одна из продавщиц шепнула покупательнице: «Посмотрите, это сама имени Гнездиных пришла!!!».

Широкой известностью Гнесины пользовались и за границей. Приезжие музыканты всегда стремились посетить их в Москве, познакомиться со школой, училищем. Елена Фабиановна, когда ей было уже 90 лет, вспоминала об одном юмористическом случае. Ей позвонил какой-то иностранец и спросил, не может ли он повидаться с кем-либо из семейства Гнесиных. Елена Фабиановна справилась, для чего ему нужна эта встреча и назвала свою фамилию. Иностранец спросил: «Вы, вероятно, потомок?» «Нет, — ответила она — я скорей, предок».

С Еленой Фабиановной Гнесиной я познакомился почти 50 лет назад. В те далекие годы Училище Гнесиных по справедливости считалось самым лучшим средним музыкальным учебным заведением в Москве. Авторитет училища был завоеван образцовой постановкой учебного процесса, отличным составом педагогов, высокой требовательностью к учащимся. Попасть в училище было весьма трудно, так как принимали туда со строгим отбором только профессионально одаренную молодежь. Все, кто мечтал по-настоящему подготовиться к поступлению в консерваторию, стремились получить среднее музыкальное образование именно в этом учебном заведении.

Среди педагогов училища было немало известных музыкантов, но главную роль играли сестры Гнесины: Елена Фабиановна и Евгения Фабиановна Савина-Гнесина. Из их классов выходили наиболее способные и отлично подготовленные ученики.

Одним из учеников Елены Фабиановны был в то время мой близкий товарищ С. С. Скребков, впоследствии известный теоретик, профессор Московской консерватории. Он-то и привел меня к Елене Фабиановне, попросив ее прослушать мою игру.

Впервые я вошел в небольшой особняк на Собачьей площадке, где помещалось в те годы училище. Обстановка была необычной для учреждения. Казалось, что вы входите в старинного типа частную квартиру, обставленную уютной мебелью и имеющую небольшой зал с массой цветов и двумя роялями. Из закрытых дверей остальных комнат чуть слышна была музыка, и только это возвращало мысль к тому, что вы не дома у Гнесиных, а в государственном учебном заведении.

Этот особняк был, впрочем, не только помещением училища. В задних комнатах жила почти вся семья Гнесиных: Елена Фабиановна, Евгения Фабиановна, их младшая сестра Ольга Фабиановна и брат Михаил Фабианович Гнесин. Жилые комнаты были, однако, изолированы, и мало кто знал, где они расположены.

Все классы были обставлены только тем, что необходимо для занятий. Исключение представляли лишь два класса-кабинета Елены Фабиановны и Евгении Фабиановны, где стояла прекрасная старинная мебель. Эти персональные классы с отличными роялями, нотными шкафами, мягкими креслами, диванами, множеством картин и портретов музыкантов скорей напоминали гостиную и были обставлены личными вещами обеих сестер.

Не без робости я постучал в дверь класса Елены Фабиановны. Она как раз кончала урок с какой-то ученицей и поднялась мне навстречу. Расспросив меня кое о чем, Елена Фабиановна прослушала мою игру. «Играете вы скверно, — сказала она, — школы нет. И лет вам многовато, но что-то обнадеживающее все же есть. Чем черт ни шутит, давайте попробуем. Но предупреждаю: учиться у меня трудно, и не все это выдерживают. Если не сможете — перейдете в другой класс. Я не обижусь». И тут ее лицо вдруг осветилось мягкой и доброй улыбкой.

Так начался новый период в моей жизни. Он длился два с половиной года, и за эти 30 месяцев Елена Фабиановна довела меня до окончания училища и поступления в консерваторию. На выпускном экзамене в комиссии председательствовал А. Б. Гольденвейзер. Когда я отыграл, он подошел ко мне, поздравил и сказал: «Охотно возьму вас в свой класс».

В моем воспитании как музыканта сыграла роль, конечно, не только одна Елена Фабиановна. Моими учителями были М. Ф. Гнесин и Д. Р. Рогаль-Левицкий (гармония, инструментовка), М. В. Иванов-Борецкий, М. С. Пекелис (история музыки), Елизавета Фабиановна Гнесина (сольфеджио) и другие отличные педагоги. Но прежде всего я был обязан Елене Фабиановне и ее педагогическому мастерству.

Педагогический талант Елены Фабиановны никак нельзя рассматривать только с узкопрофессиональной точки зрения, не касаясь того, что далеко выходит за пределы учебного процесса и определяет облик педагога в целом как руководителя ученика. Вот почему мне хочется в первую очередь охарактеризовать ее как человека и в полном смысле слова воспитателя молодых музыкантов.

Елена Фабиановна была права, когда говорила, что учиться у нее трудно. Она была беспрдельно требовательна и придирчива к работе учеников, выжимала из них, что называется, все соки, всегда требовала большего, чем, казалось бы, они могли дать. Хвалила редко, но укоряла и раздражалась постоянно. Не терпела небрежности и плохо выполненных заданий. Тут же, на уроке заставляла исправлять ошибки и переделывать скверно выученное. Дело порой доходило до драматических сцен, когда какая-либо ученица лила слезы за роялем, а сама Елена Фабиановна, наговорив ей ужасных слов, выбегала из класса, чтобы успокоиться.

И все же, несмотря на такую накаленную атмосферу, уходили из класса Елены Фабиановны только уж очень робкие и нервные, или малоспособные ученики. Все отлично понимали, что ее раздражительность и невероятная требовательность связаны с огромным уважением к музыке и исполнительскому искусству, с любовью к своему делу и к ученикам, которых она хотела сделать настоящими музыкантами. Зная ее склонность к юмору, я научился довольно ловко переключать гневливое состояние Елены Фабиановны, хотя в первое время наших занятий у нее было немало причин для раздражения из-за моей игры. Мои оборонительные реплики заставляли ее от души смеяться, и после этого урок продолжался в самой миролюбивой обстановке.

Разумеется, не всегда занятия Елены Фабиановны носили драматический характер. Она была справедлива и хорошо понимала возможности каждого ученика. И когда она хвалила, то это было не только радостно и приятно, но обнадеживало и давало веру в дальнейшие успехи.

Ученики Елены Фабиановны всегда чувствовали ее заботу, ее интерес к их жизни и быту, к материальным условиям их существования. Она следила за их успехами по другим предметам, расспрашивала, ходят ли они на концерты и организовывала в училище выступления известных исполнителей. На таких бесплатных концертах мы слушали К. Н. Игумнова, Г. Г. Нейгауза, С. Е. Фейнберга, М. В. Юдину и других крупных музыкантов, часто выступали в училище и зарубежные музыканты — пианист Эгон Петри, американский певец Ролланд Хейс и др.

В те годы в Москве широко практиковались частные уроки музыки, и к Елене Фабиановне постоянно обращались с просьбой порекомендовать учителя. Она раздавала такие уроки старшим ученикам и этим существенно помогала тем, кто материально нуждался. Такого рода «производственную практику» она считала очень полезной и систематически проверяла педагогическую работу своих воспитанников. В общении с учениками Елена Фабиановна проявляла чрезвычайную сердечность и доброту, охотно, живо и даже с юмором рассказывала о встречах с выдающимися людьми, о своих занятиях с В. И. Сафоновым и Ферруччо Бузони. Такие беседы обычно бывали после уроков. Высшей же наградой для старших учеников было приглашение на чашку чая. Этого удаивались далеко не все, так как «чашка чая» была особым признанием успехов ученика и знаком симпатии к нему. Когда Елена Фабиановна впервые

привела меня в столовую Гнесиных, где приятно шумел самовар, а за столом сидели Евгения Фабиановна и Михаил Фабианович, я рассматривал это как большую для себя честь.

Заботливое и дружеское отношение семьи Гнесиных к учащимся создавало в училище какую-то теплую, домашнюю атмосферу, далекую от казенной сухости. Каждый, кто там учился, чувствовал, что его не только учат со всей необходимой требовательностью, но и думают о его будущем. Некоторым своим ученикам, не имевшим больших надежд достичь многого в области фортепианного исполнительства, Елена Фабиановна подсказала специализацию, более отвечающую их музыкальному дарованию: С. С. Скребков стал теоретиком, Е. В. Давыдова — педагогом по сольфеджио, К. П. Виноградов — хоровым дирижером. Об этом я упоминаю, чтобы подчеркнуть большую любовь к своему делу и к учащейся молодежи, свойственную всей семье Гнесиных. Вероятно, именно поэтому у нас, учеников Елены Фабиановны, при всей ее строгости и нетерпимости было не только уважение к своему педагогу, но и большая привязанность к ней как человеку и старшему другу. Мы сознавали, что вся ее жизнь и все ее заботы отданы нам. И каждому хотелось ответить на это максимально добросовестным трудом, чтобы быть достойным звания ученика Елены Фабиановны.

* * *

Меня часто спрашивают, какова была система занятий Елены Фабиановны, в чем секрет ее метода работы с учениками?

Ответить на это нелегко потому, что все зависело от возраста, подвинутости, способностей и индивидуальности ученика. К каждому она подбирала особый ключ, дающий возможность раскрыть и развить его художественные и исполнительские данные. Но все же в самых общих чертах можно определить то принципиально важное, что лежало в основе ее педагогического метода.

Первое, что хочется отметить, это стремление Елены Фабиановны подчинить все пианистические действия ученика художественным, музыкальным задачам. Отсюда следовал и ее вывод: работа над произведением — основа развития исполнительской техники, а не добавление, как сладкое блюдо после безвкусного обеда, к ассортименту различных упражнений. С этим была связана и максимально тщательная, детальная работа над каждым изучаемым произведением. В этом процессе формировались и музыкальные представления учащегося, и пианистические приемы, необходимые для реализации стоящих перед ним задач.

Если в наши дни этот принцип является педагогической аксиомой, то в 20-х годах он еще казался многим преподавателям весьма спорным. Слишком живучими были старые традиции преподавания, когда считалось, что сначала надо овладеть техникой, а потом уже думать о музыке. Результаты занятий Елены Фабиановны блестяще доказывали целесообразность ее метода.

Вторым важнейшим звеном ее системы было особое внимание к *полифонии* как основе фортепианной техники. Полифонические произведения И. С. Баха и других композиторов всегда включались в учебный репертуар ее учеников. Она справедливо считала, что полифония развивает необходимую пианистам способность слышать многоэлементную ткань фортепианной музыки и приучает к самостоятельному движению обеих рук.

Говоря об этом, нужно подчеркнуть, что в первые десятилетия нашего века мало кто из педагогов понимал важность этого вопроса, особенно когда речь шла о начинающих учиться на фортепиано. Детей учили по школе Бейера или Дамма¹, где большинство пьес, этюдов и упражнений было построено на унисонном движении, и, когда учащийся переходил к сочетанию различных форм изложения в партиях правой и левой руки, это оказывалось чрезвычайно сложной и непривычной задачей.

Третьим звеном я бы назвал отношение Елены Фабиановны к *тексту музыкального произведения*. В ее глазах текст был абсолютным законом для исполнителя. Никакой отсебятины она не допускала. Все, что написано в нотах: динамические оттенки, лиги, педаль, аппликатура — все должно было исполняться с максимальной точностью. Лишь в редких случаях она позволяла себе вносить какие-либо изменения, но эти поправки всегда относились не к указаниям композитора, а к тому, что предлагал какой-либо редактор.

Такое отношение к нотному тексту едва ли было бы бесспорно правильным на высших стадиях обучения, но в занятиях с учащимися школы и училища оно приносило большую пользу. Ученик приучался к точности выполнения того, что написано, к внимательному прочтению разучиваемого произведения. С этой же целью Елена Фабиановна требовала от учеников больше играть каждой рукой отдельно, вдумываясь и вслушиваясь во все детали и добиваясь нужного звучания.

Говоря об этих сторонах метода занятий Елены Фабиановны, я отнюдь не хочу создать впечатление, что вопросам техники она не уделяла должного внимания. Разумеется, она заботилась о развитии пальцев, о беглости, ловкости и незаторможенности движений. Но какой-либо системы и технических рецептов, единых для всех учеников, у нее, в сущности, не было. Все зависело от индивидуальных качеств ученика.

Четко выявленную систему технического развития учащегося можно было усмотреть лишь в ее занятиях со школьниками, о чем я упомяну в дальнейшем.

Как некоторое добавление к тому, что было сказано о взглядах Елены Фабиановны на фортепианно-педагогический процесс, мне хочется рассказать о моих занятиях с ней. Разумеется, это не дает вполне исчерпывающего представления об ее педагогическом облике, но все же мне думается, что и в таком частном примере можно усмотреть нечто принципиально общее, характеризующее метод работы Елены Фабиановны.

Придя впервые в ее класс, я сыграл Прелюдию и Фугу Баха с-moll из первого тома и Второе скерцо Шопена. Только потом вспоминая об этом, я понял, насколько это было скверно. Когда же начались занятия с Еленой Фабиановной, она дала мне двухголосную инвенцию Баха и приказала выучить ее к следующему уроку наизусть каждой рукой отдельно. А затем, в первые полтора года мне пришлось осилить все двух- и трехголосные инвенции, выучить двенадцать прелюдий и фуг, несколько сюит и концерт Баха.

Надо признаться, что в первые месяцы занятий это казалось для меня настоящим мучением. К каждому уроку надо было приготовить, то есть выучить на память в целом и по голосам, новую инвенцию. А уроки были по два раза в неделю! Не обладая особой памятью, я страдал ужасно и с трудом приспособлялся к такому режиму. Ведь помимо Баха надо было учить и другие произведения: различные этюды, «Песни без слов» Мендельсона, сонаты Скарлатти и т. д.

Трехголосную инвенцию или фугу требовалось уметь играть по два голоса в любых комбинациях. Любую пьесу необходимо было знать наизусть отдельно каждой рукой. Все это заставляло ежедневно работать с максимальной усидчивостью. На уроке же Елена Фабиановна обнаруживала массу недостатков, и на их исправление также уходило много времени.

Постепенно, однако, я втянулся в эту работу и почувствовал, что мое отношение к звучанию фортепиано и представление о том, что значит выучить произведение, резко изменилось. Перестал казаться столь непреодолимо-трудным и сам процесс работы.

Интересно, что в своих занятиях Елена Фабиановна мало говорила о технике и так называемой постановке рук. Все внимание было направлено на музыкальное произведение, на правильное прочтение текста, нужное интонирование и выразительность исполнения. И только в связи с этим речь шла о приемах игры и физических действиях. Техника, таким образом, формировалась не сама по себе, в отрыве от конкретных художественных целей, а как нечто вытекающее из музыкальных задач.

Важнейшую роль при этом играл продуманный репертуар, подбор произведений, которые развивали музыкальные представления ученика и его технические навыки. В этом отношении у Елены Фабиановны была определенная, проверенная опытом система. Она говорила, например, что для того, чтобы хорошо играть Шумана, Брамса или Метнера, необходимо поработать над произведениями Мендельсона, что стиль и технические приемы Скарлатти служат прекрасной подготовкой для исполнения Моцарта и даже Листа. Перед тем как давать ученику сочинения Шопена, она предлагала поиграть пьесы Аренского, Лядова, Глазунова.

Исходя из этих взглядов на последовательность изучения фортепианной музыки, Елена Фабиановна применяла свою систему чрезвычайно гибко, в зависимости от возможностей каждого ученика. В сжатые по времени сроки я прошел намеченные ею ступени моего пианистиче-

ского развития и закончил училище с весьма ответственной программой, включавшей Баха, Бетховена, Листа, Шопена, Скрябина и Метнера.

* * *

Многие крупнейшие музыканты прошлого и настоящего времени подчеркивали в своих высказываниях по вопросам начального обучения игре на фортепиано важность и решающее значение этого этапа в педагогическом процессе. Действительно, от первых месяцев и первых лет занятий в огромной степени зависит весь дальнейший путь формирования музыканта. Как уже отмечалось, в 20-х годах преподавание основывалось на устаревших традициях, техника рассматривалась в отрыве от музыки, рекомендуемые приемы игры и упражнения приводили к зажатости рук, репертуар учащихся был основан на музыкально примитивных произведениях второсортных авторов. Практический опыт и взгляды крупных педагогов, работавших в консерваториях, в очень малой степени влияли в те годы на методику преподавания в школах.

Елена Фабиановна была подлинным реформатором в области обучения детей. Об этом мне и хочется кратко рассказать. В своей системе она многое взяла от своего учителя В. И. Сафонова и построила по-новому методику преподавания. Описывать в данной статье эту методику со всей подробностью я не буду и отмечу лишь самое основное.

С первых шагов обучения Елена Фабиановна стремилась приобщить маленького ученика к музыке: пела с ним песни, заставляла подбирать на клавиатуре знакомые мелодии, играла ему различные музыкальные примеры, определяя вместе с учеником их характер и выразительный смысл. Попутно говорилось о музыкальной грамоте, о посадке за инструментом и первичных двигательных приемах. Технические упражнения рассматривались как некоторое добавление к конкретным исполнительским заданиям, возникавшим при разучивании этюдов и пьес. При этом всегда объяснялось, какую цель имеет каждое упражнение. Такие упражнения с самого начала приучали ученика к различным формам движений и способам звукоизвлечения.

В «Школе игры на фортепиано», вышедшей под моей редакцией в 50-х годах, я использовал в методической части и в последовательности нотного материала многое из системы Елены Фабиановны. Наилучшей иллюстрацией ее метода являются, однако, сборники собственных произведений Елены Фабиановны: «Первые шаги» и «Маленькие этюды для начинающих»². Интересно, что эти этюды, написанные в конце 20-х — начале 30-х годов, были встречены многими преподавателями весьма критически: говорилось, что они чрезмерно трудны и почти недоступны для начинающих. Их сложность объяснялась полифоническим строением рисунка, различием и разнообразием одновременных движений в партиях обеих рук. Лишь постепенно смысл и значение такого рода этюдов были понятны и оценены по достоинству. Конечно, учить их было гораздо труднее, чем унисонные упражнения и этюды старых авторов, рассчитанные на механическое развитие пальцев. Но спорить не приходилось: преодолевая стоящие перед ним задачи, ученик получал надежный фундамент для дальнейшего развития пианистической техники.

Я упоминаю об этом с тем, чтобы подчеркнуть значение Елены Фабиановны в истории нашей фортепианной педагогики как практика и методиста. Мы справедливо чтим крупнейших мастеров, основоположников отечественной пианистической школы: К. Н. Игумнова, А. Б. Гольденвейзера, Ф. М. Блуменфельда, Л. В. Николаева, Г. Г. Нейгауза, С. Е. Фейнберга и других выдающихся педагогов, профессоров наших консерваторий, о них написаны специальные книги и статьи, дающие представление об их педагогических принципах. Широкому кругу музыкантов, однако, гораздо менее известны взгляды и деятельность тех талантливых педагогов, которые, подобно Елене Фабиановне, оказали огромное влияние на начальное и среднее образование нашей молодежи. А между тем именно они воспитали и подготовили для консерваторий блестящих исполнителей, совершенствовавшихся затем у прославленных мастеров. Живой пример этому в педагогической биографии Елены Фабиановны — Лев Николаевич Оборин. Именно она была первой учительницей этого замечательного пианиста, окончившего консерваторию под руководством К. Н. Игумнова.

Вспоминая Елену Фабиановну и все семейство Гнесиных, я думаю о них с любовью и благодарностью. Елена Фабиановна поставила меня на ноги и открыла путь к музыке. Живой об-

раз этого обаятельного, доброго и отзывчивого человека всегда стоит перед моим взором, когда я думаю о прошлом и о тех, с кем тогда связана была моя жизнь.

Человек горячего сердца

Я сижу за столом, пишу эти строки. Передо мной портрет улыбающейся женщины с седыми пышными волосами, с молодыми умными глазами. Внизу несколько размашистым, волевым почерком написано: «Дорогому Сереже, в память нашей долголетней дружбы, с любовью. Е. Гнесина».

Елена Фабиановна... Мы, старые «гнесинцы» горячо любили, ценили ее и немного побаивались. Побавались, уже став взрослыми, вероятно, по старой юношеской привычке чтить Елену Фабиановну как непререкаемый авторитет, понимать, что сестры Гнесины отдали школе и музыкальному просветительству всю жизнь без остатка, и что Елена Фабиановна из всех своих сестер была наиболее самоотверженной, претворявшей в действительность своим немыслимым трудом и вдохновением самые смелые мечты.

Ее слово было веско, ее решение никогда не отменялось, она с поразительной прозорливостью разбиралась в людях. Так ее волей и упорством в конце прошлого века на Собачьей площадке выросла школа Гнесиных, так в середине нашего века на улице Воровского поднялось монументальное здание Института имени Гнесиных.

От великого до смешного — шаг. Помню, как в далекие годы Елена Фабиановна, разгневанная нестройностью нашего ученического пения, захлопнула клавиш «Снегурочки» (разучивали мы «Проводы масленицы») и покинула класс. Мы молча сидели, пришибленные случившимся, не трогаясь с места. Константин Петрович Виноградов¹ (теперь народный артист РСФСР, а тогда почти наш одноклассник, но уже закончивший музыкальный техникум и преподававший хоровое пение и теоретические предметы), стараясь как-то сгладить инцидент и уговорить нас пойти к Елене Фабиановне с просьбой вернуться на урок, с необычайным жаром стал рассказывать нам об удивительной жизни Елены Фабиановны, о ее громадном педагогическом таланте, таланте музыканта и создателя... «Да вы знаете, какая Елена Фабиановна?!» — воскликнул вдруг Константин Петрович в необычайном порыве — «это... это... Бисмарк² своего рода!» Несмотря на несколько удивительное сравнение, вырвавшееся у Константина Петровича, никто не засмеялся, никто не улыбнулся... И когда отзвучала наступившая пауза, мы — несколько человек — встали и безропотно отправились к Елене Фабиановне. Она встретила нас сурово, но внутренне довольная. Мы что-то пролепетали; помню, я сказал ей, что мы просто «еще не научились этому делу». Елена Фабиановна улыбнулась: «Ну, идемте учиться этому делу», — сказала она, и мы направились в класс. Урок продолжался, хоть и не очень успешно с нашей стороны, но «Масленица-мокрохвостка, поезжай прочь со двора» у меня осталось в памяти на всю жизнь. И еще «Бисмарк», в котором была какая-то доля истины.

После ухода из жизни Елены Фабиановны прошло уже немало лет, но когда пишешь о годах, проведенных рядом с нею, невозможно представить себе, что Елены Фабиановны *нет*, ибо «школа», «техникум», «училище», «институт» — суть понятия неразделимые с ее личностью, с ее кипучей, не знавшей возраста деятельностью, и придя в огромное здание на улице Воровского, ею созданное и ею возведенное, ловишь себя на мысли, что Елена Фабиановна только уехала куда-то, на какое-то время и обязательно, непременно вернется — надо только ее дожидаться.

Для меня и моих товарищей, поступивших одновременно со мной в Музыкальный техникум Гнесиных, год поступления полон самого глубокого смысла. Это было в 1925 году. Нас было трое певцов. Еще живя в своей родной Рязани, мы твердо решили, что поступать будем только к Гнесиным. Мы знали, что во главе школы стоят сестры Гнесины — крупнейшие музыканты-педагоги, что состав преподавателей самый высокий, и главное, что профессор Гандольфи³ в их числе. А мы ехали к нему. Нам он был рекомендован нашими земляками Н. Н. Озеровым и А. С. Пироговым — солистами Большого театра.

Как сейчас помню весенний радостный день, когда мы, уже побывав в Мерзляковском переулке у маэстро Гандольфи, очарованные и уже влюбленные в него, шагали переулками на Собачью площадку, держа в руках бумажку с просьбой зачислить нас в число его учеников.

Как передать то волнение, которое испытали мы, неожиданно оказавшись на затерявшейся среди арбатских переулков уютной площадке, окруженной полуторазажными особнячками, с купой деревьев вокруг потрескавшейся от старости греческой вазы. Вероятно, это все мы рассмотрели позднее, но тогда больше всего нас удивил такой же невысокий дом, из окон которого неудержимыми волнами лилась музыка, и притом самая разнообразная. Во всем этом было что-то... тургеневское. И эта площадка, как встарь, мощеная булыжником, и эти деревья, и эта музыка, и провинциальный особняк с крыльцом, выходящим во двор, и такая же провинциальная внутренность дома, в котором обступавшая со всех сторон музыка становилась почему-то тише и не мешала вашему разговору.

Нас встретила дама с пышными седыми волосами, одетая в лиловое платье. В приемной больше никого не было. Стоя перед Еленой Фабиановной (а это была она), мы выслушали довольно суровое наставление: каким должен быть «гнесинец», но спохватившись, что мы еще не держали вступительных экзаменов, она оборвала свою речь словами: «...Но это, если вы еще будете приняты. А у нас не так легко! Из Рязани? К нам со всей страны приезжают... и имейте в виду: ни стипендий свободных, ни общежитий нет!» И вдруг, увидев наши огорченные лица, Елена Фабиановна мгновенно изменилась и стала почти доверительно говорить нам о том, что она никак не может добиться общежития, хотя ходит каждый день к А. В. Луначарскому, что рядом есть нежилой дом⁴, который она берется привести в порядок, — и обо всем этом быстро, быстро, как о чем-то давно сидящем в голове, отчего она никак не может избавиться, отмахнуться. И в конце опять: «У нас, знаете, строго! Как в консерватории! Даже строже! И не рассчитывайте на стипендии, в крайнем случае освободим от платы!»

Мне хочется к этому добавить, что в 1928 году этот «нежилой» дом, став стараниями Елены Фабиановны «жилым», заселился студентами. Мне в нем пожить не пришлось — я уже был актером Музыкального театра Вл. И. Немировича-Данченко.

Мне писать о Елене Фабиановне трудно. Я принадлежал к «певческому сословию», как нас называл наш Николай Иванович, ведавший студенческой раздевалкой, наимилейший человек и, неизвестно почему, абсолютный авторитет в делах музыкального исполнительства среди учащихся. Трудно писать потому, что школа была основана как фортепианная, и наше «певческое сословие» пришло много позднее, когда «школа» стала «техникумом»⁵. Старые педагоги, пришедшие в школу в давние времена, в большинстве случаев по окончании этой же самой школы, нас недолюбливали, обвиняя (и совершенно напрасно) во всех смертных грехах, главным образом в легкомыслии. Но Елена Фабиановна, со свойственным ей сердечным жаром, быстро увлеклась вокальным отделением, решив — если оно часть ее детища, то должно быть таким же совершенным, как и фортепианное отделение.

Я помню, как на вступительном экзамене, который для нас троих прошел просто блистательно, в экзаменационной комиссии сидели преподаватели пения: Е. Ф. Петренко, А. И. Политова, Э. Гандольфи, В. Ф. Туровская, О. Ф. Славинская, А. К. Аскоченский, М. Г. Цыбущенко, В. М. Беляева-Тарасевич⁶. Почти весь цвет тогдашней вокальной педагогики! И в центре этого ареопага — Елена Фабиановна. Вероятно, она испытывала истинное наслаждение от сознания того, что гнесинская школа оказалась не хуже консерваторской, что ученики-вокалисты с успехом выступают в парадных концертах, наряду с пианистами. Теперь, размышляя о трудном, подвижническом пути Елены Фабиановны, я все глубже и все более творчески понимаю, в чем черпала она силы для своего, по правде говоря, непостижимого труда.

Своих педагогов Елена Фабиановна держала в строгости, видя в них по-прежнему своих учениц, но защищала каждую со всем жаром, на который была способна. И они боготворили ее и, как и мы, любя, побаивались. Старейшие «гнесинцы» мне рассказывали, что Елена Фабиановна, Мария Фабиановна, Евгения Фабиановна, имея собственные классы, неусыпно следили за всеми учениками школы, постоянно посещая уроки своих коллег.

Среди многих драгоценных качеств у Елены Фабиановны было еще одно, очень важное, — это острое чувство современности. Елена Фабиановна обладала замечательным даром постигать и ценить «современное», не «модное», не навязчиво-доступное, не для всех популярное, в первую очередь современный смысл жизни, современную большую музыку, современную литературу — ценить своим горячим сердцем, а не только на словах. Она по-прежнему любила и ценила классику, Чайковского и Рахманинова (тогда запрещенных!), но жизнь на своих океанских волнах несла новые имена, если можно так сказать — новые созвучия, и Елена Фабиановна требовала от нас исполнения новой музыки, и когда на открытом концерте я спел «Экзотическую сюиту» Сергея Никифоровича Василенко, положившую начало нашей многолетней дружбе с автором, Елена Фабиановна была довольна, сказав, что не зря освободила меня от платы за обучение.

С молодежью она говорила, как равная по возрасту, но и как человек, не знающий компромиссов. Елене Фабиановне нужны были верные, образованные люди, в чьи руки она могла бы передать с такой любовью взлелеянное ею дело.

Вспоминаются и курьезы. Я уже писал, что у нас на вешалке работал Николай Иванович, и с ним обычно дежурила тетя Лина, его помощница. И с их мнением учащиеся необычайно считались. И, надо сказать, что эти совсем простые люди проявляли удивительную интуицию, редко ошибаясь в своих замысловато выражаемых мнениях. Выступив в открытом академическом концерте, Левушка Оборин (его тогда называли только так, позднее он стал именоваться Львом Николаевичем) сейчас же отправлялся к Николаю Ивановичу, узнать его «оценку». Николай Иванович, несколько подумав, отвечал: «Эффект большой, только в октавах чегой-то насмурил». Певицы, наоборот доверяли больше тете Лине, которая нередко своими определениями доводила их до слез.

Интересно другое: и Николай Иванович, и Лина, по их признанию, не могли жить без музыки. Уходили на пенсию, но через неделю возвращались и винили в этом одну Елену Фабиановну.

Елена Фабиановна была очень строга, гораздо строже Евгении Фабиановны, Елизаветы Фабиановны и, уж конечно, Ольги Фабиановны, но глубина ее доброты, отзывчивости была безмерна. Я жил трудно. Трудно потому, что у меня болела правая рука, и я восемь с половиной лет не снимал гипс. Я жил «в углу», существовал на пенсию и на помощь, присылаемую мне сестрой. За хорошую успеваемость меня освободили от платы за обучение, но, чтобы посещать галерку Большого театра, я сэкономил на транспорте и ежедневно ходил пешком от Рыкунова переулка через всю Москву на «Собачку», как мы называли тогда Собачью площадку. Трудно было, нечего говорить. После одного академического концерта Елена Фабиановна стала брать меня на шефские концерты. Эти концерты мы давали в военном госпитале. На трамвае ехали до Сокольничьего круга, там нас поджидали сани-розвальни. Елена Фабиановна усаживалась в сани, ее укрывали пледом, рядом с ней садился Фабий Витачек, аккомпаниатор Алеша Шоластер и еще кто-нибудь, во вторые сани садилась вся наша компания, и мы катили по ночным аллеям до самого госпиталя. Это было прекрасное время. Ехало нас обычно человек десять-двенадцать. Елена Фабиановна буквально преображалась. Она любила быструю езду и от этой получасовой прогулки получала истинное удовольствие. Концерты давались еженедельно и в основном одним и тем же составом исполнителей, менялась только программа. Мы тоже любили эти поездки и эти выступления и особенно... ужин после концерта. Чего греха таить, все мы жили впроголодь.

Однажды я сильно простудился и слег. Я лежал у себя один за шкафом, отделявшим меня от «хозяйской» части комнаты. И вот, дня через три, когда уже смеркалось, ко мне в великом волнении прибежала старушка хозяйка и сообщила, что приехала «дама» с огромной корзиной. Дверь открылась, и в комнату вошла... Елена Фабиановна! Смеющаяся и приветливая. Узнав о моей болезни, поняв, что я лежу голодный и, может быть, нуждаюсь в лечении, Елена Фабиановна в сопровождении Юры Муромцева, с которым мы были дружны, пожаловала ко мне с корзиной бутербродов, варенных яиц и колбасы. Воспоминания об этом случае я с благодарностью храню в своей памяти.

И тем не менее мы побаивались Елены Фабиановны. Помню, как в зале Дома ученых я выступил удивительно неудачно. Я был так расстроен и так боялся встречи с Еленой Фабиановной, что ушел, ни с кем не простившись. Через день в квартире маэстро Гандольфи, где прохо-

дили наши уроки пения, раздался телефонный звонок. Через ученицу, снявшую трубку, Елена Фабиановна передала распоряжение, чтобы я явился завтра к такому-то часу в ее кабинет. Надо ли говорить, какую ночь провел я в ожидании этого свидания? В назначенное время я вошел в комнату Елены Фабиановны. Наверное, все, что я чувствовал тогда, было отражено в моей скорбной фигуре. «Я вас позвала, чтобы вы не падали духом. В следующем месяце я назначила вас петь в Деловом клубе». В этих словах была вся Елена Фабиановна — и человек горячего сердца, и педагог огромного опыта и понимания, как и когда надо протянуть руку помощи.

Елена Фабиановна по натуре своей, вероятно, была вспыльчива. Гроза, повергавшая нас в трепет, омрачала небо ненадолго, и, если «грех» провинившегося был невелик, если это не было оскорблением самого дорогого и святого для нее — родного техникума, если это не было попранием законов морали, благорасположение ее возвращалось уже при первой встрече. Но если человек вычеркивался из ее сердца, то думаю... это навсегда. И вместе с тем таких вычеркнутых из сердца учеников я не знал, таких катастроф не было. Может быть, это касалось перебежчиков, покидавших наш техникум и поступавших в другой. Может быть, нрав у Елены Фабиановны был достаточно «крутой», но и обратное мне приходилось наблюдать не раз. Скажем так: ученик малоспособен, голос самый средний, но влюблен в пение, учится круглые сутки, но все как-то без толку. Уже не раз обсуждался вопрос об его отчислении, и вот этот вопрос обсуждается вновь. Кажется — все ясно. А Елена Фабиановна все оттягивает, все отводит неприятный разговор, и ты видишь, как она жалеет студента, мучается этим сама, старается не показать проявления своей душевной слабости. И вдруг задает обескураживающий вопрос: «А может быть, мы виноваты?» — и приводит какой-нибудь пример. И надо сказать, как часто из таких «средних» учеников выходили весьма толковые специалисты.

Она была человеком большого самообладания. Я видел один только раз, как плакала Елена Фабиановна. Это было почти страшно. Умерла Евгения Фабиановна, ее сестра, ее самый верный друг по заветному делу⁷. Я зашел в комнату Елены Фабиановны, она сидела в кресле, обхватив голову руками, покачиваясь из стороны в сторону, как от невыносимой боли. Услышав шаги, Елена Фабиановна подняла лицо, залитое слезами, быстро отвернулась и тихо сказала охрипшим от слез голосом: «Вот горе какое...», — встала, вытерла лицо платком, выпрямилась и пошла в зал, где стоял гроб.

Елена Фабиановна очень дорожила преданностью своих бывших учеников. Два раза она вызывала меня к себе и требовала, чтобы я работал в институте. Мне было до крайности трудно совмещать театр, литературную деятельность и учебное заведение. Но отказать Елене Фабиановне я не смог и несколько лет преподавал в институте актерское мастерство, чувствуя, как внимательно она следит за моей работой. На зачетах она всегда сидела в первом ряду и, если была довольна, угощала меня чаем в своей комнате.

Это — очень мужественный человек. Трудно представить себе, какой силой воли она должна была обладать, чтобы создать крупнейший, может быть единственный в мире музыкально-педагогический комбинат! Дважды мне довелось наблюдать за Еленой Фабиановной во время строительства здания института. Первый раз — когда здание было только что заложено, и Елена Фабиановна бесстрашно ходила по краям котлована, с увлечением объясняя мне, что именно здесь надлежит быть центральной части института⁸. Второй — когда стены уже были возведены, и она чрезвычайно горячо спорила со строителями о чем-то для меня совершенно непонятном. И вот мне вспоминается юбилейный концерт-вечер в институте, где я от имени Музыкального театра поздравлял Елену Фабиановну. В антракте я увидел ее, сидящую в партере нового концертного зала с Климентом Ефремовичем Ворошиловым. Она подозвала меня, и я с удовольствием присел рядом. Держа Ворошилова за руку, она с какой-то душевной умиротворенностью сказала: «Вот, Климент Ефремович, и зал построен, и за это мы должны благодарить Вас...»

И, слушая это, я осознал всю усталость от непомерного груза, лежащего на ее плечах.

В последний раз я увидел Елену Фабиановну уже прикованной к креслу. В училище открывалось отделение музыкальной комедии, и она спросила меня, не возьмусь ли я за это дело, или посоветую кого-нибудь⁹. Затем, немного помолчав, как бы передохнув, сказала, что часто видит во сне дом на Собачьей площадке. И вдруг стала расспрашивать меня: как стояли инстру-

менты в зале, как располагалась мебель в большой проходной комнате, где находилась библиотека и так далее. Я был растерян, и только когда «экзамен» закончился, увидел, что Елена Фабиановна вполне удовлетворена моими ответами, убедившись, что техникум все еще живет и в моем сердце. Но тут явились какие-то девушки с просьбой разрешить им переекзаменовку, и Елена Фабиановна тотчас превратилась в Елену Фабиановну тех далеких техникумовских времен, и я, поцеловав ее, бесшумно удалился.

Она шла всегда в первых рядах. Неутомимый труженик, она никогда не выставляла на показ свой удивительный творческий подвиг. Такой мы ее знали, такой она живет в нашей памяти.

О двух встречах с Еленой Фабиановной

Елена Фабиановна вошла в мою жизнь, когда мне было лет 11. Случилось это так: одна из моих тетюшек — тетя Нина¹ — слушала-слушала мою каждодневную игру на рояле и вдруг произнесла: «Все-таки нужно показать тебя Елене Фабиановне». Это прозвучало, как отдаленное ворчанье грома — предвестника грозы, и я не знала, радоваться мне или пугаться. Кто такая Елена Фабиановна? Тетя Нина, видя мое «ничего непонимание», пояснила: «Елена Фабиановна Гнесина? Великолепный педагог, добрейший души человек, но крайне строга и требовательна, если что не выучишь — кожу с тебя живьем сдерет. Я сама училась у нее, знаю». Называется, пояснила. Мне стало жутковато...

Время шло. Мне уже 14-й год идет, а тетя Нина все восклицает: «Все-таки нужно тебя показать». А я все играю, играю... Играла я хоть и ежедневно, но учителей у меня теперь не было. Семью нашу возглавляла бабушка, суровая старообрядка, считавшая музыку занятием праздным, для души. «А для души тебя уже научили играть, хватит! Музыкой кусок хлеба не заработаешь, если ты не „сверхталант“». А я — не «сверхталант», я просто была влюбленной в музыку девчонкой, продолжавшей играть упорно, настойчиво.

О встрече с мифической Еленой Фабиановной все эти два года я мечтала, воображала себе, как она будет потрясена моей игрой, именно — потрясена! А чтобы «потрясти» основательно, я играла скучные упражнения Ганона, гаммы и арпеджио во всех видах, играла непременно каждый день, чтобы всегда быть в форме.

А время шло и шло. Мне было уже пятнадцать лет.

Однажды мы всей семьей сидели за вечерним чаем с поющим самоваром.

Вдруг раздался дверной звонок. Приехала тетя Нина и радостно возвестила: «Завтра утром Елена Фабиановна велела привести Галину». Я похолодела: «Вот оно, гром грянул».

Все встрепонулись, заговорили: такое событие! Но судьбу мою решала бабушка: «Вот если бы жива была мадам, она бы из Галины человека сделала, вывела бы в люди» (бабушка маленькой девочкой была отдана в ученицы французенке-портнихе, хозяйке «Модного магазина» на Петровке). И все же тетя Нина горячо защищала мое право на музыку: «Именно от Елены Фабиановны и выходят настоящие серьезные музыканты». Но бабушка не унималась: «Ваша музыка — праздное занятие, никчемушнее, а девице в руки нужно дело, ремесло, кусок хлеба. Или — замуж. Если ваша Фабиановна не возьмет Галину к себе в ученицы, будет вот как: я договорюсь с Евдокией Платоновной — бурнусницей (так называлась раньше мастерица по верхней одежде), чтобы она Галину взялась учить крою, пошиву, примерке. Хватит бить баклуши». И бабушка ушла.

А тетя Нина энергично, с полным знанием дела, стала распоряжаться мною: «Наденешь белое платье в горошек, косы заплетем потуже, чулки подштопает Надя, белые туфли бабушка дошьет, а сейчас пойдем, подберем, что будешь играть Елене Фабиановне». Я уныло поплелась за тетей Ниной ни жива ни мертва. Завтра — решение судьбы: Евдокия Платоновна или Елена Фабиановна?

Я не помню, как мы ехали, как доехали... Помню только: вот мы поднимаемся по ступенькам крылечка, вот мы открываем дверь и попадаем как будто в жужжащий улей: ох, сколько же девочек, мальчиков, какие все маленькие! Тетя Нина куда-то сейчас же исчезла, а я стояла одна среди веселых детишек, громадная, как каланча, ошарашенная, перепуганная, нелепая в белом платье горошком, в самодельных туфлях, с нотами в дрожащих руках. А эти косы! Длинные, туго-натуго заплетенные, с аккуратными бантиками на самых кончиках. Они вызывали всеобщее веселое внимание: девочки давно уже были стриженные.

Слышу шепот тети Нины: «Мы попали прямо на экзамен, ты будешь играть, так распорядилась Елена Фабиановна, я только что видела ее».

Боже мой, видела! Я за эти три года ожидания так привыкла «видеть» Елену Фабиановну в своем воображении, что даже пошатнулась от неожиданности. Скоро увижу ее наяву, а она — меня, я ей скажу, что она в моей жизни — главный советчик и друг. А она мне скажет, что давно ждет такую ученицу, играй мне все, что знаешь... А вдруг я не понравлюсь ей? Что же тогда?

Тетя Нина увидела мою растерянность, сердито зашипела: «Лицо! Что за выражение?! Похоронное бюро! У девушки всегда должна быть полуулыбка на губах — вот так». Я с ужасом уставилась на нее.

Вдруг сразу все замолкло, стали вызывать поодиночке в зал. Началось! Я окончательно окаменела, всякое соображение от меня отлетело, одно ясно: бежать некуда, спасения нет.

Меня вызвали — я пошла тяжело, медленно и обреченно.

Усевшись поудобнее на стул, еще теплый от предыдущего испытуемого, я даже не посмотрела на комиссию — боялась увидеть своего главного судью — Елену Фабиановну. Смотрела только на клавиатуру, примерялась и... понеслась в каком-то этюде. Один этюд, другой этюд, неслась на «превышенных скоростях», все прибавляя темп. От бешеной скачки у меня свистело в ушах, по залу с воем крутилась метелица стремительных пассажей и трезвучий. Я обрушила на комиссию гирлянды корявых фальшивых терций, секст, потом прицепила к этюдам Токкату Черни, потом лупила что-то октавами. Веревочная подошва соскальзывала с педали, педаль ухала, бухала. Бедный рояль встал на дыбы, воздел к потолку черную челюсть, оскаленную клавишами, и кричал, взывая о помощи.

Как из-под сугроба, приглушенно приказывал голос, «ее» голос: «Довольно! Достаточно!!!» А я уже забыла, что нужно играть, несла дикую отсебятину и никак не могла остановиться. «Прекрати немедленно!!!» Грохнули стулом. Или грохнули кулаком о стол? Но грохнули. Я остановилась.

Все тот же голос, но уже спокойно, спросил: «Что будешь еще играть?» Я молчала, забыла что ли? Тетя Нина из зала громко подсказывала: «Менуэт, менуэт!» Я посмотрела на портрет кудрявого Баха (или Генделя) — он висел прямо напротив рояля, и сказала: «Гавот». Голос спросил раздраженно: «Что же, наконец, гавот или менуэт?» Я зачем-то встала и отчетливо сказала, глядя на портрет Баха (или Генделя): «Гануэт». В зале рассмеялись, а «голос» весело сказал: «Играй». Тут я поняла — полный провал, все кончено...

Ах, как я устала... Ослабли руки, ноги, даже спина и шея. Полное безразличие охватило меня, а играть нужно. И еще эти проклятые веревочные подошвы скользят по педали. Посмотрела на кудрявый портрет, брови у маэстро взлетели кверху, глаза он вытаращил, шею вытянул из своих кружевных воротников, конечно, тоже удивился, глядя на меня. Глубоко и горестно вздохнула: победила бабушка с Евдокией Платоновной. Теперь на всю жизнь — крой, пошив, пуговицы, примерки... А что же я должна играть? Ага. Знаю, И я, ослабевшая, спокойно-безразличная заиграла «Печальный вальс» Сибелиуса. Я его всегда играла «на людях»: и в школе на вечере, и дома при гостях, и в гостях, и даже на концерте «в пользу голодающих Поволжья» и в «Доме слепых». Как странно: невеселые мысли неслись спокойно сами собой, пальцы играли тоже сами собой, все выполняя привычно и прилично; все *f* и *p*, все оттенки были на своих местах, даже последний коварный пассаж посыпался «горошком» легко и просто. Кончила. И сама послушала последний аккорд. Ждала, опять раздастся «голос». Но все молчали. Я вздохнула, встала и двинулась мимо приемной комиссии, боясь увидеть хозяйку «голо-са» — Елену Фабиановну. Тетя Нина бежала за мной гневная, с пылающими щеками, шептала мне что-то сердито. Но я не понимала ничего, черное отчаяние перечеркнуло все чувства, мечты и надежды...

Потом чьи-то чужие руки меня усадили, чем-то холодным потерли виски, сунули под нос пузырек с нашатырным спиртом. Голова стала ясной, и картина всего, что случилось, тоже более чем ясной. Опять мою душу захлестнуло отчаяние. «Что ж, портнихой буду! Но музыку не оставляю, а заработаю деньги — найду педагога настоящего. И рисовать буду, и стихи писать, а если куплю настоящие туфли, танцевать буду». Я не открывала глаз и сидела, откинув голову, как будто бы в обмороке, сообразив, что так спокойнее.

И вдруг услышала «ее» голос, говорящей тете Нине: «Принять не можем — переросток. Поздно. Руки безнадежно испорчены». Я слушала, не шелохнувшись, с закрытыми глазами.

Что с ней?! — встревожился «голос». Горячая сильная рука похлопала меня по щекам. Я решила впервые посмотреть на Елену Фабиановну и храбро открыла глаза. Так вот вы какая? Совсем не громадная, совсем не грозная, а обыкновенная. Обыкновенная ли?! Глаза, слегка выпуклые, заботливо и добро смотрели на меня, спрашивали: чем тебе помочь? Я поднялась на ноги, показав, что уже здорова. В ее взгляде была и развеселая смешинка, и взыскательный вопрос. Я мысленно ответила, совсем уж невоспитанно взглянув на нее исподлобья: «Я непременно буду музыкантом, и учиться буду!» — «Ну вот и хорошо, — вслух сказала Елена Фабиановна, — она поняла меня и продолжала чуть шутливо: — Косы у тебя красивые, а играла ты безобразно. Сибелиуса — чуть приличнее». Я прошептала: «Спасибо» — и сделала вежливый реверанс (тетя Нина была очень довольна). А Елена Фабиановна, подумав и решив что-то важное, подвела итоговую черту: «Мы принимаем тебя условно, испытательный срок — полгода». Я стояла оглушенная, ослепленная, едва верящая своему счастью. «Боже, как я буду учиться!» — возопила я, забыв о всяких этикетах. «Ну вот и хорошо. Покажи, на что ты способна», — сказала Елена Фабиановна и ушла к другим людям, ждущим ее слова, а мы с тетей Ниной победителями поехали домой, поехали улицами радостными, светлыми, все прохожие смотрели приветливо, ободряюще улыбались, как будто все уже знали: у этой девчонки счастливая перемена в жизни, слыхали уже? Вот так бывает...

Да, вот так и бывает, когда встречаешь доброго, благожелательного человека. Я получила от Елены Фабиановны путевку в жизнь, в прекрасный мир музыки, в мир большого искусства.

Такой была первая встреча с Еленой Фабиановной летом 1925 года.

* * *

А последняя встреча была примерно в те же дни августа, но 41 год спустя, в 1966 году.

Я приехала в наш Дом творчества композиторов в Рузе. Как всегда, здесь великое множество знакомых. Среди них мои старинные друзья далеких, неповторимых студенческих лет — «гнесинцы». Они сказали мне, что в четвертой даче живет Елена Фабиановна, на днях она уезжает. Собирались все вместе нагрянуть к ней. Но нет, пойду одна завтра с утра. Какая она стала? Узнает ли меня?

Вспомнит ли первую нашу встречу в далеком 1925 году? Как могла тогда Елена Фабиановна в смешной девчонке-подростке разглядеть человека, влюбленного в музыку? И, главное, поверить и принять — пусть условно! Какая педагогическая зоркость! И какое глубокое понимание растерянной, перепуганной души подростка — ведь это был для меня такой жизненно важный шаг.

Елена Фабиановна отдала меня тогда на фортепианное воспитание многотерпеливой труженице М. П. Корниловой². Как же я занималась! Через полгода был повторный экзамен. В глазах Елены Фабиановны я видела и пытливое любопытство, и тревогу: «Кто ты есть, Галя Смирнова? Не ошиблась ли я в тебе? Я ведь поручилась за тебя!» Но с первой фразы я почувствовала: меня слушают. Елена Фабиановна ничего не сказала, но глаза ее потеплели, исчезло недоверие. Про себя я думала: «Вы не ошиблись, Елена Фабиановна!»

А как было важно ощущать постоянную заботу и поддержку Елены Фабиановны во всяких начинаниях! И в самом деле, исчезала неуверенность, рождался боец, а не робкий мечтатель. На дорогу жизни выходил очень еще юный человек, но шагал он уже крепкими ногами по земле, шагал к своей цели — быть музыкантом-профессионалом.

Елена Фабиановна знала о каждом из студентов абсолютно все: и об удачах, и неудачах, и даже о наших увлечениях, например, современной зарубежной музыкой 1920-х годов — Альбаном Бергом, Хиндемитом, Шенбергом, Малером, Равелем, Дебюсси, Мийо.

Когда я сочиняла прелюды (образцы двух-трехчастных форм) по курсу анализа форм у Д. Р. Рогаль-Левицкого³, Елена Фабиановна заинтересовалась и немедленно позвала меня к себе. «Играй, что насочиняла!» — сказала она, когда я смущенная предстала перед ней.

Прелюдии эти были странной помесью Скрябина и Хиндемита. Я сыграла. Елена Фабиановна сказала: «Будешь проходить специальный курс гармонии. Иди». Я вышла от Елены Фабиановны будто давая присягу: «Я могу сочинять. Я могу стать композитором. И это будет!» С той поры через всю мою жизнь потянулся трудный неезженный, нехоженный путь композитора.

И труд — труд кропотливый, каждодневный, с полной отдачей всех духовных и физических сил.

Вот и дачка, окруженная лесом. Елена Фабиановна встретила меня словами: «А-а, вот самая строптивая моя ученица — Галя Смирнова!» Она уже не ходила, сидела в кресле, но была прежней, светлой, устремленной вперед, в жизнь, и глаза ее, как всегда, молодые, полные пытливого и серьезного любопытства к человеку, опять спрашивали: «Кто ты теперь? С чем идешь по жизни?»

Я начала рассказывать о себе, но оказалось, что Елена Фабиановна все знала и о моей работе, и о трудной, запутанной моей жизни. Но расспрашивала. И даже глубже, доскональнее, чем я собиралась поведать ей. Елена Фабиановна помнила, что у меня была строгая бабушка-староверка, что была тетя Нина.

Вспомнила о моих косах, о том, как я их обрезала, как она в сердцах выгнала меня за это из класса, отказалась со мной заниматься и передала меня своему старшему ученику Алеше Клунову⁴. Посмеялись.

— Вы-то простили, а бабушка не простила.

— Да ну?

— Мне ведь пришлось уйти из дома.

— Куда?

— К нянюшке. Заниматься негде. Инструмента не было. И еды тоже не было. Все кое-как.

— Не знала, но догадывалась.

— А помните, как вы мне дали «бумажку» в буфет? Распорядились, чтобы мне дали поесть. И был чай, сахар, даже сыр.

— Это тогда, когда ты играла под кинокартины?

— Ну да.

— Были у тебя распухшие пальцы, обломанные ногти.

— Клуб был нетопленный. Зима.

— И все это в последний год, когда я тебя взяла в свой класс!

— А я бросила ходить на занятия, ничего не делала — это было для меня очень стыдно, очень страшно.

— Ну я-то ведь решила тогда: вот побранила немножко ученицу, а она и сбежала, строптивца такая. Я ведь браню только того, в ком толк вижу. Да, да, да! И так сердита была на тебя.

— Я это чувствовала. А вскоре я уехала в Алма-Ату.

— Потом удалось тебя устроить на радио, к Шотниеву, практикантом⁵. Я знала, что ты хорошо работаешь там.

— А помните, как вы мне давали учеников?

— По теории? Помню, как же. Ты была сообразительной девочкой.

Вот так и текла беседа, неторопливо, спокойно.

Елена Фабиановна поинтересовалась, сохранились ли у меня друзья времен техникума? И очень была довольна, что я дружу с В. Волковым, И. Морозовым, с А. Иконниковым, Ю. Слоновым, О. Эйгесом⁶.

На прощание Елена Фабиановна подарила мне свой авторский сборник «Маленький скрипач»⁷. Надписала.

«Под занавес» спросила: «А кто твой сын? Врач? Это очень хорошо. И вырастила сама, молодчина». Все-то она знала. Елена Фабиановна смотрела на меня прежним теплым взглядом, «благодарящим за радение и поощряющим на подвиги» — так мы когда-то девочками в своем узком кругу называли такие взгляды Елены Фабиановны.

«Ну вот и хорошо. Я довольна тобой», — как бы говорил этот поощряющий взгляд всегда молодых глаз, полных неиссякаемого доброго любопытства к людям.

Я вышла. На ветру бушевала шумная, буйная золотая листва. Скорей, скорей за работу!..

Из воспоминаний детства и отрочества

Елена Фабиановна и ее детище — музыкальное училище — неотделимы друг от друга. При этом Елена Фабиановна никогда не воспринималась одна, так сказать — solo. Всегда чувствовалось, что во главе дела, во главе этого дома стоят сестры Гнесины.

Жили они не только одной семьей, а, можно сказать, единым организмом. Казалось, нет у них слова «я», а есть только «мы». Мысли их все время были как бы протянуты друг к другу. Подчас мелькали фразы: побережь сон Евгении Фабиановны; напомнить Елене Фабиановне о лекарстве; похлопотать о летнем отдыхе Елизаветы Фабиановны; подбодрить ученика Ольги Фабиановны. Да что перечислять! Чувствовались постоянные думы и заботы друг о друге. Трогательные взаимоотношения сестер невольно воспринимались учащимися. Этот пример оказывал на них прекрасное воспитательное воздействие и, несомненно, способствовал формированию личности ученика, формированию в нем такого человека, который впоследствии будет называться «гнесинцем».

В начале 20-х годов, годов моего детства, на доме № 5 на Собачьей площадке еще висела старая, дореволюционная вывеска: «Музыкальное училище Е. и М. Гнесиных». Многие ученики говорили не «иду в училище», а «иду к Гнесиным», как бы по делу и вместе с тем — в гости. Этот маленький полтораэтажный уютный особняк был не только учебным заведением, но и гостеприимным домом, в котором жила Музыка, царила влюбленность в искусство, увлеченность учебным процессом.

Вот ученик входит в ворота, во двор. Крытое деревянное крыльцо с восемью ступеньками приводит его в прихожую. В ней — окно во всю стену, большая изразцовая печь, о которую учащиеся частенько грели руки перед выступлением. На стене — зеркало в деревянной раме. (То самое зеркало, которое висит сейчас в учительской нашей школы-семилетки¹. Только тогда в нем еще не был утрачен выдвижной ящик!) Это было «почтовое» зеркало и «почтовый» ящик. Ведь в зеркало каждый заглянет и приходя, и уходя. А из-за рамы со всех сторон торчат записочки разных фасонов: и о нотах, и о рукавицах, и о репетиции, и просто о свидании. Ласковая тетя Лина, дежурная в прихожей, еще напомним: «Тебе записочка!» Теперь, спустя пятьдесят лет, в школе-семилетке работает такая же ласковая тетя Феня, которая знает в лицо почти каждого из трехсот с лишним учащихся и неизменно доброжелательна к каждому. В этом чувствуется как бы продолжение старой гнесинской традиции. И неслучайно. Ведь большую половину своей трудовой жизни тетя Феня проработала там, на Собачьей площадке, в атмосфере, созданной еще сестрами Гнесиными, в основном — Еленой Фабиановной.

Из прихожей попадаешь в переднюю. Висят часы с боем. У стены — венский диванчик с соломенным сидением. (Этот диванчик стоит в 14-м классе нашей школы, только теперь он с клеенчатым сидением.) Здесь стояли еще стулья и кресла для ожидающих. Позднее, ближе к 30-м годам, когда учебное заведение стало быстро расти, здесь помещалась уже канцелярия и даже высилась перегородка.

А пока пойдем дальше. Высокие двери ведут в зал — проходную комнату, днем служившую классом, а вечером концертным залом. Эстрады никакой не было. Стульев устанавливалось не более 70—80. Зато какие два «Бехштейна» звучали здесь! А кругом стояло много зеленых растений: и в горшках, и в кадочках, на подоконниках, на ступенях деревянной горки, на табуретах, на тумбочках.

Гнесины могли мириться с теснотой, с бытовыми неудобствами. Две сестры, Елена Фабиановна и Евгения Фабиановна, могли спать в низкой, темной комнате. Под безукоризненно чистыми чехлами у них могли быть продавленные диваны, протертая обивка, но рояли при этом были только превосходные, только «Бехштейны» и, конечно, всегда в порядке.

Настройщик, старичок Прохоров, маленький, шупленький, с тощей бородкой и шишкой на носу, отвечал за них перед Еленой Фабиановной. Как это много значило — отвечать перед са-

мой Еленой Фабиановной! Кто же мог выдержать ее укоряющий взгляд? Многие помнят, как мучительно стыдно было краснеть перед Еленой Фабиановной за какую-нибудь свою недобросовестность или оплошность. Ведь жизненными принципами, царящими в этом доме, были: преданность делу, увлеченность и такие результаты работы, какими можно только гордиться. Все иное просто отторгалось, как нечто чужеродное.

Так вот, в этом маленьком зале, на этих роялях, всегда прекрасно настроенных старичком Прохоровым, происходили выступления учащихся. Тогда они назывались концертами или академическими вечерами. Уже само это определение говорило о предстоящем радостном событии и создавало праздничное настроение. (Теперь выступления учащихся называются зачетами, и звучит это буднично.)

Прежде чем выпустить ученика на вечер, сестры Гнесины просили друг друга прослушать его программу. Играть перед Евгенией Фабиановной, а особенно перед Еленой Фабиановной — было и страшно, и ответственно, и почетно. Многие другие педагоги тоже предварительно показывали своих учеников сестрам Гнесиным, а молодые педагоги просто не имели права выпускать ученика на вечер без санкции Елены Фабиановны. Зато, получив ее одобрение, и ученик, и педагог шли на выступление уверенно, почти без волнения.

Моя первая учительница, Елена Петровна Сенаторская,² повела меня, 9-летнюю, первый раз к Елене Фабиановне играть Тарантеллу Жилиани.

Когда мы входили в кабинет Елены Фабиановны, нам, детям, казалось, что попадаешь в сказочный дворец королевы-волшебницы. Играть перед Еленой Фабиановной, конечно, было страшно. Плохо же играть на ее рояле казалось просто невозможным. Стоило Елене Фабиановне улыбнуться, просто сказать «хорошие пальчики», и, казалось, крылья вырастали и счастьем нет предела. Так велика была сила воздействия Елены Фабиановны — и укоряющая, и ободряющая.

Как интересно было прийти на академический вечер заранее, чтобы «проникнуться» гнесинской атмосферой. Швейцару дяде Петру, убравшему столики из зала после урока сольфеджио, дети любили помогать расставлять стулья для концерта. На урок тоже было приятно прийти заранее (и после урока не сразу уходить!), чтобы иметь время побыть в гостиной. Так по старой традиции называлась большая проходная комната за залом. Высокие потолки с лепными украшениями по карнизу. В противоположных углах комнаты — две большие изразцовые печи до потолка, с красивым голубым рисунком на изразцах, всегда теплые. Как от них веяло уютом! На рубеже 50—60-х годов, когда уже стало ясно, что дом будут сносить, лаборанты из управления охраны архитектурных памятников расчищали щеточками и кисточками многослойные ремонтные побелки с лепных украшений потолка, открывая первоначальную лепку, и образцы лепки, а также изразцы уносили для сохранения.

Посреди этой комнаты лежал большой ковер, стоял колоссальных размеров стол под темной скатертью. Вдоль стен — мягкая мебель под чехлами. Нам, детям, комната эта представлялась необычайно большой. Здесь можно было даже поиграть в прятки. И уж, конечно, с особым удовольствием дети играли с пушистой кошкой Пчелкой и менее пушистым Барсиком, которые чувствовали себя в доме свободно, как хозяева разгуливали всюду и, бывало, Ольге Фабиановне приходилось спасать их от чрезмерной нежности детей.

У стены, смежной с залом, стоял простой, но очень большой шкаф с полками. В нем зарождалась библиотека училища. Конечно, у каждой из сестер Гнесиных были свои личные ноты. У Евгении Фабиановны, например, было полное собрание фортепианных сочинений от клавесинистов до Брамса и Скрябина. Почти все в лейпцигском издании и переплетено в добротные красивые переплеты. Это была неприкосновенная библиотека — для выбора репертуара, работы в классе, для справок, проверки текста и прочего. Конечно, ею пользовались все сестры Гнесины, и сейчас она находится в Мемориальном музее-квартире Елены Фабиановны. Но учащимся нужны были ноты для занятий. И вот в том большом шкафу, в гостиной, начиналась библиотека для учащихся. Вероятно, зародилась она не в те годы, когда я ее впервые увидела, а еще лет на 10—15 раньше. Библиотека складывалась умно и с расчетом на долгие годы, как делалось у Гнесиных все, что касалось учебного процесса. Ноты были в легких картонных обложках. Тетрадожки — тонкие: по одной сонате, по одному опусу этюдов, иногда даже по одной пьесе в таком переплете. Это сохраняло ноты, и учащимся не приходилось таскать тяже-

лые тома. На каждом экземпляре был наклеен ярлычок с типографским шрифтом «Музыкальное училище Е. и М. Гнесиных». Каждый преподаватель сам брал ноты для своего ученика и сам записывал взятое в специальную тетрадочку. Из каких средств выкраивали Гнесины фонды для этой библиотеки? Ведь тогда не было таких смет и государственных фондов, как сейчас, когда на приобретение нот для библиотеки мы ежегодно располагаем определенной суммой. Но все, что требовалось для дела, в чем нуждался учебный процесс — все для Гнесиных было важным, значительным, а, значит, и выполнялось.

И от учителей, и от учащихся Гнесины требовали полной отдачи. Кто ленился, работал не в полную силу, тому доставалось от Елены Фабиановны. Бывало, что она говорила ученику прямо и несколько презрительно: «Ты мало занимаешься. Играть дома вальсы и полечки ты уже умеешь. Можно уходить от нас». И педагогу не стеснялась сказать: «Я не считаю Вас хорошим педагогом. Вы нам не подходите».

Елена Фабиановна бывала порою вспыльчива и резка в суждениях. Но рядом были сестры, они смягчали, успокаивали ее. Ольга Фабиановна не раз повторяла: «Со способным лентяем стоит возиться». Терпеливо Гнесины учили и «возились» и со способными педагогами. Елена Фабиановна как бы несла ответственность за качество работы каждого педагога, так как ученик, вышедший из стен этого училища, нес в себе имя Гнесиных.

Когда я была на пятом курсе консерватории, Елена Фабиановна вызвала меня и спросила, хочу ли я работать у нее? Задавая такой вопрос напрямик, она, конечно, не сомневалась в ответе. Она знала, что каждый «гнесинец» за счастье почитает вернуться в свою родную школу уже в качестве педагога. И следующая ее реплика: «Имей в виду — получать будешь гроши», — говорила об ее уверенности в нас, педагогах, не ради денег стремившихся в Гнесинскую школу. Как это замечательно, когда педагог знает, какие качества воспитал он в своем ученике — и профессиональные, и человеческие!

За первыми шагами работы молодого педагога Гнесины следили внимательно. Как-то раз в первый мой год работы, моя ученица играла на академическом вечере. Гнесиных в этот вечер в зале не было, они были нездоровы. После вечера мне передали, что Елена Фабиановна просит зайти к ней. Я застала Елену Фабиановну в гневе. «Как ты могла пропустить заученную фальшивую ноту?» Издалека, из своей комнаты услышала она фальшь и не могла пропустить это, но решила отчитать меня не при всех, а отдельно, в своей комнате. Проверяем по нотам: опечатка. Как будто я оправдалась? Но нет. «Опечатки надо знать», — отчеканила Елена Фабиановна. И этой фразой сказано было все: и что надо сверять разные редакции, и изучать стиль автора, и показывать ученика старшим коллегам... Мол, делай все необходимое и даже еще больше, чтобы твои ученики всегда были на высоте и, конечно, не только в отношении точности текста.

А каким позором считалась нечистая педализация! Вот уж когда одного укоряющего взгляда Елены Фабиановны было достаточно, чтобы педагог не знал, куда деваться. Даже если хоть где-то, хоть чуть-чуть педалью задето «не то», хотя бы явно в результате волнения! Единственно возможной предполагалась такая работа в классе, после которой даже в самых трудных условиях, при волнении и незнакомом рояле (выездные концерты) выступление ученика было бы полноценным.

Все инвенции Баха — и двухголосные, и трехголосные, и даже многие фуги — учениками Гнесиных исполнялись только без педали. От этой традиции теперь иногда отходят. Но ведь дело не в традиции, а в сути: слушай ясно все голоса полифонии. А эта традиция, этот принцип — один из основных в воспитании музыканта, и отход от него невозможен.

Воспитывая молодого педагога, своего бывшего ученика, Елена Фабиановна порой жестоко отчитывала его. Но в присутствии детей, а тем более их родителей, проявляла к нему полное уважение, как к равному коллеге. У меня сохранилась одна записка Елены Фабиановны от 1937 года. Я ведь для нее была тогда просто девчонка, которую она знала с самого детства, и вот как она пишет: «Надежда Андреевна! Пожалуйста, прослушайте Эмму Орловскую и, если она Вам понравится, пожалуйста, возьмите ее в свой класс. Ел. Гнесина»³. Видя такую записку Елены Фабиановны, мать девочки, конечно, уже с уважением относилась к будущему педагогу своей дочери.

В 20-е годы в школе не было весенних мартовских каникул, как теперь. Но продолжительность и напряженность учебного процесса, утомленный детский организм требовали в эту пору какой-то разрядки, и сестры Гнесины, смолоду любя и умея веселиться, устраивали каждый год перед весной веселый праздник для детей, ставший традиционным. Он так и назывался — Детский праздник. Здесь были шарады, игры и танцы; простое угощение: бутерброды, печенье и морс. Но прелесть всех этих затей была в непрестанном веселье. Даже такую вещь, как очередь за печеньем или морсом, превращали в игру-шествие парами под музыку.

Студенты техникума, помогавшие по хозяйству, бывало, становились в конце такой очереди, присаживались чуть не на корточки, чтобы сделаться маленькими; на таких согнутых ногах шествовали под общий смех и, конечно, тоже получали угощение.

Гнесины следили, всем ли детям весело, подсказывали, кому кого следует пригласить танцевать и даже показывали, как это надо делать. Можно сказать, учили вести себя в обществе.

Елена Фабиановна часто сама садилась за рояль, играла марши, полонезы и разные танцы. И оттого, что сама Елена Фабиановна играет танцы для детей, всем становилось еще веселее.

Такие детские праздники устраивались ежегодно и были тоже одной из гнесинских традиций. Как жаль, что она совершенно утеряна! И в детстве эти праздники приносили много радости, и позже воспоминания о них мелькают светлыми лучиками в течение всей жизни.

О Елене Фабиановне Гнесиной. Мысли и факты

Я должен сказать не только от себя, но и от моих сверстников, как безмерно все мы благодарны судьбе за то, что в нашей жизни была Елена Фабиановна.

Я не знаю другого деятеля искусств, который бы имел такой огромный диапазон деятельности. Ее блестящий организаторский талант — основа всего того, что было ею создано. Подумать только, за одну жизнь человек создал четыре учебных заведения! Причем все они стали крупными, значительными очагами музыкального образования и по своей образовательной сути, и по масштабу деятельности, по количеству учащихся и студентов, и по положению, занимаемому среди других учебных заведений страны, по роли в жизни культуры и искусства нашего общества.

Все это — параллельно с огромной педагогической воспитательной работой, с разработкой новых — первых, вышедших в нашей стране — учебных планов и программ. Елена Фабиановна вместе со старшей сестрой Евгенией были приглашены для этой деятельности Наркомом просвещения А. В. Луначарским. Он сказал: «Опыт Вашей школы следует передать всей Советской республике». И Гнесины активно работали в этой области. Это было в начале 20-х годов¹.

Деятельность Елены Фабиановны охватывала большой период времени, и проходила она в самые трудные годы. Этого нельзя забывать. Здесь и рубеж веков, и революция 1905 года, и первая мировая война, и обе революции 1917 года, и гражданская война, и трудный восстановительный период, когда страна с таким трудом выходила из всего пережитого. Когда для сохранения училища надо было прежде всего найти возможность отопить помещение, чтобы ученики и педагоги не мерзли, могли работать, чтобы спасти своих педагогов от голода. Ведь время было трагическое. И Елена Фабиановна всем этим занималась сама.

На мою долю выпало счастье в течение многих десятилетий общаться с Ел. Ф. Гнесиной, общаться ежедневно в рабочей обстановке и в кругу семьи Гнесиных, с которой я был близок еще с ученических лет, затем в период моей работы у Гнесиных, вплоть до последних дней их жизни.

Незабываемые интереснейшие беседы велись у Гнесиных, особенно когда семья собиралась вместе. Разговоры шли по широкому кругу вопросов: о жизни страны, о международной политике, об искусстве. Но все они неизменно сводились к ученикам, к их успехам, их выступлениям на концертах, к их жизни, быту.

Особенно интересно бывало, когда приходил брат Михаил Фабианович — композитор и ученый, музыковед, большой эрудит в области искусства, литературы, истории. Для всей семьи он был большим авторитетом. Все его очень любили и ценили, особенно Елена Фабиановна.

Михаил Фабианович рассказывал о своих встречах с Глазуновым, Лядовым, Врубелем, Валентином Серовым, Блоком, Ахматовой, о сотрудничестве с Мейерхольдом и другими выдающимися людьми. С особой любовью говорил он о своем учителе Н. А. Римском-Корсакове. Дружба с семьей Римских-Корсаковых поддерживалась всю жизнь. И когда кто-то из них приезжал из Ленинграда в Москву, то их домом был дом Гнесиных.

Семья Гнесиных была исключительно дружной, крепкой. Главным, что их объединяло, были любовь к своему делу, энтузиазм, тонкий художественный вкус, благожелательность к людям, к товарищам по работе, к молодежи. Учащиеся получали не только хорошую основательную школу профессионализма, но и духовное обогащение от всей атмосферы, царящей в семье Гнесиных и в их учебных заведениях.

Отношение Елены Фабиановны к молодежи общеизвестно. Она любила учащихся, оказывала им доверие, приучая к педагогике, проверяя при этом их возможности и отбирая для будущей работы в гнесинских учебных заведениях. Со временем они становились опытными масте-

рами своего дела. Елена Фабиановна придавала большое значение работе в одном коллективе педагогов маститых и молодых и тем самым успешно решала проблему кадров.

Она знала всех учащихся. Зорко следила за их успехами и поведением. Огромное внимание уделяла их моральному, нравственному воспитанию.

Наставником и учителем Елена Фабиановна была замечательным. В ней сочетались высокая требовательность и благожелательность, строгость и доброта, чисто человеческое внимание и сердечное тепло. Об этом можно много рассказывать. Так же, как и об отношении к вновь поступающим. Арам Ильич Хачатурян всегда рассказывал, как, приехав в Москву уже взрослым человеком, хотел учиться музыке. Но с ним нигде не хотели разговаривать — не было подготовки, он никогда не учился музыке. «Я уж было отчаялся, — рассказывал он, — ну куда не могу поступить, нет у меня подготовки, нет формальных оснований».

Наконец, он попадает к Гнесиным, к самой Елене Фабиановне. И это было его счастье, что она лично разговаривала с ним. Арам рассказал ей, что любит музыку, хотел бы учиться. Она попросила его что-либо сыграть — ничего не умеет. Проверила слух — блестящий. Она подумала и спросила: «Будете учиться на виолончели?» «На чем угодно. Хоть на барабане».

Таково начало музыкальной биографии А. И. Хачатуряна, ставшего выдающимся композитором нашего времени². Так было и со многими другими музыкантами.

Елена Фабиановна всегда старалась сама знать поступающих, особенно обращающихся вне времени приемных экзаменов. Стараясь не загружать ее, бывало, коллеги предлагали обратиться к завучу, зав. отделом, кафедрой. Елена Фабиановна категорически это запрещала — хотела поступающих проверять сама. Переадресовывать просителей она категорически запрещала, так же, как и отказывать им в приеме, сославшись на ее занятость, обед, нездоровье. Принимала всех и всегда лично, стараясь быть полезной.

По отношению к своему коллективу Елена Фабиановна при всей своей человечности и доброте была строга и бескомпромиссна. В случае какой-либо недобросовестности приглашала к себе для личного разговора. Подчас это было нелегким испытанием. Но сочетание строгого спроса с благожелательным отношением давали хорошие результаты.

Нельзя не подчеркнуть абсолютную непреклонность Елены Фабиановны в вопросах соблюдения морально-нравственных норм поведения. Нарушение их вызывало не только осуждение, но и самую крайнюю меру — немедленное увольнение. Высокая требовательность к коллективу — педагогам и учащимся — в сочетании со справедливостью, душевностью и готовностью помочь оказывали большое влияние, устанавливали определенный стиль работы наших коллективов, воспитывали чувство ответственности и долга, порядочность, дружбу.

В предвоенные годы мне часто приходилось бывать в разных городах на гастролях и везде встречать гнесинцев, наших бывших воспитанников, работавших в филармониях, училищах, в театрах и на радио. Встречи эти носили родственный характер. И первый вопрос всегда был о Елене Фабиановне, о ее сестрах. Расспрашивали о педагогах как о своих старших друзьях. В этом — тоже проявление особенностей воспитания в наших учебных заведениях. Елена Фабиановна зорко следила не только за успехами и поведением учащихся, но держала в поле зрения и их последующую самостоятельную деятельность. Помогала им.

Организаторский талант Елены Фабиановны исключителен. Далеко не все давалось ей просто. Но она никогда не отступала перед трудностями. Старалась их преодолеть. Ей помогали воля, принципиальность, настойчивость, энтузиазм, а позже и высокий авторитет.

Делала она все горячо и без промедления. Требовала того же и от других. Самым ужасным для нее были равнодушие и формализм. От кого бы они ни исходили, независимо от возраста и ранга, она не могла с этим мириться. Нередко сталкиваясь с проявлением бюрократизма и косности в тогдашних вышестоящих организациях и категорически противостоя им, она была настолько непримирима и решительна, что бюрократы ее побаивались.

Всеми делами учебных заведений Елена Фабиановна всегда занималась сама. Конечно, были хорошие помощники, но всем она занималась лично: сама звонила по нужным делам, сама писала деловые письма с разными просьбами в самые высокие инстанции, считая, что написанное от руки более уважительно, чем напечатанное на машинке. Некоторые машинописные бумаги она снабжала собственноручными приписками. Так, в письме в Моссовет к одному начальнику, майору, о предоставлении особых плит для перекрытий в старинном особняке, пре-

доставленном нашей средней специальной школе, Елена Фабиановна приписала своей рукой: «Сергей Петрович, если Вы меня не забыли, то я Гнесина. Только мне уже 92 года и я все еще работаю и очень прошу Вас оказать всемерную помощь моей десятилетке, очень хорошей. Ел. Гнесина».

Елена Фабиановна всегда помогала, устраивала дела людей, обращавшихся к ней за помощью. А ее забота об учащих была поистине материнской и всесторонней. Рассказывать об этом можно очень много.

При этом о себе не помнила. Я, много лет знавший Елену Фабиановну, никогда не видел, чтобы в потоке своей деятельности она когда-нибудь подумала о себе, о каких-то своих личных делах. Только благодаря сестрам она была обеспечена необходимым, уходом, вниманием. Она не понимала, что значит отдыхать. Отдых с выездом из дома ей обеспечивали сестры. Так, многие годы после войны ее увозили в санаторий «Архангельское»³.

Но для нее отрыв от учебных заведений не был радостью. Она и во время отдыха жила их делами, продолжала работать. Вот одно из свидетельств. Передо мною ее записка из санатория на директорском бланке, обращенная ко мне: «Дорогой Зиновий, спасибо за все сведения. Если хотите, чтобы я отдыхала, я должна каждый день получать от Вас информацию, что у вас делается. ...В ГУУЗ относительно Юры я написала — прошу сейчас же отослать Гусеву мое письмо»⁴.

Речь идет о Юрии Владимировиче Муромцеве, который, как и я, всю войну был в армии. Меня демобилизовали немного раньше. А он был руководителем ансамбля, старшим лейтенантом, и демобилизовывать его не торопились. Елена Фабиановна, человек страшно нетерпеливый, прочила Муромцева в свои заместители по институту, и он требовался ей как можно скорее, чтобы включиться в деятельность института. А тут были всякие трудности. Елена Фабиановна писала и наркому, и в Комитет по делам искусств, с просьбой ускорить демобилизацию. И, конечно, добилась.

Продолжу об отношении Елены Фабиановны к делу. Но сначала несколько сведений о строительстве дома по улице Воровского. Он был возведен под крышу еще до войны, как учебное здание. Война прервала строительство. Как известно, осенью 1941 года Елена Фабиановна была эвакуирована в Казань. Но вскоре добилась документов для возвращения. Сразу же активизировала работу училища. Одновременно корректировала свои незавершенные довоенные планы и дела. И тут до нас дошли сведения о том, что недостроенный дом отдадут Министерству авиационной промышленности. Елена Фабиановна начала борьбу за дом, приняла все необходимые меры, включила и «артиллерию» и «авиацию». Дом отстояла. Но он не достроен. И как завершить его строительство в такое время? До конца войны было еще далеко.

А пока шла борьба за дом с министерством, Елена Фабиановна продолжала добиваться организации института. Так появилось Постановление правительства об учреждении в Москве второго музыкального вуза — Музыкально-педагогического института им. Гнесиных⁵. К этому времени уже был решен и вопрос о достройке дома. Как это было тяжело во время войны, говорить нечего. Теперь о том, к чему все это было вступлением...

По проекту, в доме по ул. Воровского строилась также и квартира для Гнесиных, двухэтажная. Когда началась отделка дома, Елена Фабиановна сказала: «В первую очередь следует отделять все классы, потом другие помещения, вспомогательные, и только в самую последнюю очередь нашу квартиру». Но у строителей — поток: идут штукатурки по всем помещениям подряд, потом маляры и т. д. Елена Фабиановна узнала об этом. И пишет мне опять из «Архангельского» (дело было в каникулы): «Что касается нашей квартиры, то я еще раз прошу ничего не делать. Отделять только весь учебный корпус и все административные комнаты. Пердайте кому нужно, что я настаиваю[†], чтобы нашу квартиру отделяли при строительстве второй очереди, когда будут строить второе крыло дома. Целую Вас. Ел. Гнесина».

Письмо это — штрих к биографии Елены Фабиановны. И еще одно письмо. Когда квартиру для Гнесиных построили, возник вопрос, что будет размещено над вторым этажом, где были комнаты Ольги Фабиановны. Решили разместить там бухгалтерию, как наиболее тихую служ-

* Подчеркнуто Е. Ф.

† Подчеркнуто Е. Ф.

бу, чтобы Ольге Фабиановне жилось спокойно. Но сделали там музыкальный класс. Узнав об этом, Елена Фабиановна пишет мне: «По чьему-то распоряжению весь Ваш „гениальный“ план рухнул. Все осталось по-старому: бухгалтерия внизу, управление делами на втором этаже, под боком Федора Ивановича⁶. 27 класс остался для комсомола и партбюро, а класс для всяких проигрываний с бездной фальшивых нот — над головой Ольги Фабиановны».

Хочу заметить, что если бы этот класс был над головой Елены Фабиановны, она никогда бы ничего не требовала. Вот над комнатой Ольги Фабиановны — это другое дело. Дальше она пишет: «Что делать? Еще раз подумайте над тем, что будет над Ольгой Фабиановной, дружески подумайте над планировкой. Если хотите меня видеть, то помните, что в 5 часов я буду в Моссовете». А вот еще одна черта. Были такие времена, когда в Институте установили дежурства. Как-то я был ответственным дежурным. И со мною дежурила Мария Никитична⁷. Мы с ней дежурили на первом этаже, где тогда размещалась наша специальная школа.

Был поздний вечер. Неожиданно мы получаем записку от Елены Фабиановны и какой-то пакетик. Она пишет: «Мой дорогой, к сожалению, хлеб весь отдали нашим, уехавшим на пароходе, посылаю вам что есть. Погрызьте сухарики и заешьте карамельками. Целую обоих вас. Ваш депутат Ел. Гнесина».

В годы Великой отечественной войны я находился в Красной армии. По мере возможности переписывался с Еленой Фабиановной. Она писала мне вплоть до окончания войны и моей демобилизации, когда я вновь стал работать под ее руководством. В этих письмах отражен весь ее мир, чаяния, планы, все главное, чем она жила. Несмотря на поражения первых месяцев войны, Елену Фабиановну никогда не покидала вера в победу нашего народа. А после перелома в ходе войны и начавшегося наступления наших войск, она уже писала о начатой ею деятельности по реализации планов на будущее.

Приведу некоторые из писем Гнесиной тех лет⁸.

Казань. 19/ХП — [19]41 г.

Дорогой мой Зиновий!

Мы совсем ничего не знаем о Вас, так же, как и Вы о нас всех. Между тем в настоящее тяжелое время нужно стараться не растерять друзей.

Какое счастье, что совершился наконец перелом, что дела на фронте все улучшаются и мы можем начать мечтать о возвращении домой, в Москву! Я очень не хотела уезжать из Москвы и очень жалею, что уехала.

У нас в училище продолжают занятия, значительное количество педагогов осталось в Москве и свыше 50% учащихся также. Ведь нас ни Комитет, ни Управление искусств не эвакуировало, нам не было уделено никакого внимания. Я же уехала по предложению Моссовета. При первой возможности уеду в Москву.

Напишите, пожалуйста, о себе и своих по адресу: Казань, Б. Галактионовская, 25. Музшко-
ла.

Целую Вас. *Ваша Гнесина.*

[Москва] 25/II — [19]42 г.

Дорогой мой Зиновий!

Так как я давно уже в Москве, то Ваше большое письмо, отправленное Вами в Казань ровно месяц назад, Елизавета Фабиановна переслала мне, к моему большому удовольствию.

С очень большими трудностями я выехала из Казани, а по приезде в Москву (я никого не известила), вынуждена была идти пешком* с Казанского вокзала на Собачью площадку в 35° мороза, но ничего, обошлось благополучно⁹.

Мой неожиданный приезд очень всех обрадовал: все, как педагоги, так и учащаяся молодежь очень трогательно и горячо меня приветствовали. В училище идет работа, действуют концертные студенческие бригады, обслуживают госпитали и военные заводы¹⁰.

15 февраля состоялось торжественное заседание в день 47-й годовщины училища, но не было обычного чаепития и все мирно разошлись.

* Подчеркнуто Е. Ф.

К сожалению, Комитет не разрешает мне открыть школу, работает только училище, но осенью, надеюсь, все наладится, только бы скорей выгнать всех врагов.

Целую Вас крепко.

Москва 26/IV — [19]42 г.

Дорогой мой Зиновий!

Думаю, что мои письма не доходят до Вас, так же как Ваши ко мне. Как грустно, что письма или пропадают, или идут «пешком», а это ужасно долго длится и за это время можно растерять всех друзей. Я здесь пока благополучна, работаю, как работает и училище. Мы даем много концертов, обслуживаем госпитали, посылаем бригады на фронт и получаем самые лучшие отзывы отовсюду.

Меньше всего, конечно, интересуется нами Комитет, мы его и не чувствуем — как будто его и нет совсем, только изредка по телефону разговариваю с Кухарковым¹¹. Я почти нигде не бываю, так как очень трудно жить без машины, которая еще летом была мобилизована. Вообще жизнь в Москве сейчас трудная во всех отношениях, особенно в продовольственном вопросе, но я очень бодр духом и надеюсь дожить до окончательного разгрома злодеев-гитлеровцев, до начала мирной жизни и мирного строительства, до нашего 50-летия!

Мечтаю о Вашей помощи мне в будущем, а пока целую Вас.

Из письма сестры Гнесиной — Ольги Фабиановны.

Свердловск. 14/IV — [19]42 г.

...Елена Фабиановна в Москве. И школа и училище работают. Елене Фабиановне удалось прикрепить к столовой педагогов, сотрудников и 50 студентов. Вот какой она молодец!

До свидания, целую Вас крепко.

Ваша О. Ф.

[Москва] 7/V — [19]42 г.

Дорогой мой Зиновий!

Сейчас получила Вашу открытку от ?* апреля, спасибо за нее. Я писала Вам несколько раз, может быть письма придут к Вам все сразу. Теперь все может быть.

[...] Мы готовимся дать отчетный концерт в Доме ученых. Оркестра и хора не будет, зато очень хорошие солисты, особенно вокалисты.

Вас очень не достает, как всегда перед концертами. Мне очень больно, что наша школа, как и все другие, закрыта и мы растеряли таких хороших детей.

Будем надеяться, что все восстановится в будущем, когда мы все заживем нормальной жизнью. Пишите.

Крепко обнимаю и целую Вас. Ваша Ел. Гнесина.

Из письма Фабия Витачека:

[Москва] 25/III — [19]43 г.

Хочу Вам рассказать о праздновании традиционного дня 15 февраля. Для наших времен празднование было «отменное», так как, во-первых, было много (человек 80) народу — все «наличные» педагоги и бывшие ученики, среди них такие, как Хачатурян и Хренников; во-вторых, было угощение, а именно — Елена Фабиановна выхлопотала в Наркомторге чай, сахар и пирожки. Каждому на долю досталось по 4 (!) куска сахара и по 4 (!) пирожка с творогом. Только традиционный крушон отсутствовал на этот раз. Было очень славно. Был Шебалин, был Кухарков. А самое главное — это то, что в этот день — 15/II — приехала в гости Ольга Фабиановна (к сожалению только на 10 дней), теперь она уже опять в Свердловске. Она приезжала с Дмитрием Константиновичем и вместе с ним уехала обратно. Он получал в Москве свой орден [...] ¹²

* Дата написана не ясно.

[Москва] 30/IV — [19]44

Дорогой мой Зиновий!

Начинаю писать с конца. Крепко обнимаю и целую Вас. Все Ваши письма и телеграммы, включая сегодняшнюю, первомайскую, получила.

Пробовала хлопотать о Вашем возвращении, но безуспешно, а между тем Вы страшно нужны мне — ведь с 1 сентября мы преобразовываемся в Музыкально-педагогический институт имени Гнесиных. Звучит гордо, правда? Но здания нового еще нет.

Еще раз целую крепко. Ваша Ел. Гнесина.

[Москва] 30/VI — [19]43 г.

Дорогой мой Зиновий!

Давно не имела от Вас письма и сама также не писала Вам. Мы все также работаем, обслуживаем фронт и госпитали. Дали с большим успехом академический концерт в Доме ученых при переполненном зале. Собираемся дать фортепианный концерт.

Я много хлопотала и добилась успеха в том, что все педагоги всех музыкальных училищ получают с 1 июля рабочие продовольственные карточки. Совершенно не надеясь на помощь Комитета и Рабиса, я обратилась непосредственно к т. Швернику, была им принята очень хорошо, тепло и он сильно поддержал меня¹³. Так же хорошо ко мне отнеслись в Наркомторге и в результате дело выгорело, что меня очень обрадовало.

После моего удачного визита к тов. Швернику, который рассказал об этом Храпченко, последний подхалим (между нами), вдруг стал со мной очень любезен!¹⁴ Даже вспомнил о том, что не за горами 50-летие нашего училища! Если бы Вы знали, как хочется мне дожить до этой даты! Но сначала необходимо покончить с войной, с гитлеризмом, нужно терпеливо перенести все трудности московской жизни, а потом уже, после нашей победы, соберемся все вместе и «мы снова обнимем друг друга»¹⁵.

А пока целую Вас крепко, дорогой друг. Ваша Ел. Ф.

* * *

Даже перешагнув рубеж десятого десятка, Елена Фабиановна не мыслила себе жизни вне деятельности и до последнего своего дня была в строю. Ей было уже 93 года, когда случилось несчастье — пришлось ампутировать ногу. Елена Фабиановна с героической стойкостью перенесла приговор врачей, немедленно согласившись на операцию. И уже через несколько дней после операции стала допрашивать нас о делах всех гнесинских учебных заведений. Когда меня впервые допустили к Елене Фабиановне в больничную палату, куда я входил со страхом и трепетом, первым ее вопросом было: «Как идет прием в школу? Много ли талантливых детей?..»

При этом она упорно обдумывает свое новое положение: как ей к нему приспособиться, чтобы полноценно работать?!. В каком положении и как ей теперь придется сидеть, как слушать своих студентов? Сможет ли она присутствовать на концертах в зале? Нельзя ли, на первое время, организовать радиотрансляцию из зала в ее кабинет, чтобы она слушала студенческие выступления? Просила найти для нее специальное кресло-коляску, которую кто-то назвал «генеральской».

Привожу два письма, вернее, две записки, посланные ею из больницы:

[Москва] 17 апреля [1967]

Дорогой Зиновий!

Я уже начала возвращаться к земным мыслям. Поручаю Вам, как великому конструктору, посоветуйтесь с Волковым¹⁶ о сооружении мне специального кресла, укладывающего половину моего брэнного тела.

Ваша одноногая Елена Гнесина.

И последняя записка (без даты):

Дорогой друг Зиновий! Я жду ответа относительно коляски, рекомендованной Сокольским («генеральская»)¹⁷. Понравилась ли она Вам? Напишите скорей. Ведь мой срок пребывания в больнице идет к концу. Рвусь домой несмотря на ожидающие меня трудности в обслуживании. Жду пары слов от Вас.

Ваша Ел. Ф.

О выдающемся деятеле советской музыкальной культуры

Личность Елены Фабиановны Гнесиной для меня является образцом прежде всего честности, правдивости и вместе с тем художнической (не только!) разносторонности. Она много знала, но ей всегда хотелось еще и еще что-то узнать. Ее радостью и единственным смыслом жизни было то дело, которому она подвижнически служила.

Она была от рождения воспитателем, педагогом. Во время нашей совместной работы ее окружали и почитающие, и почитаемые ею музыканты разных «верований», но по-своему преданные главному делу своей жизни — музыке. Среди них «скрябинянка» Елена Александровна Бекман-Щербина, «бахиянка» Мария Вениаминовна Юдина и замечательный композитор Рейнгольд Морицевич Глиэр, которого Елена Фабиановна ласково звала Гольдиком, Их музыка часто звучала в маленьком зальчике дома № 5 по Собачьей площадке. Там же играли время от времени В. В. Софроницкий, Г. Г. Нейгауз, Л. Н. Оборин, позднее — и Э. Гилельс, и С. Рихтер. Играли охотно и помногу.

Мое знакомство с замечательной семьей Гнесиных относится к 1931 году. Я работал тогда в Радиоуправлении (так называлось учреждение, которое ныне именуется Радиокomiteетом). Возглавлял его Феликс Яковлевич Кон, человек с большим революционным прошлым, вдумчивый, на редкость учтивый и деликатный¹.

В то время многие учебные заведения, в том числе и музыкальные, передавались в соответствующие ведомства. Гнесинский техникум передали Радиоуправлению. Тогда же в техникуме было создано отделение музыкальных руководителей радиовещания. И вот Феликс Яковлевич Кон сказал мне: «Знаете, ведь техникум Гнесиных теперь наше учебное заведение. Не согласитесь ли вы перейти на работу к Елене Фабиановне?» Я ответил ему: «Но я даже не знаю Елену Фабиановну, может быть, я и не подойду, хотя, признаться, эта идея мне по душе».

Мы встретились. Милая Елена Фабиановна, она с открытой дружелюбной улыбкой почему-то сразу поверила, что я именно тот человек, который подходит для должности заместителя директора по учебной части, несмотря на выраженные мной опасения.

Помню, как я пришел в маленький домик на Собачьей площадке, 5. Я увидел, что кабинета и всего того, что в нашем представлении существует для начальства (для директора и его заместителя) там в общем-то не было. Была какая-то комнатущечка, где нам с Еленой Фабиановной предстояло работать.

Самое большое впечатление произвели на меня прежде всего сестры Гнесины. Я тут же познакомился с незабываемой для меня Евгенией Фабиановной, с удивительной Ольгой Фабиановной. Я не случайно говорю «удивительной», она всегда поражала меня какой-то детскостью, которая свойственна отнюдь не простым, а, скорее, большим людям чистой души, которые сохраняют эту черту на всю жизнь. Мудрая Евгения Фабиановна, без которой ничего не решалось, не так просто и быстро сходилась с людьми. Зато, когда складывалась сложная и трудная обстановка, именно Евгения Фабиановна могла дать нужный и дельный совет. Она была сердечным человеком и совершенно великолепным, замечательным музыкантом. Живая, хлопотливая Елизавета Фабиановна была буквально одержима делом, которому верно служила. Позже я знал очень много людей, отличных педагогов-музыкантов, но в такой одержимости сказывалась чисто гнесинская натура. Правда, она проявлялась у каждого из членов семьи совершенно по-разному. Тут следует отметить еще одно обстоятельство: ведь Елизавета Фабиановна имела семью, о которой надо было заботиться, у нее рос сын Фабик². И тем не менее ей тоже была присуща общая для всех Гнесиных черта: беззаветная, совершенно беспредельная — мне трудно даже подобрать слово — влюбленность в то дело, которое они, все сестры, вместе осуществляли, и я бы сказал, священная вера в то, что без этого дела в общем-то жизнь немислима.

Но, конечно, главное место в семье Гнесиных занимала Елена Фабиановна, человек совершенно исключительных дарований и характера. О ее директорских качествах следует сказать особо.

Она была строга, взыскательна, требовательна и к себе, и к другим. В то же время в учебном заведении Гнесиных всегда существовал дух какой-то особой дружбы, доброжелательности, характеризовавшей отношения между педагогами и руководством, между педагогами и учащимися.

Вероятно, многим Елена Фабиановна казалась неумолимо суровым и строгим администратором. На самом деле это не так. Главным в ее организационной деятельности была объективность.

Будучи тогда директором школы и училища, Елена Фабиановна отличалась большой доброжелательностью к людям, она была выдержанна, хотя многое и многие ее раздражали, в том числе нередко и я. Она всегда умела найти убедительные слова, справедливо оценить, хорошее, осудить плохое, никогда не скрывая собственных просчетов и уж тем более ошибок. А это ведь не часто бывает!

Единоначалие ни в коем случае не рождало в ней административного упрямства. Каждое важное решение являлось плодом коллективной заинтересованности.

Надо ли говорить, что Елена Фабиановна являлась неизменным участником всех общественных мероприятий. В ее принципы входило обязательное общение с учащимися, отнюдь не только на уроках по специальности... Ее можно было видеть на комсомольском собрании, на методических преподавательских совещаниях, посвященных отдельным вопросам теории и практики обучения.

Она придавала исключительно важное значение производственной практике. Концертные выступления как на городских, так и на подмосковных предприятиях всегда считались весьма важным делом. Перед выступлениями бригад их репертуар прослушивался педагогами училища во главе с Еленой Фабиановной.

Само собой разумеется, что она неизменно участвовала в октябрьских и майских демонстрациях, находясь во главе колонны педагогов и учащихся. Сколько радости и веселья вносила она в нашу колонну! Одно ее присутствие придавало особый, праздничный характер шествию.

Я наблюдал ее отношения с самыми различными людьми. Елена Фабиановна была совершенно одинакова в отношениях с людьми самых разных рангов, различного общественного и служебного положения. Она могла встретиться с человеком, занимающим очень высокий государственный пост и вести себя, разговаривать с ним так же, как с любым педагогом руководимого ею учебного заведения, с любым хозяйственником.

Вот эта черта — простота, естественность, умение найти с любым человеком общий язык, может быть, и привела к тому, что позже, при создании института, ей помогало множество разных людей. Впоследствии, будучи начальником Управления учебными заведениями, я много лет занимался ими, в том числе и такими, как Московская и Ленинградская консерватории. Там было много знаменитых профессоров, выдающихся музыкальных деятелей, крупных артистов. Но я никогда не забуду того особенного духа, который царил в стенах гнесинских заведений и который создавался прежде всего Еленой Фабиановной. Она, крупнейший музыкант и педагог страны, руководитель учебных заведений, умела просто и душевно разговаривать и воздействовать даже на самого маленького ученика школы, и он на всю жизнь влюблялся в музыку. Я часто спрашивал себя, где Елена Фабиановна находит такие слова?..

Елена Фабиановна всегда неизменно присутствовала на всех без исключения ученических вечерах и экзаменах, а их было великое множество. У меня, как заведующего учебной частью, было немало хлопотливых дел, нужно было ими заниматься, но я был вынужден тоже сидеть рядом, потому что Елена Фабиановна считала это обязательным условием работы.

Попасть в техникум было трудно, но оставить его было не менее трудно, потому что исключение учащихся как-то не совмещалось с принципами Гнесиных. Всякий подобный прецедент становился предметом пристального внимания прежде всего Елены Фабиановны. Почему, собственно, следует «освобождать» от учебы юношу, если он был принят в техникум как подающий надежды? Так ставился вопрос.

Помню такой случай. На педагогическом совете шла речь об ученике, который недостаточно внимательно относился к своим занятиям: много пропускал, не выполнял указаний педагогов. Педагоги настойчиво уверяли, что все возможное сделано и ученика надо исключить. Елена Фабиановна сомневалась, а Евгения Фабиановна почти застенчиво сказала: «Дайте я попробую с ним позаниматься, может быть, он все-таки уцелеет у нас». Так оно и случилось. Потом это был один из лучших учеников, а впоследствии очень хороший пианист и педагог. Такая атмосфера исключительного внимания к каждому учащемуся меня просто поражала и восхищала. Например, с какой заботливостью относилась Елена Фабиановна к Зиновию Финкельштейну³. Сейчас он директор знаменитой средней специальной музыкальной школы им. Гнесиных. Елена Фабиановна вложила немало труда, чтобы сделать из него то, чем он стал.

Необычайную человеческую доброту Елены Фабиановны ощущали все ученики без исключения. Она, как и другие сестры, всегда следила за тем, как посещают учащиеся теоретические предметы; не считала возможным рассматривать их в отрыве, скажем, от фортепианной игры. Елена Фабиановна просто не представляла себе, что теория музыки или гармония могут существовать для ученика независимо от занятий по специальности.

Мне не довелось слышать Елену Фабиановну на концертной эстраде. Ее артистические выступления относились ко времени молодости. В 30-х же годах она иногда аккомпанировала ученикам, запомнились гайдновские и моцартовские концерты. В классе она играла отдельные фрагменты произведений, указывая на их достоинства, часто целиком исполняла средние медленные части сонат, негромко напевала мелодию своим высоким голосом.

Ее пианизм отличался удивительной «округлостью». Мягкое, как ласковое прикосновение пальцев к клавишам вызывало на редкость поющее звучание. Мне даже казалось, что свойства ее тончайшего легато никогда не нуждались в помощи педали. Труднейшие технические места в шопеновских экспромтах и этюдах она преодолевала с поразительной непринужденностью, в любом пассаже слышна была каждая нота. Когда она играла в классе общеизвестные пьесы Шопена, Шумана и особенно Мендельсона, то обходилась без эмоциональных излишеств. «Песни без слов» в ее исполнении трудно забыть. Здесь сказывалась ее мягкая, по существу, лирическая натура, нежность ее души.

Некоторые прелюдии и фуги Баха по моей просьбе она играла целиком. Баховская суровость, иногда аскетичность в ее игре отсутствовали. Музыка Баха звучала несколько романтизировано, насыщенная добротой и ласковостью. При этом ясность изложения была предельной. Проявлялась и свойственная ее исполнительству мелодизация, «выпевание» каждого голоса⁵.

Однажды она попросила меня поиграть. Я сыграл большую Прелюдию и фугу ля минор Баха в обработке Листа. Признаюсь, что прелюдию я украшал, как мне тогда казалось, органичным окончанием октавных фраз ниже на одну октаву, а в фуге выделял все, что в какой-то степени поддавалось этому. Елена Фабиановна молча, не улыбаясь слушала и потом сказала, что она бы избежала при исполнении баховских транскрипций всяческих излишеств. Я ей напомнил, что Бузони (ее учитель) делал это в гораздо большей степени. Это ее рассмешило; она с каким-то только ей свойственным заразительным, но не громким смехом сказала: «На то он и Бузони!»

Существовала у Гнесиных одна традиция: после окончания напряженного рабочего дня вся семья собиралась за ужином вместе. А семья была не маленькая: сестры, воспитанница Ольги Фабиановны Елизавета Тимофеевна Кудряшова⁵. На коленях у Ольги Фабиановны удобно примащивался большой пушистый кот Васька. В дневное время он разгуливал по коридорам, а то лежал где-нибудь в самых неожиданных местах. Маленькие школьники почтительно его обходили, называя Василием Фабиановичем. И об этом кто-то из сестер со смехом рассказывал. В такой совершенно удивительной по своей теплоте и уютности атмосфере выявлялись особенности характера улыбчивой Елены Фабиановны, ее забота и некоторая покровительственность в отношении к младшей сестре — Ольге Фабиановне — Олечке. Я часто бывал у Гнесиных и за обедом, и за ужином. За столом продолжались разговоры о техникуме, об учениках, рассказывались всякие курьезные истории.

Помню, как Елена Фабиановна со смехом рассказывала о таком случае. В школу привели мальчика. Ему, наверное, было лет шесть — хорошенький, славный мальчуган. Елена Фабиановна решила проверить его слух. Она попросила его отвернуться и, взяв на рояле один звук, спросила:

— Ты слышишь, что я играю?

— Да, слышу, — ответил малыш.

— Теперь найди эту ноту, — попросила Елена Фабиановна. И мальчик... полез под рояль искать ноту!

В Елене Фабиановне была какая-то исключительная непосредственность. Она вся искрилась от смеха и вообще была смешлива. Как бы она ни была занята, она всегда подмечала какие-то несуразицы, смешные вещи и всегда старалась их запомнить, даже записать. У нее была целая «копилка» курьезов, очень интересных, касающихся как училища, так и отдельных лиц — педагогов, учащихся. Любила каламбуры. Многие из них у нее были связаны с личностью выдающегося пианиста и педагога, директора Московской консерватории В. И. Сафонова. «Однажды, — рассказывала Елена Фабиановна, — Сафонов, недовольный исполнением молодого, но уже популярного скрипача М. Эрденко⁶, прическу которого украшал падавший на лоб завиток, сказал ему: „Миша, ты все завиваешься и когда же начнешь развиваться?“» Да, смех, добрая шутка, улыбка всегда были свойственны Гнесиным.

Елена Фабиановна лелеяла мечту об институте. Я должен сказать, что, в отличие от пассивных мечтателей, Елена Фабиановна сама деятельно и настойчиво осуществляла свои мечты.

Большие трудности возникали то с организацией института, то со строительством здания. Елена Фабиановна неоднократно обращалась к председателю Комитета по делам искусств при СНК СССР М. Б. Храпченко⁷, который в общем относился к новой идее несколько недоверчиво, во всяком случае без особенного энтузиазма. «Есть ведь консерватория, зачем же еще одно высшее учебное заведение? Надо ли?» Несколько раз Елена Фабиановна разговаривала с ним по этому поводу, но без должного успеха. Тогда она решила написать обо всем своей старой доброй знакомой Марии Ильиничне Ульяновой⁸. Елена Фабиановна, как правило, не печатала свои письма на машинке может быть, только какие-то сугубо официальные, а самые важные, адресованные, к примеру, наркому, или его заместителю, или другим видным деятелям, она всегда писала от руки. Она верила, что человек, который получит письмо, написанное от руки, отнесется к нему иначе, чем к напечатанному, поймет, что это как бы живой кусочек сердца. Итак, Елена Фабиановна своим очень четким почерком написала письмо Марии Ильиничне. Вскоре ей позвонили из редакции «Правды». Мария Ильинична ее приняла и сказала: «Знаете, Елена Фабиановна, хорошо, если бы этим вопросом занялся Климент Ефремович». (Ворошилов в это время был Председателем Президиума Верховного Совета СССР и активно занимался вопросами культуры.) Елена Фабиановна написала К. Е. Ворошилову — и он приехал к ней сам, это было очень волнующее событие. Вскоре и М. Б. Храпченко приехал к Елене Фабиановне. В дальнейшем он весьма способствовал созданию института⁹.

Елена Фабиановна прожила большую и очень красивую жизнь. Дай бог, как говорится, чтобы хоть частица «гнесинского» счастья, которое она давала людям, перешла к тем, кто продолжает ее дело.

Работники музея-квартиры Елены Фабиановны поступают правильно и благородно, увековечивая имя и дело Гнесиных¹⁰.

Елена Фабиановна не была членом КПСС, но она была подлинным коммунистом, настоящим большевиком, человеком кристальной чистоты. Тот, кто соприкасался с ней, не мог не ощущать этого. Большим счастьем было жить и работать рядом с ней.

Штрихи к портрету

Разбираясь в документах и бумагах Елены Фабиановны¹, я обнаружила в одном из ящиков письменного стола несколько пожелтевших от времени листков. Листки эти оказались экзаменационными программами учащихся Московской консерватории. Вслед за заголовком «Экзаменные работы оканчивающих курс в мае 1904 года (XXXV выпуск)» шли программы оканчивающих по классу флейты, гобоя, валторны, по классам пения, музыкальных форм, свободного сочинения и, наконец, по классам фортепиано Игумнова, Шишкина и других педагогов.

Случайно ли оказались эти программы в ее письменном столе? По всей вероятности, нет, ведь на некоторых из них сделаны ее рукой пометки о характере исполнения того или иного произведения: «плохо», «хорошо», «грубо» и т. д. Скорее всего, она присутствовала на экзаменах с «познавательной целью», а возможно, и «болела» за кого-нибудь из своих знакомых пианистов. Однако мое внимание в этих программах было привлечено не только оценкой исполнения, сделанной Еленой Фабиановной. В одной из программ стояло имя Надежды Грешищевой — моей тетки. Она окончила в 1904 году педагогическое отделение консерватории у профессора Н. Е. Шишкина и, вернувшись в свой родной город Ржев, открыла в нем первую музыкальную школу².

Училище сестер Гнесиных, существовавшее и плодотворно работавшее на протяжении уже десяти лет, постепенно становилось своего рода эталоном для других музыкальных школ, появлявшихся в России. Гнесины охотно делились своим опытом и помогали тем, кто к ним обращался. Значение дела Гнесиных уже тогда вышло за московские рамки, и педагогические достижения школы получили резонанс далеко за пределами столицы. Естественно, что и моя тетюшка обратилась за советом и помощью к тем, у кого уже был опыт организации и ведения подобного дела.

Елена Фабиановна, удивительно счастливо сочетавшая талант большого музыканта и незаурядные способности руководителя, всегда живо откликалась на просьбы о помощи. В данном же случае речь шла о том, чтобы «сеять доброе», помогать людям познавать прекрасное.

Таким старшим товарищем, неоценимым советчиком была Елена Фабиановна, по-видимому, и для моей тетки. Приезжая из Ржева в Москву, она неизменно находила в особнячке на Собачьей площадке поддержку в своем многотрудном деле. И именно по образцу московского училища Гнесиных в «Музыкальной школе свободного художника Н. Л. Грешищевой» в Ржеве были организованы классы теории, сольфеджио, слушания музыки, хор, ставились даже детские оперы! В конце года устраивались отчетные показательные концерты учащихся. Так в старинном тихом городке на Волге возник очажок музыкальной культуры, которого коснулось благотворное влияние школы Гнесиных. Впоследствии мне посчастливилось встретиться с Еленой Фабиановной. В 1928 году я была зачислена в Техникум им. Гнесиных.

Огромное, незабываемое впечатление произвела на меня, скромную 14-летнюю девочку из провинции, Елена Фабиановна. Очень подтянутая, строгая, притягивающая к себе взглядом лучистых, внимательных, добрых глаз, она казалась мне почти богиней в этом удивительном храме музыки. Позже при общении с Еленой Фабиановной у меня часто возникало особое чувство, напоминающее ощущение человека, вышедшего на улицу в зимний морозный день после обильного снегопада. Трудилась она как-то легко, не замечая времени, причем с равной энергией занималась с учениками, отчитывала их или отдавала распоряжения по школе, по училищу, а еще позже — и по институту.

Занималась я в техникуме сначала у Софьи Абрамовны Гуревич³, потом Елена Фабиановна взяла меня в свой класс. Как всякий большой педагог, Елена Фабиановна подходила к своим ученикам очень дифференцированно, учитывая индивидуальность, способности и склонности каждого. К тем, кто был талантлив, но поленивался, она была беспощадна, могла со скандалом

выставить из класса (кому много дано, с того много и спросится!), и некоторые, не выдерживая столь строгого режима, уходили от нее, но в большинстве случаев на нее не обижались, так как понимали, что наказание было заслуженным.

Мои же уроки протекали мирно и спокойно. Занималась я добросовестно, и Елена Фабиановна это понимала. Исполнительских данных у меня было недостаточно, на академических вечерах я играла всегда хуже, чем в классе, эстрады откровенно побаивалась. И когда в техникуме открылось отделение «музруков» (музыкальных руководителей радиовещания), я была на него зачислена и профиль мой вполне определился⁴.

Елена Фабиановна говорила всегда очень образным языком, и, делая замечания на уроке, умела так «подать» их, что они запоминались буквально на всю жизнь. Так, во время игры с листа (а Елена Фабиановна придавала большое значение чтению с листа, ведь оно расширяло наш кругозор, обогащало знанием музыкальной литературы) она остроумно прибегала к словам песенки эпохи французской революции «Ca ira» — словам, которые обычно переводят «все вперед». «Вот и вы, когда играете с листа, старайтесь смотреть „все вперед, все вперед“, и дело пойдет гладко», — говорил наш мудрый педагог.

Елена Фабиановна любила людей и была очень отзывчива на людские горести. Когда отец Жени Брудной⁵ сообщил Елене Фабиановне о серьезной болезни ее ученицы, вместе с пожеланиями выздоровления Елена Фабиановна послала Жене огромный букет роз. «По-моему, я действительно стала выздоравливать, получив эти чудесные розы», — рассказывает Е. М. Брудная.

О любви Елены Фабиановны к детям хорошо известно. Она умела подойти к ним, заинтересовать их и разговаривала с ними обычно на равных. Однажды я зашла к ней в кабинет со своей пятилетней дочкой. Ей сейчас же был показан знаменитый аквариум, раздобыта где-то картонная коробка, в которую втиснуты два живых котенка, и пока мы разговаривали с Еленой Фабиановной о делах, дочка возила кошачий поезд по кабинету и по передней, что совершенно не раздражало хозяйку. На прощанье маленькой посетительнице была подарена самодельная деревянная лошадка (дети редко уходили из кабинета директора без сувенира).

Последний раз я встретилась с Еленой Фабиановной в больнице, за две недели до ее смерти. Выглядела она непривычно слабой. Руки, извлекавшие всегда такие глубокие и мягкие звуки, бессильно лежали поверх одеяла.

Прекрасной была ее жизнь. Ибо нет для человека более высокого наслаждения и большего счастья, чем знать, что его труд и талант безраздельно отданы людям и что останется от него зримый след на нашей земле.

Дорогая сердцу память...

Елену Фабиановну Гнесину я увидела в конце августа 1930 года, когда впервые пришла в дом 5 на Собачьей площадке.

В канцелярии на мой робкий вопрос, какие нужны документы для поступления в училище, мне очень вежливо, но вполне твердо ответили, что прием в этом году закончен и что «вообще мы принимаем только очень способных». Печальная и растерянная стояла я в канцелярии. Спрашивать больше было нечего, а уйти не было сил: так хотелось учиться именно здесь!

Мое музыкальное образование складывалось неудачно и началось очень поздно. Но музыка меня окружала с малых лет. И моя мать, и ее ближайшая подруга Екатерина Францевна Дауговет, обе, хотя и в разное время, окончили Петербургскую консерваторию и обе вели в ее стенах класс специального фортепиано¹. Жили мы одной семьей в доме на Театральной площади, напротив консерватории. Приходили и уходили ученики. Среди них я помню молодого А. В. Гаука, сестру Екатерины Францевны Лидию Францевну, тоже пианистку, жену Н. А. Малько, дети которых были моими первыми и единственными друзьями детства². Музыка звучала непрерывно. И в то же время музыке меня не учили.

Заниматься мама со мной начала за полгода до своей смерти, но не регулярно. В эту последнюю зиму жили мы в Луге и оттуда мама каждую неделю уезжала на четыре дня в консерваторию на работу. Поезда ходили плохо, не отапливались. А осенью 1918 года мама умерла. В трудные годы гражданской войны меня перебрасывали от одних родственников к другим, и, разумеется, ничему не учили. Мне шел уже четырнадцатый год, когда я начала заниматься с Е. С. Федоровой, ученицей Веры Тимановой³. А через год мое музыкальное образование взяла в свои руки Екатерина Францевна.

Вскоре по семейным обстоятельствам я переехала в Москву, и Екатерина Францевна рекомендовала мне попытаться поступить в Техникум имени Гнесиных. И вот теперь слова секретаря техникума разрушили все мои надежды.

Внезапно распахнулась дверь — из коридора вошла представительная, статная дама средних лет с ореолом пышных седых волос. Отдав какие-то распоряжения, она обернулась ко мне и, внимательно посмотрев в глаза, спросила: «А вы по какому делу?». Я объяснила, что очень бы хотела учиться здесь, но вот — прием окончен... Помолчав немного, она сказала: «Сейчас мне некогда. Приходите в четверг, послезавтра, к десяти часам утра в мой класс, я послушаю вас».

В четверг без десяти минут десять я была у дверей класса Елены Фабиановны. На мой стук дверь открылась. На пороге стояла Елена Фабиановна, а за ней на уютном диване, у стены, увешанной портретами музыкантов и артистов, сидела Евгений Фабиановна. Помню, как умиротворяюще и успокаивающе подействовала на меня обстановка комнаты, в которую я вошла: старинная, уютная мебель, книги, цветы, большой аквариум с золотыми рыбками. Волнение понемногу улеглось.

Начала Евгений Фабиановна с проверки слуха. Мне легко давалось сольфеджио в школе, и я быстро и без ошибок ответила на все вопросы. Дошло дело до игры. Накануне я успела повторить Токкату и фугу d-moll Баха в обработке Таузига и «Лорелею» Листа. «Лорелея» вышла, а в фуге я запуталась и очень испугалась. «Довольно», — сказала Елена Фабиановна и, помолчав, обратилась к Евгении Фабиановне: «Ну что же? Может быть к Александру Степановичу в класс? У него есть место».

Через десять минут я вышла из кабинета Елены Фабиановны с запиской к Александру Степановичу Яппо и номером его телефона, все еще не веря своему счастью⁴. Уже много позже я поняла, что мое поступление — это не счастливая случайность. Главную роль здесь сыграла личность Елены Фабиановны: ее бережное отношение к человеку, к его потенциальным данным, полное отсутствие педагогического снобизма, и, наконец, колоссальный опыт, позволяющий за множеством дефектов увидеть в человеке кое-что обнадеживающее.

Началась моя студенческая жизнь. Навсегда осталось светлое воспоминание об атмосфере, царившей в техникуме. То обстоятельство, что сестры Гнесины жили в одном помещении со школой и техникумом, создавало как бы общую кровеносную систему, сливавшую жизнь сестер ведомыми ими учреждениями.

При входе в особнячок сразу всех нас охватывало ощущение уюта, во множестве мелочей чувствовалась заботливая рука. Всегда хорошо натопленные печи в классах, белоснежные волны занавесей, цветы в зале, небольшом, но таком уютном! Маленький, но бесперебойно работающий буфет в нижнем этаже, куда надо было спуститься по деревянной лесенке и где всегда можно было съесть свежий винегрет с куском черного хлеба. Для меня, не имевшей родного дома после смерти мамы, ощущение этих поровну на всех нас распространявшихся забот было неожиданной радостью и наполняло благодарностью.

Александр Степанович Яппо вел исполнительскую работу и на радио. Иногда он брал меня с собой в студию. Бывало, что давал мне письма слушателей, на которые ему некогда ответить, и просил меня сделать это. Таким образом я знакомилась с новой для меня деятельностью.

И когда в 1932 году в техникуме открылось отделение музыкальных руководителей для радио, начинающего в те годы свою музыкально-просветительскую деятельность, естественно, что я была одной из первых, обратившихся к Елене Фабиановне за разрешением совмещать учебу на двух отделениях.

«Хорошо, — сказала Елена Фабиановна, — но с одним условием. Вы очень тихо и невнятно говорите. Дайте мне слово, что каждый день Вы будете по утрам вслух громко и ясно прочитывать перед зеркалом по стихотворению». Я обещала. Так я была зачислена и на второе отделение⁵.

Учиться было очень интересно. Основной предмет — расширенный курс истории музыки — читал Михаил Самойлович Пекелис. Его требовательность заставляла нас серьезно и глубоко работать в консерваторской библиотеке.

Очень интересной оказалась и практика на радио⁶. Особенно запомнились во всех подробностях репетиции опер — «Каменного гостя» и «Дон Жуана», которые вел В. Э. Мейерхольд, а дирижировал Георг Себастьян⁷.

Особо хочется остановиться на методике начального обучения игре на фортепиано, которую читала Елена Фабиановна. Предмет этот очень важен. Он определяет в какой-то мере будущее каждого учащегося пианиста.

Дело в то время было поставлено так: у Евгении Фабиановны хранилась толстая конторская книга, куда она вписывала адреса родителей, обращавшихся с просьбой рекомендовать кого-либо из студентов для частных занятий с детьми. Тот из нас, кто хотел получить урок, обращался к Евгении Фабиановне, она давала адрес, но с условием, что мы должны показывать свою работу на уроках методики Елене Фабиановне. Поэтому все мы, оканчивая училище, были довольно хорошо знакомы с азами фортепианной педагогики, пренебрежительное отношение к которой часто даже у талантливых пианистов пагубно сказывается на их работе с детьми. Система движений, которая демонстрировалась по элементам на уроках Елены Фабиановны, вызывает иногда, в наше время, критические замечания у молодых педагогов и методистов. Однако положенная в основу, она закладывает хороший фундамент для дальнейшего развития ребенка, и, кроме того, пытливому и ищущему педагогу дает возможность различных добавлений, которые диктуются самой жизнью: ведь фактура современной музыки часто требует неожиданных приемов.

Курс методики работы с детьми Елена Фабиановна начинала с совета не торопиться, совета учитывать индивидуальные данные каждого ученика и постепенно, не спеша вести его от простого к более сложному. Елена Фабиановна считала обязательным подготовительный период, который в среднем должен продлиться от двух недель до одного месяца. В это время надлежало сделать все для того, чтобы ребенок «подружился» с инструментом: познакомился с его строением, с его звучностью, послушал небольшие, доступные его восприятию пьесы. Попутно выяснялось его отношение к исполняемой музыке.

Следующей ступенью, после знакомства с инструментом, было пение коротких мелодий и песенок, ритмическая основа которых предварительно прохлопывалась в ладоши.

Одновременно с развитием слуховых и ритмических представлений ученика нужно понемногу знакомить его с клавиатурой, нотоносцем и записью звуков на нем. Попытки ученика подбирать знакомые мелодии и песенки Елена Фабиановна советовала поощрять, но считала, что нельзя допускать укоренения неправильных двигательных навыков, которые мешали бы дальнейшему техническому развитию ребенка.

Большое внимание уделяла Елена Фабиановна правильной посадке ребенка за фортепиано. Посадить его рекомендовалось ближе к краю стула. Ноги ученика должны при этом или плотно стоять на полу, или, если ученик еще очень мал, — упираться на поставленную перед педалью скамеечку. Высота сидения проверяется по положению локтей, которые не свисая, а будучи слегка закруглены и отстранены от корпуса, должны находиться на одном уровне с клавиатурой. Если ребенок держался напряженно и скованно, Елена Фабиановна советовала заняться с ним гимнастикой, проделать ряд вращательных движений плечевого сустава, рекомендовала упражнение «маятник». Елена Фабиановна считала, что прежде чем все задачи первоначального периода не будут освоены настолько, чтобы не отвлекать ребенка от грамотного чтения текста, нельзя начинать игру по нотам. Большое значение Елена Фабиановна придавала моменту приготовления кисти и очень образно объясняла это движение: «Представь себе, — говорила она маленькому ученику, — что у тебя к основанию третьего пальца, в том месте, где он соединяется с ладонькой, привязана ниточка. Когда ты не тянешь левой рукой за эту ниточку — кисть правой руки висит спокойно, все пальчики смотрят вниз. Как только ты потянешь левой рукой за эту воображаемую ниточку, кисть начнет подниматься, готовиться и пальчики тоже начнут готовиться к опоре руки на них». Прodelав это упражнение несколько раз, дети усваивали это очень нужное движение.

Чтение текста Елена Фабиановна рекомендовала начинать с прохлопывания ритма мотива или фразы. Только после того, как ребенок закрепит «ритмический скелет» мотива или фразы, можно предложить ему прочесть и высоту звуков. Начинать игру Елена Фабиановна советовала со штриха *non legato*. На этом штрихе построены все первые номера ее Фортепианной азбуки для начинающих.

Перед прохождением этих первоначальных номеров следует дать подготовительные упражнения, которые выработали бы у ученика чувство свободы в плече, предплечье, кисти и ощущение некоего веса в кончиках пальцев. Начинать эти упражнения следует с третьего пальца, постепенно включая второй, затем четвертый и пятый. Упражнения эти игрались каждой рукой отдельно. Когда дело доходило до первого пальца, то Елена Фабиановна предлагала ребенку играть сначала соединенными в форме «бараночки» первым и вторым пальцами. Поиграв таким образом некоторое время, ученик привыкал к правильному положению первого пальца, которое не менялось и тогда, когда второй палец, будучи отстранен, уже не помогал первому.

Огромный вклад Елены Фабиановны в трудное дело создания педагогического репертуара для начинающих и для последующих ступеней развития учащихся. Детская фортепианная литература на рубеже XIX и XX веков и в первой четверти нашего столетия была очень бедна. Главным образом это были две Школы игры на фортепиано — Бейера и Дамма⁸. Методически они давно устарели, и Елена Фабиановна почти с первых шагов своей педагогической работы стала сочинять собственные пьесы и упражнения для детей соответственно своей методике. На принципиально новой основе создала она два сборника для начинающих — Фортепианную азбуку и Маленькие этюды.

Несмотря на то, что эти и другие пособия для обучения детей игре на фортепиано созданы Еленой Фабиановной более полувека тому назад, значительное их число до сих пор занимает прочное место в программах ДМШ. Во всех программах первого класса специального фортепиано, составленных в разные годы, неизменно можно увидеть перечисление примерно двух десятков номеров из Фортепианной азбуки для начинающих и ряд этюдов из первой тетради Маленьких этюдов. В индивидуальных планах детей второго класса часто встречаются этюды из второй и третьей тетради Маленьких этюдов. Из пьес во втором классе можно услышать «Сказочку» из сборника Пьески-картинки, а также ансамбль «Ладушки». В планы третьего класса входят этюды из четвертой тетради Маленьких этюдов. Из крупной формы в этом же классе дети играют Тему и шесть маленьких вариаций соль мажор, а также Пьески-картинки. Марш из «Альбома детских пьес» рекомендуется учащимся четвертого класса, Дуэттино для

двух фортепиано в четыре руки — учащимся пятого класса. В учебную программу шестого класса (1968) включены Юмореска и Баркарола из Трех пьес для фортепиано.

Вполне понятно, что в педагогической практике нашего времени, несмотря на сильное обогащение за последние полвека репертуара для начинающих пианистов, сборники Гнесиной продолжают играть свою роль и, конечно, переиздаются (последние издания относятся к 1976 и к 1984 годам).

В занятиях по методике с нами, учениками техникума, Елена Фабиановна всегда опиралась на свою Азбуку. Она объясняла нам методическую целесообразность каждого из номеров. Она анализировала свою Азбуку, выверяя целесообразность освоения приемов обучения, а также их последовательность. Помню, когда многим из нас первая пьеса показалась слишком трудной для начинающего, и мы сказали об этом Елене Фабиановне, она согласилась перенести ее на более позднее время, а вместо нее была написана новая.

К сожалению, в издании 1984 года есть отступления от авторского текста. Изменился порядок номеров (седьмой стал первым). Изъяты два номера на лиги из двух звуков, что несомненно методически ошибочно. Елена Фабиановна строго следила за *последовательностью* прививаемых навыков. Кроме того, в новом издании в начале всех пьесок проставлен метрический размер, чего не было в авторском тексте. И это не случайно: отсутствие размера преследовало цель активизировать сообразительность ребенка, его зрительное восприятие, а также его внутренний слух.

Деятельность Елены Фабиановны как педагога — новатора своего времени, а также и как композитора, создававшего материал для обучения детей на принципиально новой основе, дала возможность сделать огромный шаг вперед. Но не менее важно и то, что деятельность эта была очень многогранна. Так было и с репертуаром для детей. Собственно говоря, Елена Фабиановна, а по ее просьбе и Александр Федорович Гедике и Рейнгольд Морицевич Глиэр, были первопроходцами в этой области. Это в наши дни каждая районная ДМШ имеет свою библиотеку, в которой детский фортепианный репертуар представлен богато, разнообразно и с годами становится все обширнее. Здесь и такие жемчужины, как «Детская музыка» С. Прокофьева, и сборники современной музыки под редакцией Н. Копчевского для всех семи классов ДМШ, и Танцы кукол Д. Шостаковича, и Детский альбом А. Хачатуряна. Вполне вероятно, что во многих случаях тоже не обошлось без влияния Елены Фабиановны — как, например, создание одного из самых популярных и выдержавших многие издания сборника Школа игры на фортепиано (сост. и редактор А. Николаев — ученик Елены Фабиановны Гнесиной). О советах, которые давала Елена Фабиановна при составлении Школы, пишет сам Николаев в своих воспоминаниях, посвященных ей. Не случайно и помещение в первом разделе этого сборника большого количества номеров из Фортепианной азбуки и Маленьких этюдов⁹.

Пример Елены Фабиановны и ее современников Гедике и Глиэра как бы привлек к детской теме внимание многих композиторов и заставил почувствовать серьезную ответственность.

Начиная работу с каждым новым учеником, я с благодарностью вспоминаю Елену Фабиановну, ее высокое профессиональное искусство и ее отношение к детям, в котором доброта и юмор соединялись с требовательностью и пунктуальностью.

Большое — в малом

Моя первая встреча с Еленой Фабиановной была не совсем обычной.

В конце января 1933 года я впервые приехала в Москву из Сибири с намерением поступить в Музыкальный техникум им. Гнесиных, о котором много слышала от своих преподавателей. Окончив весной 1930 года Иркутский музыкальный техникум по классу фортепиано у воспитанницы Петербургской консерватории Т. Н. Афанасьевой-Семенцовой¹ и получив рекомендацию в Московскую консерваторию, я в течение трех лет преподавала в музыкальной школе, не имея возможности ни уехать из Иркутска, ни заниматься. Естественно, что к моменту приезда в Москву я совершенно не была подготовлена к поступлению в консерваторию, на что и не рассчитывала. Но с наивностью провинциалки и самонадеянностью, свойственной молодости, я тотчас отправилась на Собачью площадку, где помещался тогда Музыкальный техникум, о котором я мечтала, в полной уверенности, что сюда-то меня непременно примут.

Должно быть, я выглядела настоящим таежным зверьком в своей длинной шубе, отороченной мехом, в меховой шапке, меховых рукавицах и валенках, так как студенты, встретившиеся мне в вестибюле (вернее, в небольшой передней), смотрели на меня с искренним изумлением — в Москве в те дни была оттепель! Я даже не догадалась снять шубу, а прямо спросила, где я могу видеть Елену Фабиановну Гнесину. Дивясь на неслыханную смелость и, быть может, надеясь на неожиданное развлечение, кто-то сообщил Елене Фабиановне о моем странном появлении.

И вот величавой и плавной походкой — мне показалось, что она плыла по коридору, — ко мне приблизилась Елена Фабиановна. Меня поразили своеобразие и значительность всего ее облика: высоко поднятая голова, открытое лицо, прямой, ясный и умный взгляд, величественная осанка. «Совсем как императрица», — мелькнуло в уме. Я оробела. Узнав о цели моего визита, Елена Фабиановна сказала, что в середине учебного года приема не бывает и мне следовало приходиться осенью. Очевидно, лицо мое выразило полное отчаяние. Елена Фабиановна посмотрела на меня более внимательно и спросила, откуда я приехала. Услышав, что я из Иркутска и приехала специально затем, чтобы учиться, она смягчилась и пригласила меня следовать за ней. По узкой, скрипучей лестнице мы поднялись на второй этаж и там, в маленьком классе (все еще не сняв шубы и шапки!) я подверглась испытанию. Проверив мой слух, Елена Фабиановна спросила, что я могу сыграть. Увы, тут я потерпела полное фиаско: играть наизусть не осмелилась, боясь сбиться, а нот с собой взять не догадалась. Пришлось сознаться, что в данный момент я ничего сыграть не могу.

Елена Фабиановна сразу посуровела: «Тогда подготовься и приходи осенью». С тем я и ушла.

Нетрудно представить себе мое горе. Легко сказать «подготовься», а где и у кого? Дальние родственники, у которых я остановилась, инструмента не имели. Знакомых музыкантов в Москве у меня не было. И потому было особенно обидно, что Елена Фабиановна не поверила в меня и не зачислила в техникум хотя бы условно. Тогда я не понимала, что она не могла принимать «на веру» в свой прославленный техникум всех, кто надумает приехать в середине учебного года из «медвежьего угла».

Положение казалось мне безвыходным. Наплакавшись вволю, я все же решила не отступать. Нашлись и добрые люди — мои земляки иркутяне и московские музыканты: студентка консерватории В. Д. Гагарина² и преподаватель Техникума им. А. К. Глазунова П. Н. Ренчицкий³.

Осенью того же 1933 года, подготовив под руководством П. Н. Ренчицкого программу, я отправилась на Собачью площадку на вступительный экзамен. И снова дело чуть не обернулось для меня плохо.

Оказалось, что я сильно опоздала к назначенному часу. В здании техникума было уже совершенно пусто и стояла необыкновенная тишина. Обескураженная, я застыла перед списком

допущенных к экзамену, в котором значилась и моя фамилия. Убитая своей повторной неудачей, я поняла, что беда моя непоправима.

Послышались шаги. В глубине коридора показалась импозантная фигура Елены Фабиановны. Стерев слезы, я рванулась к выходу. Но меня догнал ее строгий голос: «Что ты здесь делаешь? Пришла на экзамен? Но он давно окончен! Почему опоздала? Приезжая? Не знаешь Москвы? — сыпались вопросы. — Не уходи, подожди здесь», — приказала Елена Фабиановна и через несколько минут появилась снова в сопровождении группы педагогов-экзаменаторов, не успевших еще разойтись после обсуждения прослушанных абитуриентов и вновь приглашенных Еленой Фабиановной в класс специально для меня. Среди них были, как я узнала позже, Евгения Фабиановна Гнесина, Б. М. Медведев, М. А. Гурвич, В. Р. Шор⁴.

Елена Фабиановна позвала меня в большой полукруглый класс, в высокие окна которого щедро вливался солнечный свет. Все так же строго она спросила, что я буду играть. С трудом преодолев страх, я села за рояль. Когда были сыграны Прелюдия и фуга Баха (с-moll из II тома «Хорошо темперированного клавира»), до меня донесся одобрителный шепот Елены Фабиановны. Напряжение спало. Меня прослушали до конца. А затем, после обсуждения, я впервые увидела улыбающиеся мне глаза Елены Фабиановны и услышала ее ласковый голос, сообщивший мне, что я принята в класс В. Р. Шора.

Не знаю, вспомнила ли тогда Елена Фабиановна мой зимний визит — в тоненькой, полетному одетой фигурке трудно было узнать закутанного в меха сибирского медвежонка...

На протяжении всех лет обучения Елена Фабиановна относилась ко мне исключительно заботливо (не только ко мне, но ко всем студентам, особенно иногородним, которых Елена Фабиановна считала своими подопечными). Ей было присуще высокое чувство ответственности за каждого из нас, проявлявшееся решительно во всем, вплоть до мелочей. Именно этих-то, на первый взгляд незначительных мелочей, за которыми проглядывают характерные черты человеческого облика Елены Фабиановны, мне и хочется коснуться. Ведь в этом, казалось бы, малом проявлялось то большое, человеческое, что выделяло Елену Фабиановну из многих и многих ее современников-музыкантов.

В наши дни студенческая молодежь не может себе даже представить тех трудных условий жизни, которые выпали на нашу долю. Нужда была порой в самом необходимом — жилье, питании, одежде. Особенно тяжело было студентам-стипендиатам, не имеющим материальной поддержки от родных. Тем более ценной была забота Елены Фабиановны, посильно помогавшей нам преодолевать эти трудности.

Не помню, чтобы кто-нибудь из нас жаловался Елене Фабиановне на тяжелый быт. Увлеченные интересными занятиями и интенсивной концертной жизнью Москвы, тогда легко доступной студентам, мы не обращали особенного внимания на недостаток питания, отсутствие теплой обуви, нарядной одежды. Но ничто не ускользало от внимания Елены Фабиановны. Она добилась для нас разрешения обедать буквально за гроши в крохотной столовой, типа домовой кухни в подвальном этаже какого-то дома, помещавшегося в одном из многочисленных арбатских переулков.

Особенно нуждающимся студентам Елена Фабиановна помогала найти заработок. По ее рекомендации я переписывала ноты, давала уроки музыки детишкам, периодически показывая их Елене Фабиановне — она следила за тем, чтобы преподавание велось правильно. Наиболее способные из этих учеников поступали затем в музыкальную школу.

Беспокоилась Елена Фабиановна и о нашем здоровье. Многие ученические концерты происходили у нас в так называемом Малом зале (на 25—30 человек), помещавшемся в соседнем с техникумом здании музыкальной школы. Зимой перебегать из одного здания в другое без пальто строго воспрещалось — это было личное распоряжение Елены Фабиановны. Нужно ли говорить, что мы довольно часто пренебрегали этим. Однажды вечером, в изрядный мороз, я была застигнута на месте преступления: выскочив из парадного в одном платье и едва не сбив с ног Елену Фабиановну, я угодила прямо в ее объятия. Я вырвалась, закрыв руками лицо, чтобы остаться неузнанной. Однако она успела разглядеть меня. «Так это ты, Нина Рогожина! Безобразница!» — вскричала Елена Фабиановна в гневе. Вспылив, она объявила, что исключает меня из техникума. Зная крутой нрав нашей директрисы, которую мы обожали и одновременно боялись, я струсилась не на шутку.

Пришлось наутро являться к Елене Фабиановне с повинной головой и просить о помиловании. Конечно, оно было мне дано.

К осени 1934 года обстоятельства сложились так, что я не могла больше жить у своих родственников. Мне дали общежитие, которое тогда находилось в Алексеевском студенческом городке вблизи Сокольников.

Помещая студентов в общежитие, Елена Фабиановна сама подбирала «ансамбли» для совместного проживания в одной комнате с учетом специальности, интересов, возраста и, я уверена в этом, характера. Так составила она и наш «квартет». Кроме меня, в него вошли ученица Елены Фабиановны Евгения Иоффе⁵ из Ростова-на-Дону, часто из-за отсутствия постоянного жилья ночевавшая в классе-кабинете Елены Фабиановны, Ирина Бухарцева⁶ из Астрахани, ученица Евгении Фабиановны, жившая до того у знакомых, и Вера Подольская⁷, ученица Б. М. Медведева, ютившаяся кое-как в крохотной комнатке у своего дяди.

Поселяя нас в одной комнате, Елена Фабиановна сказала моему педагогу В. Р. Шору: «Нине Рогожиной я могу доверить и свою 16-летнюю Женю». Я была польщена и горда.

Поселившись в нашей холодной, но чистой и светлой комнатке на втором этаже, мы сумели сделать ее уютной. Очень сдружили нас общие интересы и совместные посещения концертов в Большом и Малом залах консерватории. По дороге домой, а затем и в общежитии, мы горячо обсуждали услышанное, часто до глубокой ночи за чашкой чая с конфеткой. Об этой чашке чая необходимо рассказать.

Едва успели мы обосноваться на новом месте, как Елена Фабиановна предложила всем нам объединиться по 6—8 человек в «коммуны» и питаться в складчину, внося пай, сумма которых определялась размерами стипендии. Для осуществления своей идеи Елена Фабиановна приобрела для каждой «коммуны» полное хозяйственное оборудование: керосинки, кастрюли, сковородки, чайники, столовую посуду, приборы. Это был первый и, возможно, единственный в своем роде опыт ведения коллективного студенческого хозяйства⁸. В своих маленьких «коммунах» мы были ежедневно обеспечены хотя и скромными, но зато верными завтраком и обедом. Готовили поочередно, дежуря на кухне по два человека. Мальчики также помогали в хозяйстве — закупали продукты, чистили овощи. Приготовленная пища накрывалась одеялами и подушками, так что каждый из нас мог поесть в любое время (расписание занятий не у всех совпадало). На ужин наших средств не хватало, и он обычно заменялся чаем с кусочком хлеба и несколькими конфетками — «подушечками» с фруктовой начинкой. А что могло быть лучше чашки горячего чая после долгой поездки в холодном трамвае!

Несколько раз в году, всегда неожиданно, Елена Фабиановна сама приезжала в общежитие, чтобы лично проверить, все ли в порядке. Она заходила в каждую комнату, проверяла чистоту, спрашивала о нуждах, интересовалась организованными ею «коммунами», просила показать ей наше «меню».

Обычно, несмотря на внезапность этих наездов, кто-нибудь из студентов успевал сообщить о том, что Елена Фабиановна едет. Мы срочно доводили нашу комнату «до блеска» и с трепетом ждали ее появления. Не обходилось и без казусов.

Однажды, в самом начале апреля, мы были застигнуты врасплох с преждевременно выставленной зимней оконной рамой, отчего у нас был страшный холод в комнате. Елена Фабиановна гневалась: «Перепростудитесь тут все!» — «пылила», грозила выговором и приказала немедленно вставить раму обратно.

В другой раз мы провинились более серьезно. В нашей комнате не было инструмента, и мы занимались по два-три часа поочередно в комнате студенток-вокалисток. Случилось так, что одна из них заболела скарлатиной, ее увезли в больницу и до дезинфекции запретили в ее комнате играть. Мы не смели нарушить запрета. Но где же заниматься? Недолго думая, мы просто перенесли пианино в свою комнату («овцы целы, волки сыты!»). Извещенная кем-то о нашем самовольном поступке и опасаясь распространения инфекции, Елена Фабиановна нагрянула в общежитие. Мы услышали ее голос: поднимаясь к нам на второй этаж, она, что называется, метала грома и молнии по нашему адресу. Мы были бы рады сбежать, но было поздно. Притихнув, приготовились к худшему. Распахнув дверь, Елена Фабиановна с невыразимо-грозным видом остановилась на пороге. Мы молча встали, опустив головы. Елена Фабиановна оглядела

комнату и, увидав на самом почетном месте пианино (знаменитый «Музтрест»), оттеснившее наши кровати почти вплотную друг к другу, выдержала долгую паузу, которая показалась нам бесконечной. А затем, убедившись, что мы здоровы, Елена Фабиановна вдруг неожиданно улыбнулась. «Ну что ж, озорницы, оставьте пианино у себя и занимайтесь здесь!» — произнесла она мягко. Как мы были рады такому финалу!

Елена Фабиановна следила за успехами каждого студента и бывала на всех ученических концертах. Обычно она вела себя на них непринужденно и порой вмешивалась в исполнение, подавая реплики, выражая одобрение или неудовольствие, особенно если это были ее собственные ученики. Иногда она успокаивала готового растеряться «концертанта». Такой курьезный случай был однажды и со мной. Играя одну из сложных фуг Баха, я забыла какое-то место. Начала сначала и снова споткнулась на том же такте. «Начни еще раз», — громко, но спокойно сказала Елена Фабиановна. Ее голос меня подбодрил, и руки сами нашли нужную модуляцию, так что повторять не пришлось, и fuga была доиграна до конца благополучно.

А вот еще одна из «мелочей», весьма существенных по тем временам.

Весной 1935 года мне предстояло выступить на отчетном студенческом концерте-утреннике в Малом зале консерватории. За несколько дней до концерта выяснилось, что у меня нет достаточно приличной обуви и чулок, чтобы выйти на эстраду. Туфельки одолжила одна из подруг, а чулки просить я постеснялась. Приезжаю однажды с урока в общежитие, удрученная неминуемой неприглядностью своего «концертного туалета», и нахожу на кровати новые, дорогие чулки. Оказывается, Елена Фабиановна накануне была в общежитии и, узнав о моей «чулочной беде», на следующий день прислала мне подарок. Такие случаи не были единичными.

Зато бывало, что сгоряча Елена Фабиановна могла и обескуражить. Так случилось на концерте, о котором только что шла речь. Когда на сцене за рояль села Вера Подольская, неожиданно раздался гневный голос Елены Фабиановны из первых рядов партера: «Почему в юбке и блузке, а не в платье? Кто разрешил?!» Бедная Вера едва овладела собой, чтобы начать пьесу. Я же, услышав долетевший до артистической негодующий голос Елены Фабиановны, порядком струхнула: у меня тоже не было нарядного платья, и мне предстояло появиться за роялем в аналогичном костюме.

Весной 1936 года, когда я перешла уже на последний курс, Елена Фабиановна рекомендовала меня на временную работу с неслыханно большой для студентки зарплатой в Московский передвижной драматический театр, который уезжал на летние месяцы в гастрольную поездку по рабочим поселкам Восточной Сибири*. В мои разнообразные обязанности (я была заведующей музыкальной частью) входило ведение концертной программы, подготовленной силами самих драматических актеров (сольное пение, танцевальные номера, художественное чтение), аккомпанемент всем номерам программы и исполнение нескольких фортепианных произведений соло. Кроме этого, приходилось настраивать народные музыкальные инструменты, на которых актеры могли сыграть несколько разученных номеров по ходу пьесы на сцене, но не умели сами их настроить. Во время гастролей научилась я настраивать и рояли (или пианино) в рабочих клубах. Это была хорошая профессиональная практика, которой в те годы в учебных заведениях еще не существовало. Несомненно, как и во всех аналогичных случаях, Елена Фабиановна имела в виду не только заработок студента, но и пользу от непосредственного приложения его умения и знаний. Поездка театра затягивалась до середины зимы, что грозило мне срывом выпускного учебного года. Совершив при первой же возможности настоящий побег, я с приключениями добралась до Москвы лишь к концу сентября. Елена Фабиановна встретила меня сурово: «Как ты посмела так опоздать к началу занятий? И как ты осмелилась не оправдать мою рекомендацию, уехав из гастрольной поездки самовольно?» (О моем «побеге» директор театра известил Елену Фабиановну телеграммой.)

Один вопрос, собственно, почти исключал другой. Но, по обыкновению, разобравшись в сути дела, Елена Фабиановна сменила гнев на милость и отправила меня на занятия.

* Ставили и режиссировали спектакли артисты МХАТа, ныне народные артисты СССР В. Я. Станицын и М. М. Яншин. Театр этот часто разъезжал по районам лесозаготовок, за что был прозван «лесным». О нем упоминал в своих беседах по радио в 1975—1976 годах М. М. Яншин.

Окончательным выбором профессии музыковеда я в какой-то мере также обязана Елене Фабиановне. С первого курса я проявляла интерес к истории и теории музыки.

На фортепианном отделении я тоже была отличницей, но имела репутацию студентки с «отличной головой и плохими руками» — музыкальная зрелость явно превышала технические возможности.

Перед выпускными экзаменами Елена Фабиановна, которую беспокоило будущее каждого студента, вызвала меня и посоветовала остаться еще на один год в техникуме для специальной подготовки на историко-теоретический факультет консерватории. Совет Елены Фабиановны совпал с моими давно наметившимися устремлениями, придал мне уверенность, и я с радостью решила приобрести новую специальность.

Спустя много лет, поселившись снова в Москве, я не раз навещала Елену Фабиановну. Встречи не были частыми, но тем ярче они запомнились мне.

Всегда приветливая, радушная, Елена Фабиановна с интересом расспрашивала меня обо всем: о Ленинградской консерватории и ее преподавателях, о моей педагогической работе, о творческих замыслах и их осуществлении. И я видела, что она осталась все той же заботливой и чуткой Еленой Фабиановной времен моей юности и что, несмотря на широчайшие горизонты ее музыкально-общественной деятельности, она все еще испытывает чувство ответственности за профессиональную судьбу бывшей «гнесинки» — питомицы ее Музыкального техникума.

Строки воспоминаний

О Гнесиных я знала с детства еще в Ростове. Моя первая учительница музыки Берта Моисеевна Штейнбух¹ в свое время училась у Евгении Фабиановны и сохранила к семье Гнесиных большое уважение, которое внушила и мне. Поэтому, когда в 1934 году мама повезла меня, пятнадцатилетнюю девочку, в Москву, Берта Моисеевна дала мне письмо к Елене Фабиановне. Остановились мы у моей тетушки, которая в то время преподавала в консерватории и у Гнесиных — В. Ф. Туровской².

Еще раньше от своей мамы, часто посещавшей Москву, я знала о существовании музея-домика 1840-х годов³ и очень удивилась, узнав, что Гнесины, помимо дома № 5 по Собачьей площадке, расположились и в доме № 7. (Дом был настолько ветхим в 30-е годы, что в классах верхних этажей висели записочки с просьбой не передвигать роялей...)

В те дни в техникуме был концерт, если не ошибаюсь. Вари Гагариной⁴, на который взяли и меня. В антракте мне показали представительную пожилую даму в беличьей накидке и сказали, что это и есть Елена Фабиановна — директор техникума. Я подошла к ней с письмом, и встреча для знакомства и прослушивания была назначена на следующий день.

Мне очень понравилась простая, уютная обстановка дома, где находились зал, классы, кабинеты и жилые комнаты сестер Гнесиных. Полы были натерты до блеска, зеркало, висящее при входе, оправлено в красное дерево. Кабинет и вовсе меня поразил. Два Бехштейна красного дерева стояли чуть-чуть вкось, все стены были увешаны портретами композиторов с дарственными надписями. Красивый шкаф с нотами, слева при входе, и маленький диванчик в белом чехле.

Кто из учеников не помнит портреты Орлова и Оборина, стоящие на рояле? Кстати, Елена Фабиановна часто жаловалась, что кто-то постоянно «уносит» Оборина, и Лев Николаевич дарит ей новую фотографию вместо похищенной кем-то из его поклонниц, а, может быть, и его ученицей, так как Елена Фабиановна в то время любила передавать собственных учеников в консерваторию своему талантливейшему воспитаннику, тогда еще, кажется, доценту кафедры К. Н. Игумнова.

Елена Фабиановна взяла меня к себе в класс, предупредив маму, что она строга, и учиться мне будет нелегко. Мама ответила, что, если я буду прилежна, то и строгость не повредит, а только пойдет на пользу. И начались занятия.

Я приходила первой, рано, часов в 9 утра. В кабинете было холодно, но за роялем об этом забывалось... Что греха таить, покричать наша дорогая Елена Фабиановна любила. Восклицания: «ворона!», «сапог!», «врешь!» (значит, играешь не то, что написано в нотах) часто слышались в классе. Иногда и ноты обрушивались на руки провинившегося ученика. В этих «взрывах темперамента» угадывалось только возмущение большого музыканта, который был нетерпим к фальши, плохо разобранному тексту, или к сухой, неэмоциональной игре. А еще пуще доставалось за грязную педаль...

Случилось так, что в семье родственников, у которых я жила, изменились обстоятельства, и к концу учебного года я осталась без крова. Мне пришлось покинуть гостеприимный дом и искать ночлега (мне казалось, что только ночлега — ведь весь день я проводила в техникуме на Собачьей площадке) — то у одной, то у другой из своих подруг. Каким-то образом Елена Фабиановна узнала об этом. Мне было строго приказано явиться вечером к ней в кабинет и расположиться на том самом диванчике в белом чехле, на котором, как мне было сказано, — «вчера гостил у нас Максимилиан Осеевич Штейнберг»⁵.

Все это так удивило и растрогало меня, что я почти всю первую ночь не смогла уснуть и, найдя в шкафу Сонеты Петрарки, углубилась в чтение, чтобы как-то успокоиться.

Поздно ночью, заметив свет в своем кабинете, Елена Фабиановна появилась в дверях и приказала мне спать, ибо встать нужно было рано, чтобы освободить кабинет для занятий с учениками.

Таким образом я прожила некоторое время в семье Гнесиных и имела возможность наблюдать удивительно простые, добрые, объединенные общими интересами отношения всех сестер. Тогда их было четыре: Елена Фабиановна — директор училища, Евгения Фабиановна — старшая, работающая кроме класса рояля еще и с детским хором, Елизавета Фабиановна Витачек-Гнесина и Ольга Фабиановна — самая младшая. Знаю, что были еще Мария Фабиановна и два брата: композитор Михаил Фабианович и Григорий Фабианович, живший тогда в Ленинграде.

Прожив у Елены Фабиановны до самых экзаменов, я не потеряла время даром. Благодаря удачному исполнению этюда Шлецера *As-dur*, я чуть было не перескочила с I курса сразу на III. Таково было намерение комиссии, но... мои плохие знания по гармонии и сольфеджио не позволили осуществить это. Как я завидовала всем гнесинцам, так легко и просто справлявшимся с трудными теоретическими задачами! А у меня сказывалась слабая подготовка по теоретическим предметам в Ростове, да и отсутствие к ним интереса. Елена Фабиановна очень сердилась на меня за это.

Зато с большой благодарностью я вспоминаю оказанное мне «доверие»: я должна была исполнить с ученическим оркестром Концерт Бетховена № 3 (II и III ч.). На первой репетиции оркестр оглушил меня, я растерялась. Дирижер Е. Акулов⁶ заявил, что «хромает бухгалтерия», то есть ритм и, естественно, дальше учебных репетиций дело не двинулось. Но урок, данный Акуловым, пошел на пользу, я много и успешно играла впоследствии в ансамблях и «бухгалтерия» подтянулась. Ведь ритм — это и слуховое внимание к партнерам, а не только «божий дар».

Вспоминая о чисто пианистических принципах педагогики Елены Фабиановны, я прежде всего помню ту абсолютную свободу, которой владели все коренные ученики Елены Фабиановны. Легкая, гибкая, красиво звучащая техника. Ясная фразировка, дыхание, агогика, предельная чистота педализации. Большой вкус и сдержанность эмоций — вот, пожалуй, основное, что я вынесла из ее школы.

Вспоминая все это, я понимаю, что Елена Фабиановна передавала нам традиции пианизма своих великих учителей Бузони и Сафонова.

На первых курсах меня удивляли успехи моих старших товарищей: Сони Харлампики, Тамары Герасимович и Зиновия Финкельштейна⁷, у которого особенно поразил меня 5-й концерт Бетховена. Мне кажется, я и сейчас могу представить себе побочную партию с терциями, «мерцающими звездами в вышине», — как сказал Томас Манн, вспоминая аналогичную звучность во II части 32-ой Сонаты Бетховена.

Очень любила я аккомпанировать в классе и помню свою огромную радость, когда Елена Фабиановна разрешила мне сесть за второй рояль и проаккомпанировать Концерт Шумана.

Большая неприятность произошла у меня с Фантазией на темы Рябинина Аренского. Елена Фабиановна предложила мне ее разучить, думая, что меня это обрадует, а я посмела сказать, что это не музыка, а «вода»... Только теперь, проработав 30 лет педагогом и услышав однажды от ученика, которому я дала Сонату Скарлатти: «это не музыка, а чушь какая-то!» — я вспомнила себя и тот урок уважения к авторитетам, который я сама получила в юности от Елены Фабиановны.

Недавно в руках моей ученицы я увидела книжку под названием «Виолончель Санта Тереза»⁸. Девочка охотно уступила ее мне... В V главе «Школа Гнесиных» я окунулась в мир своего детства, талантливо, ярко и тепло воссозданный С. А. Могилевской. Описанное Могилевской ее поступление к Гнесиным настолько совпало с моим, что на меня сразу же нахлынули собственные воспоминания и возник порыв выразить автору благодарность за правдивые строки.

С тем большей радостью пользуюсь я возможностью написать о том, что помню сама о Елене Фабиановне. Вспоминать о ней я могу много и долго. Я и сейчас порой, как тогда в кабинете Елены Фабиановны, ночью не сплю и снова живу воспоминаниями о Собачьей площадке, о той счастливой поре молодости, мечты, оптимизма и творчества, которые давала нам вся обстанов-

ка нашего учебного заведения, с такой любовью, самоотверженным трудом созданная семьей Гнесиных.

В классе Елены Фабиановны Гнесиной

Много прошло времени с тех пор, как я занимался в классе Елены Фабиановны (было это в начале 30-х годов), но энергичная и величественная фигура нашей учительницы так и стоит перед глазами...

Надо прямо сказать, характер Елены Фабиановны был нелегкий, властный, и школу ее успешно заканчивали или очень способные ученики, или сильные духом.

Как педагог Елена Фабиановна была последователем классического направления¹. Прелюдии и фуги из обоих томов *Wohltemperierte Klavier* И. С. Баха, сонаты Бетховена, различные пьесы Мендельсона, Шумана и Шопена постоянно фигурировали на занятиях. Из технической литературы игрались этюды *Gradus ad Parnassum* Клементи, ор. 740 Черни, октавные этюды Куллака, этюды Мошковского ор. 72, Гуммеля ор. 125. Очень любила Елена Фабиановна давать для укрепления пальцев Этюд Шлецера *As-dur*, более подвинутые играли и другой Этюд — *Es-dur*, а также некоторые этюды Шопена и Листа.

Из русских авторов оказывалось предпочтение пьесам Лядова, Аренского, Скрябина, Рахманинова.

В моей памяти отчетливо сохранилось исполнение некоторых сочинений моими соучениками. Приводя их ниже, я надеюсь дополнить конкретными фактами обширную картину педагогической деятельности Елены Фабиановны.

Анна (Анеля) Гинзберг² играла Второй концерт и Двадцать четвертую сонату Бетховена, Гондольеру Листа, Прелюдию и фугу И. С. Баха *As-dur* из первого тома, Баркаролу Лядова; Любовь Рыцлин³ — Первый концерт Шопена; Евгения Брудная⁴ удачно играла одиннадцатую сонату Бетховена; способная и исполнительная Ирина Иванова, приехавшая из Астрахани, вошла в мою память Сказкой Метнера *c-moll* ор. 8 № 1 и вариациями Моцарта на менуэт Дюпора; Аркадий Сафронеев⁵ успешно преодолевал немалые трудности Экспромта Шопена *Fis-dur* и сюиты Грига из времен Гольберга; Агнесса Коган⁶ запомнилась хорошей интерпретацией вариаций Шумана на тему *Adegg* ор. 1, этюдов Мошковского ор. 72 № 7 и Листа — «Хоровод гномов»; Элла Альтерман⁷ играла вариации Лядова на польскую тему, Вариации Шопена ор. 12 и его же Этюд *F-dur* ор. 10 № 8, Ноктюрн Скрябина *fis-moll* ор. 5 № 2; Эсфирь Вайнштейн⁸ — Концерт Моцарта № 22 *Es-dur* и серьезные вариации Мендельсона; производили очень хорошее впечатление Георгий Гуржиенко⁹ с Третьим концертом Бетховена и Ноктюрном Шопена *fis-moll* ор. 48 № 2 и Владимир Гельд с «Венским карнавалом» Шумана.

Выделялась техникой в Концерте Грига Тамара Герасимович¹⁰. Ей Елена Фабиановна решила даже учить пьесы «от себя», например, Кампанеллу Паганини-Листа или Этюд Шопена *Ges-dur* ор. 10 с его блестящей, жемчужной техникой. «Она очень подвинула свою беглость на Рондо-каприччиозо Мендельсона», — говорила о Тамаре Герасимович Елена Фабиановна. Способная Соня Харлампи¹¹ очень хорошо играла Первый концерт Бетховена, Восьмую рапсодию Листа и другие пьесы. Т. Герасимович и С. Харлампи на двух роялях исполняли Полонез Шопена *A-dur* (в унисон), а затем и Вторую сюиту Рахманинова. Консерваторию обе они кончили у лучшего из учеников Елены Фабиановны — Льва Николаевича Оборина, к которому наша учительница направляла и других своих наиболее способных учеников. Имя Левы Оборина постоянно повторялось Еленой Фабиановной как высший образец пианистического мастерства и ее педагогических усилий. «Основа техники — медленная, внимательная игра. Лева Обороин и другие отличные пианисты постоянно учили пьесы в медленном темпе», — говорила часто Елена Фабиановна. И в памяти возникали незабываемые впечатления, полученные от блистательной игры Оборина. Его *reglé* было действительно жемчужным; сложнейшие пианистические моменты он преодолевал без тени затруднения. Репертуар был очень широк — от Баха до Стравинского, Хачатуряна и Шостаковича. Нынешний директор специальной школы-десятилетки им. Гнесиных Зиновий Исаакович Финкельштейн¹² был в те годы уже весьма тех-

нически подвинутым студентом. Он получал пьесы концертного плана — Скерцо b-moll и Этюд cis-moll op. 10 № 4 Шопена, Рапсодию h-moll op. 79 Брамса, упоминавшийся уже Этюд Шлецера Es-dur.

Другой способный студент, Николай Фурер, при мне переиграл очень много сочинений и тем самым невольно расширил мой кругозор. В классе всегда присутствовало несколько человек, а часы наших занятий совпадали. Он прошел с Еленой Фабиановной ряд прелюдий и фуг Баха, Сонаты Бетховена № 6, 12, Blumenstück Шумана op. 19, Этюды op. 10 № 9 и op. 25 № 1 и 9, Экспромты Ges-dur и cis-moll Шопена, Этюды-картины Рахманинова op. 33 № 4 и op. 39 № 4, транскрипции Листа на темы «Риголетто» и «Тангейзера» (марш). Список указанных здесь сочинений далеко не полон, но и он характеризует широту педагогического и концертного репертуара учеников Елены Фабиановны.

Занимались в классе Елены Фабиановны в ту пору еще и композиторы: Вера Герчик, Сергей Разоренов, Михаил Душский, Константин Макаров-Ракитин¹³. Последние двое погибли во время Отечественной войны.

Очень педантично следила Елена Фабиановна за точностью аппликатуры. «Разве можно бас брать третьим пальцем? Все переучивай!» — говорила она одной ученице. И мне перепало много критических замечаний. «Поднимай пальцы энергично, следи за движением голосов в этой инвенции, учи Баха по голосам», — часто слышалось на уроках.

Как-то раз Елена Фабиановна дала мне учить цикл пьес Грига op. 43, которые показались мне слишком скромными и невыигрышными для концертного исполнения. Когда я сказал об этом, Елена Фабиановна заметила: «Сергей Васильевич Рахманинов очень ценил этот цикл Грига и считал, что это одно из лучших его сочинений, а ты не хочешь их играть, я тогда дам эти пьесы Араму Татулову, он их с удовольствием исполнит в нашем отчетном концерте». Зато сердце переполнялось радостью, когда я слышал одобрение нашей учительницы после исполнения мной на вечерах Сонаты Бетховена Es-dur op. 7 или Новеллетт Шумана op. 21 № 1 и 5. Я должен прямо сказать, что Елена Фабиановна привила мне любовь к Шуману, а позднее я оценил, конечно, и «сердитого» Бетховена.

Елена Фабиановна любила музыку Мендельсона, к его «Песням без слов» питала явную слабость. Она считала, что на них может быть выработан хороший, мягкий звук для кантилены, пения на фортепиано, после чего можно уже переходить к пьесам высшего класса — к произведениям Шопена. Мне пришлось переиграть очень многие из этих «Песен», выдерживая порой бурную и строгую критику Елены Фабиановны. За это я безмерно ей благодарен. Она научила нас, ее учеников, работать, и каждый, в меру своих сил и способностей, нашел свое место в музыкальной жизни.

Жизнь, отданная музыкальным учебным заведениям

Мое знакомство с Еленой Фабиановной состоялось в январе 1929 года. Я очень хорошо помню эту первую встречу с ней, встречу, определившую всю мою дальнейшую жизнь.

В этот день в небольшом концертном зале, носившем название «Моцартовского», при Московском театре имени Станиславского, был концерт студентов Музыкального техникума имени Гнесиных, директором которого была Елена Фабиановна. В антракте преподавательница сольного пения этого техникума Екатерина Федоровна Цертелева¹ представила меня Елене Фабиановне и рекомендовала для поступления в техникум.

Елена Фабиановна согласилась прослушать меня. Она показалась очень суровой, и, когда я шла на прослушивание, мне, признаться, было страшновато. Голос мой в то время был полон разных вокальных недостатков, и легко могло случиться, что я не понравлюсь Елене Фабиановне. Но с февраля 1929 года я была зачислена в техникум в класс Ольги Федоровны Федоровской².

Года через полтора Елена Фабиановна начала включать меня в состав концертных групп, ставила меня в программы отчетных концертов, которые проходили в различных концертных залах Москвы.

Я помню, что наши путешествия неизменно вызывали веселую реакцию многочисленных прохожих, когда человек 15 студентов вместе с Еленой Фабиановной усаживались в трамвай на Арбате, и она перечисляла всех нас по именам, волнуясь, не отстал ли кто-нибудь.

Елена Фабиановна всегда очень беспокоилась о том, чтобы студенты были тепло одеты, сыты. Доброта Елены Фабиановны была просто безгранична. (Зная это, некоторые, зачастую, вводили Елену Фабиановну в заблуждение.) Но в отношении музыки, исполнительства, Елена Фабиановна была исключительно строга и требовательна. Обладая отличным слухом, она не прощала малейшей неточности интонации, сердилась, когда забывали слова, требовала выразительности, динамической нюансировки. Эта требовательность и строгость способствовали тому, что выступления воспитанников техникума всегда отличались не только высоким уровнем исполнительства, но и точностью, музыкальностью.

В 1932 году я окончила училище, и Елена Фабиановна предложила мне вести в нем класс сольного пения. «Я даю вам пять учеников, — сказала Елена Фабиановна, — они все имеют хорошие музыкальные способности, а голоса им должны сделать вы». Эти ученики, действительно, имели хорошие музыкальные способности, но голоса их оставляли желать много лучшего. Так с сентября 1932 года началась моя педагогическая деятельность.

В течение первых трех лет моей педагогической работы Елена Фабиановна поднималась ко мне в класс вместе с каким-либо из наших самых почтенных преподавателей сольного пения и сама принимала экзамены по специальности у моих учеников. Она как бы «выдерживала» меня в эти годы, проверяла меня, да и себя — не ошиблась ли в выборе педагога. Проводя эти первые экзамены моего класса в более скромной (классной) обстановке, она давала мне возможность привыкнуть к своей новой роли, обрести уверенность и опыт. Только на четвертом году преподавания, когда мои студенты переходили на предпоследний курс (обучение было пятилетним), Елена Фабиановна разрешила экзаменовать мой класс вместе со всеми другими классами вокального отделения.

Сейчас, оглядываясь на прошлое, я вижу, как мудро, как педагогично поступала Елена Фабиановна. Очень хорошо зная всех учащихся, зорко следя за их развитием, она точно определяла их будущее, профессиональные возможности и заранее намечала кандидатов для пополнения педагогических кадров училища. Так осуществлялась преемственность поколений, что всегда является основой для создания настоящих профессиональных школ, способствует сохранению традиций, движению учебного процесса вперед, обновлению педагогического состава. К

сожалению, привлечение к работе в учебные заведения гнесинских выпускников училища кое-кто рассматривал, как «семейственность», придавая этому слову негативный смысл.

Начиная с того же 1932 года моя концертная деятельность проходила совместно с Ф. Е. Витачеком³. Его блестящий пианизм, тонкое чувство ансамбля, огромная эрудиция навсегда сохранили в моей памяти то прекрасное время, когда мы выступали в концертах, исполняя весьма разнообразный репертуар — от Вагнера до современных композиторов.

Во время войны я целый год была в эвакуации и вернулась в Москву в июле 1942 года. Елена Фабиановна выезжала из Москвы лишь на короткое время и уже в середине первой военной зимы возвратилась из Казани в Москву. У всех на памяти было ее путешествие пешком от Казанского вокзала до Арбата. Нужно было иметь волю, чтобы при больных ногах совершить эту «прогулку». Находясь тогда в Ташкенте, я переписывалась с нею. Она прислала мне вызов, по которому я смогла вернуться в Москву и с сентября месяца приступить к занятиям.

В Москве тогда жилось трудновато, и я помню, как очень часто за утренним завтраком Елена Фабиановна пила чай с сахариновым сиропом и ела подсушенный в «голландке» черный хлеб. Свой паек она целиком отсылала Михаилу Фабиановичу и Елизавете Фабиановне, которые в то время еще находились в эвакуации. Постепенно вопрос с питанием наладился. Елена Фабиановна стала получать хороший паек, которым щедро делилась с многочисленными друзьями и учениками.

В октябре 1944 года, когда открылось еще одно учебное заведение имени Гнесиных — Музыкально-педагогический институт, — Елена Фабиановна поручила мне подыскать кого-либо на должность декана вокального факультета. Заведовать кафедрой сильного пения согласился профессор Николай Иванович Сперанский³, а декана еще не было. Я начала переговоры с несколькими весьма подходящими для этой работы людьми, но так получалось, что либо Министрство не соглашалось, либо кандидаты сами почему-либо отказывались. И вот однажды Елена Фабиановна сказала мне, что она нашла кандидата на место декана вокального факультета. На мой вопрос, кто же это, она сказала: «Вы». Я в ужасе ответила, что никогда такой работой не занималась, что у меня нет ни малейшего опыта. На это она мне возразила: «Я тоже никогда не была директором музыкального вуза». Мои дальнейшие сопротивления ни к чему не привели.

Новая работа еще теснее связала меня с нею.

Елена Фабиановна была исключительно трудолюбива и трудоспособна. Кроме своих директорских обязанностей, она вела громадную общественную работу, была депутатом Моссовета. Телефон в ее кабинете, как мне кажется, работал почти непрерывно. Когда она ложилась спать, телефон переносили в спальню к ее дивану, так как она звонила по разным делам и поздно ночью, и очень рано утром.

Она была образцом доброжелательного, ровного отношения к людям, независимо от масштаба их работы, их служебного положения, образцом терпимости, душевности, желания всегда помочь, всякого поддержать. Отзываясь на любую просьбу, стремясь помочь любому просителю, Елена Фабиановна никогда ничего не просила для себя. Настоящая «бессребреница», она не имела никаких собственных материальных ценностей, не стремилась к каким-либо приобретениям. Все ее материальные заботы были связаны только с ее детищем. Для него она работала всю свою жизнь, для него она добивалась помещений, средств, общежития, воспитывала кадры музыкантов и старалась как можно выше поставить дело музыкального образования.

Нельзя переоценить ее вклад в дело культурного развития молодежи. Нет такого уголка в нашей стране, где бы не работали «гнесинцы», где бы и теперь не произносили с чувством глубокого уважения, благодарности и любви имя Елены Фабиановны Гнесиной.

Мои воспоминания

Все, кто знал Елену Фабиановну, помнят: она всегда светилась какой-то внутренней духовной красотой. Несмотря на преклонные годы, на тяжкую болезнь, лишившую ее возможности самостоятельно передвигаться, эта женщина до конца своей долгой прекрасной жизни сохранила неиссякаемую бодрость духа и завидную энергию. Она сумела привить своим музыкальным «детям», «внукам» и «правнукам» не только благородный вкус, любовь к искусству, но и сознание гражданского долга: музыкант, какой бы он ни был специальности, обязан нести музыку в массы, прививать высокий эстетический вкус, он не может и не должен быть узким жрецом своей профессии, он обязан быть гражданином с широким культурным кругозором, сознавать свою ответственность перед обществом, перед народом. Такова гнесинская школа жизни и искусства. И учениками этой школы, рассеянными по всей нашей необъятной стране, по праву считают себя не только пианисты, но и композиторы, и музыковеды, и исполнители всех специальностей — все, кто имел счастье учиться в учебных заведениях имени Гнесиных, находиться в «гнесинской атмосфере», общаться с Еленой Фабиановной.

Безграничны были ее доброта и отзывчивость, за что она была горячо любима. Я с благодарностью помню, с каким вниманием и как заботливо отнеслась Елена Фабиановна ко мне, когда в 1949 году я был в числе других педагогов несправедливо уволен из Московской консерватории¹. Елена Фабиановна сумела тогда отстоять меня, и я продолжал работать на кафедре истории музыки Института им. Гнесиных. И еще один факт, которого я никогда не забуду. Когда институт хлопотал перед ВАКом о присвоении мне и группе других педагогов звания профессора (по совокупности работ) и ВАК ответил отказом, ссылаясь на отсутствие докторской степени, Елена Фабиановна приняла в этом самое горячее участие, писала письма, звонила по телефону. Неоднократно она говорила со мной на эту тему, считая несправедливым формальный подход к данному вопросу².

Еще всплывают воспоминания... Два или три лета Елена Фабиановна проводила в Рузе, в Доме творчества композиторов. Жила она в четвертой даче, расположенной против дороги, спускающейся к Москве-реке. Эту дачу мы так и называли «дачей Елены Фабиановны». Не имея возможности ходить, она сидела у окна на просторной террасе и с интересом наблюдала за жизнью Дома. Несмотря на весьма преклонный возраст, она интересовалась всем, что происходит вокруг: кто сейчас находится в Рузе, кто, как и чем живет. Я неоднократно навещал ее на этой даче, иногда заходил ненадолго по пути к реке, иногда приходил к ней специально. Мы беседовали на разные темы: о музыке, о жизни института, о многом другом. Помню, однажды она прочла мне свое стихотворение, посвященное Рузе, Дому творчества. Речь шла о плохой погоде (это лето как раз было очень дождливое), о столовой, о дачном быте. Стихи были наполнены добродушным юмором, свойственным Елене Фабиановне³. Глядя на ненастную погоду, на затянутое тучами небо и нудно морозящий дождь, Елена Фабиановна шутя говорила: «Это космонавты продырявили небо».

Часто мне доводилось посещать Елену Фабиановну в ее московской квартире. Елена Фабиановна делилась своими воспоминаниями о своих учителях Сафонове и Бузони, о Танееве. Забавно она рассказывала о встрече с П. И. Чайковским: со свойственной молодости быстротой она бежала по лестнице консерваторского вестибюля, а навстречу ей шел Чайковский. Торопясь, она с размаху налетела на него, а когда увидела, кто перед ней стоит, обомлела. Петр Ильич ее успокоил. Единственным результатом этого столкновения было то, что у него слетело пенсне⁴.

Со смехом, с юмором Елена Фабиановна рассказывала о том, как однажды получила письмо по адресу: «Гнесинская площадка, собачий техникум». Когда об этом узнал Танеев, он, по ее выражению, «держался за животик» от хохота и не мог успокоиться.

В моей домашней фонотеке есть пластинка, на которую записан рассказ Елены Фабиановны о «Песнях без слов» Мендельсона. Рассказ этот сопровождается звучанием мендельсоновских «песен», исполненных Л. Б. Булатовой⁵. На той же пластинке записаны детские пьесы самой Елены Фабиановны (фортепианные и скрипичные) в исполнении учащихся Музыкальной школы-семилетки и Средней специальной музыкальной школы-десятилетки им. Гнесиных. При прослушивании этой пластинки предо мной воскресает, как живой, образ Елены Фабиановны, ее голос, ее манера интонировать слова, ее медленная спокойная речь⁶.

Вспоминается знаменательная дата 15 февраля — день основания музыкального училища. Традиция ежегодно отмечать эту дату на дружеских встречах педагогов, сотрудников старых и молодых, выпускников, окончивших в разные годы институт, училище и школы, десятилетиями неизменно сохранялась. С каким энтузиазмом, бурными аплодисментами весь коллектив встречал появление Елены Фабиановны в зале. В прежние годы ее вели с двух сторон под руки, а в последнее время везли в кресле, с которым она уже не расставалась. И ныне, несмотря на то, что Елены Фабиановны нет с нами, эта дата, 15 февраля, является для всех нас священной, и вечера эти, встречи продолжаются. На них как бы незримо присутствует Елена Фабиановна, ее светлый образ, как некий символ, встает в памяти присутствующих, и ее имя не сходит с уст выступающих.

Я свято и бережно храню фотографию, подаренную мне во время одного из моих посещений. Елена Фабиановна сидит в своем кресле и держит возле уха телефонную трубку. Под портретом ее собственноручная надпись: «Дорогому Борису Вениаминовичу, я в разгаре утренних телефонных разговоров». Под ее подписью стоит дата: 2 сентября 1965 года.

Мы все, знавшие Елену Фабиановну, сохраняем светлую память о ней и глубокую благодарность за все, что она сделала для нашей музыкальной культуры.

Мои воспоминания

Мне трудно представить себе свою жизнь, особенно детство и юность, без школы Гнесиных, без дома на Собачьей площадке. Я мысленно прослеживаю весь мой путь, начавшийся в 30-е годы, когда маленькой девочкой я впервые пришла в Гнесинскую школу и почувствовала себя в совершенно новом мире, необыкновенно привлекательном и немного пугающем своей серьезностью, значительностью. Это был для меня действительно настоящий «храм» музыки. Позже он стал близким, понятным, очень любимым, но ощущение высокого, чистого, большого осталось навсегда.

Все старые «гнесинцы», конечно, хорошо помнят дом № 5 на Собачьей площадке. Как каждый дом, он отражал вкусы, характер, интересы тех, кто в нем жил. Скромная, простая мебель, исключительный порядок, чистота, всегда до блеска натертые полы, большое количество цветов. Уютные кабинеты Елены Фабиановны, Евгении Фабиановны и Ольги Фабиановны, заставленные книгами, нотами, увешанные картинами и портретами. В памяти живет каждый уголок старого особняка. Для тех, кому не довелось там бывать, мне хотелось бы воспроизвести его интерьер 30—40-х годов (до того, как было выстроено здание на улице Воровского). Думаю, что все, кто там бывал, с удовольствием еще раз пройдут со мной по зданию школы, поднимутся от входной двери по деревянной лестнице через прихожую и пойдут дальше по залу, классам, коридорам, по узким лестничкам вверх и вниз, вспомнят предметы и обстановку этого дома. В прихожей, слева от двери, стоял диван со спинкой, над которым висело зеркало в фигурной раме с прикрепленным к ней столиком. Напротив двери — изразцовая печь (возле нее обычно сидела нянечка, тетя Лина, очень опрятная и строгая на вид). Направо шла узкая лестница вниз, в подвал, где находился гардероб, в него можно было попасть и со двора, с черного хода. Большая двухстворчатая дверь, всегда открытая, соединяла прихожую с проходной комнатой, служившей одновременно и канцелярией. В ней стоял стол (слева у окна) секретаря школы — Анфии Аполлоновны Ивановой¹ (без нее, так же как и без тети Лины, картина была бы неполной). Прямо, напротив входа, такая же большая двухстворчатая дверь вела в зал; с правой стороны, сразу при входе в канцелярию, были еще две двери: первая — в кабинет Евгении Фабиановны (позже Елены Фабиановны), вторая — в малюсенький, полутемный коридорчик с вешалкой для педагогов (иногда, по воскресеньям, когда шла подготовка к классным вечерам или другим торжествам, мы, ученики, также раздевались здесь, так как нижний гардероб бывал закрыт).

Коридорчик переходил в следующий, совсем темный. Он в свою очередь вел в довольно просторную комнату-библиотеку с привычной фигуркой Инны Викторовны Култашевой². Библиотека была смежной с залом и с еще одним большим классом с двумя роялями; направо по коридору, в глубине, располагались кабинеты-классы Елены Фабиановны и Ольги Фабиановны и жилые комнаты Гнесиных: столовая, две совсем маленькие комнаты Ольги Фабиановны, общая спальня Евгении Фабиановны и Елены Фабиановны; кухня помещалась внизу, в подвале. Из этого же коридора шла узкая, крутая, со стертymi ступеньками лестница на второй этаж, где было несколько небольших комнат-классов с низкими потолками и голландскими печами. Во всех классах стояли один или два рояля (почти все рояли в школе были фирмы «Бехштейн»), здесь проходили занятия по специальности, нередко мы здесь репетировали, разучивали ансамбли. В начале 30-х годов на втором этаже находилась еще и комната Ольги Фабиановны.

Наиболее ярко врезался в память зал школы. В то время он казался мне очень большим (позже я обнаружила, что он не такой уж большой, да и вообще все помещение школы через много лет заметно «уменьшилось»). В обычные дни в нем проходили занятия по сольфеджио, теории, хору, и зал становился обыкновенным классом. Во время же ученических вечеров и экзаменов он терял свою будничность и выглядел необыкновенно торжественно и нарядно: вы-

сокий потолок, большая люстра, окна, занимавшие почти все переднюю и левую стены, множество цветов, портреты композиторов в красивых рамах. Столы, за которыми мы писали и пели с листа, сдвигались к стене и устанавливались стулья. С левой стороны сидели педагоги, с правой — мы. Учеников вызывала по списку и объявляла программу каждая заведующая фортепианным отделом Валерия Александровна Стрельбицкая³. Сюда попала я в первый раз на приемный экзамен.

«Гнесинская» атмосфера царила не только на вечерах и концертах, ею была пропитана вся жизнь школы. Педагоги, большинство из которых — воспитанники училища, несли в себе особый «заряд», полученный ими за время учебы. Он проявлялся по-разному в зависимости от способностей, темперамента, индивидуальности каждого, но он обязательно присутствовал во всем: в занятиях с учениками, в отношении к музыке, своему делу, — в нем заключалась большая музыкальная и человеческая культура, составляющая одну из главных черт Гнесинской школы.

Моей первой учительницей была ученица Елены Фабиановны Надежда Николаевна Малютина⁴. С ней связаны мои первые воспоминания о школе. Запомнился ее рассказ о том, как она готовила свою выпускную программу перед окончанием училища. По тогдашним правилам каждый выпускник должен был выучить какую-то часть программы самостоятельно. Надежда Николаевна заболела и не могла ходить на уроки. Ее это очень удручало, так как срок экзамена приближался. Каковы же были ее удивление, радость и благодарность, когда Елена Фабиановна сама явилась к ней домой, прослушала всю программу и даже в виде исключения, чтобы ободрить свою ученицу, попросила ее сыграть и то, что она приготовила самостоятельно.

От своей учительницы Н. Н. Малютина унаследовала чрезвычайно серьезное и любовное отношение к своей работе, требовательность к себе и к ученикам, интерес к их жизни и их работам, к воспитанию в них музыкального вкуса. Помню, как Надежда Николаевна тщательно готовила с учениками программы к классным вечерам, как волновалась за нас, как важно было для нее одобрение ее бывшего наставника, любовь и глубокое уважение к которому пронесла она через всю свою жизнь.

Оглядываясь назад, я думаю, что и все другие педагоги школы чувствовали на себе зоркий, строгий, но всегда дружеский взгляд Елены Фабиановны, которая не только требовала, но и помогала своим бывшим ученикам.

Гнесинские традиции унаследовала и другая моя преподавательница, также ученица Елены Фабиановны, Елена Васильевна Давыдова. В те годы она вела сольфеджио в младших классах. От Елены Фабиановны шло ее живое и творческое отношение к педагогике. В ее уроках все было направлено на пробуждение инициативы ребят, их творческого воображения, полностью отсутствовали натаскивание, сухой догматизм. Те же черты мне приходилось наблюдать много лет спустя на уроках сольфеджио у другого педагога школы, Софьи Федоровны Запорожец⁵. Она вела их по-своему, но и в них была та же «гнесинская» полная отдача, увлеченность, живой интерес, серьезное, по-настоящему профессиональное отношение к делу, любовь к детям, высокая культура проведения занятий, — словом, те качества, которые можно определить словами «гнесинская школа», качества, незаметно впитавшиеся за время пребывания в «гнесинских» стенах и оставшиеся на всю жизнь, та особая «закваска», которая отличает всех истинных «гнесинцев».

А сколько радости доставляли нам юбилеи школы и приготовления к ним! День 15 февраля был нашим всеобщим праздником, его ждали, к нему задолго готовились: делались рисунки, сочинялись стихи, музыка, разучивались песни и даже целые оперы. Они затем повторялись много раз и неизменно проходили с большим успехом. Исполнители, конечно, получали не меньшее удовольствие, чем зрители. Разумеется, все это играло большую роль в музыкальном развитии детей и имело огромное воспитательное значение. Не менее важно было и то, что школа становилась родным, любимым домом. Елена Фабиановна была и вдохновителем, и инициатором, а часто и самым непосредственным участником всех событий, в том числе и детских праздников. Вспоминаю Елену Фабиановну на детском карнавале в костюме Весны⁶.

Через несколько лет занятий у Н. Н. Малютиной меня взяла в свой класс Ольга Фабиановна. Вот тогда-то я узнала ближе и Елену Фабиановну. Их классные комнаты были рядом, общение

учащихся — тесным. Мы вызывали друг друга на соревнование, следили за работой и успехами соседнего класса. При подготовке к классным вечерам Ольга Фабиановна иногда просила Елену Фабиановну прослушать учеников. Мы, конечно, волновались, но строгая и взыскательная Елена Фабиановна умела веселой шуткой «разрядить атмосферу».

Бывало и так, что замечания Елены Фабиановны не совпадали с замечаниями Ольги Фабиановны. Сестры иногда расходились в трактовке какого-то произведения или отдельного его момента. Если ученица начинала на уроке: «А Елена Фабиановна говорила...», — Ольга Фабиановна сердилась и требовала, чтобы выполнялись ее указания. Расхождения в трактовке были естественны — Елена Фабиановна и Ольга Фабиановна были музыкантами в чем-то разными. Различались и их педагогические методы.

Ольга Фабиановна, несомненно, очень тонкий музыкант, придавала больше значения отдельным деталям произведения. Это приучало учеников вслушиваться и выверять каждую ноту. Но, заботясь о том, чтобы ни один звук, ни один палец «не вылезал», мы иногда переставали ощущать целое. Когда же вещь была уже готова, Ольга Фабиановна слушала необычайно эмоционально и заражала учеников своим горением.

Елена Фабиановна мыслила более масштабно, исполнительское искусство, к которому она стремилась, было ярким, броским, концертным. Внимательно следя за всеми деталями текста, за выразительностью фразировки, она заставляла ученика почувствовать произведение в целом, выделить в нем основное, умела сразу найти главное, что необходимо для достижения цели; нередко одно какое-нибудь ее замечание, один показанный прием ставили все на свои места. Авторитет Елены Фабиановны был очень высок. Мне кажется, что ни один ученик не мог прийти к ней с невыученным уроком — это было просто невозможно.

Елена Фабиановна часто бывала у нас. Приход ее в наш дом был для меня большим событием, я очень волновалась, но она держалась просто и непринужденно. С интересом рассматривала Елена Фабиановна нашу детскую библиотеку, проявляя отличное знание этой литературы, говорила о книгах, спрашивала о самых любимых. Все сестры Гнесины знали множество литературных игр, и нам, детям, бывало с ними интересно, весело и легко.

Беспредельная доброта Елены Фабиановны иногда доходила до курьезов. Она необычайно легко раздавала и раздаривала все, что имела, не придавая никакого значения вещам и материальным благам. Она тут же забывала о том, что и кому отдавала, вероятно, и брать от нее было легко — она уверяла, что ей совсем не нужна эта вещь, и она давно собиралась ее кому-нибудь подарить. Ольга Фабиановна рассказывала мне, что, вернувшись после эвакуации, она не обнаружила очень многого из их имущества, бесследно исчезли многие личные вещи Елены Фабиановны. Но Елена Фабиановна решительно не могла вспомнить, о чем идет речь. И только когда Ольге Фабиановне удавалось, скажем, разыскать фотографию, на которой Елена Фабиановна была в одном из исчезнувших своих туалетов, она вспоминала, что у нее действительно была такая вещь и она кому-то ее подарила. Если ей удавалось припомнить кому, она добавляла: «Ей совсем нечего было носить» или: «Ей эта кофточка очень понравилась».

Моя мать любила вспоминать эпизод, о котором ей поведал бывший студент гнесинского училища. Однажды Елена Фабиановна обратила внимание на его весьма запущенный вид: он был небрит, оброс. Елена Фабиановна остановила его, и после ее расспросов студент со смущением признался, что ему приходится довольно туго. Елена Фабиановна тут же вынула из кармана деньги и велела прежде всего пойти поесть, а затем постричься. Это всего-навсего один из примеров, а их было множество. Скольких учеников лишь на моей памяти Гнесины кормили, особенно в трудные годы! Елена Фабиановна всегда как-то узнавала, кто нуждался, кому требовалась помощь. Она добилась того, чтобы наиболее одаренным ученикам школы выплачивали стипендии — случай беспрецедентный, так как в школе (музыкальных десятилеток в то время еще не существовало) стипендии не полагались. Здесь, как и во всем, проявилась ее инициатива, энергия, забота о развитии талантливых учащихся.

Доброта была семейной чертой Гнесиных. На редкость чутким, деликатным и добрым был Михаил Фабианович. Он очень многим помогал. Рассказывали, что, будучи заядлым курильщиком, он в самые тяжелые времена отдавал ученикам свой последний табак. Я уже говорила, что очень доброй была и Ольга Фабиановна. Ни одно наше классное собрание не проходило без сладостей, подарков, беспроигрышной лотереи. На все концерты школы Ольга Фабиановна

приходила с сумкой, всегда переполненной леденцами и карамелями. Она кормила ими и выступавших, и слушавших. Любила побаловать учеников и Евгения Фабиановна: после спевки и выступлений хора она угощала нас. Все это мелочи, но они врезались навсегда в детскую память.

О периоде пребывания Елены Фабиановны в Елатье во время войны, кратковременном, но трудном и волнующем, знают, вероятно, только те, кто в это время там был.

В июле 1941 года группа детей музыкальной школы во главе с педагогами Е. В. Давыдовой и М. С. Кушенской⁷ совместно с районной общеобразовательной школой была вывезена под Касимов в село Елатьму. Там, несмотря на тревожное время, педагоги с настоящим гнесинским энтузиазмом открыли музыкальную школу. Желающих учиться оказалось много, местные ребята повалили в Дом культуры, где разместилась школа.

В конце лета в Елатьму приехали Елена Фабиановна, Елизавета Фабиановна, Фабий Евгеньевич и Елизавета Тимофеевна. Все сразу включились в работу. Никого не смущал ни разбитый рояль, ни отсутствие привычной обстановки. С радостью вспоминаю я свои уроки с Еленой Фабиановной. К сожалению, они продолжались недолго. Но и за то короткое время я многому научилась и в пианистическом, и в музыкальном отношении. А главное, Елена Фабиановна сумела заставить меня поверить в свои силы, захотелось трудиться, добиваться результатов.

Кроме индивидуальных занятий, наши педагоги организовали хор. Мы даже готовили концерт — помню, что мы разучивали известную песню Дунаевского из кинофильма «Вратарь». Дирижировала хором Елена Фабиановна, заражая нас своей энергией и жизнерадостностью.

Здесь, в Елатье, мы сначала не очень ощущали войну. Стояло теплое лето. Кругом мирно зеленели леса и луга. Мы были сыты, гуляли по живописным берегам Оки и ее окрестностям, занимались музыкой, и казалось — это обыкновенный летний лагерь. Трудно было себе представить, что где-то недалеко идут кровопролитные бои за нашу Родину. Однако вскоре до нас докатилась страшная весть: враг стоит почти у самой Москвы. Встал вопрос о переправке школьников дальше, в глубь страны. Мы оказались в Куйбышеве.

Узнав, что Елена Фабиановна вернулась в Москву из Казани, мы отправили ей небольшую продуктовую посылку. У меня сохранились письма Елены Фабиановны, они передают обстановку и настроение тех лет. В каждой ее строчке сквозят забота, ласка, участие, и в каждой строчке, конечно, видна сама Елена Фабиановна. Приведу одно из ее писем (с небольшими сокращениями).

[Москва] 10/III — [19]42

Милая моя Аничка!

Вчера мне передали Ваше письмо и посылку, которая меня очень обрадовала и за которую я очень благодарю. Мы здесь живем довольно плохо, ничего нельзя купить, так что все пришлось очень кстати, особенно сахар и чай. И сушам я обрадовалась и белой муке, т. к. я живу одна, сестер моих нет. Вот поэтому я и рада вашей посылке.

Наше училище работает, а школа закрыта и пока еще не разрешают ее открыть. Думаю, что до окончания войны навряд ли будут свободно пускать в Москву...

Я прожила со своими в Казани 2 месяца, а теперь уже полтора месяца нахожусь в Москве. Из Казани мне очень трудно было выехать, а когда я приехала в Москву, то мне пришлось с Казанского вокзала до дому идти пешком. Но это обошлось благополучно, я себя чувствую неплохо... Т. к. мне нечего вам послать, то, может, вам доставят удовольствие карточки. Целую крепко тебя, маму.

Твоя Ел. Гнесина

В последние годы своей жизни Елена Фабиановна была, к сожалению, прикована к креслу. Для нее, такой живой, энергичной, это было, конечно, большим ударом, но и в эти годы никто никогда не видел ее удрученной, подавленной. Болезнь и старость не сломили ее мужества, воли, желания работать, быть полезной. Да и само слово старость не вязалось со всем ее обликом. Она всегда была подтянута, всегда «в форме»: причесана, со вкусом одета. Ее никогда нельзя было застать врасплох, с самого утра она была готова к рабочему дню. И в свои 93 года, до самых последних дней она оставалась молода душой, сохранила удивительно ясную голову и

прекрасную память. Она никогда не умела жалеть себя, часто работала, забывая об обеде и сне. И в последние годы, как и раньше, двери ее квартиры были открыты для всех. Помню, как сердилась Ольга Фабиановна на то, что Елена Фабиановна не могла отказать никому в приеме. Люди иногда злоупотребляли ее добротой, обращаясь к ней по пустякам, не считаясь с ее занятостью, но она даже как-то стеснялась, если, например, ее заставляли за едой. Не могу припомнить, чтобы она когда-нибудь отдыхала днем.

Не знаю, разрешала ли она себе предаваться грустным мыслям, во всяком случае никогда не высказывала их вслух. А между тем ей ведь пришлось многое пережить — потерю близких людей, сестер и братьев. Мужественно и стойко пережила она и смерть Ольги Фабиановны, самой младшей из сестер, которую, в сущности, сама воспитывала, была и ее учительницей музыки. Ольга Фабиановна рассказывала, что Елена Фабиановна была крайне строга в начале своей педагогической деятельности, в том числе и по отношению к ней. Ольга Фабиановна только случайно узнавала от знакомых, что ее учительница довольна тем, как она играла фугу Баха или еще какое-нибудь произведение, сама же Елена Фабиановна никогда ее не хвалила. Ольга Фабиановна считала, что позднее Елена Фабиановна стала значительно мягче в работе с учениками. Насколько я помню, Елена Фабиановна не была особенно щедра на похвалы, но она всегда умела подбодрить, вселить уверенность в ученика.

Елена Фабиановна и Ольга Фабиановна почти всю жизнь были неразлучны, жили под одной крышей и расставались ненадолго только летом. В последние годы они проводили нередко вместе и свой отпуск. Как-то я навестила их в Архангельском, в санатории. Ольга Фабиановна любила это живописнейшее место и отдыхала здесь много раз со своим мужем, генералом Д. К. Александровым⁸, ученым-химиком, а после его смерти и одна. Любила она приезжать сюда и в обычные дни на несколько часов ради прогулки, когда выдавалось свободное время. В то лето они занимали две просторные комнаты, перед которыми была большая открытая терраса. И Елена Фабиановна, и Ольга Фабиановна были не очень здоровы, не могли делать долгие прогулки и много времени проводили у себя в комнатах. Они очень любили наблюдать за птицами, прилетавшими на террасу, кормили их, знали их повадки, узнавали некоторых «в лицо» и даже рассказывали мне об их семейных отношениях и их характерах. Любовь к животным была вообще свойственна всем Гнесиным. В их доме всегда жили кошки. Все старые «гнесинцы» наверняка помнят толстого и важного кота Ваську, а также кошек Ольги Фабиановны — Белку, Пчелку и других. Все помнят, конечно, замечательный аквариум Елены Фабиановны — предмет интереса всех малышей, бывавших у нее, да и не только малышей.

В отношении Ольги Фабиановны к Елене Фабиановне я всегда чувствовала не только любовь и привязанность, но и очень большое уважение и даже, я бы сказала, почтение. Елена Фабиановна была для нее педагогом, наставником.

Здесь мне хотелось поделиться некоторыми своими мыслями, касающимися всей этой необыкновенной, чудесной семьи. Каждый из ее членов был яркой личностью, и всех объединяли общие, фамильные черты, а также безграничная, бескорыстная любовь и преданность музыке, своему делу, делу всей их жизни.

Я уже говорила об их исключительной доброте, отзывчивости, умении всегда прийти на помощь. Эти качества сочетались у них с необычайной строгостью к себе и другим. Если речь шла о каких-то принципиально важных вещах, они были непримиримы. Я не раз была свидетельницей того, как не только Елена Фабиановна, но и Ольга Фабиановна, человек очень мягкий, становилась резкой, прямолинейной и требовательной, когда видела какую-то несправедливость. Они всегда были готовы бороться и отстаивать то, что считали правильным. Однако все Гнесины обладали разными темпераментами, разными характерами. Невозможно представить себе Михаила Фабиановича «вышедшим из себя». Вижу его постоянную умную улыбку в бороду, трубку, вижу улыбающиеся, либо серьезно-вдумчивые лукавые глаза. Слышу его тихий, по-особенному проникновенный голос. Он был на редкость обаятельным человеком, бесконечно мягким и мудрым. При всей своей огромной, энциклопедической образованности он оставался всегда предельно прост, скромен и застенчив.

В характере Елизаветы Фабиановны одной из главных черт являлась, как мне кажется, ее большая внутренняя дисциплинированность, собранность, логика мыслей. Такой запомнилась она мне и на занятиях, и в жизни, хотя она, как и все Гнесины, очень любила шутку, смех. Чув-

ство юмора было присуще всей семье. Все Гнесины умели так же целиком отдаваться веселью, как и своей работе. Ольга Фабиановна не раз вспоминала, какой неистощимой на выдумки была и их сестра Мария Фабиановна, к сожалению, рано погибшая.

Михаил Фабианович, Елизавета Фабиановна и Евгения Фабиановна отличались уравновешенностью и сдержанностью. Елена Фабиановна и Ольга Фабиановна были вспыльчивы, «выкипали», по выражению Ольги Фабиановны, особенно на уроках. Они не всегда умели сохранять спокойствие, когда слышали фальшивые ноты или грязь в игре ученика. Но, как все добрые люди, тут же отходили. На уроках Ольги Фабиановны и мне нередко доставалось. Но никогда не уходила я с чувством обиды, никогда у меня не зарождалось сомнение в доброте Ольги Фабиановны, никогда не была поколеблена моя любовь к ней. Елена Фабиановна также не умела быть равнодушным слушателем в занятиях с учениками.

В жизни, как и во всей своей работе, Елена Фабиановна была прежде всего деятелем. Человек очень умный, она при этом не имела ни капли житейского практицизма, безоговорочно верила людям.

Ольга Фабиановна в чем-то была более земной, ей приходилось вести хозяйственные расчеты, думать о доме, но это не мешало ей быть человеком очень увлекающимся, с чрезвычайно разнообразными интересами, с каким-то особым вкусом к жизни. Она могла с азартом играть, скажем, в настольный футбол с моим братом (игра эта тогда только появилась, и Ольга Фабиановна настолько увлеклась ею, что брат постарался найти еще один комплект и подарил его ей). А как загорались ее глаза, когда она говорила о своем любимом танце — мазурке! Вспоминаю шутки Ольги Фабиановны и ее веселые проделки, когда мы ездили на пароходе по Волге. Ольга Фабиановна обожала этот вид отдыха; она сразу молодела, оживлялась, все ее радовало. В течение ряда лет она поддерживала невинную мистификацию: почему-то пароходная команда, с которой она плавала много раз подряд, упорно принимала ее за известную исполнительницу народных песен — Ольгу Васильевну Ковалеву. Ольгу Фабиановну забавляло это недоразумение, и она не спешила его рассеять, уверяя, что всему причиной ее рязанский шушун. Вместе с детской непосредственностью была в ней и человеческая мудрость, сближавшая ее с Михаилом Фабиановичем, умение хорошо разбираться в людях, стремление понять любой человеческий поступок, широта взглядов, общая для всех Гнесиных, глубокий интеллект, образованность.

Это была многогранно одаренная семья, дружная и сплоченная. И цементировала ее, безусловно, Елена Фабиановна, обладая огромным талантом организатора, мужским складом ума. В ней было огромное человеческое обаяние. Ее остроумие, живость, находчивость, доброжелательность всегда привлекали к ней людей.

Елена Фабиановна любила детей и умела с ними разговаривать, не подлаживаясь к ним, а по-настоящему интересуясь их жизнью. Замечу, что Елена Фабиановна всегда советовала нам, молодым родителям, заниматься воспитанием детей с первых же дней их жизни. Запомнилось, как она говорила о том, что ребенок должен хорошо знать слово «нельзя». Но и здесь строгость Елены Фабиановны сочеталась с безграничной добротой. Ребята чувствовали это и отвечали ей любовью. Елена Фабиановна любила вырезать из бумаги балерин, танцоров, целые хороводы появлялись у нее из-под пальцев на глазах у изумленных ребят, умела она делать и смешных галчат с раскрывающимися клювами и многое другое. Мы никогда не уходили от нее без этих подарков.

Ярко запомнились мне и мои посещения Елены Фабиановны 31 мая в день ее рождения и 3 июня в день именин. В эти дни ее кабинет и комната буквально утопали в цветах: розы, нарциссы, тюльпаны всех цветов и размеров, но особенно много сирени — она стояла во всех вазах, кувшинах, горшках, на роялях, на столах и прямо на полу в ведрах. Елена Фабиановна обычно говорила: «У Чехова — вишневый сад, а у меня — сиреневый!» Двери ее квартиры в эти дни вообще не закрывались. В ее комнате был накрыт длинный стол, уставленный яствами. Люди приходили и уходили. Елена Фабиановна для всех находила веселые слова, добрую улыбку, ее глаза светились молодостью и умом. Такой она и осталась в моей памяти.

Она угадывала судьбы...

Когда я вспоминаю и мысленно произношу имя Елены Фабиановны, я сравниваю его со словом *музыка*. Не только потому, что она была замечательным, очень крупным музыкантом, что выработала свою школу, методику воспитания музыкантов, но и потому, что музыка была ее жизнью, целиком заполнявшей все ее существо. Елена Фабиановна и сама была как бы воплощением и гармоничности, и динамики, свойственных музыке.

Елена Фабиановна пользовалась огромным авторитетом и среди музыкантов, и среди людей, непосредственного отношения к музыке не имеющих. Многие москвичи, да и жители других городов мечтали о том, чтобы их дети получали музыкальное образование именно в доме Гнесиных, где музыке было уютно, и ребенок окружен вниманием и сердечностью.

Мое знакомство с Еленой Фабиановной произошло в 30-х годах, и обязана я этим Михаилу Фабиановичу Гнесину. Он пригласил меня принять участие в его авторском концерте, и я пришла в дом Гнесиных, чтобы выбрать репертуар для концерта и условиться о встречах и репетициях с Михаилом Фабиановичем.

Подготовив программу концерта, я приходила к автору, чтобы узнать его мнение об исполнении и услышать его критические пожелания. Об исполнении лирической части программы мы пришли к взаимному соглашению быстро. Очень трудно было с включенной в программу сложной вещью — Песней о рыжем Мотеле. Долго занимались мы и поиском интонаций, и длительностью пауз, и даже мимикой. Стилистика этого произведения очень своеобразна. Его вокальная партия совершенно необычна: это и не речитатив, и не кантилена, а именно рассказ о судьбе еврейского мальчика, сочувствие его несчастной судьбе:

И дед, и отец работали,
А чем он лучше других?!
И маленький рыжий Мотеле
Работал за двоих.

Михаил Фабианович любил вспоминать о своих встречах с музыкантами. Рассказывал он всегда исключительно интересно, живо, своеобразно. Мы сидели обычно за роялем, чередуя занятия музыкой с беседой.

Помню, как он рассказывал о замечательной певице Забеле-Врубель, с которой был в дружеских отношениях¹. При этом Михаил Фабианович сделал мне лестный комплимент, сказав, что тембр моего голоса и мой внешний облик напоминают ему Забелу-Врубель, горячим поклонником которой он был. Запомнилась деталь его рассказа о том, как Михаил Врубель создавал модели ее концертных платьев, используя очень легкие, прозрачные материалы, гармоничные по цвету, накладывая их друг на друга. И платье походило на воздушное, радужное облако. Признаюсь, что я как-то тоже попробовала повторить этот способ — сделала для своего концертного платья легкие, пышные рукава, но...

С Еленой Фабиановной в те годы я часто встречалась на концертах, которые она много посещала. Тогда в Москву приезжали крупные музыканты — Клемперер, Клейбер, Сенкар и другие. В концертном зале она всегда бывала окружена толпой музыкантов, молодежи и во время антрактов оказывалась центром их внимания.

Своего семилетнего сына Геннадия я привела к Елене Фабиановне в 1939 году². Для поступления в школу надо было пройти испытание — выяснить общее развитие, определить подвижность в игре на рояле. Тонкость и устойчивость слуха проверяли еще и на исполнении ребенком любой знакомой ему песенки.

Мы с большим волнением отправились на экзамен. Зная очень стеснительный характер моего сына, я всю дорогу уговаривала его не бояться, собраться с силами и спеть сочиненную им самим песенку погромче, не стесняясь.

Когда его вызвали в комнату, где происходило прослушивание, я осталась за дверью, успев еще раз шепнуть ему, чтобы он был смелее. Слышала, как он уверенно сыграл пьесы Гедике, как ему давали слушать отдельные звуки и интервалы на рояле, и он правильно их угадывал. Дошло дело до песенки... Она была им сочинена на стихи, первые строчки которых я помню до сих пор:

А я цветов нарвала
В лесу на бережку.
Кукушка куковала
Ку-ку, ку-ку, ку-ку.

Слушаю. Из-за двери неожиданно раздался оглушительный «ор» — это сын старался петь погромче!

После исполнения первого куплета его остановили. Я слышала, как Елена Фабиановна сказала ему:

— Ты очень хорошо и сочинил, и спел песенку. А когда-нибудь ты слышал кукушку?

— Да, слышал.

— А ты заметил, что она поет свое «ку-ку» на терцию вниз? А ты пропел свое последнее «ку-ку» чуть ли не на октаву вверх?!!

Комиссия весело реагировала на этот инцидент. Его приняли. Елена Фабиановна взяла его к себе в класс. Уроки проходили в ее личном кабинете, в милой домашней обстановке. К сожалению, занятия длились недолго — грянула война, и я эвакуировала Геню в мой родной Горький.

Вернула его в Москву в 1942 году. Елена Фабиановна снова взяла Геню под свое крылышко, помогла ему влюбиться в музыку, полюбить труд.

С большим старанием готовил он заданное ему и с нетерпением ждал дня, когда надо было идти на урок к Елене Фабиановне. Занятия были похожи на увлекательную игру. Ему было интересно. В то время он начал пробовать сочинять музыку, и свое первое «сочинение» посвятил Елене Фабиановне. Назвал он его «Хоральная прелюдия». Вот ее мелодия-тема:

Посвящаю Елене Фабиановне

Елена Фабиановна любила устраивать открытые прослушивания своих учеников. Участвовали они и в концертах, посвященных юбилейным датам училища и школы.

Помню одну из передач в студии Всесоюзного радио на улице Качалова, посвященной Елене Фабиановне. В будке радиодиффузора сидела Елена Фабиановна, и я — рядом с ней. Ведущий рассказывал о Елене Фабиановне, а мы сидели и слушали. В передаче принимали участие, как этого хотела Елена Фабиановна, два ее ученика: самый маленький — Геня и самый старший — Лев Николаевич Оборин. Геня играл «Гондольеру» Листа. Потом он говорил, что у него дрожали руки от сознания, что он выступает рядом с таким музыкантом, как Лев Николаевич³.

Елена Фабиановна давала ученикам пьесы композиторов разных стилей — Мендельсона, Листа, Шумана, Равеля, Чайковского и, конечно, Баха. Кстати, еще раз о том, как проявились и большая доброта, и заботливость Елены Фабиановны в связи с «Серьезными вариациями» Мендельсона, которые она поручила выучить Гене. Мы не могли найти заданной пьесы ни в магазинах, ни в библиотеках, ни у знакомых музыкантов. А Елене Фабиановне хотелось, чтобы Геня разучил именно это сочинение. Тогда она взяла свой большой переплетенный том сочинений Мендельсона, вырвала оттуда нужные страницы и вручила их Гене.

Я должна рассказать еще о той исключительной чуткости и выдающемся даре педагогического предвидения, которыми в высшей степени обладала Елена Фабиановна. Она первая предугадала, какое место в музыкальной жизни будет занимать Геня. Однажды в разговоре со мной она сказала, что пианистом он не будет, у него другая судьба: он станет дирижером. Так и случилось.

Шли годы. Становилось ясно, что сын должен уделять музыке еще большее внимание, что музыка должна стать его профессией. Я понимала, что дальше невозможно объединять две школы — общеобразовательную и музыкальную (в гнесинской школе общеобразовательные предметы тогда не преподавались). Предстояло переводить Геню в ЦМШ при консерватории.

Но как быть с Еленой Фабиановной? Это было для меня мучительным вопросом. Помню, я всю ночь писала и переписывала письмо Елене Фабиановне о том, как я ей благодарна, как мне тяжело брать от нее Геню. Вероятно, где-нибудь в архиве Елены Фабиановны это письмо сохранилось. Только мои слезы на нем высохли⁴.

Я знала, что Елена Фабиановна тоже тяжело переживала перевод Гени в другое учебное заведение. Она многим говорила: «У меня отняли Генечку».

Года через два мы встретились с Еленой Фабиановной на каком-то концерте. Я подошла, обняла и прижалась к ней. Как мне было приятно и радостно, что она горячо ответила на мое объятие. Больше мы ничего не говорили, все было понятно.

С чувством глубочайшей благодарности вспоминаю я встречи и общение с этим большим человеком и музыкантом.

Мы должны хранить ее заветы

Елену Фабиановну я знал уже в очень ранние годы моего детства. Впервые увидел ее, вероятно, когда мне было три-четыре года. Знал по школе имени Гнесиных, где я учился в 30-х годах. Это был поразительный дом — уютный, добрый, теплый. Для меня он стал родным домом. Здесь я занимался у Валерии Владимировны Листовой. А Елена Фабиановна, казалось, всегда была рядом. Она руководила этим домом. Ее авторитет здесь был исключительно высоким. Не только авторитет директора — авторитет музыканта. Конечно, мы, дети, это понимали по-своему. Мы знали, что она «очень важный человек», но она была проста и добра, и мы не боялись ее. Мы ее любили.

Разумеется, поскольку я не был учеником Елены Фабиановны, мои впечатления, сложившиеся тогда, были, скорее, общими. И все же роль Елены Фабиановны в моей музыкантской судьбе очень велика. Расскажу об одном эпизоде, который ярко и на всю жизнь сохранился в памяти. Эпизоде, который сыграл решающую роль, вероятно, даже во всей моей биографии, а тогда потрясем мое детское воображение.

Я должен был играть на очередном показе-вечере. Когда мы пришли на вечер, там только что кончились занятия, и нас, детей, попросили помочь подготовить зал к концерту, передвинуть в соседнюю комнату столы, расставить стулья. Это было увлекательно, и мы с жаром принялись за работу. Я вложил в нее максимум сил, интереса, воодушевления, был очень возбужден и как-то совсем отвлекся от того, что предстояло — от концерта. Когда объявили мое выступление, назвали мое имя, фамилию, я абсолютно не был к нему готов. Начал, играть и... забыл. Все забыл. Остановился. Понял: все пропало. Было невыносимо стыдно. Для меня это был конец жизни. Сейчас я убежден, что если бы тогда кто-то стал меня стыдить и в общем-то справедливо говорить о невыученном уроке, — с музыкой на этом могло бы все кончиться.

Но раздался голос Елены Фабиановны. Добрый, поддерживающий. «Ну, вот и хорошо! — сказала она, как будто ничего я не произошло. — Очень хорошо!»

Чувство полного отчаяния сменилось чувством глубочайшей благодарности. Какой педагогической чуткостью надо было обладать, чтобы увидеть тогда не просто недоигранную детскую пьеску, а катастрофу, ужасное несчастье, которое со мной произошло. Она спасла мою душу... Недоиграл... Забыл... Не кончил. Позор. Она поняла меня. Увидела мою смятенную душу. И первая подала мне руку помощи. Она меня спасла. Этого я не забуду никогда.

Музыкальную школу я кончил. Началась война. Фронт. Вот тогда-то я уже сознательно «услышал» в себе музыканта. И опять именно Елена Фабиановна помогла мне. Хлопотала о моей демобилизации. И конечно, добилась.

Дружба с Еленой Фабиановной была на всю жизнь. До последних дней ее жизни. Я навещал ее в совершенно особом, неповторимом ее кабинете. Были интересные беседы о прошлом, о настоящем и будущем нашей музыки, искусства вообще, и, конечно, о музыкальном образовании.

При различных встречах, когда приходится рассказывать о себе, я всегда начинаю с того, что учиться музыке я начал в школе Гнесиных. И реакция всегда одинакова: люди кивают головами, улыбаются — знают. Повсеместно.

Однажды, будучи в Токио, я посетил там музыкальную школу, познакомился с одним из ее педагогов, пианистом Владимиром Такеноучи. Он поделился своим заветным желанием — побывать в Москве, познакомиться с Еленой Фабиановной Гнесиной, о которой он много читал и которую высоко ценил. Мне хотелось ему помочь. И когда он приехал, я созвонился с Еленой Фабиановной. Она охотно приняла нас. Много, оживленно, как-то особенно экспрессивно беседовали молодой японский пианист и маститый советский деятель музыкального образования о музыке и педагогике. (Такеноучи говорит по-русски.) И я был свидетелем, как он был счастлив осуществлением своей мечты⁴.

Хорошо помню я замечательного музыканта и человека — Михаила Фабиановича Гнесина. Бывал на занятиях в его классе сочинения. Какие это были интересные уроки! И как далеко выходили они за пределы только композиции и даже урока! Это были уроки по Искусству в самом широком смысле слова.

В памяти моей хранится и чудесный облик Евгении Фабиановны и Ольги Фабиановны. Это были люди высочайших моральных свойств, тончайшей интеллигентности и высшей простоты!

То, что создано Еленой Фабиановной вместе с ее сестрами и братом — школы, училище и институт, — по праву носят имя Гнесиных. Это уникальные учебные заведения, которые должны беречь традиции Гнесиных и развивать их.

Имя Гнесиных стало символом неподкупной честности, смелости, глубочайшей принципиальности, бескомпромиссности. Наша задача — хранить эти заветы.

Незабываемые встречи

Чем дальше дни уходят в прошлое, тем живее вспоминаются теплый уют и старинная прелесть домика на Собачьей площадке.

Будто сейчас поднимаюсь вместе с мужем, поэтом Абулькасимом Лахути, по ступеням деревянной лестницы¹. И навстречу нам выходит, сияя приветливой улыбкой, милая наша Елена Фабиановна. А вокруг — юные лица, неугомонная жизнь, движение и звуки, звуки! Невольно возникает пушкинское:

Царица голосом и взором
Свой пышный оживляет пир...

Разве не пир искусства — эти одаренные малыши и подростки, завтрашнее украшение концертных залов, волшебники «флейт и лир»? И разве не она, Елена Фабиановна, властительница этих юных сердец, властительница строгая, но добрая? Помню, привели мы своего малыша, шестилетнего Гива².

— Хочешь приходить сюда учиться у нас? — спрашивает Елена Фабиановна.

— Нет, не хочу, — не задумываясь отвечает малыш.

— Увидим, увидим! — лукаво посмеиваясь, говорит хозяйка дома. И пока взрослые беседуют, вдруг откуда-то появляется пушистый, удивительной красоты кот. Оцепенев от восторга, малыш долго любит его, потом оба забираются под рояль, и уже немалого труда стоит увести Гива домой.

— Буду, буду приходить! — радостно кричит он на прощанье. Бывала Елена Фабиановна и у нас в доме. Целые вечера незаметно протекали за дружеской беседой, с интересом слушала наша дорогая гостья иранские и таджикские песни, рассказы Абулькасима о его родине, о боевом революционном прошлом, о соратниках.

Особенно запомнился рассказ об участнице иранского революционного движения начала нашего века Ахтар-уль-Мулюк, замечательной певице, трагически погибшей в борьбе за свободу, за справедливость.

— Вот кого бы вам воспеть! — вырвалось у Елены Фабиановны. Помолчав, поэт ответил:

— Пусть лучше о своей иранской сестре напишет моя Бану. Напишешь, Бану-джан?

Так родилось вдохновленное нашей гостьей, Еленой Фабиановной, стихотворение.

Голос Ахтар-уль-Мулюк

Песня взлетает, зовет за собой

В ясную звонкую даль.

То заструится рекой голубой,

То зазвенит, как хрусталь.

Сердцу отрада, отдых от мук —

Песня Ахтар-уль-Мулюк.

Лживое имя тебе навязали!

Нет! не «светило царей» —

Воли народной, народной печали

Верный ты соловей.

Вестник свободы, мужества друг

Голос Ахтар-уль-Мулюк.

Люди однажды запели хором,

Грозно забил барабан.

Рушился трон под народным напором,

Как ликовал Иран!
 Как разливались победно вокруг
 Песни Ахтар-уль-Мулюк!..
 Снова затоптано знамя свободы,
 Снова ярмо на плечах.
 Лейтесь, журчите хвалебные оды!
 Любит вас новый шах.
 Сладки награды из шахских рук,
 Пой же Ахтар-уль-Мулюк!
 Пела она: «Вперед, на тирана!
 Ринемся в битву вновь.
 Топчут прекрасную розу Ирана
 Душат его соловьев».
 Пела... Но оборвалась вдруг
 Песня Ахтар-уль-Мулюк.
 Нежная шея. Черные вьются
 Пряди под серой петлей.
 «Вам завещаю гимн революции,
 Песню свободы святой.
 Братья...» и замер последний звук
 В горле Ахтар-уль-Мулюк.

Более точных сведений об этой героине первых лет иранской революции моя память не сохранила. Осталось лишь глубокое трагическое впечатление от рассказа, да эти строки, написанные той же ночью.

А немного спустя, уже по велению сердца самого поэта, появилась на свет притча, посвященная жизненному подвигу Елены Фабиановны. Перевод ее был опубликован в юбилейном 1945 году, когда учебным заведениям имени Гнесиных исполнилось 50 лет³.

От последних наших встреч осталось в памяти безмерное удивление перед стойким мужеством Елены Фабиановны. Доводилось присутствовать при ее телефонных разговорах, когда она, уже прикованная к креслу, вела неутомимую борьбу за успешное строительство нынешнего здания Института им. Гнесиных⁴.

До конца жизни Елена Фабиановна не уставала делать добро. С любовью вспоминает давний друг нашей семьи, известный таджикский композитор Фируз Бахор, о заботливой ее помощи и участии в его будущей творческой судьбе в студенческие годы⁵. Самые светлые воспоминания хранит и наша дочь, музыковед Атея Гасемовна Лахути, о доме, где закладывались основы ее музыкального образования, о своей мудрой руководительнице⁶.

В числе семейных реликвий мы бережем несколько фотографий нашего незабвенного друга с теплыми сердечными надписями.

Не угаснет в наших сердцах память о выдающейся деятельнице родного искусства Елене Фабиановне, обо всей удивительной семье Гнесиных.

Мои воспоминания о Елене Фабиановне Гнесиной

В 1974 году исполнилось 100 лет со дня рождения Елены Фабиановны Гнесиной. Прошло уже более десяти лет со дня ее кончины, но все не верится, что ее уже нет среди нас. Талантливый музыкант, педагог, выдающийся организатор, она отдала всю свою жизнь, весь свой музыкальный дар развитию русской, а затем и советской музыкальной культуры.

Будучи ученицей Елены Фабиановны в Музыкальной школе, Училище и Институте имени Гнесиных я, конечно, должна рассказать об Елене Фабиановне, о принципах и педагогических основах ее работы с учениками. Некоторые свои наблюдения я систематизировала еще в своей дипломной работе. Теперь, занимаясь уже много лет преподаванием, я применяю на практике то, чему учила меня Елена Фабиановна. Я хорошо помню занятия в ее классе, и мне хочется поделиться некоторыми воспоминаниями.

На уроках Елены Фабиановны не было будней, она умела держать ученика в тонусе. Над каждым произведением работала с нами с таким энтузиазмом, что было ясно — это сочинение самое ею любимое! Елена Фабиановна умела несколькими точными словами оживить интерес к произведению, например: «...а это место Сафонов показывал так, а Бузони играл все одним третьим пальцем» (начало мелодии до-минорного ноктюрна Шопена). Сама она обычно подыгрывала ученику на втором рояле всегда наизусть, талантливо, пианистически удивительно легко, красивым туше. Поражало, как при огромной административной и педагогической загруженности она помнит и играет десятки произведений!

Кроме тщательно, «до конца» проходимых произведений, Елена Фабиановна давала много пьес для ознакомления. Они исполнялись только в классе, не выносились ни на экзамены, ни на концерты. Елена Фабиановна часто предлагала ученику самому выбрать и выучить что-либо. Я помню, как мне было задано по своему выбору выучить и принести к следующему уроку одну из «Песен без слов» Мендельсона. Я выучила № 2. Елена Фабиановна похвалила выбор, разбор и тут же открыла... № 16, потом № 18, заставив меня играть их с листа. Это тоже было в ее правилах. Елена Фабиановна считала крайне полезным много читать с листа и разбирать все пьесы того или иного сборника, из которого задано только одно произведение. Так она приучала нас читать с листа и одновременно знакомиться с большим количеством музыкальной литературы.

Вообще, вспоминая наш годичный репертуар, убеждаешься, что был он весьма обширен. Например, за учебный год 4-го класса школы мною было пройдено 14 двухголосных инвенций Баха, 39 этюдов на разные виды техники, 3 сонаты Гайдна, соната Моцарта, вариации Моцарта, 7 «Песен без слов» Мендельсона, 9 разных пьес русских и советских композиторов. Достигалось это тем, что Елена Фабиановна умела должным образом расставить акценты: одно произведение использовалось для того, чтобы рельефно раскрыть его замысел, стиль, разобрать и преодолеть характерные пианистические трудности, после чего дальнейшее знакомство с музыкой того же композитора было для ученика уже несложным.

Хотелось бы заметить, что развитие полифонического мышления являлось одной из основных задач педагогики Елены Фабиановны.

Большое внимание Елена Фабиановна уделяла воспитанию артистизма. Ученики ее много играли и на академических вечерах, и на экзаменах, и на концертах. Перед выступлением Елена Фабиановна умела создать нужное творческое настроение, поддержать уверенность ученика. Помню, как в трудное время Отечественной войны перед концертом она брала нас к себе в кабинет, чтобы разыграться, погреться и вообще настроиться. А в кабинете Елены Фабиановны действительно был «особый дух» присутствия великих людей: на стенах портреты Бузони, Скрябина, Луначарского, Рахманинова, Собинова и многих, многих других, все с автографами и теплыми, дружескими словами, адресованными Елене Фабиановне. В ее кабинете можно было встретить не только знаменитых музыкантов, но и людей самых различных профессий; пом-

ню, как читал прелестные стихи, ей посвященные, Лахути¹. Помню, как я остолбенела от восторга, увидев живого Отто Юльевича Шмидта, легендарного героя Арктики². Одним словом, побывав в кабинете Елены Фабиановны, плохо сыграть на концерте уже было бы стыдно.

После концерта Елена Фабиановна имела обыкновение всегда сначала похвалить ученика, а потом, уже на уроке, подробно разбирать недостатки выступления.

Елена Фабиановна была требовательна и к внешнему виду, и к поведению на сцене. Заранее обговаривался костюм, как выйти на сцену, как поклониться.

Не признавала Елена Фабиановна многочасовых репетиций на концертном инструменте, рассказывала, как сама выступала в неожиданно трудных условиях, когда на сцене не помещался даже стул для пианистки.

Ученики Елены Фабиановны всегда чувствовали себя на «боевом посту». Они одинаково тщательно и торжественно готовились и к выступлению в Большом зале консерватории, и в госпитале, и в агитпункте. Елена Фабиановна считала концертно-шефскую деятельность необходимой частью воспитания студента. В репертуаре обязательно было несколько произведений, которые в любой момент могли бы быть использованы в шефских концертах.

Елена Фабиановна была в курсе всех дел своих учеников. Интересовалась нашим участием в общественной жизни учебного заведения, считая воспитание патриотичности и гражданственности одной из важнейших сторон в общей системе воспитания.

Жизнью своих учеников Елена Фабиановна продолжала интересоваться и после окончания ими учебного заведения. Она внимательно следила за их работой — как концертирующих, так и занимающихся педагогикой. Например, она установила традицию отчетов своих бывших воспитанников. Я с первых же лет самостоятельной работы приводила к ней своих учеников в день ее рождения 31 мая. Последний раз это было, когда отмечалось ее 90-летие. Девять учащихся моего класса приготовили концерт из произведений Елены Фабиановны, учили они старательно, сыграли ей все наилучшим образом, и она каждого похвалила, расспросила, что учит еще, сколько вещей проходит, сколько времени занимается дома каждый день и пожелала им успехов. В последующей беседе со мной Елена Фабиановна очень метко охарактеризовала каждого ученика, дала конкретные, полезные и ценные советы.

Вообще забота и готовность Елены Фабиановны прийти на помощь стали почти легендарными. Так, в последние дни жизни, находясь в больнице, Елена Фабиановна мне сказала: «Все хорошо здесь, врачи так внимательны, так следят за мной, но одно плохо: нет телефона, не могу никому помочь, не могу заниматься делами...» Она помогала своим давно уже взрослым «птенцам» и в работе, и в личной жизни, деликатно, но твердо разрешала личные конфликты, поддерживала в трудную минуту, а когда надо было — справедливо поругивала. Была нашим наставником и другом.

Многие годы почти ежедневно общаясь с Еленой Фабиановной, мы постоянно убеждались в огромной значимости искусства в жизни нашей страны.

Мы приносим ей глубокую благодарность за великий пример жизненного подвига в искусстве.

Ей удалось объять необъятное

Трудно передать словами то чувство, которое возникает всякий раз, когда я вспоминаю Елену Фабиановну. Трудно, потому что все, что ни скажешь о ней — все будет казаться мало, да и не совсем то, что хотелось бы сказать. Это тот случай, когда слова, даже самые яркие и весомые, оказываются бледными и недостаточно выразительными.

И тем не менее мне очень хочется сказать несколько слов о выдающемся музыкальном деятеле нашей страны, о необыкновенном человеке, профессоре Ел. Ф. Гнесиной.

Жизнь Елены Фабиановны — редкий пример неустанного, подвижнического, титанического по своим масштабам служения искусству и людям. Если в медицине есть понятие «расширенное сердце», то, несомненно, таковое (но не в медицинском смысле) было у Елены Фабиановны. Широта ее сердца, щедрость ее души не знали границ. Это выразалось в ее делах, в отношении к людям. Если глубоко вдуматься в то, что ею сделано, то надо без преувеличения сказать: ей удалось объять необъятное.

По существу, ею создано уникальное в мире учебное заведение — Государственный музыкально-педагогический институт. И это наряду с существующей консерваторией! Сколько надо было иметь силы воли, мужества, настойчивости, веры, чтобы претворить свою мечту в действительность! И этот могучий дуб вырос из единого желудя — музыкальной школы, созданной когда-то усилиями сестер Гнесиных. Ныне часто говорят: «музыкальный комбинат». Музыкальные школа-семилетка, школа-десятилетка, училище, институт — разве это не комбинат? И во всех звеньях этого живого организма кипит и бурлит своя жизнь, жизнь активная и плодотворная.

А сколько «гнесинцев» давно уже работает в различных уголках нашей страны! Скромно, без лишних слов сея доброе, они с большим достоинством несут замечательные традиции, полученные «из рук» Елены Фабиановны.

Меньше всего хотелось бы мне пускаться в исторический экскурс. Да это вовсе и не нужно, ибо давно и хорошо известно, что традиции Гнесиных складывались и развивались при самом активном и благодарном влиянии таких титанов, как Рахманинов и Скрябин. Елена Фабиановна через всю свою жизнь пронесла любовь к Сергею Васильевичу. Образ гениального музыканта постоянно как бы витал в ее кабинете, где проходили занятия с учениками разных возрастов и дарований. Все стены этого кабинета-класса были увешаны редкими фотографиями, на которых пестрели автографы знаменитых музыкантов. Но Рахманинов был здесь «вне конкурса». Кто знает, может быть, мои детские впечатления от посещения Елены Фабиановны сыграли не последнюю роль в моем последующем отношении к музыке Рахманинова. Бывая у нее, в ее кабинете, я каждый раз испытывал непередаваемое ощущение причастности к чему-то очень большому и важному в жизни. Там безраздельно царствовала Большая музыка и все было подчинено ей.

Елена Фабиановна была педагогом по призванию. Но это лишь одна из многочисленных граней ее таланта. Кто из юных музыкантов не играл ее чудесные детские опусы? Свое композиторское дарование она посвятила созданию детского репертуара, на котором прекрасно воспитывается музыкальная поросль. Тонкий вкус, яркая образность, удивительное знание «адреса» сделали детские композиции Гнесиной неотъемлемой частью той музыки, с которой начинают свой путь юные музыканты.

Елена Фабиановна умела по-настоящему пропагандировать то, что она считала необходимым. Это еще одна сторона ее облика. Просветительство, в самом высоком смысле этого слова, было свойственно ее темпераментной и жизнеутверждающей натуре.

Сколько прекрасных, нужных дел сделала она за свою долгую жизнь, целиком отданную музыке! Весь смысл так называемой личной жизни для нее заключался только в служении любимому делу. Другой жизни у нее не было. И мне думается, что это закономерно. Не самопо-

жертвование, а органическая необходимость жить только так, а не иначе, была для Елены Фабиановны естественно осознанной потребностью. Жить не для себя, а для других. Помогать людям. Помогать всегда, всем, чем только возможно. Это человеческое свойство, встречающееся не так уж часто, у Елены Фабиановны выросло до легендарных размеров. Многие и многие были ею вовремя поддержаны, обласканы, утешены. Я говорю об этом и вспоминаю, как словом и делом помогала мне Елена Фабиановна в трудные для меня моменты жизни¹...

Великое спасибо ей за это!

Деятельная доброта (из воспоминаний о Ел. Ф. Гнесиной)

Это было в первые послевоенные годы. Выйдя живой из пекла войны (я была бойцом войск ПВО на Сталинградском и Втором Белорусском фронтах), я приехала в Москву доучиваться. Поступила на историко-теоретический факультет Института имени Гнесиных. Жила в общежитии, на втором этаже маленького особнячка в доме № 7 по Собачьей площадке¹.

Жилось трудно, голодно, но захватывающе интересно. Я стремилась увидеть и услышать все, что звучало тогда в концертных залах Москвы, в Большом театре, побывать во всех музеях. Исключительно притягательной для меня была вся атмосфера наступившей мирной жизни, ежедневные занятия музыкой, сознание, что учусь в Москве, «у Гнесиных», как тогда говорили.

В Институте, как и в училище, которые в те годы были почти неотделимы друг от друга, из уст в уста, от старшекурсников к младшим передавались рассказы, казавшиеся легендами, о семье Гнесиных и особенно о Елене Фабиановне: как создавалась школа, училище, институт, о замечательных гнесинских музыкантах-педагогах, о выпускниках, ставших знаменитостями. Я жадно впитывала этот своеобразный студенческий фольклор, в основе которого, как впоследствии оказалось, лежали подлинные, конкретные события и факты.

С первых дней меня буквально заворожил своеобразный, величавый облик Елены Фабиановны. Я вглядывалась в ее крупное, прекрасное своей умной, выразительной некрасивостью лицо в серебристом ореоле пышных волос с короной черепаховых гребней, и всякий раз находила нечто новое.

Меня так и тянуло в дом на Собачьей площадке, такой он был уютный с натертыми до блеска паркетными полами, с особым «вкусным» ароматом: пахло крепким кофе, каким-то нежными духами и старыми нотами.

Там же помещалась тогда нотная библиотека, и я любила смотреть, как невысокая, тоненькая, исполненная глубокого достоинства библиотекарь Инна Викторовна² осторожно выкладывала ноты на библиотечную стойку, боясь потревожить разлегшегося на ней огромного пушистого кота-красавца, Котофея Фабиановича.

Время от времени Елена Фабиановна появлялась и у нас в общежитии — хотела видеть сама, как живут студенты. Когда она нанесет свой визит, никто не знал, так что никакой специальной подготовки, показушной приборки сделать не удавалось.

Один раз я присутствовала при таком «обходе» Это было утром. Мы с Людой Шулеповой³ уже сидели над задачами по гармонии. Раздался негромкий стук. Вошла Елена Фабиановна, вслед за нею показались Ю. В. Муромцев и И. М. Пахтер⁴. Мы встали, поздоровались. Елена Фабиановна оглядела все вокруг: порядок, кровати аккуратно заправлены. Видимо, она осталась довольна тем, что мы уже занимаемся, не валяемся в постелях, чего она категорически не признавала. Потрогала руками выходящую в нашу комнату кафельную стенку печки, проверяя, достаточно ли она горяча. Затем открыла дверцу одной из тумбочек. Увидела кастрюльку.

— Сами себе готовите? — спросила Елена Фабиановна.

— Готовим, когда есть из чего, — ответила я.

— Самое практичное — купить кусок свинины и потушить с картошкой. На всех.

Последние слова она подчеркнула и вышла, а за нею вышли и сопровождающие. Вечером мы рассказали подругам по комнате о посещении Елены Фабиановны и дружно решили обязательно выполнить ее совет: сложились деньгами и на другой день откомандировали на рынок, как самую хозяйственную, Верочку Бер⁵. Вскоре на нашей студенческой кухне заблагоухала картошка со свининой «на всех».

Старые гнесинцы говорили, что у Елены Фабиановны феноменальная память, и она знает в лицо всех студентов, знает, как они учатся, как живут. Слушая их, я скептически улыбалась и думала: ну, меня-то Елена Фабиановна вряд ли знает, я не москвичка, не пианистка, а теоретик. Но, оказывается, я ошибалась: то ли примелькалось мое единственное поношенное платье, в котором я ходила и на занятия, и на концерты, или мое мешковатое зимнее пальто с чужого плеча, или бледность тощего лица моего... Все это говорило опытному глазу о скудности моего бюджета. А может быть, сыграла роль и эта утренняя встреча Елены Фабиановны со мною в общежитии? Только она — меня знала!

И вот однажды к нам в комнату постучала тетя Лина (так все звали старушку-дежурную, с незапамятных времен работавшую у Гнесиных), худенькая, с темными, как изюминки, острыми глазками⁶. Сладко улыбаясь, она произнесла: «Люсю Атанову к Елене Фабиановне просят!» Я, конечно, бросила все и бегом кинулась в дом № 5, робко постучала к Елене Фабиановне. Дверь открылась, кто-то сказал: «Сейчас спрошу», а через мгновение я услышала голос Елены Фабиановны: «Пусть войдет».

Я шагнула в открытую дверь и поздоровалась. Обычно Елена Фабиановна обращалась к студентам на вы, но мне она почему-то сразу стала говорить ты. Может потому, что я была маленького роста, худенькая и при ней очень робела. Вот и здесь на мое приветствие я услышала:

— Здравствуй, здравствуй. Я за тобой посылала. Скажи, тебе нужны деньги?

Я изумилась, услышав эти слова. Действительно, в это время я жила на одну стипендию и очень нуждалась. Но откуда Елена Фабиановна об этом знает? Надо было отвечать. И я дипломатично, как мне показалось, промямлила:

— Кому же из студентов деньги не нужны...

— Так вот. Я нашла тебе урок. Будешь заниматься с девушкой, которая хочет быть певицей. Будешь развивать ее слух. Предупреждаю, случай трудный. Научить ее сложно. А все же попробуй.

Я было хотела что-то сказать, открыла рот, но Елена Фабиановна сделала предупреждающий жест рукой и продолжала:

— Нет, нет, не возражай. Я обо всем уже договорилась. Будешь ездить заниматься с ней два раза в неделю. Вот тебе адрес и фамилия. Платить тебе будут двадцать пять рублей в месяц. Поняла? А теперь иди.

В растерянности вышла я из кабинета, держа записку в руках. Неторопливая, отчетливая речь Елены Фабиановны все еще звучала у меня в голове и действовала, как гипноз. Я внимательно прочла фамилию, номер телефона и пошла звонить. Так начались мои занятия по развитию слуха с будущей солисткой Верой Прокушевой⁷.

Вера тогда была работницей большого московского завода, участвовала в заводской художественной самодеятельности, увлеченно пела русские народные песни. Однажды на заводском вечере присутствовал композитор Анатолий Григорьевич Новиков⁸. Ему понравилось пение Веры, и он порекомендовал ей учиться пению, чтобы стать профессиональной певицей.

Скромная, застенчивая Вера, может быть, и не решилась бы поступать учиться, но ее муж — комсорг завода Юра Прокушев⁹ (впоследствии писатель-литературовед) запомнил совет А. Г. Новикова и потащил молодую жену на консультацию в Училище Гнесиных к заведующей вокальным отделом Нине Александровне Вербовой¹⁰.

Выросшая в крестьянской трудовой семье, где никто не учился музыке, Вера была совсем не готова к проверке слуха и голоса. Ей казалось, что чем громче она будет петь, тем лучше. Оглушая себя своим криком, она все заданные упражнения по вокалу пела фальшиво. Нина Александровна сказала молодому супругу Веры, что у его жены весьма слабый музыкальный слух и она вряд ли сможет поступить учиться в музыкальное училище. «Но она же поет песни! И хорошо поет! Сам Новиков ее похвалил, — возражал расстроенный супруг. — Нет, я пойду к профессору Гнесиной!» И действительно, он дозвонился к Елене Фабиановне, и та назначила время прослушивания.

Вера говорила, что перед Еленой Фабиановной она оробела еще больше. Елена Фабиановна, по-видимому, заметила ее состояние и, решив не отнимать надежду, посоветовала Вере позаниматься со студенткой, которую сама порекомендует. Выбор Елены Фабиановны пал на меня,

и я потом много думала — почему? Наверное, потому, что она хотела дать мне возможность иметь педагогическую практику и небольшой приработок.

Этот случай с Верой Прокушевой — лишь один из многих примеров замечательного свойства натуры Елены Фабиановны — ее деятельной доброты.

Я прозанималась с Верой всю зиму. Она была очень старательной ученицей, и у нас быстро сложились хорошие, дружеские отношения. Мы не только занимались музыкальной грамотой, развитием слуха, ритма и памяти, но по «Азбуке» Ел. Ф. Гнесиной учились играть на рояле. Много сил потратила я на то, чтобы победить ее страх, от которого она настолько терялась, что переставала слышать и контролировать себя.

«Ты должна владеть собой, ты должна получать удовольствие от того, что так хорошо слышишь и воспроизводишь. У тебя есть и музыкальный слух, и голос, только надо заниматься», — не уставала я повторять ей.

К весне Вера уже хорошо знала ноты, могла сольфеджировать несложные музыкальные примеры, даже подбирала на рояле мелодии. Однажды после очередного урока, муж Веры, Юрий Львович сказал: «Люся, как вы думаете, не пора ли Веру показать Елене Фабиановне? Пожалуйста, упросите Елену Фабиановну назначить время, когда мы можем предстать пред ее ясные очи».

Через несколько дней мне удалось попасть к Елене Фабиановне. Когда я вошла и поздоровалась, она сидела в кресле. «Ну, что скажешь?» — спросила она. Я собралась с духом и начала:

— Елена Фабиановна, вы помните, что осенью поручили мне заниматься с вокалисткой Верой Прокушевой!

— Что, бросила? — с живостью прервала меня Елена Фабиановна.

— Нет, нет, что вы! Она очень усердно занимается и сделала успехи. Нельзя ли, чтобы вы ее послушали?

— Нет, это лишнее. Я же сказала тебе, что научить ее вряд ли возможно. И не проси!

Но я продолжала упорствовать:

— Елена Фабиановна! Вы меня им порекомендовали, люди всю зиму мне платили деньги. Мы так много работали, она так старалась... А теперь, выходит, я — обманщица. Ну пожалуйста, Елена Фабиановна, послушайте Веру хоть немножко, у нее совсем неплохой слух!

Елена Фабиановна помолчала, а потом спросила:

— Это она сама хочет или муж настаивает?

— И она хочет, а он особенно просил.

— Да, бойкий молодой человек... Ну, что ж, приведи ее в пятницу к одиннадцати часам.

В пятницу мы явились втроем. Ровно в одиннадцать дверь кабинета Елены Фабиановны открылась. Она стояла у ближнего ко входу рояля. Ответила на наше приветствие и сказала:

— Ну, что ж, проходите, а вы, молодой человек, — обратилась она к Юрию Львовичу, — подождите, и жестом руки указала ему на стулья, стоящие вдоль стены коридора.

Потом Елена Фабиановна прошла ко второму роялю, Веру попросила стать у первого рояля, а я примостилась на стуле возле стены. Сердце у меня замирало. Я волновалась так, как никогда не волновалась на собственных экзаменах.

Елена Фабиановна, повернувшись к Вере, командовала: «Повторяйте», — и стала брать звуки один за другим. Вера повторяла их правильно. Затем задавались интервалы, трезвучия, аккорды. Потом Елена Фабиановна играла мелодии на своем рояле, а Вера подбирала их на втором инструменте.

Наконец наступила передышка. Елена Фабиановна прошла вглубь квартиры, а мы молча смотрели с Верой друг на друга. Через короткое время Елена Фабиановна вернулась, а вслед за ней «вплыла» высокая, полная фигура Нины Александровны Вербовой. Она стала распевать Веру, пробовать ее голос. Все обошлось благополучно.

— Ну, сегодня совсем другое дело. Думаю, что в училище она пройдет, — сказала она. А Елена Фабиановна обратилась к Вере: «Милая, позовите своего мужа».

Вера подошла к двери, выглянула и поманила Юрия Львовича. Он тотчас же вошел и выжидательно остановился, быстрым взглядом охватывая всех присутствующих.

— Ну, что ж, настойчивый молодой человек, — обратилась к нему Елена Фабиановна, — занятия пошли на пользу, и ваша жена может поступать в училище учиться петь.

Тут пошли изъявления благодарности, но Елена Фабиановна быстро прервала их и выпроводила сияющих Веру и Юрия Львовича. Я направилась за ними.

— Ты довольна своей ученицей? — остановила меня Елена Фабиановна и добавила. — Вижу, что довольна, иди.

С легким сердцем я вышла из кабинета.

Осенью Вера Прокушева выдержала экзамены на вокальное отделение училища, окончила его, затем училась в Институте имени Гнесиных, а по окончании стала солисткой Москонцерта, гастролировала по городам страны.

Однажды с программой «Русская народная песня» побывала она и в моей родной Уфе. Концерт прошел очень успешно. Красивая, с русской косой, которая, как корона, обнимала ее голову, Вера пела свободно, приветливо, с удовольствием. Голос звучал ровно, сочно, без натуги. Мне особенно понравились в ее исполнении «Липа вековая» и «Утушка луговая». После концерта мы встретились и я уговорила Веру пойти ко мне домой. Дело было летом, и мы, сидя у открытого окна проговорили до рассвета. В беседе мы часто вспоминали мудрую, требовательную, деятельно добрую Елену Фабиановну.

Такой она живет в наших сердцах

Елена Фабиановна поразила меня своим величием при первой же встрече, и где-то в глубине моей души навсегда остался благоговейный трепет перед нею. Она оставалась для меня королевой — недостижимой и прекрасной, со своей пышной седой головой, длинным, всегда каким-то торжественным, красивым платьем, медленной величественной походкой. Мне казалось невозможным говорить ей простые, обыкновенные слова, и поэтому я мычала что-то неопределенное в ответ на ее обращение, мгновенно глупела и тупела, руки и ноги деревенели, и я мечтала скорее убежать, сгинуть, провалиться. И вместе с тем я пылала к ней любовью и мечтала совершить что-нибудь необыкновенное, чтоб ей понравиться.

Постепенно я стала делать успехи в пении, стала выступать на открытых вечерах. Елена Фабиановна отмечала меня, конечно, сдержанно и строго, в своей манере. А я была счастлива.

Дальше для меня началось постепенное открытие другой Елены Фабиановны. Ее часто просили об организации силами студентов концертов на разных предприятиях, в госпиталях, санаториях, домах писателей, журналистов, художников, в военных частях, школах. И она никому не отказывала, сама отбирала студентов разных специальностей и сама вывозила их «в свет». Я была горда и счастлива, когда впервые тоже попала в такую концертную группу. У Елены Фабиановны была большая дружба с К. Е. Ворошиловым, поэтому часто наши шефские концерты по его просьбе проходили у военных. Елена Фабиановна представляла нас аудитории, представляла живо и остроумно. И уж мы старались изо всех своих сил.

Не знаю почему, но Елена Фабиановна не любила включать в эти программы грустные песни и всегда просила: «Иечка, спой что-нибудь повеселее!». Не любила она и пения на иностранных языках. А уж когда в русском языке были неладья с дикцией, она просто приходила в ярость. Строга была и в отношении туалета. Иногда перед концертом вдруг звонит по телефону: «А платье у тебя будет не очень короткое? Я терпеть не могу коротких платьев!»

Вот в этих шефских концертах и открылась мне другая Елена Фабиановна — «бытовая». За столом, который нам частенько устраивали после концерта, она непринужденно шутила и усердно всех потчевала, заботливо подкладывала «вкусненького». И я видела, как постепенно оттаивали смущенные вначале студенты, пропадала напряженность, начинал царить смех, забавные шутки, и зачинщицей всего этого была Елена Фабиановна.

После окончания института я навещала Елену Фабиановну уже на правах «взрослой». И все же, всякий раз подходя к двери ее квартиры, я робела и напрягалась, как прежде. Но раздавался милый, тихий голос Елены Фабиановны из глубины ее кабинета: «А, это ты, Иечка, как хорошо, что ты пришла!», и напряжение моментально снималось. Я садилась в кресло напротив Елены Фабиановны. Она заботливо расспрашивала меня, радовалась моим успехам, рассказывала о делах института, показывала фотографии. Елена Фабиановна часто снималась и всегда дарила мне свои новые фотографии с чудесными надписями.

Всегда подтянутая, красиво причесанная, благоухающая духами встречала свой каждый день эта удивительная женщина. И такой, с неистребимой силой жизни, воли, душевной молодости, она навсегда осталась в наших сердцах.

Воспоминания о Елене Фабиановне Гнесиной

Наше знакомство с Еленой Фабиановной состоялось в середине 1944 года.

Будучи организатором и директором нового учебного заведения — Института имени Гнесиных — Елена Фабиановна пригласила меня к себе для деловых переговоров. Встреча состоялась в кабинете Елены Фабиановны в присутствии будущего заместителя директора института А. Н. Юровского. Елена Фабиановна сидела в кресле у письменного стола и встретила меня со свойственной ей приветливостью и дружелюбием. Непринужденно беседуя со мной, она поинтересовалась моей музыкальной биографией. К тому времени я имел четырехлетний педагогический опыт вузовской работы, прерванной войной, и звание доцента. Елена Фабиановна предложила мне принять класс виолончели в открывающемся институте. Это меня весьма обрадовало, так как мне очень хотелось вновь включиться в педагогическую работу в вузе, сочетая ее с концертно-исполнительской, и я охотно дал свое согласие.

Затем совершенно неожиданно для меня Елена Фабиановна сделала мне еще одно предложение — занять должность декана оркестрового факультета. Меня это сильно смутило, и я высказал сомнение, так как до этого времени никогда не занимал никаких руководящих постов. Но Елена Фабиановна с присущей ей простотой и обаянием весело сказала, что и она никогда не была директором института, но уверена в том, что при дружной взаимопомощи мы отлично справимся с поставленными задачами. Аргумент был настолько убедителен и так непосредственно и мило изложен, что я, не задумываясь, принял и второе предложение Елены Фабиановны.

Работать под ее руководством было интересно. Она много помогала, советовала. Всегда сама тщательно занималась подбором штата педагогов и служащих, привлекая самых надежных, талантливых. Примером могут быть и наши оркестровые кафедры. Заведовать кафедрой струнных инструментов был приглашен профессор С. М. Козолупов, а духовой — профессор М. И. Табаков. В состав педагогов вошли крупные профессора: В. В. Борисовский (альт), А. И. Ямпольский и Ю. М. Юровецкий (скрипка), К. А. Эрдели (арфа), Н. И. Платонов (флейта), Н. Н. Солодуев (гобой), А. И. Усов (валторна), а также много педагогов, позже ставших профессорами, среди которых А. Я. Георгиан (виолончель), В. В. Хоменко (контрабас), И. Ф. Пушечников (гобой), Я. Ф. Шуберт (фагот), Б. П. Григорьев (тромбон). В число педагогов по классу скрипки вошла и Елизавета Фабиановна. Она была очень опытным педагогом и чрезвычайно приятным человеком, благодаря чему у нас с ней быстро установились плодотворные деловые и дружеские взаимоотношения.

Помню, как в 1945 году к 50-летию со дня основания Училища им. Гнесиных Елена Фабиановна поручила мне организовать и подготовить для праздничного концерта в Большом зале консерватории ансамбль виолончелистов из учащихся училища и института. Как-то она заглянула на одну из первых репетиций и, прослушав еще не сладившийся ансамбль, прямо высказала мне свое неодобрение. Меня это огорчило, но я заверил Елену Фабиановну, что к концерту все будет отработано как следует. И когда в концерте мы исполнили нашу пьесу — Ариозо Баха — под аккомпанемент органа, Елена Фабиановна признала ансамбль одним из лучших номеров программы*.

Однажды я навестил Елену Фабиановну в ее кабинете: она, как всегда, была полна забот, о чем-то хлопотала и, сидя за письменным столом, упорно набирала различные номера телефонов и вела деловые разговоры. Она любила поделиться своими успехами или рассказать о трудностях. На этот раз она показала мне письмо, адресованное ею в высокие правительственные инстанции. Характер письма был не официальным, как принято в подобных случаях, а,

* Второе выступление ансамбля виолончелистов, по просьбе Елены Фабиановны, состоялось в 1949 году, в день ее 75-летия. На этот раз, тоже в Большом зале консерватории, но под аккомпанемент рояля, был исполнен Романс С. Рахманинова ля мажор (в авторской версии — для фортепиано в 6 рук) в моем переложении.

скорее, дружеский. «Вот, — сказала Елена Фабиановна, — Юрий Владимирович Муромцев раскритиковал меня за это послание. Он сказал: „Разве можно писать в правительство такие письма и в таком тоне“. А я ему ответила, что всю жизнь именно такие письма и писала!» Это ярко характеризует своеобразие стиля работы Елены Фабиановны, ее простоту, человечность.

Елена Фабиановна не любила вопросов о ее самочувствии. В таких случаях она обычно отвечала: «Никогда не задавайте мне таких вопросов, потому что я всегда должна чувствовать себя хорошо». Даже находясь в больнице после тяжелой травмы ноги, Елена Фабиановна продолжала работать. По установленному у ее постели личному телефону она звонила в разные организации, добиваясь движения в строительстве Большого концертного зала. Нога ее была закреплена блоком, лежать было трудно, но оптимизм никогда не покидал ее.

При моем посещении Елена Фабиановна обрадованно заявила, что дела продвигаются хорошо, скоро начнется строительство зала, а когда он откроется, то мы с вами, Александр Кондратьевич, станцуем полонез! В этот момент она захлопала в ладоши в ритме танца и запела мелодию полонеза из оперы «Евгений Онегин».

Открытие концертного зала было ознаменовано большим концертом, в начале которого симфонический оркестр, состоящий из педагогов и студентов под управлением О. М. Агаркова, исполнил Торжественную увертюру, специально написанную к этому событию Ф. Е. Витачеком¹.

Мне довелось принимать участие в двух редкостных юбилеях Елены Фабиановны: 80-летию и 90-летию. Первый происходил в Большом зале Московской консерватории, второй — уже в нашем концертном зале. Трудно передать словами, какими почестями, какой любовью и благодарностью была окружена Елена Фабиановна в эти знаменательные дни. Зрительный зал заполнялся до отказа, а сцена превращалась в оранжерею. Часть цветов переносилась в квартиру Елены Фабиановны, остальная шла на украшение института. Елена Фабиановна очень любила цветы, и они всегда были в ее квартире как неотъемлемый спутник ее жизни.

Ежегодно 15 февраля в музыкальном ансамбле всех учебных заведений имени Гнесиных отмечался день рождения школы. Обычно в Малом зале института и соседнем с ним оперном классе за сервированными столами собирались (и поныне продолжают собираться) педагоги² и сотрудники, принимают гостей — окончивших в прошлом какое-либо из звеньев этого большого объединения. Здесь можно было встретить окончивших Училище имени Гнесиных А. И. Хачатуряна, Т. Н. Хренникова, Л. Н. Оборина, А. А. Николаева, К. П. Виноградова и многих других. На сцене разыгрывались веселые капустники. Во время одной из таких встреч Елена Фабиановна выступила с небольшой речью, сказав, примерно, следующее: «Нам удалось достигнуть многого. Но мои планы и желания на этом не кончаются, они неиссякаемы. Прежде мне хотелось дожить до окончания строительства концертного зала, затем получить хорошие помещения для школ, теперь — строящегося общежития и жилого дома для педагогов. Но я не могу ручаться, что у меня не появится нового желания построить еще что-нибудь и дожить до этого дня!» Этим «что-нибудь» впоследствии оказалось современное здание училища. Но увы, Елене Фабиановне не суждено было увидеть это последнее ее детище в завершенном виде. Оно вступило в строй лишь осенью 1974 года.

4 июня 1967 года Елены Фабиановны не стало. Все мы понимали и чувствовали, что лишились неповторимого человека, мудрого руководителя, драгоценного друга, души всего коллектива.

Ушла от нас живая Елена Фабиановна, но остались учебные заведения, созданные под ее руководством, остались ее дела, направленные на просвещение народа, остались воздвигнутые ею здания, в которых продолжает жить ее дух, остались в сердцах ее друзей, учеников и многих, многих людей драгоценные воспоминания о незабвенном и удивительном человеке, свято преданном своему делу, посвятившем всю свою жизнь труду на благо людей своей родной страны.

Елена Фабиановна Гнесина

Мне посчастливилось свою педагогическую работу начать в ДМШ и училище им. Гнесиных сразу по окончании Московской консерватории в 1927. Посчастливилось потому, что это дало мне возможность с тех пор близко наблюдать стиль и методы работы выдающегося педагога и воспитателя — Елены Фабиановны Гнесиной.

Уютная обстановка маленького домика № 5 на Собачьей площадке с его дружеской атмосферой способствовали близкому общению педагогов и их взаимному творческому обогащению.

Меня, молодого виолончелиста, только что вступившего на педагогический путь, многое впечатляло в классной работе Елены Фабиановны. Поражала ее музыкальная интуиция, которая, в сочетании с громадным опытом, открывала путь к интереснейшим научно-методическим обобщениям и позволяла безошибочно вести ученика в нужном направлении.

Педагогический стиль и метод работы Елены Фабиановны служили для нас образцом. Многие из ее советов, которые она с присущей ей благожелательностью давала мне, тогда еще неопытному юноше, не потеряли для меня своего значения и поныне. К числу их относятся, например, вопросы звучания виолончели, чему она, поклонница А. Брандукова¹, придавала большое значение, а также вопросы создания ансамблевого мастерства и многие другие.

Елена Фабиановна щедро делилась своими воспоминаниями об исполнительском мастерстве многих выдающихся артистов, за творчеством которых ей удалось наблюдать на протяжении долгой жизни. В частности, вспоминая вдохновенное исполнение С. Рахманиновым его виолончельной сонаты совместно с А. Брандуковым, Елена Фабиановна говорила не только о пении виолончели, напоминавшем «прекрасный человеческий голос», — но и о пении рояля, оттенявшем богатейшую динамическую палитру этого инструмента. Эти исполнительские качества она прививала и своим ученикам, одним из которых был в свои детские и отроческие годы Л. Оборин.

В своей работе, при приеме и отборе учащихся Елена Фабиановна никогда не руководствовалась никакими другими соображениями, кроме учета профессионально-музыкальных данных поступающих в школу детей. Бывали разные попытки обойти этот принцип, так как школа Гнесиных считалась одной из лучших в Москве, но попытки эти никогда не достигали цели, если поступающий не отвечал требованиям, предъявляемым школой при поступлении. Поэтому и социальный состав учащихся был разнообразен. Здесь учились дети известных ученых, представителей искусства, рабочих, служащих и др. Я вспоминаю, например, дочь сапожника Розанова, жившего в подвале дома № 5 на Собачьей площадке, являвшейся ученицей школы по классу фортепиано.

Елена Фабиановна принимала большое участие в жизни и работе всех звеньев учебного заведения им. Гнесиных, но особенно близкие и теплые отношения были у нее с обеими музыкальными школами. Встречи с детьми были всегда радостными, а некоторыми из них, ставшими впоследствии победителями многих конкурсов и вышедшими на широкий концертный путь, — Елена Фабиановна очень гордилась. Их фотографии ныне фигурируют в числе других в экспозиции Народного мемориального музея-квартиры Ел. Ф. Гнесиной.

Вспоминается ее благожелательный и острый юмор. 30 лет тому назад, при открытии здания института², перед началом собрания всего коллектива по этому поводу она заметила в фойе пчелку, деловито, с жужжанием снующую у окна. Обратившись к окружающим, Елена Фабиановна сказала с улыбкой: «Это хороший знак — значит мы все, студенты и педагоги, будем так же трудолюбивы в наших занятиях, как и эта пчелка».

Гордясь нашими успехами в области учебно-методической работы и блестящими конкурсными победами наших воспитанников последних десятилетий, невольно представляешь себе

весь творческий путь учебных заведений им. Гнесиных, который начинался когда-то в маленьком домике тихого Гагаринского³ переуллка.

О человеке большой души

Первое мое знакомство с Еленой Фабиановной Гнесиной состоялось весной 1945 года.

Обстоятельства этой встречи ярко отразили характерную для Елены Фабиановны отзывчивость, доброту, сердечность и пренебрежение к некоторым формальностям.

Весной 1945 года после госпиталя я был демобилизован из армии и возвращался в родной Ташкент.

Будучи проездом в Москве и памятуя наставления моих армейских друзей, что с моим голосом необходимо учиться петь, я храбро отправился в Московскую консерваторию, горя желанием показать себя. К большому своему огорчению, узнал, что прослушивание и прием будут происходить только осенью, а сейчас прослушивать меня некому и некогда. К счастью, нашлась в консерватории незнакомая, но добрая душа, присутствовавшая при этом разговоре. Она слышала вежливое «нет» секретаря и сказала мне:

— А вы идите к Елене Фабиановне Гнесиной. Она послушает и сделает все, что можно и нужно.

— Вы знакомы с Гнесиной? — спросил я.

— Нет, но я знаю, что Гнесина чудесный человек, деловой и без лишних формальностей.

Теперь уже значительно менее уверенный в себе, посматривая на свой костюм, состоящий из потрепанной шинели, грубых ботинок и обмоток, отправился я на Собачью площадку.

События того дня врезались в память прочно и навсегда. Вот я на небольшом пяточке, что затерялся между тихими арбатскими улочками. Дома вокруг — большей частью деревянные, ветхие. В одном из них находилась тогда квартира сестер Гнесиных. Сюда я и пришел.

Здесь, в уютном зале с высоким потолком и красивой люстрой Елена Фабиановна сама меня прослушала. Здесь я получил и ее первое доброе напутствие. Всего несколько дней потребовалось для того, чтобы я стал студентом института, получил стипендию, был водворен в общежитие и прописан в Москве.

Такова Елена Фабиановна. Если что делает, то сразу и до конца. Если убедилась в чем-то, то навсегда.

Сейчас трудно себе представить, как можно было наладить нормальные занятия студентов института, училища и школы в таком маленьком и непригодном для занятий помещении, каким были полтора дома на Собачьей площадке. Только оперативность и организаторские способности Елены Фабиановны делали это возможным.

Занимались мы тогда в трудных условиях. Уроки с моим педагогом по вокалу Анатолием Константиновичем Минеевым¹ проходили в маленькой, с низким потолком комнатке на антресолях. Большую половину комнаты занимал рояль. Единственное окно выходило на крышу соседнего дома. Когда на уроке оказывались два-три ученика, то негде было повернуться. И все же, вспоминая сейчас занятия на Собачьей площадке, меня охватывает ощущение замечательного уюта, чистоты, опрятности и порядка, царивших в помещениях. Чьи-то заботливые руки и глаза зорко следили за всем.

Елена Фабиановна хорошо понимала, что для училища и вновь организованного института требуется более просторное помещение. По плану переустройства центра столицы предусматривался снос домов на Собачьей площадке. Немало труда и стараний стоило Гнесиной получить разрешение на строительство нового дома в центре города. Но она уже не была одинока. Многие руководящие работники Комитета по делам искусств, а позже Министерства культуры, крупные государственные деятели помогали Гнесиной, поддерживали ее начинания. Живое участие в делах гнесинских учебных заведений принимали, помнится, П. К. Пономаренко², К. Е. Ворошилов. Последний позже не раз посещал институт. Одно из таких посещений я хорошо помню. Елена Фабиановна со своей светлой, доброй улыбкой, гордая сознанием хозяйского долга, показывала Ворошилову учебные классы и залы. Фотограф снимал их с «разных

точек». Потом в зале был дан концерт. Климент Ефремович очень внимательно прослушал концерт и тепло отозвался об исполнителях.

Помнится мне, какой поистине детской радостью загоралась Елена Фабиановна, когда показывала мне проект того здания, которое теперь уже в натуре демонстрировала Маршалу Ворошилову: «Вот здесь классы для индивидуальных занятий, здесь для лекций, вот концертный зал, а это для оперного класса, малый зал... Все будет прекрасно, чудесно!»

И вот здание института построено. Но нужно совсем не знать Гнесину, чтобы поверить тому, что, вселившись в это здание, она успокоилась. Конечно, нет! Она думает о том, как найти место для другого здания, да к тому же совсем рядом с первым. И вот, некоторое время спустя, она уже показывает мне проект нового дома, предназначенного для училища, при этом говорит несколько заговорщическим полусшепотом: «Мы здесь с архитектором схитрили. Площадка для дома маленькая, поэтому дом вытянули в высоту — сделали его „высотным“»³.

Елена Фабиановна бывала рада, когда я посещал ее. Не будучи особенно разговорчивым, я обычно минут за десять успевал рассказать о себе, об учебе, работе. Телефон на столе Елены Фабиановны не умолкал. Звонили ей, звонила она по срочным делам учебных заведений. А я, сидя в сторонке или рассматривая фотографии и альбомы, невольно наблюдал за ней и удивлялся ее молодой и неистощимой энергии, острой памяти, умению в кратких, четких фразах сказать все, что надо, все, что требовало то или иное дело. Голос ее звучал молодо и звонко. И если она говорила «да» — это было действительно «да»; «нет» было безусловным.

Новая квартира на улице Воровского, которая делалась по чертежам Гнесиной, в основном копировала ее старую квартиру. Обстановка, картины и фотографии замечательных музыкантов с их автографами были расставлены и повешены в том же порядке, что и раньше.

Хозяек квартиры уже нет в живых. Но когда переступаешь порог квартиры, невольно ждешь, что прозвучит чуть надтреснутый голос хозяйки: «А, Евгений, проходите». Память воскрешает знакомую картину: большой письменный стол с телефоном и вазой с цветами, кресло и в нем приветливо улыбающуюся Елену Фабиановну, всегда деятельную, занятую и все же всегда находившую возможность уделить и мне, и кому-либо другому свое внимание, а часто и помощь.

Сейчас квартира Елены Фабиановны сохраняется как мемориальный музей, в котором зримо запечатлены ее образ, образ ее сестер и брата, а также многих замечательных людей, которые окружали Гнесиных.

Являясь «верховным» руководителем учебного комбината, Елена Фабиановна управляла всеми его звеньями. Основным ее правилом было: «Знать все самой, все слышать, все видеть, ничего не упустить, вовремя предупредить». Не было ни одного значительного концерта, прослушивания или выпускного экзамена, чтобы в зале, в первых рядах не видно было седовласой головы Елены Фабиановны. Уже будучи больной, в очень преклонном возрасте, лишенная возможности передвигаться самостоятельно из-за сломанной ноги, она слушала студенческие отчеты и концерты по радио, проведенном в ее кабинет из зала.

Порой она все же появлялась в зале, куда ее привозили в кресле на колесиках. Замечания ее были кратки, но точны. Так, к примеру, ко мне несколько раз относилось ее требовательное: «Не форсируй!». И должен сказать, что мои удачи обычно возникали при следовании этому совету.

Имея счастливую возможность иногда бывать у Елены Фабиановны, я вновь и вновь поражался ее кипучей энергии. Обладая поистине могучим духом, она умела подавлять в себе боль и продолжала работать буквально до последних дней своей жизни. Даже когда она уже находилась в больнице, телефон ее был загружен до предела. Голова и в девяносто лет работала так же хорошо, как и в молодости.

Когда Гнесиной приходилось отдыхать и лечиться в каком-либо подмосковном санатории, она часто устраивала выезды туда студентов с концертами. Накануне Елена Фабиановна звонила в институт, называя примерный список исполнителей будущего концерта. Обычно в субботу во второй половине дня приходила за нами машина из санатория. Веселой компанией мы выезжали за город. Мелькали последние строения города и мост окружной дороги, и мы оказывались в сельской местности. Красоты Подмоскovie брали нас в плен.

Приезжали мы в санаторий за несколько часов до начала концерта. Можно было погулять в парке, обсудить концертные номера. Окончательно все решала сама Елена Фабиановна: в каком порядке должен идти концерт, что и сколько музыкальных произведений следует исполнять тому или иному студенту.

У всех предконцертное волнение... Наконец концерт начинается. Отдыхающие — благодарная публика. Концерт принимается горячо.

После концерта нас угощают ужином. Аппетит — истинно студенческий. Мы остаемся на ночь, но уснуть невозможно. Не сговариваясь, мы выбегаем в парк, кругом тишина и безмолвие. Но мы отнюдь не настроены на спокойное созерцание звездного неба. В нас бурлит молодость и здоровье.

Утром мы встречаем за столом приветливую Елену Фабиановну. Она, такая необыкновенная, «видная», с улыбкой расспрашивает нас: «Как провели время? Хорошо ли отдохнули? Довольны ли?» — «Еще бы... Конечно!»

В город нас увозили только после воскресного завтрака. Уезжать всегда грустно. Но наше выступление, особенно если оно не первое, будит в нас уверенность, мы уже чувствуем себя артистами, певцами. Мы благодарим Елену Фабиановну, благодарим словами, благодарим сердцем.

Встречи с Еленой Фабиановной

К сожалению, мы с Еленой Фабиановной жили в разных городах. Но ее необычайно плодотворная деятельность как педагога, организатора музыкального образования, строителя музыкальной культуры прошла перед моим мысленным взором, а встречи во время моих наездов в Москву после Великой Отечественной войны оставили незабываемое впечатление.

Елена Фабиановна при всей своей занятости всегда находила время принять меня у себя дома и, не торопясь, побеседовать на разные темы. После посещения оставалось чувство, что погрузился в какую-то освежающую атмосферу прекрасных человеческих отношений.

Елена Фабиановна покорила своим необыкновенным обаянием, своим доброжелательным, теплым отношением к людям. Сколько добра она принесла им, как охотно отзывалась на просьбу о помощи, как энергично действовала! Недаром она заслужила всеобщую любовь и благодарную о себе память. Я думаю, что в личном обаянии Елены Фабиановны кроется один из «секретов» ее успеха во всех делах и замечательного организаторского таланта, приведшего — трудно себе представить — к созданию целого «комбината», носящего славное имя Гнесиных¹.

Однажды наша беседа была прервана телефонным звонком какого-то «крупнейшего начальства». Я внимательно прислушивался к тону разговора Елены Фабиановны, в котором она подтверждала просьбу чем-то или кому-то помочь. Этот тон был очень спокойный и мягкий, в то же время уверенный и убедительный, с чувством собственного достоинства. Перед таким тоном нельзя устоять, подумал я тогда.

С Михаилом Фабиановичем мне посчастливилось вместе работать в Ленинградской консерватории, и я горжусь дружбой с ним². И вот что примечательно: он относился к своей старшей сестре не только с глубоким уважением, но и с особым пиететом. Видимо, в семье прочно установился своеобразный «матриархат», возглавляемый старшей сестрой.

По плодотворности и масштабу своей общественно-организационной деятельности Елена Фабиановна — явление, конечно, уникальное. В ряду «замечательных людей» она занимает достойное место, столь редкое для женщины. Имя ее прочно вошло в историю советской музыкальной культуры и остается для нас, музыкантов, священным.

Я с благодарностью вспоминаю благожелательное отношение ко мне Елены Фабиановны.

В 1964 году она неожиданно прислала мне в Ленинград свой портрет с дружеской надписью. Я горжусь этим подарком как знаком необычайного внимания.

Влюбленность в дело, которому отдана вся жизнь

В 1949 году по окончании Московской консерватории я подал документы в гнесинскую аспирантуру. Меня предупредили, что шансов мало, так как считалось, что предпочтение должно быть оказано выпускникам Гнесинского института. Тем не менее я решил попытаться. Экзамен по специальности я сдал успешно. Елена Фабиановна, спускаясь по лестнице в сопровождении Юрия Владимировича Муромцева, подозвала меня и спросила, достаточно ли я готов по другим предметам. Я молча наклонил голову, а про себя подумал: «Нелегко мне это будет доказать».

Дело в том, что, мало веря в реальность своего поступления в аспирантуру, я не особенно готовил другие дисциплины и чистосердечно признался в этом Елене Фабиановне. Она, пожурив меня за легкомыслие, сказала: «Ну, а теперь надо сделать все, чтобы с честью подготовиться по остальным предметам. Готовьтесь дни и ночи, но чтоб мне не пришлось за вас краснеть. Ведь для меня было дорого, что вы оказались истинным учеником Игумнова, которого я чрезвычайно высоко ценю».

Постоянное присутствие Елены Фабиановны на дальнейших экзаменах, ее спокойная благожелательность настолько положительно повлияли на мое самочувствие, что я, несмотря на все трудности, благополучно сдал все предметы и поступил в аспирантуру.

На протяжении всех аспирантских лет Елена Фабиановна пристально следила за моими успехами, периодически вызывая к себе, напутствовала и давала советы.

После моего первого сольного концерта Елена Фабиановна обратилась сперва к моей маме, трогательно поблагодарила ее, а уже потом поздравила меня. Этот, казалось бы, маленький штрих характеризует доброту и тактичность Елены Фабиановны.

Мне хочется написать об удивительной доброте Елены Фабиановны, доброте широкой, а не добренькой, сусальной. Не было случая, чтобы она не помогла человеку, если он обращался к ней за помощью. Огромный личный авторитет, обаяние и блестящие деловые качества были таковы, что стоило Елене Фабиановне поднять телефонную трубку, как просьба ее выполнялась¹.

Думаю, что многие из ныне здравствующих и успешно работающих специалистов могут с благодарностью склонить голову перед памятью этого замечательного человека и мысленно сказать себе: «Еще неизвестно, как сложилась бы моя судьба, если бы не своевременная поддержка, помощь и советы Елены Фабиановны».

Отличало Елену Фабиановну и необычайное бескорыстие, умение найти в человеке самое ценное и помочь ему раскрыть это и утвердить себя в жизни. Живое общение с ней в высокой степени облагораживало и обогащало. Воздействие всего ее облика, душевной красоты и духовной силы было таково, что каждый раз я уходил от нее обновленным и радостным.

Трудно забыть, с каким вниманием относилась Елена Фабиановна к моим сольным концертам. Перед началом она всегда просила зайти к ней. Там я получал «благословение». Вплоть до последнего года жизни она не пропускала почти ни одного моего концерта. Помнится, я никогда не начинал играть, прежде чем не убеждался, что Елена Фабиановна находится в зале. В ее присутствии я гораздо меньше волновался и, более того, постоянно интуитивно чувствовал ее реакцию.

В некоторых случаях раздавалось ее колоритное «браво», иной раз она молчала. Аплодировала Елена Фабиановна или горячо, или вовсе не аплодировала.

Когда на концерт приходил мой руководитель Генрих Густавович Нейгауз, они сидели рядом. В этом случае подъем и сознание ответственности приводили к тому, что я играл особенно удачно.

У меня есть карандашный рисунок, сделанный Еленой Фабиановной во время моего концерта, где она и Генрих Густавович, склонив друг к другу головы, внимательно слушают мое исполнение.

В то время я увлекался... художественным свистом, то есть на полном серьезе высвистывал под собственный аккомпанемент всевозможные арии и романсы. Елена Фабиановна, так же, как и Генрих Густавович, с большим интересом относились к моему музыкальному «хобби».

После подобных выступлений Елена Фабиановна кричала «браво» и, обернувшись к залу, громко изрекала: «Вот так надо петь!» Наибольший успех у нее я имел, исполняя арии Розины из «Севильского цирюльника» и романс Листа «Как дух Лауры».

Широта интересов Елены Фабиановны, молодость и непосредственность ее натуры покоряли бесконечно.

Как-то раз она при мне экспромтом нарисовала дружеский шарж на Константина Николаевича Игумнова. Этот карандашный набросок удачно передает характерный облик Константина Николаевича, хотя изображен он со спины.

Елену Фабиановну всегда отличало чувство юмора. Шутила она то мягко, то иронично, а то и вовсе саркастично. Последнее бывало лишь в тех случаях, когда человека надо было поставить на свое место. От ее пронизательного ума и всевидящего ока ничто не ускользало.

Елена Фабиановна обладала еще одним удивительным свойством — умением находить и привлекать к себе единомышленников. В связи с этим нельзя не вспомнить о Юрии Владимировиче Муромцеве. Как и Елена Фабиановна, он умел смотреть вперед и во многом определял дальнейшую судьбу музыканта. Во всем этом угадывался «почерк» и самой Елены Фабиановны, правда, в более мужественном варианте.

Ее титаническая энергия завораживала...

Среди многих прекрасных встреч с замечательными людьми нашего времени, которые послала мне судьба, Елена Фабиановна Гнесина оставила заметный след. Она была в числе тех избранных людей, которые поражают необычайной силой индивидуальности, душевной щедростью и гигантским размахом деятельности.

Я не знаю, существует ли в природе термин «общественная» энергия, — Елена Фабиановна буквально излучала ее. Эта титаническая энергия была заразной, завораживала и втягивала окружающих в цепь ее забот и интересов.

С благодарностью вспоминаю время 40—50-х годов, когда в детской школе Гнесиных на Собачьей площадке учились мои дети¹. Уровень педагогов тех лет восхищал не только своим высоким профессионализмом, а и тем, как умело, мудро, бережно, интересно была поставлена очень нелегкая работа по воспитанию в детях, помимо любви к музыке, еще и любви к труду, ответственному отношению к занятиям. Какие придумывались интересные формы занятий-игр, разнообразных и занимательных, переходивших потом в настоящие уроки музыки.

А какими интересными бывали открытые уроки, зачеты, концерты! Как обставлялись детские праздники, приуроченные к памятным датам, к праздничным дням страны!

И при всей огромной амплитуде деятельности Елены Фабиановны круг ее интересов не замыкался на школе, училище, институте. Он был необычайно широк. Не только музыканты собирались в ее уютном рабочем кабинете, многие артисты были друзьями и гостями Елены Фабиановны. Она ценила в них, как кажется мне, помимо таланта, дух просветительства, присущий деятельности всякого, кто работает в сфере искусства; просветительства, несущего в жизнь нравственные идеалы, формирующего духовный мир человека, особенно молодого человека, входящего в жизнь.

И еще. Елена Фабиановна была оптимистом в самом высоком значении этого понятия. Смотреть жизни в глаза, преодолевать трудности, встречающиеся на пути, научиться работать так, чтобы это доставляло радость не только самому себе, но и всем вокруг, нести эту радость как результат труда и осуществления поставленных перед собой задач — вот жизненные принципы Елены Фабиановны. Она не только в совершенстве владела ими сама, но и заражала ими окружающих, создавая вокруг себя прекрасную атмосферу любви к искусству, к жизненной красоте.

Счастлив, что знал Елену Фабиановну. Низко кланяюсь светлой ее памяти и памяти всех представителей этой замечательной семьи.

Мои встречи с Еленой Фабиановной Гнесиной

В дни Первого международного конкурса имени Чайковского¹ в Музыкально-педагогическом институте имени Гнесиных состоялась встреча педагогов и студентов фортепианного факультета с французскими пианистами — участниками конкурса. Группу французских музыкантов возглавляла скрипачка Элен Журдан-Моранж², в те годы одна из ведущих музыкальных писателей и критиков Франции. Гостей пригласили в кабинет Елены Фабиановны.

Мне было весьма интересно участвовать в диалоге Гнесиной с Элен Журдан-Моранж в качестве переводчика. Элен Журдан-Моранж интересовалась буквально всем: историей школы, методикой обучения молодых музыкантов, педагогическим составом. В ответ на вопрос, почему институт назван «музыкально-педагогическим», Елена Фабиановна афористически-сжато рассказала о жизни своего детища от основанной еще в 1895 году школы до рождения в 1944 году института. Говорила она убежденно, небыстро. Переводя ее рассказ, я вновь и вновь отмечал то, что неизменно было присуще Елене Фабиановне: благородное честолубие, гордость за созданное ею и ее сестрами учебное заведение.

Говоря о своем постоянном стремлении к демократизации музыкального образования, Елена Фабиановна напомнила французской гостье, что Художественный театр первоначально назывался «Художественно-общедоступный», и сопоставила эту направленность театра с идеалами, которыми и она жила с юных лет, со стремлением к широкой доступности музыкального образования без снижения его высокого уровня.

В разговоре выяснилось, что Эльза Триоле, жена и друг Луи Арагона, в юные годы, живя в Москве, училась в школе Гнесиных³. Елена Фабиановна хорошо помнила ее.

Беседа могла бы продлиться долго, но гостей ждали в маленьком концертном зале, где они исполнили перед студентами института по одной пьесе своего репертуара. После импровизированного концерта все были приглашены на чай. Элен Журдан-Моранж под впечатлением беседы с Еленой Фабиановной загорелась желанием написать о семье Гнесиных и Музыкально-педагогическом институте. «C'est formidabile, vraiment»^{*}, — сказала она на прощание. Выполнила ли это Журдан-Моранж? Она скончалась в мае 1961 года...

* * *

С Еленой Фабиановной Гнесиной мы познакомились в феврале 1953 года, когда я был приглашен вести класс специального фортепиано в институте. Немало удивило меня тогда это приглашение, ибо я посвятил себя еще с конца 30-х годов (с благословения А. Ф. Гедике) камерному ансамблю, кроме того, не был связан никакими нитями с Гнесинской школой. Возможно, выбор Елены Фабиановны был подсказан кем-либо из друзей, хорошо меня знающих.

В первые же годы работы в институте я ощутил со стороны Гнесиной настоящую поддержку. Сколько добрых и мудрых советов дала мне Елена Фабиановна! Один из основных тезисов ее педагогического метода сводился к следующему: «В малом открывать большое, не перегружать педагогический процесс сложностями, подавляющими сознание ученика, мешающими гармоничному, естественному развитию творческой индивидуальности».

Интересно было обсуждать с Гнесиной выступления учеников. Она знала каждую ноту широкого педагогического репертуара фортепианной литературы, в особенности, конечно, классической и романтической, не прощала неточности, недоработки, надуманности трактовки. Будучи музыкантом академического направления, Елена Фабиановна принимала, однако, и даже восхищалась ярко индивидуальной трактовкой больших мастеров — помню ее восторг перед искусством М. В. Юдиной. Когда же студенты-пианисты играли вычурно либо манерно, лицо

^{*} «Это, действительно, потрясающе!» (франц.)

Гнесиной каменело, она становилась холодно-непреклонной, даже недружелюбной. «Пыжится ваш студент, а не играет, — сказала мне после одного экзамена Елена Фабиановна, — проще, проще, точнее, точнее — отсюда начинается мастерство».

Как-то одной из своих учениц я поручил исполнение фортепианного Концерта Дворжака. Хотелось «прикрыть» почти незнакомым у нас сочинением весьма средние возможности пианистки. Мы тщательно разучили концерт и «без сучка, без задоринки» сыграли его. Но выступление оказалось неинтересным и скучным. «Почему вы включили в программу этот концерт? Его как раз нужно было бы сыграть очень яркому студенту, тогда, быть может, он зазвучал бы», — высказала свое впечатление Гнесина. Новый урок для меня!

Радостно было услышать от маститого педагога положительный отзыв, признание успеха ученика. Елена Фабиановна обладала исключительной профессиональной памятью, запоминала исполнение каждого студента. Почти всегда неудачные выступления являлись результатом недостаточно ответственной с моей стороны подготовительной работы в классе. Особое значение Елена Фабиановна придавала выбору репертуара, не допуская в этой области никаких компромиссов, тем более уловок и хитростей. По ее убеждению, молодой музыкант обязан овладеть за годы учения возможно более широким репертуаром, разбираться в стилях.

Так в общении с Гнесиной (пусть не столь уж регулярном) зрело мое педагогическое сознание и умение, а вместе с этим (я чувствовал) росла симпатия Елены Фабиановны ко мне.

По ее рекомендации моим учеником стал Всеволод Сокол-Мацук (ныне один из известных концертмейстеров Москвы). «Будьте с ним построже, — предупредила Елена Фабиановна, — пианист он способный, но разбросанный, поработайте над звуком и освобождением аппарата...».

Контакт между мной и студентом установился с первых же уроков. От выступления к выступлению пианист демонстрировал заметные успехи, и нужно было видеть, как искренно радовалась этим успехам Гнесина, как сердечно поздравляла учителя и ученика.

* * *

Однажды Елена Фабиановна слышала по радио одну из подготовленных мною передач о музыкальной Москве начала нашего века⁴. В передачу были включены старые граммофонные пластинки известных мастеров. «А вы об Иване Алексеевиче Алчевском⁵ слышали?» — заинтересовалась Гнесина. Я вспомнил, что некогда К. Н. Игумнов рассказывал нам, своим ученикам, о незабываемой трактовке Алчевским партии Германа в «Пиковой даме». Константин Николаевич говорил о потрясающей драматической силе этого исполнения и о том, что голос Алчевского вовсе не был идеальным...

Елена Фабиановна поделилась в тот день воспоминаниями о своей дружбе с артистом. Певец хорошо играл на рояле, с особым настроением исполняя прелюдии и поэмы Скрябина. «И знаете, — рассказывала Елена Фабиановна, — находил какие-то новые, свои нюансы в этой музыке. Играл очень увлеченно и захватывал своим исполнением нас». Она передавала свои впечатления об игре Алчевского так живо, что передо мной возникла картина минувших дней: домик на Собачьей площадке, заполненный нескончаемой музыкой, несущейся отовсюду, из каждой комнаты этого гнесинского «гнезда», певец у рояля, Елена Фабиановна, внимающая игре Ивана Алексеевича Алчевского. Затем оба они едут в Художественный театр на «Анатэму» Леонида Андреева с участием Василия Ивановича Качалова.

Гнесина вспоминала об этом легендарном спектакле, о власти искусства Качалова. А я как будто окунулся в атмосферу художественной жизни Москвы 10-х годов нашего века.

С грустью говорила Елена Фабиановна о столь неожиданной кончине Алчевского во время его гастролей в Баку (ему было немногим более сорока лет). О природе, как бы откликнувшейся на преждевременную смерть Алчевского: во время похорон певца в конце апреля всех поразило пение какой-то прелестной птицы над открытой могилой — волшебное, необъяснимое... Долго смотрела на меня Гнесина после этого рассказа, смотрела и как будто не видела, настолько она ушла в свои думы.

Потом сказала: «Поразителен — поразителен этот уход бесценного художника...».

* * *

Часто кабинет Елены Фабиановны становился как бы художественным клубом института. В нем проходили заседания фортепианной кафедры. На одном из них я прочитал доклад о Беле Бартоке. Елена Фабиановна сидела в своем кресле совсем рядом с роялем, на котором я по ходу своего рассказа играл Сюиту ор. 14 и миниатюры из юношеских опусов композитора. Я включил в доклад неизвестные в то время авторские высказывания Бартока об отдельных его сочинениях. Мое увлечение Бартоком, кажется, передалось аудитории, кроме... Елены Фабиановны. Она не скрыла своего равнодушия к творческим поискам и свершениям венгерского музыканта...

«Константин Христофорович, не сыграете ли Вы с Александром Кондратьевичем Власовым⁶ Сонату-балладу Михаила Фабиановича? Пьесу эту словно забыли. А музыка ее мне куда ближе, чем Барток»⁷, — доверительно сказала она мне, когда мы остались наедине после доклада.

Прошло некоторое время. Просьбу Елены Фабиановны мы с Власовым выполнили, с большим удовольствием разучили и исполнили Сонату-балладу в институте, а затем на концерте в Малом зале консерватории.

Елена Фабиановна любила цветы. В моем старом альбоме хранится засушенный цикламен, подаренный Гнесиной моей дочери, когда ей было всего 7 лет. К 80-летию моего учителя Александра Федоровича Гедике⁸ Вера Шубина⁹ преподнесла ему букет благоухающих роз — «От Гнесиных». В глазах растроганного старого музыканта мелькнула слеза...

Идут годы. Память хранит образы замечательных людей, с которыми приходилось встречаться. В этой памяти — постоянная, невыразимая словами благодарность за «связь времен», за познание, за величие духа и дел в служении искусству.

Из дневниковых заметок студентки-заочницы

В класс Елены Фабиановны Гнесиной я попала благодаря тому, что в Институте имени Гнесиных открылось заочное отделение. Была я уже взрослым человеком, имела диплом об окончании историко-теоретического факультета Ленинградской консерватории и уже немалый исполнительский и педагогический опыт.

Намерение вести записи занятий с таким замечательным педагогом и человеком, как Елена Фабиановна, возникло уже при первой встрече с нею. Напряженность очных сессий и бытовые условия общежития не способствовали систематичности моих дневниковых записей. Некоторые из них привожу.

22 июня 1955 г.

В четыре часа дня была в протезном институте у Елены Фабиановны. Она лежит здесь с переломом бедра. Лежит в одном положении, на спине. Встретила она меня радостным возгласом: «Таня, милая, пришла!!!» Пробыла у нее целый час. Обрадовала пятеркой, полученной мною на экзамене по специальности.

Елена Фабиановна рассказала, что сегодня как раз первый день, как ей здесь в палате поставили телефон, и она уже с утра вела деловые разговоры и поблагодарила министра Михайлова за то, что он содействовал в установке телефона¹. Говорила о том, как ей не хватало связи с Институтом, с внешним миром, и что теперь, когда появился телефон, стало гораздо легче, и самочувствие лучше.

Спросила, помогала ли мне Лина Борисовна перед экзаменом? А потом сказала: «Да, Лина занимается терпеливо. Я так не умею. Я рада, что она моя ученица»². Спросила, свободнее ли стали мои руки? Я сказала, что на экзамене отметили мои успехи, сделанные за эти полгода, то есть с января. Спросила, что мне посоветует Елена Фабиановна взять на будущее из крупных произведений для программы госэкзамена? Елена Фабиановна подумала и, как бы размышляя вслух, сказала: «Есть одно сочинение, которое, мне кажется, можно взять. Но оно очень трудное, в нем много важных деталей, и нужно много работать по-настоящему. Это соната Глазунова b-moll». На что я ответила: «А я тоже думала об этой сонате». Тут она решительно заявила: «Ну, вот, видите, как хорошо совпало. Попробуйте, Таня, начинайте работать! И по-настоящему!»

На мои слова, что мне очень не хватало в эту сессию, чтобы Елена Фабиановна поругала меня, как бывало на уроках, она улыбнулась: «Ну, это я вас авансом ругала, чтобы не забывали, что нужно работать, работать и работать».

Елена Фабиановна расспрашивала меня об Илюше Ягодине³. Как играл он на экзамене. Это ее ученик, любимый. Он переходил в десятый класс. Я сказала, что мне он понравился тем, что играл как серьезный музыкант — глубоко, сдержанно, не поверхностно. Исполнял он Прелюдию и фугу es-moll Баха из I тома ХТК и первую часть Первого концерта Шопена, а еще Дебюсси.

«Я не люблю, — сказала Елена Фабиановна, — когда прежде времени стремятся прививать не свойственную детям эмоциональность, насилюя их возраст. Это придет со временем. Никогда не надо с этим спешить. Я рада, что он хорошо сыграл фугу. Баха нужно играть постоянно. Гофман считал, что произведения Баха и Песни без слов Мендельсона должны быть настольной книгой пианиста. На них можно научиться многому».

За окном палаты Елены Фабиановны не переставая ни днем, ни ночью, шумит какая-то фабрика. «Я уже привыкла. Закрыв глаза, представляю себе, что это шумит море. Я очень люблю шум моря, когда волны перекачивают мелкие камешки...».

Кровать Елены Фабиановны высокая, на колесиках, со всякими приспособлениями для поддержки ее больной ноги.

Однажды ночью, — рассказывала Елена Фабиановна, — я рукой оперлась о стену, и вдруг чувствую — стена едет от меня! Спрашиваю дежурную няню: «Что ж это такое, что стена едет?!» А она улыбается: «Это не стена, а кровать ваша двигается!» Мы обе смеялись.

Я упрекнула Елену Фабиановну в том, что, несмотря на больные ноги, она была слишком самостоятельна и ни на чью помощь не желала рассчитывать. А надо было беречь себя. Елена Фабиановна даже немного рассердилась и ответила, что такой она всю жизнь прожила, такой и останется до конца и во всем будет рассчитывать только на себя. Врачи ей сообщили, что нога начала срастаться, но лежать придется еще не менее двух месяцев, а может быть и больше. Сама она все же предполагает к сентябрю, к началу учебного года, быть дома. Просит меня всем передать, что она бодрa и надеется на скорое выздоровление.

«Что ж, надо терпеть и не падать духом, — улыбнулась она. — Мне все говорят, что я им нужна, и что меня не хватает в институте, что без меня пусто».

И это правда. Всем она вовремя умеет сказать нужное слово, помочь делом. Не пропустит ни одного экзамена, ни одного концерта.

«Сломала я ногу 11 мая, — рассказывала Елена Фабиановна, — накануне, 10 мая, я была на юбилее у Гольденвейзера. Мне там еще все говорили, что я помолодела и похорошела!.. — Елена Фабиановна засмеялась. — Гольденвейзер ведь сам играл на своем юбилее! Может быть, и не стоило бы ему играть? Но он смелый!»⁴.

Зашла речь о Глиэре. Я рассказала, что мы установили с ним связь, что он написал нам хорошее письмо, прислал фотографию, ноты⁵. И что мне бы хотелось лично с ним познакомиться, побывать у него. Я пожаловалась, что Киев нам не отвечает на письма, где мы просим, чтобы наша школа носила имя Глиэра.

«Верно, — согласилась Елена Фабиановна. — Ведь он родился на Украине, киевлянин, сделал для республики много хорошего. Что ж вы ему не написали, что вы моя ученица! Он замечательный человек! Мы дружны с ним с давних лет! Если вам не ответят — пишите о своем желании Михайлову, в Москву!»

Она выпила чашку крепкого чая с шоколадными конфетами и, конечно, все угощала меня. На столе у нее полно цветов — пионы, сирень, ромашки. Один из букетов — от министра Михайлова.

«Ко мне приходят каждый день. Бывает по пять-шесть человек. А на ночь меня причесывает и помогает мне мать Илюши, Екатерина Александровна. Она так засиживается, что ее начинают выпроваживать»⁶. Потом сменила тему:

«Есть ли у вас, Таня, здесь в Москве знакомые? Где вы бываете? Обязательно сходите на выставку Дрезденской галереи⁷. А завтра послушайте на экзамене нашего вокалиста — Бражника, бас. Очень хороший певец. Он еще учится, но уже поет в Минской опере. Солист, поет главные партии. Обещал мне, что институт обязательно закончит. Непременно послушайте, потом мне расскажите»⁸.

Юрий Владимирович завтра прилетает с конкурса. Говорил, что придет ко мне сразу по приезде»⁹.

На тумбочке возле кровати лежат газеты. Елена Фабиановна регулярно просматривает их. Заговорила о Джавахарнале Неру. «Он и в Крыму побывал, быстро облетел весь наш Советский Союз» — сказала она. Я заметила, что, возможно, скоро пожалует к нам Аденауэр. «Да, но он политически тесно связан с американским правительством. Он так и сказал, что переговоры у нас будет вести, ни в чем не отступая от Северо-Атлантического пакта»¹⁰.

На кровати лежала раскрытая книга. Я заглянула: Конан Дойль, о Шерлоке Холмсе. «Это меня снабжают легкой литературой. Да и по весу легкая — тяжелой мне не удержать».

Подняв голову, я увидела, что потолок в палате весь в протеках и требует срочного ремонта. Елена Фабиановна сказала, улыбаясь: «Да, я уж спрашивала главного врача. Говорит, что скоро будут делать ремонт. А я всполошилась: как же с моей ногой? Говорит: „Перевезем!“»

Елена Фабиановна довольно сильно исхудала. Особенно это заметно, когда смотришь на ее руки.

«Вот все, что мне можно! — сказала она и взялась за металлическую палку над головой, прикрепленную к кровати. — Это моя единственная гимнастика».

У меня не было впечатления, что передо мной тяжело больной человек. Столько жизни, ясной мысли, юмора было в ее разговоре. Невольно забываешь о том, что вот так, не меняя положения, она лежит здесь в больнице уже почти два месяца. Это очень опасно для легких — может быть отек. Страшно за нее, и веришь, что она не поддается, будет стойкой. 31-го мая ей уже исполнился 81 год.

Пожалела она сестру свою, Ольгу Фабиановну: «Она очень устает, ведь ей приходится бывать на всех экзаменах!» Прощаясь, Елена Фабиановна попросила: «Таня, милая, приходите! И скажите Лине, что я жду ее. Как у нее дела с диссертацией? Спасибо ей, во время моей болезни она так помогла мне, работая с моими учениками». И вдруг: «Таня! Учите Концерт Бетховена! [Третий, c-moll — Т. А.]. Обязательно учите!»

24 июня, 1955 г.

Сегодня узнала от Лины Борисовны, что Елена Фабиановна говорила с ней по телефону, и опять обо мне беспокоилась. Передала ей, что мы выбрали сонату Глазунова и Концерт Бетховена.

5 января 1956 г.

Зимняя сессия заочников. С 11 до 12.30 — урок у Елены Фабиановны. Играла Сарабанду Баха-Годовского из скрипичной сонаты. Елена Фабиановна сказала, что все получится. Сделала много замечаний. Советовала не спешить, играть шире. Рассказывала о Годовском, с которым встречалась в Москве до 1917 года¹¹. Просила его тогда послушать ее любимую ученицу Олю (фамилию ее я забыла, кажется, Козицкая). Оля сыграла ему Баха — Прелюдию и фугу es-moll из первого тома ХТК и Серьезные вариации Мендельсона. Годовский выразил готовность заниматься с девочкой. Ей было 16 лет. Она поехала для этого в Австрию, где он жил. Училась у него год, весьма успешно. Годовский показывал талантливую ученицу другим музыкантам, как образец исполнения. Особенно ей удавалась Английская сюита Баха. Вскоре, 17-ти лет, она вышла замуж за немецкого коммуниста Плятта и умерла во время родов¹².

Я спросила, какие еще были у Елены Фабиановны любимые ученики. Оказалось, любимых было много. Среди известных — Лева Оборин; вспомнила и исключительно талантливого, яркого Митю Зернова, тонкого, чуткого музыканта... Он умер совсем молодым в Швейцарии, где лечился от туберкулеза. Аренский за исполнение своей музыки очень хвалил Митю¹³. Среди других назвала она и Лину Борисовну. Подчеркнула сочетание в ней музыкальности и ума. Концертирующей пианисткой она не станет, но будет прекрасным педагогом — считала Елена Фабиановна.

Зазвонил телефон. Это Лина Борисовна. Говорила о талантливом студенте-композиторе и пианисте. Учится на двух факультетах. Но не серьезен, живет беспечно, сорит деньгами, по многим предметам — «хвосты». Обе они «прибирают его к рукам». Удастся. Он даже принес Елене Фабиановне свои деньги на хранение. Играл ей свои вариации. Елена Фабиановна похвалила, но Лине Борисовне сказала, что в них, пожалуй, многовато «перцу» и местами они уж очень напоминают то Прокофьева, то Шостаковича. Вспомнила, как Скрябин об одном молодом композиторе сказал однажды: «Плохо, если он начинает с меня». И правда. Что ж тогда дальше делать, куда идти?

Выбирали мне программу на весну. Будет Бетховен — Третий концерт целиком, «Сады под дождем» Дебюсси, и Елена Фабиановна хочет какой-нибудь Ноктюрн Шопена, например *Desir*. Я предложила несколько мазурок Шопена, так как хорошо знаю их, все 56, тщательно изучила их еще в Ленинградской консерватории (моя дипломная работа была посвящена мазуркам Шопена). Но Елена Фабиановна посоветовала мне приготовить мазурки к выпускной программе.

Я сказала, что во вторник Лина Борисовна будет заниматься в 63-м классе, и что пойду к ней туда. Елена Фабиановна грустно заметила: «Да, но я-то там быть не смогу» (из-за больной ноги она из квартиры не выходила). И мы условились, что во вторник, в два часа, все трое соберемся в кабинете Елены Фабиановны...

Молодость в девяносто два

Из всех домов творчества и отдыха я больше всего люблю «Рузу» композиторов. Маленькие одноэтажные домики спрятались среди дубов, орешника, елей. Им и надо «отбежать» друг от друга на некоторое расстояние — ведь каждый домик звучит, звучит своей музыкой, и как сладко отдыхать и писать, когда потрескивают дрова в печке и разносится запах хвои!

Кто-то стучит в мою дверь. Композитор Марк Мильман — профессор Московской консерватории¹. Он хочет сыграть мне первую картину новой детской оперы. Ну что ж, с удовольствием. Устраиваемся поуютней около рояля. Здесь, в каждой даче — рояли лучших фирм. Мильман — хороший пианист, а это далеко не всегда встретишь у композитора.

— Вы гнесинец? — спрашиваю с хитринкой.

— А что, очень стараюсь? — смеется он и добавляет: — Угадали, гнесинец. Так ведь и Арам Хачатурян и Тихон Хренников — много нас, гнесинцев. Кстати, Елена Фабиановна сама сейчас здесь отдыхает, может, зайдём к ней завтра вместе?

Елена Фабиановна Гнесина!

Как много лет я ее не видела! И какое трепетное уважение вызывает у меня ее имя, ее жизнь-подвиг. Сколько сделала она для сближения детей и взрослых с музыкой, скольким прежде робким и безвестным, а теперь знаменитым открыла дверь в царство музыки.

— Сколько Елене Фабиановне лет?

— Девяносто два.

— Де-вя-но-сто два? Зайдем, конечно. Принесем цветов, посидим, почтительно помолчим...

— Почему помолчим? Ей есть что порассказать!

— Вы что, смеетесь? Девяносто два! Некоторые и в пятьдесят — чуть что, хватаются за голову: «Ах, склероз, ах, все забыла».

— Бывает и так. Но Елена Фабиановна — живительный человек.

Наутро отправляемся в Малеевку, что по соседству. В Доме творчества писателей оранже-рея лучше, чем у композиторов. С букетом свежесрезанных роз, волнуясь, подходим к коттед-жу, где живет Гнесина. Он голубой, как ясное небо, с большой застекленной террасой. Близ нее огромный дуб, как сказочный страж. Мильман почтительно стучит в дверь.

— Можно?

Как ни странно, Елена Фабиановна сразу узнает его голос:

— Марк, ты?

— Я, Елена Фабиановна.

— Заходи, дорогой. Года три тебя не видела. Не мог собраться? А ведь обещал... Ну, са-дись.

Марк Владимирович извиняется и чтобы перевести разговор на другую тему, называет мою фамилию. Елена Фабиановна здоровается со мной высокомерно, смотрит пристально. Зато, ко-гда переводит глаза на Мильмана, становится ласковой:

— Много вас, учеников, прошло через мои руки и всех люблю, как родных, за всех пережи-ваю. Ты в прошлом году в звании профессора утвержден? Горжусь. Поздравляю.

Мильман встает с места. Робко, как пригостишка, подходит к Елене Фабиановне, почти-тельно целует руку. А мне смешно: как внезапно он «помолодел» — словно семилетний в ко-ротких штанишках приближается к своей знаменитой учительнице, чтобы с замиранием сердца сыграть ей первые этюды Черни и мажорные гаммы...

Первые уроки музыки! Они никогда не изгладятся из памяти у тех, для кого музыка навсе-гда стала в жизни главной.

Елена Фабиановна выпрямляет спину, величественно вскидывает седую голову и, повер-нувшись ко мне, говорит строго:

— А на вас, Наташа Сац, я сержусь с 1920 года.

Теперь уже я чувствую себя приготовишкой, и... ничего не понимаю. Что могло произойти... сорок пять лет тому назад?! Однако Елена Фабиановна продолжает обращаться именно ко мне:

— Куда это вы увезли Луначарского 15 февраля 1920 года?²

Нет, она совсем не шутит. Но как я могу в 1964 году вспомнить о том, что было в какой-то день 1920-го?

Елена Фабиановна поворачивается к Мильману и запальчиво говорит, обращаясь к нему:

— Представляешь себе, Марк? Первые годы революции. Музыкальный отдел Наркомпроса должен объединить ведущих музыкантов Москвы, а что может быть хорошего, если во главе стоит Артур Лурье?³

— Его за глаза Халтур Дубье звали, — старается разрядить напряжение Мильман. Но Елена Фабиановна, скрывая улыбку, продолжает так же горячо:

— Настоящий Халтур Дубье. Один козырь: к нему Игорь Федорович Стравинский неплохо относился — вот и все заслуги. Ну, не перебивай, слушай! Меня просили устроить вечер отдыха для Объединения ведущих музыкантов Москвы. Праздничный вечер⁴. Решили разыграть шараду «Симфония». Первый слог — «Сим», это из Ветхого завета, ясно: Сим-Хам-Иафет. Эти роли удачно разошлись среди моих учеников по фортепиано. Только каждый хотел играть Хама — яркий характер. Все получилось. Быстро отрепетировали. «Фон» — тоже не трудно. Сняли чехол с рояля, двое его держат, молодая арфистка на этом фоне восточный танец выделявала. Потом надо разыграть — «ия». Крикнула: «Кто в буфет?» Много голосов: «Я! И я!...» Смеялись. Это все молодежь изображала. А гвоздем программы было целое — «симфония». Исполняли «Детскую симфонию» Гайдна. Я сама оркеструю ее, сама достаю и приношу для нее все музыкальные инструменты, все, что тогда можно было достать. Тут молодежью не обойдешься. Нужны «тузы». Зову друзей — «маститых». А. Т. Гречанинов получает дудочку «перепел» и... наотрез отказывается: «Вышел я из этого возраста». Ну, а знаменитая пианистка Елена Бекман-Щербина игрушку «кукушка» взяла безропотно, хотя и не очень охотно.

На мое счастье входит Шалапин.

— Федя! Ты будешь участвовать в моем оркестре?

— С удовольствием, Елена Фабиановна, только не знаю, справлюсь ли...

— А ты смотри на меня — я сама буду дирижировать и все тебе покажу.

Шалапин из двух листов туго скатанных газет сделал мне огромный дирижерский жезл. Потом попросил себе самый легкий инструмент. Дала ему игрушечный треугольник и палочку.

Как только сел в оркестр Шалапин, все «маститые» захотели в моем оркестре участвовать. Борис Красин получил рожок. Марк Мейчик — «соловья», а Сергей Кусевитский — трещотку⁵. Кусевитский тогда был в зените дирижерской славы, а у меня, конечно, озорничал: изображал человека, с трудом дорвавшегося до места в оркестре; он, дескать, так счастлив, что в руки к нему попал наконец музыкальный инструмент, что трещит своей трещоткой без передыху. Он и на «пиано» и в паузах трещал, смотрел с восторгом на свою трещотку, улыбался до ушей, и публика тоже.

Но из всех музыкантов лучше всех был, конечно, Федя Шалапин. У него была физиономия человека, впервые слышавшего музыку. Он старался ударять так, чтоб не звенело, краснея, не спуская с меня глаз, но когда я ему показывала вступление, начинал волноваться, каждый раз опаздывал, а когда я показывала паузу, вдруг ударял лишний раз и, видя, что опять напутал, закрывал лицо треугольником, сжимался, словно хотел провалиться сквозь землю. Он и тут, как всегда, создал неповторимый образ.

Как все смеялись! Успех был неопиcуемый. Кусевитский даже приревновал меня к дирижерской славе:

— Конечно, оркестр Гнесиной лучше моего, у меня ведь нет таких музыкантов, как Шалапин.

А Федя очень серьезно пожал мне руку и сказал: — Спасибо, наш Никиш.

Да, это был удивительный вечер. На улицах было темно: гражданская война. И хотя многие боялись ночью идти домой и сидели до шести утра, смех не умолкал.

Елена Фабиановна прервала свои воспоминания и, повернувшись ко мне, заговорила совсем по-другому — тоном генерального прокурора.

— Но кто мог эту талантливую симфонию оценить больше всех? Кто? Конечно дорогой Анатолий Васильевич Луначарский. Он мне слово дал после заседания в Наркомпросе к нам приехать, но... нет его! Такие люди, как Федя, Сережа, да и мы все, — его ждем, а его нет. Спрашиваю, где он? И слышу: его целый день в Наркомпросе дожидалась Наташа Сац и потом куда-то увезла.

— Как вы могли так нехорошо поступить и куда вы его в тот день увезли? — не спросила, а допрашивала меня Елена Фабиановна со всей строгостью.

— Милая Елена Фабиановна! В этот день решался вопрос, быть или не быть Московскому театру для детей. Анатолий Васильевич сам назначил на этот вечер, еще заранее, просмотр спектакля «Жемчужина Адальмины», спретенитованного нами в комнате. Важнее этого для меня в тот момент ничего не могло быть. Ну я и уговорила его отказаться от вашей гениальной вечеринки во имя самого важного, по моим убеждениям, дела⁶.

Елена Фабиановна посмотрела на меня более мирно и ничего не сказала. А я унесла домой тепло воспоминаний об этих молодых годах Октября, когда все, да, все без исключения работники советского искусства были влюблены в своего наркома и «похищали» его по мере сил друг у друга. И не только потому, что от него многое зависело, а потому, что он был для всех нас непререкаемым авторитетом в вопросах искусства. Он умел увлекаться творчеством многих, давать цветение новому в советском искусстве, вдыхать веру в его перспективы.

После встречи с Еленой Фабиановной в Доме творчества композиторов прошло месяца два. Однажды раздался телефонный звонок:

— Говорит Елена Фабиановна. Наташа, я вас простила. Буду рада, если заедете ко мне.

— Обязательно.

Здание Института Гнесиных на улице Воровского построено недавно. Оно грандиозно. Сколько музыкальных храмов помогли воздвигнуть энергия, ум и сердце этой замечательной женщины!

Чудесная, своеобразная жизнь в Музыкальном институте Гнесиных. Все здание звучит!

Мне приходится дважды повторить вопрос, как пройти в квартиру Елены Фабиановны. Миную звуки духового оркестра, потом — музыку оркестра народных инструментов, смех и шуточки толпящихся в раздевалке. Белоголовый сторож показывает мне путь куда-то наверх, откуда уже четвертый раз доносится: «Куда, куда, куда вы удалились...»

Елена Фабиановна живет в этом же здании. Надо преодолеть две внутренние лестницы, чтобы попасть туда. Музыкальный энтузиазм охватил всех в этом доме: на первых ступенях лестницы, ведущей в квартиру Елены Фабиановны, примостилась девушка с домрой; двумя ступенями ниже упорно повторяет один и тот же пассаж парень с контрабасом; еще «вполголоса» играет на своем фаготе светловолосый юноша в майке. «Пробиться» к входной двери нелегко. Контрабасист застенчиво улыбается и оттаскивает свой агрегат на ступеньку выше, почти сталкиваясь лицом к лицу с фаготистом.

Звоню, раздеваюсь в прихожей. Вхожу в просторный кабинет с двумя чудесными роялями. На стенах — портреты с собственноручными надписями Рахманинова, Бузони... Около большого письменного стола в серебристо-сером бархатном жакете в цвет взбитых серебряных волос сидит прямая, мудрая Елена Фабиановна. В руках у нее телефонная трубка:

— Вы, конечно, правы. Я вас понимаю. Но он окончил с отличием, преподает в нашем филиале в Башкирии⁷. Неужели вы, товарищ генерал, лишите Уфу музыкальной культуры? Что?.. Очень... Это точно?.. Большое спасибо.

Она кладет трубку и улыбается, как Суворов, выигравший трудное сражение. Ясно — генерал по ту сторону телефонной трубки отступил. Чьи-то шаги в передней.

— Лена, ты? — Слух у Елены Фабиановны изумителен. — Не стесняйся, заходи. Кого вы брали в местком?

Лена сообщила и убежала. Все в порядке. Елену Фабиановну интересуют все подробности организуемого нами детского музыкального театра, который вот-вот откроется. И в труппе, и в оркестре «гнесинцев» у нас полно. Она просит обратить внимание на скрипачку Любочку, на-

чинает рассказывать ее биографию, но тут... как-то боком входит иностранный журналист. Елена Фабиановна чуть заметно меняет позу и выражение лица. Она сейчас очень похожа на бельгийскую королеву, портрет которой с дарственной надписью висит за ее спиной⁸. Чопорный журналист ей явно не нравится. Она отвечает кратко, сухо. Журналист торопится освободить ее от своего присутствия.

— Будьте любезны, последний вопрос. Я слышал, что у вас плохо с ногами, вы, простите, сейчас, кажется, больше не работаете?

Уничтожающий взгляд и спокойный ответ:

— А я, милый, не балетная. Всю жизнь не ногами, а головой работала.

Журналист краснеет, встает и, зацепившись за ковер, чуть не оказывается лежащим на полу. Ушел. Принесли почту: телеграмма и восемь писем. Одно, видимо порадовало Елену Фабиановну:

— Он хороший, Слава. Не забывает.

Протягивает мне узкий лиловый конверт: Святослав Рихтер. Гастролирует в Париже. Просит Елену Фабиановну больше следить за своим здоровьем. Шлет самые нежные сердечные пожелания⁹.

Сверху несется ноктюрн из квартета Бородина, в левом углу кто-то твердо решил овладеть чарами Кармен: «Любовь — птичка, но не ручная, и приручить ее нельзя...» Нечисто, еще раз: «...и приручить ее нельзя...» Опять неточно: «...приручить ее нельзя...»

По-видимому, действительно никак нельзя. Осмелел контрабасист у входных дверей, звучным «форте» решил бороться за свои права духовой ансамбль. Смотрю на Елену Фабиановну сочувственно.

— Вас, верно, раздражают все эти звуки?

— Раз-дра-жа-ют? — Она смотрит на меня, как львица на кролика. — Как же могут звуки меня раздражать? Раньше было слышно, что во всем здании делается. Считаю звукопроницаемость полным абсурдом. Быть все время с ними, с их музыкальным становлением — разве в этом не самое большое счастье жизни?

Ей — девяносто лет. А у многих ли двадцатидевятилетних есть такая ясная цель жизни, такая страстная любовь к своему делу?!

Две встречи с Ел. Ф. Гнесиной

Дом-музей А. П. Чехова на Садово-Кудринской бережно хранит память о встрече двух русских гениев — Антона Павловича Чехова и Петра Ильича Чайковского. В 1960 году совпали две крупных юбилейных даты — 100-летие со дня рождения Чехова и 120 лет со дня рождения Чайковского. У сотрудников музея возникла мысль ознаменовать это событие вечером, посвященным творческой дружбе писателя и композитора. Помимо доклада хотелось услышать произведения Чайковского, которые любил Чехов, и в частности, сцены из оперы «Евгений Онегин». Зная, что впервые опера была исполнена силами молодежи, мы решили к участию в концерте привлечь студентов Гнесинского института. Для этого надо было заручиться содействием Гнесиной. Я позвонил Елене Фабиановне по телефону, и она назначила время приема.

Стоял прекрасный майский солнечный день, но настроение мое вовсе не было мажорным. Я шел на улицу Воровского с некоторой тревогой. Дело в том, что у меня еще в юности сложился образ Елены Фабиановны как человека сурового и даже резкого. Когда-то в давнее время мне нужно было разыскать товарища по лесной школе — талантливую девочку, занимавшуюся музыкой. Мне посоветовали пойти в училище Гнесиных. На свою беду, первой, кого я там встретил, была Елена Фабиановна. Очевидно, приняв за поклонника своей ученицы, она резко меня отчитала и посоветовала поискать свою знакомую где-нибудь в другом месте.

Позже, когда мне случалось встречать Елену Фабиановну на концертах, она также казалась мне суровой и строгой.

Я слышал, что Елена Фабиановна перенесла тяжелую болезнь. Кто знает, может быть, болезнь еще усилила ее суровость? Найду ли я с нею общий язык, захочет ли она помочь в организации музыкального вечера вне института? Да и вообще можно ли устроить вечер в трудное для студентов экзаменационное время? Однако когда я увидел Елену Фабиановну, то сразу забыл о своих опасениях. Голос ее звучал бодро, глаза были живыми, ясными, пронизательными. Елена Фабиановна сразу же по-деловому предложила мне рассказать о музее, о наших музыкальных вечерах. Чтобы облегчить задачу, я передал ей свою книжку «Дом А. П. Чехова в Москве», вышедшую в 1958 году¹. Елена Фабиановна с интересом рассматривала иллюстрации к книге, задала мне несколько вопросов, вдруг улыбнулась, видимо, каким-то воспоминаниям и стала рассказывать об Ольге Леонардовне Книппер, будущей жене А. П. Чехова.

Тогда это была молодая девушка, мечтавшая о театре, а сама Елена Фабиановна лишь недавно окончила консерваторию. В 90-х годах обе они в летние месяцы жили в поэтической усадьбе Гончаровых «Полотняный завод», связанной с именем Александра Сергеевича Пушкина.

Молодые обитатели усадьбы и их гости увлекались театром и музыкой. Организовали народный театр, в котором приняли участие рабочие и служащие гончаровской фабрики. Ставились драматические спектакли, водевили, отрывки из опер. У Ольги Леонардовны, вообще очень музыкальной, был хороший голос. Она принимала самое активное участие в постановках и даже пела Татьяну в «Евгении Онегине». Конечно, и для Елены Фабиановны, музыканта, нашлось много увлекательной работы².

Прошли годы. Мечты осуществились, и Ольга Леонардовна стала известной артисткой Художественного театра, а юношеское знакомство продолжалось.

Позднее Елена Фабиановна познакомилась и с Чеховым. Ее поразила простота и скромность Антона Павловича. Говорила о нем Елена Фабиановна с удивительной теплотой. Интонации ее голоса, выражение глаз словно доносили до меня все обаяние Чехова. Особенно запомнились Елене Фабиановне две встречи с Антоном Павловичем.

Первая, очевидно, произошла в мае 1901 года, накануне женитьбы писателя.

Вот записанные мною дословно кусочки из воспоминаний Елены Фабиановны: «Я была знакома с Анной Ивановной Книппер, матерью Ольги Леонардовны³. Была у них в гостях. Ан-

на Ивановна меня задержала: „Сейчас придет Антон Павлович, будем обедать. Мы каждый день ждем — вот-вот придет“. Антон Павлович скоро пришел. Немножко сконфуженный вид*. Сели обедать. Я рассказывала о своем училище. Потом вспоминали какие-то курьезы. Как однажды денщик дяди Ольги Леонардовны, он был военный, доложил: „Пришла Елена Фортепьяновна!“ Антон Павлович и все смеялись.

Анна Ивановна достала бутылку вина и сказала: „Давайте выпьем за Антона Павловича и... Ольгу“. Это не было заранее подготовлено».

Далее Елена Фабиановна вспомнила о другой, контрастной по настроению встрече с Чеховым во время обострения его болезни. «Я была у Чехова в Сандуновском переулке. Тяжелое впечатление. Антон Павлович был хмур, тяжело шагал». Елена Фабиановна была у писателя в доме Гонимой по Звонарному (ныне 2-му Неглинному) пер., вблизи Сандуновских бань.

Просматривая мою книгу, Елена Фабиановна обратила внимание на репродукцию с фотографии П. И. Чайковского, подаренной композитором Чехову в день встречи в доме на Садовой-Кудринской. Вверху в левом углу фотографии ясно можно прочесть надпись: «А. П. Чехову от пламенного почитателя, 14 окт. 89 г.». — «А, знаете, я в юности видела Петра Ильича», — сказала Елена Фабиановна. Конечно, я попросил ее рассказать об этой встрече.

Ученица Московской консерватории (тогда еще консерваторцев не называли студентами) Елена Гнесина стремительно спускалась по лестнице и столкнулась с композитором, пришедшим навестить свою любимую консерваторию. От неожиданности Елена Фабиановна даже не сразу успела смутиться, смущен и растерян был Чайковский. А с верхней площадки лестницы эту сцену наблюдала инспектор консерватории Александра Ивановна Губерт, которую побаивались не только студенты, но иные профессора⁴.

Елена Фабиановна с большим юмором воспроизвела сложное выражение лица А. И. Губерт — порицающее по адресу невольной виновницы столкновения и любовно-ласковое по отношению к Чайковскому, ведь А. И. Губерт была другом композитора. Вероятно, Елена Фабиановна не один раз рассказывала об этом эпизоде, но, казалось, что она рассказывает впервые — с такой непосредственностью изображала она и свое душевное состояние, и растерянного Чайковского, и строгую Губерт.

Передо мною сидел человек, видевший Чехова и Чайковского! А сколько же времени прошло с тех пор? Вспомним, что Чехов скончался в 1904 году, а Чайковский значительно раньше — в 1893-м.

Идея нашего вечера, посвященного двум близким деятелям русского искусства, пришлась по душе Елене Фабиановне, и мы стали обсуждать его программу. Время было летнее, организовать хороший концерт силами студентов было не так-то легко. Елена Фабиановна тут же начала кому-то звонить, узнавать, можно ли привлечь к участию в вечере того или иного молодого исполнителя. Чувствовалось, что перед ее глазами стоят не отвлеченные студенты, а совершенно конкретные юноши и девушки, которых она хорошо знала. А ведь их в институте было так много!

Я смотрел на Елену Фабиановну, восхищался энергией, душевной молодостью этой больной, старой женщины. Уходил я от нее с чувством большого душевного подъема, и майский день казался мне теперь особенно сияющим, радостным.

А через три дня мне снова пришлось побывать в доме на улице Воровского: надо было уточнить некоторые детали программы будущего вечера. Елена Фабиановна встретила меня приветливо и пожелала познакомиться со своей младшей сестрой Ольгой Фабиановной, которая показалась мне внешне мало похожей на старшую сестру. Ольга Фабиановна держалась так же доброжелательно и просто, как и ее старшая сестра. Узнав, что перед нею сотрудник музея Чехова, Ольга Фабиановна рассказала, что однажды встретила Антона Павловича у Ольги Лео-

* Некоторое смущение Антона Павловича объясняется, по-видимому, предстоящей женитьбой. Как вспоминает сестра писателя Мария Павловна, «брат всегда боялся публичных выступлений. Пышная торжественная процедура свадебного обряда, связанные с ним традиции, его буквально пугали. Он еще за месяц до свадьбы писал Ольге Леонардовне: «Если ты дашь слово, что ни одна душа в Москве не будет знать о нашей свадьбе до тех пор, пока она не совершится, то я повенчаюсь с тобой хоть в день приезда. Ужасно почему-то боюсь венчания и поздравлений, и шампанского, которое нужно держать в руке и при этом неопределенно улыбаться». (Чехова М. П. Из далекого прошлого. М., 1960, с. 223—224).

народовны. Чехов был в сюртуке и имел торжественный и одновременно застенчивый вид. «Вот человек, к которому нельзя было не чувствовать нежность», — добавила Ольга Фабиановна в заключение своего краткого рассказа.

Нашу беседу прерывали посетители — студенты и преподаватели гнесинских учебных заведений — приходившие к Елене Фабиановне по каким-то неотложным делам.

По тому, как беседовала Елена Фабиановна с посетителями, по характеру ее телефонных разговоров, я почувствовал, что она не номинальный руководитель учебных заведений имени Гнесиных, а их душа, деятельный участник повседневной жизни. Меня поразило, что, почти не имея возможности передвигаться, Елена Фабиановна могла незримо присутствовать на концертах в зале института — ей помогал радиоприемник, находившийся в кабинете.

Я согласовал с Еленой Фабиановной текст пригласительного билета. В ее голосе не было и тени усталости и, казалось, она излучает неиссякаемые потоки энергии. Пора было уходить. Елена Фабиановна сердечно попрощалась со мною. В вестибюле ее квартиры я увидел пришедших к ней новых посетителей.

Восьмого июня в Доме-музее А. П. Чехова состоялся вечер, посвященный 120-летию со дня рождения П. И. Чайковского. В пригласительном билете⁵ было напечатано: «Исполнители — студенты Государственного музыкально-педагогического института имени Гнесиных. Художественный руководитель института, заслуженный деятель искусств, профессор Ел. Ф. Гнесина»*. Ел. Ф. Гнесина*.

Несмотря на летнюю жару, в зале не было ни одного свободного места. Мое сообщение на тему «Чехов и Чайковский» собравшиеся прослушали с большим вниманием. А потом начался концерт. Конечно, в центре вечера были сцены из оперы «Евгений Онегин». Исполнялись также романсы Чайковского: «То было раннею весной...», «Ночь», «Ни отзыва, ни слова, ни привета...», «День ли царит...» и др.

Пели гнесинцы с увлечением. В доме, связанном с именем Чехова и Чайковского, музыка любимого Антоном Павловичем композитора звучала особенно свежо и вдохновенно. А когда я слушал «Евгения Онегина», то мысленно переносился на много лет назад в день премьеры оперы. К сожалению, Елена Фабиановна не могла быть вместе с нами, но ее теплота, любовное отношение к музею Чехова ощущалось во всей атмосфере вечера. На другой день от имени музея и присутствовавших на вечере я горячо поблагодарил Елену Фабиановну по телефону за помощь и за прекрасный концерт.

Внимание Елены Фабиановны, успех вечера окрылили нас. Через некоторое время музыкальные вечера из эпизодических стали постоянными. Каждую пятницу, не исключая и летних месяцев, в уютном зале музея собирались почитатели Чехова, любители музыки. Перед этой благодарной аудиторией выступали музыканты всех поколений — пианисты, скрипачи, виолончелисты.

Но среди множества музыкальных вечеров не забудется скромный студенческий вечер, в подготовке которого приняла участие Елена Фабиановна. Этот вечер дал мне возможность познакомиться с нею.

Всего лишь две встречи! Но ведь значимость человеческого общения не измеряется количеством встреч. За свою жизнь я встречал немало замечательных людей. Встречи с Еленой Фабиановной входят в число самых памятных. Я увидел не только большого деятеля советской музыки, глубоко преданного делу музыкального образования и воспитания молодежи, но человека редкого мужества, неустанного горения, большой душевной красоты.

* Состав участников вечера несколько изменился сравнительно с обозначенным в пригласительном билете. В концерте выступали: Долорес Белоонова, Лина Левченко, Лилян Гаврилюк, Генриетта Ланк, Марина Разуваева, Александр Спирина, Валентин Яровицин. Концертмейстеры: Н. М. Иллюкович, Е. А. Кулакова.

Заметки ученицы последних лет

Ученицей, точнее, студенткой Елены Фабиановны (и притом последней) я была очень недолго: с сентября 1961 года по июнь 1962. Однако радость общения с Еленой Фабиановной мне было дано испытать гораздо раньше. С осени 1952 года я стала ученицей Ольги Фабиановны. По традиции все ученики ее перед академическими и открытыми концертами в качестве «генеральной репетиции» должны были сыграть Елене Фабиановне, ко всем замечаниям которой мы, конечно, очень прислушивались. Таких эпизодических показов было много, но, к сожалению, подробности не вспоминаются; осталось только общее впечатление, которое теперь определяю как смесь страха и благоговения. Когда же Ольга Фабиановна заболела, я попадала в руки ее старшей сестры на более продолжительное время. После занятий с горячей, темпераментной Ольгой Фабиановной Елена Фабиановна казалась мне воплощением спокойствия. Единственной формой, в которой выражалось ее недовольство, были негромкие иронические замечания вроде: «А Бетховен-то здесь придумал крещендо!»

Это не значит, что я не почувствовала на себе твердой руки Елены Фабиановны, но она нашла метод, который был гораздо вернее повышенного тона (к нему я привыкла и дома, и в школе): педантичность, последовательность и твердость. Помню, как в конце 1954 года Елена Фабиановна работала со мной над фа-мажорной сонатой Моцарта, и я никак не могла выучить первую часть наизусть. «Само собой» не выходило, а сделать над собой усилие не удавалось. На каждом уроке я оставляла ноты сонаты в портфеле; играла Баха, пьесы, этюды, надеясь, что на сонату не останется времени. Однако каждый раз минут за 15 до конца урока Елена Фабиановна останавливала меня и говорила: «Это (этюд или пьесу) слушать не буду, покажи сонату». Через четыре или пять занятий, видя, что дело не движется, Елена Фабиановна сказала самым спокойным тоном: «Если в следующий раз соната не будет наизусть, пятерку в четверти не получишь, как бы хорошо ни шло все остальное». Я уже твердо знала, что Елена Фабиановна ничего не забудет и не изменит. К следующему уроку соната была выучена... Не каждого ученика можно «подстегнуть» отметкой, но Елена Фабиановна к каждому находила свой «ключик».

Другой запомнившийся эпизод относится к 1959 году. Надо было сыграть на концерте финал ми-бемоль-мажорного концерта Моцарта. Аккомпанировала мне моя одноклассница Наташа Кузьмич¹. Дня за три до концерта мы пришли поиграть Елене Фабиановне. Наше исполнение ее не совсем удовлетворило, она стала делать какие-то замечания, потом вдруг прервала себя и сказала: «Ну-ка, девочки, помогите мне сесть к роялю». Пробежав пальцами по клавишам, она заметила, вздохнув: «Пять лет не играла, но вы меня раззадорили». Она сыграла со мной весь финал, пропустив лишь два «нефортепианных» пассажа, и как сыграла! Не говорю уж о бесподобном звуке, но темперамент, энергия, а, главное, воля... Я чувствовала руку, которая меня вела, руку дирижера, имеющего твердый план и неукоснительно его выполняющего, — а Елене Фабиановне было 85 лет. Когда мы кончили, Елена Фабиановна удовлетворенно произнесла: «Вот так». Мы с Наташей слова не могли сказать. Лишь потом, выйдя на лестницу, остановились, посмотрели друг на друга и в один голос: «Вот это да!» Потом, помню, долго говорили о том, какой замечательной пианисткой должна была быть в молодости Елена Фабиановна, если будучи больной, в преклонном возрасте и без тренажа оставалась на таком уровне исполнительского мастерства.

Из дневника студентки

У Елены Фабиановны я училась с 1956 по 1964 год (пять студенческих и три аспирантских года).

В годы ученья я имела обыкновение делать записи, нечто вроде дневниковых. Перечитывая сейчас свои старые записные книжки, я нахожу среди впечатлений от концертов, прочитанных книг, особенно интересных лекций и других жизненных событий немало страниц, посвященных Елене Фабиановне. Я отобрала некоторые. Как мне кажется, они могут послужить штрихами к портрету Елены Фабиановны, который все мы, ее ученики, коллеги, друзья стремимся сейчас создать и оставить в наследство будущим поколениям.

14 сентября 1956 года

Мой первый урок назначен на 13.30. Чтобы собраться с духом, я несколько минут стою на лестничной площадке у двери с табличкой «Художественный руководитель института, заслуженный деятель искусств, профессор Елена Фабиановна Гнесина». Наконец, звоню и попадаю в прихожую. За дверями кабинета слышатся звуки рояля — Елена Фабиановна занимается с кем-то из студентов. В перерывах между музыкой раздается ее голос. Дождавшись очередной паузы, нерешительно стучу и, услышав «войдите!», робко открываю дверь.

— А, это ты? Зачем стучишь? — говорит Елена Фабиановна. — Здесь не спальня, а класс. Входи всегда смело. Садись, подожди немного.

Урок с третьекурсницей М. продолжается. Елена Фабиановна сидит в кресле за небольшим столиком, в руках у нее ноты. Она держится прямо и даже подчеркнуто строго. Подпевает, часто останавливает М., делает замечания звучным, слегка вибрирующим голосом; говорит она энергично, очень внушительно:

— Не надо нажимать левую педаль, когда хочешь играть пиано! Учись делать пиано пальцами! (М. играет Музыкальный момент ре-бемоль мажор Рахманинова). Лучше слушай басы, они должны долго оставаться на педали. Обрати внимание, как сменяется гармония на протяжении одного этого баса, следи, следи за педалью.

Елена Фабиановна заставляет М. много раз повторять одно и то же место, добиваясь нужного звучания. Все вроде бы звучит именно так, как хочет Елена Фабиановна. «Чем же она недовольна? — думаю я, — получается ведь у М. Трудно же мне придется». Наконец, М. отпускают. Теперь моя очередь. Мысленно все время почему-то твержу начало только что выученной фуги Баха, заданной мне на первый урок, цепляюсь за ее начальные такты, как за соломинку. Елена Фабиановна поворачивается ко мне и, несомненно, замечает мое волнение:

— Ну, выучила наизусть или сразу засыплешься? — спрашивает она. (Отвечаю что-то, видимо, довольно невразумительно.)

— Говори яснее, громче, что ты там шепчешь себе под нос!

Глаза у Елены Фабиановны строгие, но в прищуре их как будто прячутся (или мне это только кажется?) веселые и насмешливые искорки. Да, так и есть: через мгновение все лицо ее вдруг освещает улыбка, неожиданно такая приветливая и добрая, что понемногу тает мой страх, и легче становится на душе.

— А, впрочем, садись-ка за рояль, сейчас все увидим и услышим.

Дав в руки Елене Фабиановне ноты, устраиваюсь за роялем. Начинается мой первый урок в институте у Елены Фабиановны Гнесиной.

2 ноября 1958 года

Сегодня был необыкновенный урок! Начался он, правда, как обычно, только Елена Фабиановна, пожалуй, была особенно увлечена. Такой она бывает, когда занимается любимым произведением. На сей раз это сонаты Скарлатти. Я сама выбрала четыре сонаты и сгруппировала их так, что получился цикл — нечто вроде сюиты. Елене Фабиановне это понравилось. Она

особенно много и тщательно занималась туше, штрихами, хотела, чтобы в каждой из сонат была своя «изюминка» и чтобы «изюминка» эта заключалась прежде всего в стильной артикуляции, точной «дозировке» staccato, non legato, portamento, характерных акцентов. Мы долго добивались легкого и звонкого, клавишинного звучания. «Как будто концы пальцев заострены, — говорила Елена Фабиановна, — а кисть (всегдашняя наша забота — свободная мягкая кисть) гибкая, словно с пружинкой».

Елена Фабиановна напевала это место, «наигрывала» на столе, но все казалось ей недостаточно выразительным, и вдруг — впервые за все время наших с нею занятий — изъявила желание сесть за рояль. Общими усилиями (в занятиях, как всегда, принимала участие Лина Борисовна Булатова, ассистент Елены Фабиановны¹) развернули кресло к черному роялю и подвинули к клавиатуре. И вот началось удивительное!..

Попробовав несколько мест из «моих» сонат, Елена Фабиановна, увлекшись, заиграла другие сонаты Скарлатти. Она исполняла их на память, с такой уверенностью и свободой, словно не расставалась с клавиатурой ни на один день. А ведь из-за болезни она не играла уже давно. Мне приходилось только слышать рассказы об игре Елены Фабиановны. Сама Елена Фабиановна говорила мне о том, как после окончания консерватории она увлекалась исполнительством, как любила участвовать в ансамблях, как один из ее учителей, знаменитый Ферруччо Бузони уговаривал ее стать концертирующей пианисткой. Слушая, как играет Елена Фабиановна, пытаюсь представить ее в молодости — выпускницу Московской консерватории, блестяще одаренную пианистку, полную энтузиазма и замечательных идей, энергичную, темпераментную...

Руки Елены Фабиановны, совсем небольшие, мягкие, пухлые, кажутся необыкновенно эластичными; они как-то особенно легко движутся по клавиатуре, словно скользят по ней, гладят ее ласково. И звук у нее легкий, серебристый, или нет — скорее, «жемчужный», напоминающий забытую ныне «jeu perle» — «жемчужную игру». Словно в ответ моим мыслям, наигрывая Сонату ре минор Скарлатти, известную под названием «Пастораль», Елена Фабиановна говорит:

— Помню, как играла эту сонату Елена Александровна Бекман-Щербина², у нее в этих гаммах словно бисер пересыпался. Она исполняла сонату в обработке Годовского.

Разыгравшись, Елена Фабиановна как-то незаметно перешла к Шопену, вспоминая одно за другим любимые свои сочинения: Фантазию фа минор (как непринужденно, без малейших усилий получаются у нее двойные ноты в главной партии!), Колыбельную, Ноктюрны, Баркаролу.

И все это одинаково свободно, нигде не затрудняясь ни в тексте, ни в технике.

— Как вы помните все это, Елена Фабиановна? — не удержалась я от восклицания.

— Пианист — не пианист, если он смолodu не накопил себе репертуар на всю жизнь. Необходимо постоянно, систематически повторять ранее выученные вещи, посвящая этому один-два дня в неделю. Так когда-то учил нас Сафонов. Настоящий пианист должен быть готов в любой момент сыграть несколько вещей из своего репертуара, а не только то, что он учит сейчас. Запомни это.

Урок этот, как и первая встреча с Еленой Фабиановной, запомнился мне на всю жизнь.

23 марта 1959 года

Сегодня наш классный вечер! Концерт один раз в году с участием всех учеников — давняя традиция в классе Елены Фабиановны. Но сегодняшний вечер особенный — мы играем в новом концертном зале института, первый камень в фундамент которого заложила Елена Фабиановна.

Позади репетиции и «обыгрывания» — в классе, на академических вечерах, в концертном зале. Собравшись за кулисами задолго до начала концерта, мы, шестеро участников и с нами

неизменный и любимый помощник Гнесиной Лина Борисовна Булатова, волнуясь, время от времени посматриваем в зал. Он быстро заполняется, почти уже полон. Вот и Елена Фабиановна занимает свое место в центре партера. Она в парадном темном костюме с орденами и медалями, рядом с нею — сестра Ольга Фабиановна, наш ректор Юрий Владимирович Муромцев. Вокруг Елены Фабиановны много гостей, приглашенных ею.

Наконец, третий звонок. В зале гасят люстру, резкий белый свет софитов выхватывает из полумрака два рояля и небольшую часть сцены вокруг. В зале воцаряется тишина. Пора начинать...

Программа концерта большая, хотя нас всего шестеро. Старшие наши дипломники играют целиком концерты — Первый Чайковского, Третий Рахманинова. На мою долю выпало открывать концерт «Фантазиями» ор. 116 Брамса. В программе — еще сочинения Шопена, Метнера, Дебюсси³.

Концерт получился удачным. Мы, кроме естественного волнения, большой ответственности, чувствовали ту особенную праздничность, торжественный подъем, который царил сегодня в зале. После концерта публика устроила овацию Елене Фабиановне, ее кресло развернули к залу. Она, сидя, раскланивалась, и долго еще вокруг нее толпилось множество людей с цветами — гости не спешили расходиться...

В тот вечер мне очень помогли собраться, обрести исполнительский подъем слова, сказанные Еленой Фабиановной на последней репетиции: «Каждое выступление перед публикой для музыканта — праздник! Вы должны любить играть для людей и всем сердцем стремиться доставить радость слушателям. Это главное, тогда не будет лишних страхов и волнений».

После каждого выступления Елена Фабиановна первая, еще в полной тишине громко на весь зал восклицала: «Браво!». Для нас, студентов, это было неожиданно, прямо-таки ошеломляюще. После бесконечно требовательных уроков, репетиций, когда неудовлетворенная Елена Фабиановна крепко поругивала нас, мы вдруг почувствовали, как умеет она радоваться нашим удачам. Это подействовало на нас необыкновенно. «Елена Фабиановна, — думала я, — не боится нарушить правило, предписывающее педагогу ждать, пока успех его учеников оценят другие! Для нее гораздо важнее, чтобы после выступления каждый из нас почувствовал не школярское „слава богу, сошло благополучно!“ и не тщеславное упоение успехом, аплодисментами, а истинную творческую радость, радость артиста от общения со слушателями».

После концерта мы, участники, наши родители и многие из гостей приглашены к Елене Фабиановне на праздничный чай. Это тоже традиция в семье Гнесиных. В комнате Елены Фабиановны ярко горит люстра, сияют зеркала. Привлеченные вкусными запахами и необычным оживлением, появляются кошки и уютно устраиваются на диванных подушках. «Третье отделение концерта», как в шутку именует этот чай Елена Фабиановна, продолжается долго. Она оживлена, остроумна, много шутит, импровизирует каламбуры (это всегда получается у нее легко, само собой); учит кого-то, какой «аппликатурой» следует брать пирожные, просит передать ей «не винную, а невинную бутылку», без усталости потчует всех, особенно игравших, говоря, что надо восстановить потраченные в этот вечер силы.

В тот день мы все получили подарки — ноты и фотографии Елены Фабиановны с дарственными надписями. На томе сонат Шопена, подаренных мне, драгоценные для меня слова: «Моей дорогой, не всегда послушной, иногда упрямой, но любимой ученице...»

22 августа 1965 года

Это лето Елена Фабиановна проводит в Рузе, в Доме творчества. Выбрав хороший денек, мы с Линой Борисовной Булатовой отправляемся навестить ее.

У Елены Фабиановны уютная дача с террасой, выходящей на лесную дорогу. Она встречает нас в светлом летнем костюме, посвежевшая, помолодевшая, радостная.

Вся терраса в солнечных бликах, они играют на белоснежной скатерти стола, уже накрытого к чаю, на деревянном потолке, стенах. Много цветов. Елена Фабиановна рассказывает, что цветы принесли вчера пионеры из лагеря, расположенного неподалеку от Дома творчества, что ребята приходили к ней в гости целым отрядом, шли с барабаном и пели одну из ее пионерских песен⁴.

Может быть, под влиянием встречи с пионерами мысли Елены Фабиановны сегодня обращены к далеким дням ее детства, юности. Она вспоминает, как проводила с сестрами и братьями летние каникулы, вспоминает веселые шарады, шутливые стихи, разные жизненные анекдоты:

— Как-то раз родные послали нам из Ростова с оказией копченого сига. Ты знаешь, что это такое? — обращается она ко мне.

— Представляю, Елена Фабиановна.

— Это была большая и очень вкусная рыба. Так вот, письмо с уведомлением о посылке мы получили, а самого сига не получили, его украли в поезде жулики. Мы долго думали, как написать родным, чтобы не огорчить их, а ведь неправду тоже нельзя было сказать. В конце концов написали так: «Всем, кто ел копченого сига, он очень понравился». Вот как вышли из положения.

Елена Фабиановна полна бодрости и долго еще вспоминает. Мне приходилось в своей жизни слышать рассказы пожилых людей о своей молодости. В них всегда явно или скрыто чувствуешь хоть каплю горечи, сожаление о невозвратимо утраченном, усталость. Ничего этого, право же, нет в рассказах Елены Фабиановны. Наверное, жизнеощущение ее сродни чувству человека, непрерывно идущего вперед, вверх, в гору. Какое это редкостное чудо — воспринимать жизнь, как непреходящее счастье, счастье созидания и творчества, счастье огромной деятельной любви к людям, сохраняемое постоянно как могучий жизненный стимул.

Зная, что Елена Фабиановна помнит множество стихов, своих собственных и чужих, прошу ее прочитать что-нибудь. Она тотчас же вспоминает одно из своих юношеских «музыкальных» стихотворений. Речь в нем идет о веселых приключениях разных музыкальных жанров: прелюдий, фуг, экспромтов, токкат и т. п. (К сожалению, я не записала тогда это стихотворение и теперь уже не помню его.)

— А вот что я сочинила на днях и посвятила Дому творчества, — Елена Фабиановна с улыбкой достает листок из-под пачки газет и журналов и декламирует:

«Экспромт 65 года. Руза,
Дому творчества композиторов

Подряд два лета я у композиторов жила,
И отдыхом своим вполне довольна я была.
Была тогда прекрасная погода,
И солнца было много, и тепла,
Вниманья и привета было много!
Прекрасно жизнь моя текла!
Но почему ты, Руза, изменилась?
Куда ты дела Солнце и тепло?
Куда от нас ты лето убрала?
Привет лишь и внимание сохранилось!
Теперь льет дождь, октябрьский дождь,
Злой ветер только холод шлет!
Забыли мы о солнце, и тепле!
Прошел печально июнь, промчался «мокрый» июль.
(Прогнозы врут, что «жаркий» был июль.)
Пришел и август, но плохой, -
Простимся, Руза, мы с тобой!
Но не надолго – год, другой? –
Вернется, верю, прежнее тепло!
Вернется ясная погода!
{«Пусть (всегда) будет в «Рузе» солнце!
{«Пусть (всегда) будет небо голубое!
{«Пусть будут мамы, папы, дети!
Тогда – забудем все дела на свете, -
Тогда – приедем снова к вам, друзья!

15 августа 65 года.

Ел.Гнесина

а мне 91 год»⁵

— Но вы не думайте, что я здесь только пустяками занимаюсь. Это ведь Дом творчества, значит, надо творить, — Елена Фабиановна показывает свой последний музыкальный опус — «Дуэты для начинающих скрипачей».

Пора уходить. День прошел незаметно, солнце уже садится. Мы прощаемся и идем по узкой тропинке к лесной дороге. На повороте оглядываемся — Елена Фабиановна из окна террасы машет нам рукой, закатный свет мягко озаряет ее лицо, веноч белых волос, кружевной платок на плечах...

Комментарии

Т. Хренников. Вместо предисловия

Хренников Тихон Николаевич (р. 1913) — композитор, педагог, общественный деятель. С 1929 года учился в Техникуме им. Гнесиных по классу композиции Мих. Ф. Гнесина. Без окончания техникума в 1932 году принят на II курс Московской консерватории, которую окончил в 1936 году по классу сочинения В. Я. Шебалина, по классу фортепиано — Г. Г. Нейгауза. В 1948—90 годах — первый секретарь правления Союза композиторов СССР. С 1963 года ведет класс композиции в Московской консерватории. Профессор. Народный артист СССР. Лауреат Государственных премий СССР. Герой Социалистического Труда.

Абулькасим Лахути. Гнесиным

Стихотворение написано к 50-летию учебных заведений имени Гнесиных. Впервые опубликовано в сборнике «Пятьдесят лет Государственного музыкального училища имени Гнесиных. 1895—1945» (М.-Л., 1945. С. 3), затем в первом издании данной книги.

Лахути Абулькасим Ахмед-заде (1887—1957) — таджикский советский поэт, переводчик, революционный деятель, участник Иранской революции 1905—1911 годов. С 1922 года проживал в СССР, где и развивалась его литературная деятельность. Имя Лахути присвоено таджикскому театру, для роста которого писателем сделано многое и прежде всего переводы на таджикский язык произведений мировой классической литературы. В содружестве с композитором С. А. Баласаняном он создал оперу «Кузнец Кова». С Ел. Ф. Гнесиной поэт связан многолетней дружбой.

1. *Ц. Бану* — Цецилия Бенциановна Бану-Лахути — поэтесса, жена поэта А. Лахути. См. ее воспоминания в данной книге и комментарии к ним.

2. Стихотворение А. Лахути «Гнесиным» легло в основу «Приветственной кантаты» для баса, хора и оркестра, созданной композитором Ю. Н. Шишаковым к 90-летию Ел. Ф. Гнесиной и исполненной силами студентов Института им. Гнесиных в день рождения Елены Фабиановны (90-летие), 31 мая 1964 года, в концертном зале Института.

М. Риттих. О наставнике и друге

Риттих Маргарита Эдуардовна (1910—1994) — музыковед-историк. Окончила Московскую консерваторию (1939) по классу М. С. Пекелиса. Тогда же начала работать в училище им. Гнесиных (до 1956 года), заведовала отделом. Одновременно с 1945 года работала в ГМПИ им. Гнесиных. Доцент. С 1963 по 1973 годы — заведующая кафедрой истории музыки.

С 1939 года — также старший научный сотрудник, заведующая рукописными фондами, а затем (1941—1945) исполняющий обязанности директора Дома-музея П. И. Чайковского в Клину. С 1969 года — общественный директор Мемориального музея-квартиры Ел. Ф. Гнесиной. Заслуженный работник культуры России. Кандидат искусствоведения.

1. *Гнесин* Фабиан Осипович (1837—1891) — финансовый служащий в банке в Ростове-на-Дону. К тому же был общественным раввином еврейской общины города. В одном из писем он сообщает: «...мое настоящее положение, в связи с моим прошлым, дает мне некоторые преимущества перед другими: 25 лет прослужить по выборам общины, через три года в должности общественного раввина в Ростове, и прослужить с отличием (письменная благодарность мне бывшего Екатеринославского губернатора, ныне министра **В. Ф.**) — есть хорошая рекомендация» (из письма дочери Елене от 4 июня 1891 года).

Письма к дочерям в Москву охватывают период с 1887 по 1891 год. Они свидетельствуют о его уме, широте взглядов, пронизаны чувством глубокой любви к дочерям, желанием знать все подробности их

жизни вдали от родительского дома. Особенно заботят его их успехи в ученье. Он советует им быть скромными и трудолюбивыми, углублять «свое усердие и энергию». Письмо к дочери Елене от 27 сентября 1887 года он заканчивает так: «...искренне и безгранично радуясь твоему усердию, прилежанию и успехам, я молю Бога, чтобы он одарил тебя силою физической и силою духа, дабы ты могла беспрерывно идти вперед, преодолевая все затруднения, которые неизбежно встретятся тебе». Письма цитируются по подлинникам, хранящимся в ММКЕЛФГ (оп. VII, д. 1).

2. Сведения об Исае Флотзингере, помимо приведенных в тексте, обнаружить не удалось.

3. *Гнесина* Белла Исаевна, урожденная Флотзингер (ок. 1842—1911) — мать Гнесиных. Три ее сестры, тетки Гнесиных: Генриетта Исаевна славилась своим пианизмом, Елизавета Исаевна (по мужу Данишевская) — вокальными данными и успехами в пении, Цецилия Исаевна (по мужу Каждан) закончила Петербургскую консерваторию по классу пения профессора Генриетты Ниссен-Саломан и стала выдающейся певицей, выступала в Миланском театре Ла Скала под фамилией Каведани.

4. *Савина-Гнесина* Евгения Фабиановна (1870—1940) — пианистка, педагог, закончила с серебряной медалью консерваторию по классу В. И. Сафонова в 1889 году. Одна из основательниц Училища сестер Е. и М. Гнесиных, ведущий педагог учебных заведений имени Гнесиных по классу специального фортепиано (1895—1940). Кроме этого, руководила занятиями детского хора (создан в 1903 году), преподавала музыкально-теоретические дисциплины. В Техникуме им. Гнесиных — заведующая фортепианным отделом. Заслуженная артистка РСФСР (1925). Заслуженный деятель искусств (1935). С детства отличалась исключительной разумностью, добросовестностью, прилежанием. Позже стала для младших сестер надежным старшим другом и воспитателем. Поддерживая постоянно письменную связь с родителями, она делилась с ними всеми успехами и неудачами, как своими, так и младших сестер. В одном из писем к дочери Елене в Москву Фабиан Осипович сообщает: «Почти половина письма Жени от 22 сего месяца посвящена тебе: она оповещает о твоих занятиях, которые идут у тебя удовлетворительно, а главное, что ты стала, наконец, относиться серьезно к своим занятиям». Далее он так характеризует свою старшую дочь: «До сих пор одна только звездочка своим ярким светом выделялась и служила мне единственной отрадой в моей не совсем спокойной жизни, это — наша дорогая Женечка. А если и ты станешь на ее точку зрения, то чего же лучшего мне желать?» (письмо от 27 сентября 1887)*.

5. *Сафонов* Василий Ильич (1852—1918) — пианист, дирижер, педагог. Окончил с золотой медалью Петербургскую консерваторию по классу фортепиано Луи Брассена (1880). Тогда же начал в ней преподавать. Затем — профессор Московской консерватории (1885—1905) по классам фортепиано, оркестровому, хоровому, ансамблевому; ее директор (1889—1905). Одновременно дирижер симфонических концертов Московского отделения РМО. Выступал в Париже, Берлине, Праге, Риме, Вене. Директор Национальной консерватории и дирижер филармонического оркестра в Нью-Йорке (1906—1909).

Сафонов проявил себя замечательным увлеченным педагогом, выработавшим собственную методику преподавания. Был одним из наиболее решительных борцов за обновление педагогического репертуара пианистов, за его высокую художественность, строго требовал от учеников постоянной работы над сочинениями Баха, выработал свою систему работы над его полифонией. Воспитывал в учениках интерес к педагогике, не случайно во главе почти всех учреждавшихся тогда в Москве музыкальных школ стояли его ученики. Он угадал творческую направленность сестер Гнесиных, поддержал их педагогическое начинание, помогал им в трудные моменты жизни. В мемориальной экспозиции кабинета Музея-квартиры Елены Фабиановны Гнесиной имеются фотографии ряда учителей Гнесиных. Сафонов представлен самым большим портретом, висающим на стене кабинета, а также вторым фотопортретом (кабинетного типа), помещенным на рояле с автографом: «Е. Ф. Гнесиной, на добрую память. В. Сафонов. Москва. 30 октября, 1899». Книга учителя «Новая формула. Мысли для учащихся и учащихся» всегда лежала и лежит на письменном столе Елены Фабиановны. В сборнике «За тридцать лет» (к юбилею Техникума им. Гнесиных — М., 1925) помещена статья Д. Шора «Учитель Гнесиных». А в 1932 году Евгения и Елена Гнесины, стремясь воздать должное В. И. Сафонову, чье имя находилось в опале, и помочь выхлопотать пенсию его дочери, написали «Отзыв о В. И. Сафонове» (рукопись хранится в ММКЕЛФГ, оп. V, ед. хр. 8). Во всем этом выразилось почитание любимого учителя.

6. Организацию международных конкурсов пианистов и композиторов А. Г. Рубинштейн задумал в 1886 году. Ф. Бузони, принимавший участие в первом конкурсе, проходившем в Петербурге осенью 1890

* См. также: *Светозарова Н.* Евгения Фабиановна Савина-Гнесина // Вопросы фортепианной педагогики. Вып. 2. — М.: Музыка, 1967. С. 217—238.

года, получил первую премию не как пианист, а как композитор. В. И. Сафонов пригласил его для ведения фортепианного класса в Московской консерватории.

7. Бузони Ферруччо Бенвенуто (1866—1924) — итальянский пианист, дирижер, композитор. В 1890—1891 годах — профессор Московской консерватории, почитаемый учитель Ел. Гнесиной. В ее кабинете имеется четыре фотопортрета Бузони разных лет его жизни. Один из них, изображающий пианиста за роялем, подарен им ученице во время его пребывания в Москве с концертами в 1912 году. На фотографии автограф: «An die liebe Freundin Helene Gnossina mit viele guten Gefuehlen von Ferruzio Busoni. Moskau, November. 1912» («Моему дорогому другу Елене Гнесиной с большими добрыми чувствами от Ферруччо Бузони. Москва. Ноябрь. 1912»). Книга Ф. Бузони «Эскиз новой эстетики музыкального искусства» (перевод с немецкого В. Коломийцева, изд. Андрея Дидерихса, СПб., 1912), как и книга В. Сафонова, занимала видное место на письменном столе Елены Фабиановны. К 100-летию Ф. Бузони она написала свои воспоминания об учителе*.

8. Розенов Эмилий Карлович (1861—1935) — пианист, ученый, музыкальный критик, педагог. Окончил Московскую консерваторию одновременно с Евг. Ф. Гнесиной в 1889 году и тоже по классу Сафонова. В 1906—1916 годах — преподаватель консерватории.

Э. К. Розенов был, видимо, одним из первых, кто предугадал большое будущее «Училища сестер Гнесиных». Среди юбилейных материалов к 25-летию гнесинского учебного заведения, ставшего к этому времени уже государственным, имеется приветственное письмо Э. К. Розенова. Приводим фрагменты из него: «В день празднования вашего 25-летнего служения делу музыкального воспитания, глубокоуважаемые Евгения, Елена, Елизавета и Ольга Фабиановны, примите это скромное приветствие от старого друга и товарища в знак искреннего преклонения перед вашей неутомимой энергией и неугасимой любовью к делу и к самому искусству, которому вы служите.

Ваша школа — лучшая из московских музыкальных школ, единственная, в которой продолжает гореть огонь, зажженный незабвенным Василием Ильичем [Сафоновым] в его классах в 1885—90-е годы, огонь, которому дай Бог гореть и еще более разгораться в грядущей свободной атмосфере [...] За это время нарождалось много школ, работавших в первое время успешно, но вскоре уже не выдерживавших напряжения духа и впадавших в рутину или прекращавших свою деятельность. Вы одни выдерживаете по-прежнему и с той же любовью трудную и напряженную работу по созданию музыкантов-художников, несмотря на тяжелые испытания и утраты, постигшие вас за 25-летний период вашей деятельности, и близко стоящие к вам понимают, чего это вам стоило и какой любовью к делу поддерживались ваши силы. Итак, желаю *от всей души, да возникнет после 25-летия школы вашей — новая и славная Консерватория имени Гнесиных!*[†] Преданный друг Ваш Э. Розенов. 15.11.1920.»[‡]

9. Ярошевский Адольф Адольфович (1863—1910) — пианист. Учился в Московской консерватории по классу П. А. Пабста (1884—1888) одновременно с Евг. Ф. Гнесиной. С 1889 до своей кончины вел в консерватории класс фортепиано.

10. Хохлов Павел Акинфиевич (1854—1919) — певец (баритон). Солист Большого театра в 1879—1900 годах. Первый исполнитель партии Онегина в опере П. И. Чайковского «Евгений Онегин».

Приводим фрагмент письма Н. В. Балашовой от 10 июня 1964 года, присланного Елене Фабиановне в связи с ее 90-летием.

«Мне вспомнилось далекое, далекое прошлое. Вы — молодая, цветущая. Павел Акинфиевич Хохлов. Село Устье. Помните ли Вы это лето и вспоминаете ли о нем когда-либо?.. Я была совсем девочкой... Мы бегали смотреть на вас и слушать, как вы занимались. Павел Акинфиевич всегда крепко запирали все двери, чтобы никто не мешал вашим занятиям. Вы приехали к Павлу Акинфиевичу как аккомпаниатор, и это было, вероятно, ваше первое и последнее[§] [пребывание в Устье]». Далее автор рассказывает о похождениях П. А. Хохлова, о судьбе его семьи и родных, из которых «никого уже не осталось».

Письмо это было дорого Елене Фабиановне. На конверте ею начертано: «Сохранить это письмо». Видимо она тут же на него ответила, так как следующее письмо Балашовой — ответное, от 3 июля 1964 года (хранится: ММКЕЛФГ, оп. VII, д. 28). Письма Н. В. Балашовой дали возможность установить время пребывания Ел. Ф. Гнесиной в с. Устье у П. А. Хохлова. Это 1894 год.

* См.: Гнесина Е. Из моих воспоминаний о Ферруччо Бузони // Воспоминания о Московской консерватории. — М., 1966. С. 172—174.

† Подчеркнуто красным карандашом, видимо кем-то из юбиляров. — М. Р.

‡ ММКЕЛФГ, оп. XII, д. 4.

§ В оригинале не дописано. Дописано мною. — М. Р.

11. Все перечисленные в тексте имена относятся к товарищам Гнесиных по Московской консерватории:

Шор Давид Соломонович (1867—1942) — пианист, композитор, дирижер, педагог, окончил Московскую консерваторию по классу В. И. Сафонова в 1889 году. Профессор консерватории (1918—1925). Основатель Московского трио (Д. Шор, Д. Крейн, Р. Эрлих) и цикла концертов («Исторические камерные утра»).

Печников Александр Абрамович (1879—1949) — скрипач, Московскую консерваторию окончил по классу И. В. Гржимали в 1901 году. Рано начал концерттировать в России и за границей, пропагандируя русскую музыку. С 1913 по 1923 годы — профессор Музыкальной академии в Мюнхене, с 1927 года — в Берлине, с 1936 — продолжал педагогическую деятельность в Аргентине.

Могилевский Александр Яковлевич (1885—1955) — скрипач, педагог, окончил Московскую консерваторию по классу И. В. Гржимали в 1909 году. Участник струнного квартета им. Страдивари, организованного в 1920 году. Профессор Московской (1920—1921), затем (с 1930-х годов) — Токийской консерваторий.

Альтишуллер Модест Исаакович (1873—1963) — виолончелист, организатор русских симфонических концертов в Нью-Йорке. Под его управлением Рахманинов исполнил свой Второй концерт для фортепиано (январь, 1909).

Протопопов Илья Николаевич (1866—1912) — композитор, преподаватель теоретических дисциплин в Московском филармоническом училище.

12. *Гнесина* Мария Фабиановна (1876—1918) — пианистка, педагог, закончила Московскую консерваторию по классу Н. Е. Шишкина в 1895 году. Одна из трех сестер — основательниц «Училища Е. и М. Гнесиных». Имела в училище большой фортепианный класс. Сведения о ее многочисленных учениках сохранились в «Экзаменных листах», которые вплоть до 1919 года велись собственноручно каждым из педагогов училища. В юбилейном издании «За тридцать лет. 1895—1925», в разделе «Об ушедших», написано: «Сплоченная семья сестер понесла страшную потерю в 1918 году: 4-го октября скончалась после тяжелой болезни Мария Фабиановна — одна из сестер — основательниц школы [...]. Деятельная сотрудница со времени основания школы, талантливая, живая, остроумная, несказанно добрая, по характеристике лиц, близко ее знавших, Мария Фабиановна привлекала к себе все сердца в школе, и эта утрата очень тяжела для школы, не только для семьи»^{*}.

С. И. Апфельбаум в своих воспоминаниях пишет: «...ее образ многогранен и нет предела хорошим словам, дающим представление всем граням ее личности [...] она была очень талантлива и как музыкант, и как педагог. Она пела, прекрасно писала стихи, одарена живописными способностями, художественно рукодельничала. Ее внешность очень гармонировала с ее внутренним миром: светлые волосы, сияющие добротой глаза. Со своей спокойной улыбкой она внушала окружающим доверие и успокоенность. Мне приходилось присутствовать на ее уроках с детьми, в частности с Юлианом и Ариадной Скрябиными (детьми А. Н. Скрябина. — Ред.). При большой требовательности она была очень терпелива, добра и спокойна. Дети очень любили ее и отвечали хорошей работой. Мария Фабиановна — образ необычайной теплоты и света»[†].

13. *Гнесина-Витачек* Елизавета Фабиановна (1879—1953) — скрипачка, педагог, закончила Московскую консерваторию по классу И. В. Гржимали в 1901 году и вошла в число преподавателей Училища сестер Е. и М. Гнесиных. Основав струнный отдел, возглавляла аналогичные отделы во всех учебных заведениях имени Гнесиных свыше полувека. Вела классы скрипки, теории, сольфеджио. После реорганизации Училища в Государственные школу и техникум преподавала также ансамблевую игру, вела класс оркестра. С организацией ГМПИ им. Гнесиных вела в нем класс скрипки. Доцент (1947). Заслуженная артистка РСФСР (1935), заслуженный деятель искусств (1945).

14. *Александрова-Гнесина* Ольга Фабиановна (1881—1963) — пианистка, педагог, закончила Училище сестер Е. и М. Гнесиных по классу Ел. Ф. Гнесиной в 1901 году. Тогда же начала работать в училище, позже — в школе, техникуме, средней специальной школе (первая заведующая фортепианным отделом) и ГМПИ им. Гнесиных. Заслуженная артистка РСФСР (1935), заслуженный деятель искусств (1945).

15. *Борисяк* Андрей Алексеевич (1884—1962) — виолончелист, педагог, окончил Петербургскую консерваторию в 1908 году. Вскоре вошел в состав педагогов Училища Е. и М. Гнесиных.

^{*} Издание юбилейного комитета по чествованию сестер Гнесиных, основательниц Государственного музыкального техникума имени Гнесиных. С. 52.

[†] Светлой памяти Марии Фабиановны Гнесиной. Рукопись. Архив ММКЕЛФГ. Публикуется впервые.

16. Гнесин Михаил Фабианович (1883—1957) — композитор, музыковед, педагог. В 1909 году закончил Петербургскую консерваторию по классу композиции Н. А. Римского-Корсакова и А. К. Лядова. Уже к этому времени его творчество получило признание. С 1913 по 1921 год жил в Ростове-на-Дону и в Екатеринодаре (теперь — Краснодаре), где с большим успехом протекала его интенсивная педагогическая, просветительская, дирижерская, музыковедческая и организаторская деятельность. Затем — вел классы композиции в Техникуме им. Гнесиных и в Московской консерватории, где являлся деканом педагогического факультета. Профессор (1925). В 1935—1944 годах — профессор Ленинградской консерватории, с 1944 по 1951 год — профессор и заведующий кафедрой композиции ГМПИ им. Гнесиных. Доктор искусствоведения (1943). Заслуженный деятель искусств РСФСР (1927). Лауреат Государственной премии (1946). Дважды удостоен премии им. Глинки (1909, 1913).

Гнесин Григорий Фабианович (1884?—1938) — певец (баритон), актер, писатель, переводчик. Учился в Петербургском технологическом институте. За участие в революционном движении 1905 года исключен из института, арестован, выслан. Скитался по городам России и за рубежом, перебиваясь случайными заработками. Находясь в Италии, пел по-итальянски, овладев всеми диалектами этого языка. Его книга «Воспоминания бродячего певца. Очерки Италии» (1-е изд.: Петроград: изд-во М. Семенова, 1917; 2-е изд.: М.: «Россияне» (книга в журнале), 1997. Предисловие О. Ахматовой), во многом автобиографична. После Октябрьской революции работал в Ленинграде на Радио и в Капелле. Основал музыкальную библиотеку ленинградского радио и заведовал ею. В 1937 году репрессирован и расстрелян.

17. Дроздов Анатолий Николаевич (1883—1950) — композитор, пианист, музыковед, педагог, закончил Петербургскую консерваторию по классу Н. А. Дубасова в 1909 году, Петербургский университет — в 1910 году. В 1911—1916 годах — директор музыкального училища в Екатеринодаре (теперь — Краснодаре), в 1918—1920 годах вел классы фортепиано в Саратовской консерватории, в 1920—1924 — в Московской консерватории, а также в техникумах им. А. Н. Скрябина и областном (1922—1933).

А. Н. Дроздов, участвовавший в революционных волнениях в Петербурге, описывает события той поры в статье, опубликованной в журнале «Музыка и революция» (1926, № 1. С. 13). Рассказывая о собраниях комитета революционного студенчества Петербургской консерватории, активная роль в котором принадлежала ему и М. Ф. Гнесину, он вспоминает, что на этих собраниях бывали также «певец Г. Ф. Гнесин и многие другие», не консерваторы. Комитет решил «применить химическую обструкцию» [...]. Техническая часть предприятия была поручена Григорию Гнесину [...]. Когда препараты были готовы, был намечен следующий план осады и овладения «крепостью»: забастовщики направляются в назначенный день на площадь к зданию консерватории, большая часть их остается манифестировать на площади, отвлекая внимание осажденных, меньшая же группа вместе с «метателями» химической обструкции, сделав обходный маневр, войдет в подъезд Большого зала под видом публики, берущей в кассе билеты (в Большом зале тогда гастролировала Итальянская опера), пройдет в фойе Большого зала, а оттуда, одолев, если потребуются, препятствие в виде внутренних дверей, проникнет в учебные помещения и произведет там «газовую войну». Все было выполнено согласно этого плана*. Занятия в Консерватории были сорваны, что и было частной целью студентов, требовавших прекращения занятий до будущего сентября. Для забастовщиков же все кончилось массовыми арестами, тюрьмами. В числе потерпевших оказались и оба брата Гнесины.

18. Чайковский Модест Ильич (1850—1916) — драматург, переводчик, либреттист, первый биограф своего брата композитора П. И. Чайковского, основатель Дома-музея П. И. Чайковского в Клину. С начала 10-х годов нашего столетия связан дружбой с семьей Гнесиных. Об этом свидетельствует их переписка. Одно из писем Ел. Ф. Гнесиной приводится ниже (см. комм. 22).

19. Савин Александр Николаевич (1873—1923) — историк, профессор Московского университета. Специализировался в области истории Англии, автор ряда книг. Находясь в научной командировке в Лондоне, умер там, заболев испанкой.

Историк М. Н. Покровский в письме-поздравлении с 30-летием школы, которой к этому юбилею присвоено имя Гнесиных, пишет и о Савине: «Для меня ваша школа — живой символ редкого, но по существу естественного и в высокой степени желательного союза науки и искусства. Другими словами представление о ней у меня неразрывно связывается с образом незабвенного Александра Николаевича, научные успехи которого сердечно радовали его старших друзей. Он блистательно оправдал наши надежды на его могучее дарование и лишь напоследок глубоко огорчил нас своим преждевременным уходом из этой жизни» (Письмо к Ел. Ф. Гнесиной от 15 февр. 1925 года. ММКЕЛФГ, оп. XII, д. 5).

* См. также: *Дроздов Ан.* 1905 год в Петербургской консерватории // Гнесин М. Мысли и воспоминания о Римском-Корсакове. — М., 1956. С. 310—330.

20. *Александров* Дмитрий Константинович (1879—1947) — ученый-химик, окончил Московский университет, работал там же, затем — профессор ВВА им. Жуковского. Генерал-майор.

21. *Гончаров* Дмитрий Дмитриевич (1873—1908) — наследник имения «Полотняный Завод» в Калужской губернии, внучатый племянник Н. Н. Гончаровой-Пушкиной, закончил Московский университет. По призванию музыкант, певец (тенор), по убеждениям социал-демократ. На своей фабрике освоил все профессии рабочих-бумажников. Много сделал для облегчения судьбы рабочих своего предприятия: установил для них восьмичасовой рабочий день, создал библиотеку, театр. Был связан с Еленой Фабиановной многолетней дружбой*.

22. О горестном периоде жизни семьи и тяжелом душевном состоянии Елены Фабиановны рассказывает она сама в письме к М. И. Чайковскому от 6 августа 1913 года, когда семья Гнесиных, во время летних каникул жила в имении В. И. Танеева, близ клинского дома П. И. Чайковского. Приводим его с некоторыми сокращениями:

«Глубокоуважаемый Модест Ильич! Мне очень грустно, что я не могу быть сегодня у Вас и высказать то, что приходится писать [...]. Мне было бы много легче на словах объяснить Вам, как случилось, что Ваш дом стал для меня так дорог и мил, что мне так трудно с ним расставаться [...]. Я так доверяю Вам, так много слышала о Вашей безграничной доброте, что убеждена, что Вы поймете меня и, быть может, и ко мне отнесетесь с обычной для Вас добротой и мягкостью. Кроме того у Вас тоже было достаточно много своего горя, чтобы понимать чужое.

Полтора года тому назад на нас обрушилось тяжкое горе. В одном и том же месяце у нас умерли мать и маленький восьмилетний сыночек сестры Елизаветы Фабиановны. Этого Шурика мы все обожали, он был единственной нашей радостью, утешением нашей трудной жизни. Для меня же в этом мальчике было все: я жила только для него, ради него. С его смертью у меня нет ни цели, ни смысла своего существования. Все эти полтора года не жили, а только мучились, причем все время, без перерыва продолжали свою работу, так как нашей школе и ученикам нет ведь дела до наших переживаний, мы ничего не должны были никому показывать. За три месяца этого года — январь, февраль, март — судьба снова послала нам столько горя и всяческих волнений, что если бы я подробно и последовательно рассказала Вам обо всем, то Вы, пожалуй, подумали бы, что я фантазирую. Если Вы интересуетесь чужой жизнью и горестями, то я обо всем Вам расскажу. Мне хотелось бы рассказать Вам о Шурике, тем более, что он был не только очаровательным ребенком, а он был уже в свои 8 лет композитором, который сам записывал свои сочинения. Да, так вот видите с какими нервами я приехала сюда. Мое горе еще углубляется тем, что я совершенно не могла с той поры играть, стала равнодушна и апатична даже к своему любимому искусству, к жизни. Первые дни здесь, на даче, я подходила несколько раз к инструменту, пробовала играть, но чувствовала, что я не могу, ничего не выйдет, и с болью душевной уходила куда-нибудь подальше. Когда я в первый раз со всеми своими пришла в Ваш дом, на меня кабинет Петра Ильича произвел сильное впечатление, и я про себя подумала: какое счастье было бы в такой обстановке попробовать поиграть, все так располагает к серьезным занятиям. Когда я во второй раз пришла, Вы были так любезны, и добры, что предложили мне приходить в этот кабинет заниматься. Я с большим волнением и с радостью приняла Ваше предложение. Но я все еще себе не доверяла и, если помните, оттого просила Вас перед [Вашим отъездом] сделать доброе дело и взять с меня слово, что я буду каждый день приходить работать. После Вашего отъезда я с горячностью и с воодушевлением начала заниматься; теперь я уже снова вернулась к прерванным на несколько лет занятиям и теперь уже [не] брошу больше, а в этом мое спасение, ведь мне легче теперь жить! Я снова живу музыкой, могу играть для себя самой, целый вечер, а этого так давно не было! И все это сделали Вы [...] [...]. Теперь вам понятно, почему я считаю себя бесконечно благодарной Вам? И почему мне хочется чем-нибудь, хотя бы своими рукодельями, доставить Вам маленькое удовольствие? [...] позвольте мне завтра принести Вам еще одну рукодельную работу, которую я с любовью сделала для Вас. Благодарная и преданная Вам Елена Гнесина». (Архив Дома-музея П. И. Чайковского. Ф. Б. 10 № 1249).

23. *Орлов* Николай Андреевич (1892—1964) — пианист, профессор Филармонического училища (1912—1915) и Московской консерватории (1917—1921). Учился в Училище сестер Е. и М. Гнесиных по классу Евгении Фабиановны в годы 1899—1904. Окончил Московскую консерваторию по классу К. Н. Игумнова в 1910 году. Много и успешно концертировал. С 1922 года жил за границей (Германия, Франция, Англия, Америка).

* См.: *Гнесина Е. Ф.* Воспоминания об Анатолии Васильевиче Луначарском // Сов. музыка, 1967, №3. С. 70—72.
Соловьев В. В. Пушкин. Гончаровы. Гнесины. Встречи в Полотняном заводе // Записки Музея-квартиры
Ел. Ф. Гнесиной. — М.: РАМ им. Гнесиных (в печати).

24. Юрасовский Александр Иванович (1890—1922) — композитор, дирижер, пианист, музыкально-общественный деятель. Учился в Училище сестер Е. и М. Гнесиных по классу фортепиано Евг. Ф. Гнесиной. В Московской консерватории занимался у В. И. Сафонова, по теоретическим дисциплинам — у П. Н. Ренчицкого, по композиции — у Р. М. Глиэра. Заведовал МУЗО Главполитпросвета в Москве (1921—1922). Приводим фрагмент письма певицы Н. В. Салиной, матери Юрасовского, присланного Евгении Фабиановне к 30-летию Училища Гнесиных 15 февраля 1925 года.

«Я же хочу приветствовать Вас, как одна из матерей. Дети мои начали учиться в школе Гнесиных и Вы, Евгения Фабиановна, как чуткий педагог, первая отметили большие данные моего сына Александра Юрасовского и настойчиво убеждали меня вести его по музыкальной дороге. Ваш убедительный совет явился в то время руководящей нитью. И потом не раз, во время краткой жизни сына, я вспоминала Ваши вещие слова благодарной памятью. Примите же, дорогая Евгения Фабиановна с Вашими уважаемыми сестрами, мое душевное поздравление и пожелание еще долгие годы держать твердо Ваше знамя, на котором тридцатилетие начертало: талант и труд. Заслуженная артистка *Надежда Салина*». (ММКЕЛФГ, оп. XII, д. 5).

25. Пекелис Михаил Самойлович (1899—1979) — музыковед-историк. Окончил Киевскую консерваторию по классу фортепиано Г. Н. Беклемишева (1922). Преподавал историю музыки в Московской консерватории (1922—1944), а в 30-е годы в Техникуме имени Гнесиных. В 1947—1948 и с 1955 по 1978 годы работал в ГМПИ имени Гнесиных, где заведовал кафедрой истории музыки (1955—1960). Профессор (1930).

26. Тетя Лина — Акулина Егоровна *Пучкова* — техническая служащая в Училище имени Гнесиных, проработавшая здесь много лет.

27. Дом 7 по Собачьей площадке, как и другие, не сохранился. Он снесен при строительстве Калининского проспекта. О доме Хомякова см.: Николаев Е. Н. Классическая Москва. — М.: Стройиздат, 1975. С. 216—228. О Музее быта 40-х годов XIX века см: Путеводитель. — 4-е изд. — М., 1928.

28. Ферман Валентин Эдуардович (1896—1948) — музыковед-историк. Учился в Техникуме имени Гнесиных по классу теории и композиции. Закончил Московскую консерваторию в 1927 году. С конца 1920-х годов преподавал теоретические и музыкально-исторические предметы в Техникуме им. Гнесиных, а также класс аккомпанемента. В период организации ГМПИ им. Гнесиных активно участвовал в разработке его учебной системы. Был первым заведующим кафедрой истории музыки (1944—1948). Преподавал историю музыки в Московской консерватории (1925—1943), где заведовал кафедрой истории зарубежной музыки (1936—1943). Профессор (1935).

29. Долинский Виктор Николаевич (1892?—1941) — старший инспектор учебной части училища имени Гнесиных. Погиб на фронте во время Великой Отечественной войны.

30. Бокарева Елена Васильевна (1894—1977). Училась в Московской консерватории по классу А. П. Островской (1913—1916). С 1938 по 1958 год — инспектор учебной части Училища им. Гнесиных.

31. Бахрушина Нина Владимировна (1891—1975), племянница А. А. Бахрушина, основателя театрального музея его имени. С 1939 года — инспектор учебной части Училища имени Гнесиных.

32. Ел. Ф. Гнесина была депутатом Московского Совета двух созывов — с 1940 по 1948 годы.

33. Елизавета Фабиановна Гнесина с сыном Фабием и группой детей школы им. Гнесиных в июле 1941 года выехала в Елатьму, а затем в Казань, где до возвращения из эвакуации преподавала в музыкальной школе и Училище.

34. Шумская Наталья Александровна (1921—1967) — музыковед, историк. Училась в Училище им. Гнесиных в классе Ел. Ф. Гнесиной. Окончила Московскую консерваторию по классу Р. И. Грубера в 1948 году.

35. Рябкова Лидия Ивановна (1894—1978) — историк, партийный работник. С 1938 года — заведующая учебной частью, заместитель директора, а с 1949 по 1961 год — директор Училища имени Гнесиных.

36. *Мальцева* Галина Александровна (1917—1979) — певица (меццо-сопрано), педагог. Закончила Училище, затем ГМПИ им. Гнесиных по классу сольного пения П. П. Дьячковой, аспирантуру под руководством М. М. Мирзоевой. Доцент ГМПИ им. Гнесиных по кафедре сольного пения; декан вокального факультета. Цитируемое письмо Ел. Ф. Гнесиной было ответом на письмо к ней Г. А. Мальцевой. Приводим его:

«3 декабря 1941. Москва.

Дорогая, любимая наша Елена Фабиановна!

От имени всей студенческой молодежи Училища шлю вам горячий сердечный привет и просьбу — беречь себя.

Сейчас мы обеспокоены тем, что Вы живете в плохих условиях, и потому решили от имени всех студентов просить Казанский горсовет дать Вам хорошую жилплощадь. Пишите чаще о себе.

Мы живем хорошо — учимся и ежедневно выполняем всевозможные задания райкома и каждый день шьем теплые варежки для бойцов Красной Армии. Завтра представитель райкома партии будет слушать наши концертные бригады. На днях в фонд строительства танков мы собрали около 100 рублей. Коллектив у нас дружный, хороший. Прекрасно работает с нами Елена Богдановна Сенкевич (я у нее занимаюсь в оперном и камерном классе, потому так пишу).

Студенты и педагоги очень рады, что учеба у нас началась.

В Москве жизнь идет своим обычным твердым, уверенным шагом к победе. Фашистскому чудовищу никогда не удастся сломить крепкий дух москвичей. Фашистским стервятникам никогда не видеть Москвы!

Целую Вас крепко, крепко.

Любящая Вас. *Галя*»

(Архив Ел. Ф. Гнесиной. ММКЕЛФГ, оп. 7, д. 5)

37. От Советского информбюро. Вечернее сообщение 21 декабря // Известия. 1941. 23 декабря.

38. Этим старым товарищем и коллегой Гнесиных был А. Б. Гольденвейзер. Он действительно резко возражал против идеи создания в Москве второго музыкального вуза еще до войны, когда впервые этот вопрос был поставлен Гнесиными перед Комитетом по делам искусств при СНК СССР и рассматривался им. Тогда он сумел оказать свое влияние и на руководство Комитета. Позиция его не изменилась и позже, когда, уже в годы войны Елена Фабиановна вновь возбудила свое ходатайство. Сохранилось письмо А. Б. Гольденвейзера к Елене Фабиановне, подтверждающее сказанное. Приводим фрагменты из него:

«Дорогая Елена Фабиановна, давно уже мне хочется написать Вам, но не было уверенности в том, как Вы к этому отнесетесь. Сейчас, пользуясь тем, что у меня к Вам есть маленькое дело, я решил написать.

Всю жизнь я дорожил дружескими отношениями с Вашей семьей. Память о Евгении Фабиановне мне в высокой степени дорога.

Три года тому назад я высказал определенное мнение о нецелесообразности превращения Вашего училища в вуз. Я не признаю за собою догмата непогрешимости и вполне допускаю, что я мог быть не прав и можно иметь другое мнение. Но прав я, по-моему, безусловно в том, что, не скрывая, открыто высказываю то, что думаю, независимо от того, люблю ли я того, о ком я говорю, и нравится ли ему то, что я говорю.

Вы на меня рассердились и свой гнев выражали в совершенно недвусмысленной форме. Я делал вид, что этого не замечаю, но отношения наши прекратились. В Ташкенте я дружески общался с Михаилом Фабиановичем и с грустью вспоминал об наших с Вами изменившихся отношениях... Когда жизнь прожита и приближается к скорому концу, особенно тяжело сознавать, что возбудил к себе недобрые чувства. Я дружески протягиваю Вам руку и прошу простить меня, если *невольно* [подчеркнуто автором. — М. Р.] причинил Вам огорчение [...].

Если Вы на мой призыв о возобновлении дружеских отношений душевно отзоветесь, на что я хочу надеяться, позвоните мне (КЗ.29.29) или напишите несколько слов (ул. Горького, 17, подъезд 8, кв. 109).

Любящий Вас А. *Гольденвейзер*. 17/11 44 г. Москва»

(ММКЕЛФГ, оп. VII, д. 49).

39. Пятьдесят лет Государственного, музыкального училища имени Гнесиных / Под редакцией П. Г. Козлова, К. К. Розеншильда, Л. И. Рябковой, В. Э. Фермана и А. Н. Юровского. — М.-Л.: Музгиз, 1945. На титульном листе этого издания гриф уже вновь учрежденного учебного заведения: Государственный музыкально-педагогический институт имени Гнесиных.

40. К 50-летию училища Елена Фабиановна была награждена орденом Ленина.

41. О Ю. В. Муромцеве см. его воспоминания и комментарии к ним, помещенные в этой книге.

42. Об этих событиях см. также: *Богданова А.* Фрагмент из книги «Музыка и власть» // Муз. академия. 1993. № 3. С. 190; *Тропп В. В.* «Вы мне гораздо ближе и дороже...» (Письма М. В. Юдиной к Ел. Ф. Гнесиной) // Муз. академия. 1997. № 3. С. 196—204; *Дроздова М.* Уроки Юдиной. — М: Композитор, 1997.

43. Глиэр Рейнгольд Морисович (1875—1956) — композитор, дирижер, педагог. Закончил Московскую консерваторию по классам М. М. Ипполитова-Иванова, С. И. Танеева, А. С. Аренского, Г. Э. Конюса в 1900 году. Преподавал в Училище сестер Е. и М. Гнесиных гармонию (1900—1905 и 1912—1913); позже, с 1922 по 1929 год — композицию, полифонию, инструментовку. Профессор Киевской консерватории и ее директор (1913—1920), профессор Московской консерватории (1920—1941). Музыкально-общественный деятель, заведующий музыкальной секцией отдела народного образования, председатель Оргкомитета Союза композиторов СССР (1938—1948). Народный артист СССР. Доктор искусствоведения. Лауреат Государственных премий СССР.

Соратник и большой друг Гнесиных, особенно Елены Фабиановны. Приводим его статью «Мои встречи с Гнесиными»^{*}.

«Были весенние, экзаменационные дни 1894 года.

В здании Московской консерватории и вокруг него, как пчельник, жужжали и суеились многочисленные ученики, волнуясь перед экзаменами.

Молодые композиторы, уже искушенные опытом, называли эти дни „страдным временем“, так как весьма часто, при посещении консерватории, приходилось „помогать“ наиболее волнующимся ученикам при решении задач.

Способы этой „помощи“ были, надо сказать, самые гимназические. Темы спускались из окон на ниточке, решения задач отправлялись теми же примитивными средствами, словом, вспоминалась юность, наивная, робкая, но проказливая и изобретательная.

Задачи по гармонии и энциклопедии, считаясь наиболее трудными, большей частью требовали вмешательства „со стороны“.

В один из таких экзаменационных дней я вместе с Юрием Сергеевичем Сахновским находился в консерватории и, видя трепет волнения на многих лицах учащихся, решил, что могу, подобно другим, принести и свою посильную помощь кому-нибудь из экзаменуемых. Ю. С. Сахновский кому-то написал сочинение, а я, написав задачу, задумался над тем, кому бы ее послать.

Вспомнив о том, что среди экзаменуемых у меня есть знакомая (это была Елизавета Фабиановна Гнесина), я решил ей послать задачу.

Однако моя готовность помочь потерпела неожиданное фиаско. Посланное сочинение было мне тотчас же возвращено при заявлении Елизаветы Фабиановны: „Я очень благодарна, но не привыкла пользоваться чужим трудом“.

Я вспомнил этот случай далекого прошлого потому, что в нем сказался весь характер не только Елизаветы Фабиановны, но и всех сестер Гнесиных: строго честный, независимый, прямой. Неподкупная честность, крайне требовательное отношение к себе и самоотверженная верность чистому искусству.

Впоследствии, познакомившись со всей семьей, я в этом убедился и в течении всего этого многолетнего периода только это и наблюдал.

После окончания мною консерватории, в 1901 году, я был приглашен сестрами Гнесиными в их школу для преподавания гармонии.

Постановка в школе была настолько серьезна и строга, что в первое время, вследствие моей молодости, ко мне как к преподавателю относились несколько скептически, зачастую задавая мне „коварные“ вопросы.

С течением времени, однако, эти сомнения рассеялись и наша общая с сестрами Гнесиными педагогическая работа шла дружно и продуктивно в течении ряда лет.

До 1906 года я проработал в школе Гнесиных, как преподаватель гармонии и энциклопедии. После возвращения из-за границы в 1908 году я снова вернулся к своим обязанностям. Только в 1913 году наступил новый перерыв в работе, когда я уехал в Киев.

С 1922 года я снова вернулся в школу Гнесиных и доныне продолжаю работу, преподавая фугу, инструментовку и сочинение.

Говоря об отношении сестер Гнесиных к учащимся, я могу сказать только одно: оно подобно процессу взращивания цветов, до того оно заботливо, чутко и бережно... Детально знакомясь с индивидуально-

^{*} За тридцать лет. 1895—1925 — Изд. Юбилейного комитета по чествованию сестер Гнесиных, основательниц Гос. муз. техникума им. Гнесиных. — М., 1925. С. 41—45.

стью каждого ученика, со всеми оттенками его дарования, сестры Гнесины отдают все свое внимание, свою чуткую заботливость учащемуся, и в этом отношении они как педагоги не имеют равных.

В то же время они как преподаватели и как музыканты крайне требовательны не только к себе, но и к другим.

Я не могу не вспомнить мнение недавно скончавшегося профессора Ферруччо Бузони, который о русских музыкантах составил себе общее мнение: „Они лентяи и не хотят работать...“. Однако, это общее мнение не мешало знаменитому пианисту, который в свое время был профессором Московской консерватории, всегда, как только ему приходилось говорить за границей с кем-нибудь из приезжих русских, с восторгом вспоминать о „счастливом исключении“ из общего его мнения. Этим исключением была, по словам Бузони, Елена Фабиановна Гнесина, его ученица.

Я всегда вспоминаю о доме Гнесиных с светлым и радостным чувством. Много света, много жизни, много чуткого и внимательного такта. Вечера, концерты, прогулки учащихся с учащими — все светится в моих воспоминаниях чистым и ясным светом...

В самые трудные годы я встречал у них внимательное и заботливое отношение к самым элементарным моим жизненным интересам и нуждам...

Я рад случаю, который дает мне возможность все это, хотя бы в этой краткой и скромной форме выразить дорогим юбилярам».

44. О мужестве Ел. Ф. Гнесиной в период тяжелой травмы, постигшей ее в мае 1955 года, см. воспоминания Ю. В. Муромцева и Т. В. Антоновой, публикуемые в этой книге.

45. *Алексеев* Сергей Петрович (1902—1977) — профессор технической физики Московского авиационного института им. С. Орджоникидзе. Закончил Техникум им. Гнесиных по классу композиции М. Ф. Гнесина в 1929 году, одновременно учился и закончил МВТУ. Н. А. Гарбузов, который вел курс акустики у Гнесиных и читал петрографию на строительном факультете инженерного института, увлек Алексеева проблемой архитектурной акустики, чему он и посвятил свою дальнейшую жизнь. Но музыку не оставлял, продолжая сочинять. В 1976 году в Мемориальном музее-квартире Ел. Ф. Гнесиной состоялся концерт из его камерных произведений, созданных в 1970-х годах.

Приводим фрагменты из воспоминаний С. П. Алексеева:

«Каждый уходящий из жизни человек „стандартной формации“ быстро забывается. Только люди щедро одаренные природой, уважаемые и чтимые окружающим их обществом, имеющие учеников и последователей, могут претендовать на бессмертие. [...]

Семья Гнесиных, создавшая несколько учебных заведений в их последовательном развитии, прочно вошла в историю культуры. Во всех уголках нашей страны, да и за ее рубежом, с большим уважением произносится слово „гнесинец“.

Мне посчастливилось поступить в музыкальный техникум имени Гнесиных в середине двадцатых годов. Вместо официального учреждения я попал в хорошо обставленную квартиру рафинированных интеллигентов. Встретила меня невысокого роста седая, радушная хозяйка. Это была Елена Фабиановна. Ласковая, внимательная и вместе с тем строгая, как мне тогда показалось. Спросив мое имя, отчество и фамилию, она стала звать меня Сережей, что было очень приятно, так как обычно в учебных заведениях педагоги называют нас по фамилиям.

Счастливое, юное время проходило в стенах деревянного домика с мезонином всегда интересно. На занятиях было мило, увлекательно, без педагогической сухости. На уроки я шел с радостью. И все это было создано и исполнено Еленой Фабиановной [...]. Своей материнской заботой она ставила нас на путь человеколюбия, внимания и отзывчивости к чужому горю и радости. Не было зависти и ревности среди учеников Гнесиных. Не было холодных отношений с сознанием собственного превосходства между учениками разной степени одаренности. Была тесная и дружная семья Гнесиных и гнесинцев, спаянная проникновенным и тонким педагогическим чутьем Елены Фабиановны [...]. Седая, с пышным зачесом волос, подвижная, энергичная, всегда все замечающая и везде успевающая, Елена Фабиановна однажды обратилась ко мне:

— Сережа, ты сегодня не обедал?

— Ну что Вы, Елена Фабиановна, я сыт (это была ложь).

— Нет, я по глазам вижу. Подожди минутку...

И вот несет и с милой душевной теплотой и простотой вручает мне два прекрасных бутерброда с икрой и ветчиной.

— Пойди наверх в класс и там скушай!

И я был не в состоянии отказаться. А таких как я у нее в техникуме было много. Сколько раз от учеников слышал я о материальной помощи Елены Фабиановны. Скольким она буквально „вырывала“ в

Наркомате повышенные стипендии, сколько устроивала в общежитие. Трудно перечислить все добрые дела этого великого гуманиста-педагога [...].

В 1940 году я, работая в качестве акустика-консультанта в Гипротееатре, был приглашен на родной и близкий моему сердцу объект: строительство здания Училища имени Гнесиных на улице Воровского, где должен был обеспечить звукоизоляцию и хорошую слышимость в зале и классах. Началась война, и работа была законсервирована. Только после войны в мою жизнь снова влилась теплота и радость свиданий с Еленой Фабиановной. Вспомнилось то невозвратное, радостное, многообещающее утро жизни, еще не заслоненное тучами бытия. Живо все воскресло в памяти при встрече с женщиной, обладающей по-прежнему пышной седой прической и такими же, как раньше, молодыми энергичными глазами:

— Можно мне называть Вас Сережей, в честь старой, памятной дружбы? — спросила она.

— Елена Фабиановна, дорогая, большего для меня удовольствия быть не может!

Так и остался я Сережей до конца жизни этого чудесного человека, основателя почетного звания „гнесинец“.

Нет необходимости говорить, что для нее я делал акустический проект с особым рвением и тщательностью. Доходило почти до ссор с архитектором, автором проекта здания. Упрямый человек не хотел делать сцену зала в соответствии с требованиями законов акустики. Пришлось горячо спорить. И только с активной помощью Елены Фабиановны удалось установить рассеивающие щиты на сцене, особенно необходимые для сольных выступлений, но вызывающие бурную ненависть архитектора — автора проекта. [...]. [Они], обеспечив равномерность, полноту и сочность звучания инструмента или голоса, доносят звук без искажения к последним рядам слушателей, располагающихся даже за колоннадой арьерзала.

После открытия концертного зала Института им. Гнесиных, примерно через год, я получил от Елены Фабиановны [благодарственное] письмо.

Сентябрь 1973 года. *С. Алексеев*.

(Рукопись. ММКЕЛФГ. Архив М. Э. Риттих)

Приводим текст письма Ел. Ф. Гнесиной к С. П. Алексееву:

«Москва, 21 января 1965 года

ОТЗЫВ

Открытый в 1959 [описка: 1958. — Ред.] году концертный зал Института имени Гнесиных, акустика которого выполнена профессором Сергеем Петровичем Алексеевым, обладает отличной слышимостью на всех местах зала.

Этот наш зал сделался одним из любимых исполнителями и публикой и всегда бывает переполнен.

Ректорат Института выражает большую искреннюю благодарность автору акустики, профессору Сергею Петровичу Алексееву. *Ел. Гнесина*».

46. Приводим текст благодарственной телеграммы, присланной Елене Фабиановне новоселами общежития:

«Москва, 7 декабря 1962 года

Дорогая Елена Фабиановна! Мы, студенты института, носящего Ваше имя, собравшись на новоселье в новом общежитии, в создание которого Вы вложили столько усилий, горячо благодарим Вас за непрестанный заботу и внимание, постоянно проявляемые Вами к студентам. Мы понимаем, что Ваше счастье — это прежде всего успех в подготовке высококвалифицированных музыкантов, педагогов. Обещаем Вам оправдать Ваши надежды, всю жизнь служить музыке, музыкой своей — Родине. Будьте счастливы, Елена Фабиановна! *Ваши питомцы*». (Рукопись. ММКЕЛФГ, оп. VII, д. 26).

47. *Иконников* Алексей Александрович (р. 1905) — музыковед-историк. Учился в техникуме им. Гнесиных (1928—1930), закончил Московскую консерваторию (1935), аспирантуру (1938). В ГМПИ им. Гнесиных заведовал кабинетом истории музыки (с 1953), был проректором по научной работе и аспирантуре (1959—1970).

48. Книга эта по разным причинам вышла в свет только через 14 лет после кончины Елены Фабиановны. См.: История музыкальных учебных заведений имени Гнесиных. Сост., общая редакция, ряд глав и разделов — М. Э. Риттих. Ред. коллегия: Е. А. Бокщанина, И. Б. Мацкевич, Ю. В. Муромцев, М. Э. Риттих, Р. К. Ширинян. — М.: Музыка, 1981.

49. *Кудряшова* Елизавета Тимофеевна (1902—1977) — пианистка-педагог Школы-семилетки им. Гнесиных (1930—1963). Закончила техникум им. Гнесиных по классу О. Ф. Гнесиной в 1932 году. Единственный человек, бывший возле Елены Фабиановны после смерти Ольги Фабиановны. Принятая в

семью Гнесиных после смерти матери, а вскоре и отца, состоявшего дворником дома № 5, Елизавета Тимофеевна считалась приемной дочерью Ольги Фабиановны.

50. *Баганова* Татьяна Александровна (1925-1993) — медсестра. Работала в медпункте Дома творчества «Руза» Союза композиторов с 1955 года.

51. Книги отзывов Дома творчества, к сожалению, утрачены. Но в архиве Елены Фабиановны сохранились черновые записи некоторых экспромтов. См. также воспоминания А. В. Малинковой и комментарии к ним.

52. См.: *Хачатурян А.* Елена Фабиановна Гнесина // Муз. жизнь, 1964, № 10; *Гнесина Ел.* Из моих воспоминаний; *Риттих М.* Елена Фабиановна — девятино // Сов. музыка, 1964, № 5.

53. *Чернов* Юрий Константинович (1926—1975) — хоровой дирижер. Закончил заочное отделение ГИПИ им. Гнесиных по хоровому классу А. С. Андрусенко (1956). С 1961 года — директор училища им. Гнесиных.

54. *Демина-Михайлова* Екатерина Илларионовна — врач. В годы Великой Отечественной войны — санинструктор.

55. *Клиберн Ван* — Клайберн Харви Лаван (р. 1934) — американский пианист. Закончил Джульярдскую школу по классу Розины Левиной, соученицы Елены Фабиановны по Московской консерватории, лауреат Первого международного конкурса им. П. И. Чайковского (1958) — первая премия.

Об одной из двух встреч Гнесиной с Ваном Клиберном рассказывает ее ученица, окончившая Техникум им. Гнесиных в 1935 году, Светлана Викторовна Сербинова. Приводим этот рассказ с некоторыми сокращениями.

«Эта встреча произошла 30 июня 1960 года, во второй приезд Вана Клиберна на гастроли в Москву. На встрече присутствовали Елена Фабиановна, Ольга Фабиановна, Лиза Кудряшова и я. Больше никого. Елена Фабиановна сохраняла в полной тайне этот визит Клиберна. Она говорила: „Если студенты об этом узнают, они разнесут весь Институт“. Мне выпало счастье присутствовать при этой встрече только благодаря доброте Елены Фабиановны, которая знала, с каким обожанием я отношусь к этому выдающемуся музыканту.

Увы, ныне уже нет на свете дорогих мне членов семьи Гнесиных, которые тогда принимали Клиберна. Я осталась единственным живым свидетелем той незабываемой встречи. [...] в ту же ночь, 30 июня, я записала свои впечатления [...]. Вот некоторые отрывки из моего дневника:

Вот как все было. Елена Фабиановна распорядилась, чтобы машина, привезшая Клиберна и его друга пианиста Льва Власенко, остановилась не на улице Воровского [перед центральным входом в Институт. — М. Р.], а у ворот с переулком, и въехала во двор. Лиза и я поджидали машину на тротуаре возле ворот. Наконец большая черная машина подкатила. Сквозь стекло кабины Клиберн еще на ходу кивнул нам головой и с радостной улыбкой сделал приветственный жест рукой. Выйдя из машины, он с той же теплой улыбкой вежливо поклонился и пожал нам руки. Затем взлетел по лестнице на второй этаж, шагая через четыре ступеньки. Власенко был уже наверху.

Елена Фабиановна принимала Клиберна, как всегда, в своем кабинете.

Он сидел в глубоком кресле, напротив, вытянув свои длинные ноги на середину кабинета. Власенко, который отлично говорит по-английски, непрерывно переводил. Я стояла близко от Клиберна, опершись на рояль, и не отрывала от него глаз. Елена Фабиановна тоже не сводила с него взгляда, и по всему ее лицу было разлитое доброе, материнское выражение. Я видела, что и она тоже счастлива в эти минуты. Между ними шла оживленная беседа. Клиберн с жадным вниманием и благоговением слушал все, что она ему говорила. Быстро и охотно отвечал на ее вопросы. Кое-что говорил о себе. Подкупала его искренность и непосредственность. Все впечатления, всякая его мысль и чувство живо и ярко отражались на его лице. Большой человек с сердцем ребенка. В жизни, на близком расстоянии, его лицо гораздо лучше, чем на фотографиях. Оно кажется более продолговатым, черты лица мягкие, маленький и короткий нос, глаза голубые, очень простодушные и ласковые, роскошная копна светлых с рыжеватым оттенком волос в мельчайших завитках, кожа лица нежная, как у девушки.

Елена Фабиановна подарила ему портрет Рахманинова с его автографом (подлинник!), стоявший обычно у нее на рояле. Лучшего дара она бы не смогла сделать, так как Клиберн бесконечно ценит и любит Рахманинова. Этот подарок потряс его, и он прижал портрет к своей груди. Я тоже вручила ему свои скромные, давно приготовленные подарки, заключенные в большую картонную коробку: миниатюрную модель рояля Стенвей, сделанную собственноручно, вышивку в рамке „Русская зима“, тоже своей рабо-

ты, свою юношескую фортепианную пьесу и письмо на английском языке. Он все это с интересом рассматривал. Тогда я осмелилась попросить у него автограф, протянув ему один из лучших его снимков. На обороте его он написал по-английски несколько слов: „Для Светланы. Моя благодарность за маленький рояль. Я всегда буду его хранить. Искренне *Вэн Клайберн*“. И под этой подписью красивыми и смелыми русскими буквами: Ван Клиберн и дата.

Весь визит Клиберна длился не более 20 минут. Вечером предстоял концерт в Большом зале консерватории. Он очень волновался за исход этого концерта, так как только ночью вернулся из турне по Союзу, был измучен и не успел отдохнуть. Власенко сообщил, что концерт будет транслироваться по радио. Услышав эту новость, Ван, закатив глаза, „упал в обморок“ прямо в объятия Власенко, изобразив на своем подвижном лице комическое отчаяние. Это было артистично. „Я Вам предсказываю, что сегодня Вы будете играть замечательно“, — сказала я. Он ответил: „Я верю в женскую интуицию“.

Пора было ехать, он начал прощаться. Елена Фабиановна захотела встать с кресла, чтобы попрощаться с ним; потребовала свои костыли. Он протестовал, все ее отговаривали. Но она твердо сказала: „Нет, я встану, я должна встать!“. Он подошел к ней, они обнялись. Елена Фабиановна, плача, гладила рукой его волосы и трепетным голосом повторяла одно только слово: „Дорогой, дорогой!“ Он тоже заплакал, и лепетал: „Элен Фабиан...“ Прощаясь, он всех целовал, как будто это были его старые друзья [...].

Власенко уже вышел, унося в машину подарки и цветы. Ван еще раз взглянул на Елену Фабиановну долгим взглядом и вышел из кабинета. Я провожала его в переднюю. Вдруг он остановился, обернулся ко мне и стал быстро и горячо что-то говорить, прижав к груди свои огромные руки. Это были слова благодарности, и я их поняла, не зная языка. Лицо у него было в этот момент такое взволнованное, почти страдальческое. Я послала ему три воздушных поцелуя, и он исчез за дверью.

Когда я вернулась в кабинет, там царил молчание. Елена Фабиановна сидела в своем кресле, как бы потрясенная. Ольга Фабиановна — в глубокой задумчивости. Лиза плакала.

Светлана Сербинова, 3 мая 1980 г.» (Рукопись. Архив М. Риттих)

56. Такеноучи Владимир Николаевич — японский пианист, педагог. Встреча его с Еленой Фабиановной состоялась в 1965 году. В архиве Гнесиной имеются письма и фотографии. В. Такеноучи за 1965—1967 годы. Последнее письмо уже не застало Елену Фабиановну в живых. По просьбе редактора-составителя этой книги В. Такеноучи любезно предоставил Музею-квартире Ел. Ф. Гнесиной фотокопии ее писем к нему. В письме к М. Э. Риттих он пишет:

«Воспоминания о Елене Фабиановне были и есть так сильны и так ярки, что, несмотря на нашу единственную встречу мне казалось, я знал ее долго-долго! В ней было столько жизненной силы, что, находясь в ее присутствии, слушая ее голос, я чувствовал, что излучение этой постоянной кипучей энергии было так сконцентрировано, что создавало вокруг нее светлый ореол, через который и видели мы ее не просто сидящую перед нами в данную минуту, но как личность». Письмо от 8.IV.1976 г. Рукопись, на русском языке. (Архив М. Риттих)

Содержание, теплота тона писем Елены Фабиановны к В. Такеноучи говорят о ее дружеском расположении к молодому японскому педагогу-пианисту.

Приводим одно из писем Гнесиной к Такеноучи с некоторыми сокращениями.

«Москва, 22 ноября 1966 г.

Дорогой друг, Владимир Николаевич!

Получила ваше письмо с описанием ваших стихийных бедствий — мне стало страшно за Вас! На этот раз Вы много пережили, но конец для Вас благополучен, я очень рада! Я постоянно волнуюсь за всех уезжающих в Вашу прекрасную, но такую опасную страну! Будем надеяться, что впереди тайфунов не будет, не будет и таких страшных наводнений, как в несчастной Италии. Я рада, что Ваше здоровье поправилось, но все-таки будьте осторожны [...] диабет очень серьезное заболевание [...]. Рада, что Вы начали играть и любите Скрябина. И Рахманинов, и Скрябин — мои товарищи по консерватории, дети Скрябина учились в нашей школе. После смерти А. Н. Скрябина его жена, Татьяна Федоровна, увезла детей в Киев, и там случилось страшное несчастье: кто-то из друзей взял с собой покататься в лодке Юлианчика, необыкновенно талантливого 10-летнего мальчика, и этот „друг“ не заметил, что Юлиан пергнулся в лодке, схватив водоросли, и... не появился — утонул!

А С. В. Рахманинов, тоже мой товарищ и друг, сказал как-то: „Слава Богу, что у моих дочерей нет таланта, а то бы и они учились в Вашей школе“. Когда Вы приедете в Москву и будете у меня, я покажу Вам всех моих друзей [...].

Мое строительство очень медленно продвигается, несмотря на мои просьбы и требования работать более активно [Речь идет о новом здании училища]. Очень хлопот много, а руководить только по телефону, конечно очень трудно. Все-таки хочется надеяться, что через 2—3 года выстроим хороший дом, при-

дется мне постараться прожить еще 3 года — тогда исполнится 95 лет моей долгой жизни. Посмотрим, что будет. А пока я желаю Вам и Вашей семье всего доброго, а главное здоровья! *Ваша Ел. Гнесина*».

57. Приводим программу этого вечера, проводившегося совместно с обществом «СССР — Италия»:

«Государственный музыкально-педагогический институт им. Гнесиных, Музыкальная секция советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами приглашают Вас на вечер, посвященный столетию со дня рождения итальянского пианиста и композитора Ферруччо Бузони (1866—1924). Председатель вечера — ректор Государственного музыкально-педагогического института им. Гнесиных, заслуженный деятель искусств РСФСР, профессор Ю. В. Муромцев.

Торжественная часть:

Слово о Бузони скажет доктор искусствоведения профессор Г. М. Коган.

Воспоминания о Бузони прочтет заслуженный деятель искусств РСФСР профессор Ел. Ф. Гнесина.

Программа концерта:

Моцарт — Бузони. Фантазия для двух фортепиано (1923) — исполнят Адольф и Михаил Готлибы;

Вагнер — Бузони. Траурный марш из муз. драмы „Сумерки богов“ (1883);

Бузони. Гавот (1877);

Бузони. „Веселость“ (1896);

Бузони. Два этюда на мотивы американских индейцев (1915);

Паганини — Бузони. Интродукция и каприччио (1909) — исполнит пианист Григорий Коган;

Брамс — Бузони. Две хоральные прелюдии (1902);

Бузони. Интермеццо из музыки к „Турандот“ (1909);

Паганини — Лист — Бузони. Два этюда (1916) — исполнит пианист Леонид Брумберг.

Вечер состоится в четверг 19 мая 1966 г. в Концертном зале Института им. Гнесиных (ул. Воровского, 30/36, вход с ул. Палиашвили). Начало в 19 часов».

58. К сожалению, это пожелание Елены Фабиановны не осуществилось. Выходные данные книги см. в коммент. 45.

59. На этой грампластинке впервые советской фирмой грамзаписи была издана «Всенощная» — произведение, очень любимое Ел. Ф. Гнесиной. Титульный заголовок пластинки: С. В. Рахманинов. «Всенощная» для смешанного хора. Соч. 37. Государственный академический русский хор СССР. Худ. руководитель А. Свешников. Солисты: Клара Коркан (меццо-сопрано), Константин Огневой (тенор).

60. Через 10 лет после кончины Ел. Ф. Гнесиной по личной инициативе, трудами и на средства Елены Маврикиевны Ванькович-Одаровской*, при моральной поддержке сотрудников Мемориального музея-квартиры Елены Фабиановны и некотором последующем материальном содействии Союза композиторов, на могиле Елены Фабиановны установлен памятник. Его торжественное открытие состоялось 7 июня 1977 года. На церемонии с теплыми прочувствованными словами выступили Т. Н. Хренников, ученики, друзья, коллеги Елены Фабиановны.

С. Клумова-Ганнушкина. Мои воспоминания

Впервые воспоминания были опубликованы в юбилейном сборнике «Пятьдесят лет Музыкального училища им. Гнесиных. 1895—1945». - М.-Л., 1945. С. 56—60. Печатаются с небольшими сокращениями.

Клумова-Ганнушкина Софья Владимировна (1880—1945) — пианистка. Жена известного ученого-психиатра Петра Борисовича Ганнушкина, ученица Елены Фабиановны Гнесиной (1895—1899). В списках окончивших училище не значится, видимо Елена Фабиановна подготовила ее к поступлению в консерваторию без окончания Училища, в более короткий срок. В Лейпцигской консерватории училась у Ферруччо Бузони.

1. Называя Н. А. Орлова среди учеников Елены Фабиановны, автор воспоминаний ошибается. В «Экзамненных листах» Училища сестер Гнесиных — своего рода учебных ведомостях, ведущихся с 1899 по 1919 год и заполнявшихся каждым педагогом собственноручно, Н. А. Орлов значится в классе Евгении

* Е. М. Ванькович-Одаровская (1898—1988) — балерина, актриса немого кино, педагог танца и ритмики. Много лет преподавала в учебных заведениях им. Гнесиных. Сестра жены Михаила Фабиановича Гнесина — Галины Маврикиевны Ванькович-Гнесиной.

Фабиановны (1899—1904). Среди выпускников училища имени его нет. В Московскую консерваторию он был подготовлен досрочно. Закончил ее по классу К. Н. Игумнова (1910).

2. *Клумов* Алексей Константинович (1908—1944) — пианист, композитор, педагог, заслуженный артист БССР; племянник С. В. Клумовой-Ганнушкиной. Закончил техникум им. Гнесиных в 1929 году по классу фортепиано Ел. Ф. Гнесиной, Московскую консерваторию — по классу Г. Г. Нейгауза, у него же прошел аспирантуру. Работал в Белорусской консерватории. В дни оккупации Минска гитлеровской армией ему удалось вырваться из города и добраться до Москвы вместе со своим учеником М. Вайнбергом. Потрясение было слишком велико. В 1944 году А. Клумов, талантливый музыкант, скоропостижно скончался.

С. В. Клумова-Ганнушкина писала Елене Фабиановне в связи с его кончиной:

«Вашему учреждению и Вам лично Алеша Клумов был обязан тем, что стал блестящим пианистом, и в дальнейшем музыкантом-композитором [...].

С Вашим образом и именем связаны самые лучшие воспоминания, и за них я хочу еще лишний раз поблагодарить Вас и за моего дорогого племянника, преждевременно сошедшего в могилу, и за себя. Светлые воспоминания встают передо мною из жизни Алеши Клумова в стенах Вашего учреждения, как он играл на выпускном экзамене, какой фурор произвел исполнением сонаты „Appassionata“.

12 сентября 1944 г.»

(Архив Ел. Ф. Гнесиной. ММКЕЛФГ, оп. VII, д. 8).

С. Апфельбаум. Мысли и воспоминания о Елене Фабиановне Гнесиной

Апфельбаум Софья Ивановна (1887—1981) — пианистка, педагог. Закончила Училище сестер Е. и М. Гнесиных по классу Евг. Ф. Гнесиной в 1915 году, педагог Школы-семилетки им. Гнесиных (1931—1971). Заслуженный учитель РСФСР.

1. *Апфельбаум* Виктор Юльевич (1916—1963) — художник, сын С. И. Апфельбаум.

В кабинете Елены Фабиановны, в настоящее время одной из комнат мемориального музея-квартиры, находится большой поясной портрет Елены Фабиановны его работы. Второй портрет — в вестибюле Концертного зала РАМ им. Гнесиных. Кроме того, в музее находится еще десять полотен художника.

Приводим высказывание Елены Фабиановны о В. Ю. Апфельбауме: «У нас был очень талантливый ученик Витя Апфельбаум. Он блестяще кончил училище. Но любовь к рисованию взяла верх. Он пошел в Суриковский институт и стал художником. Музыку он, однако, никогда не бросал. Она дала ему тонкое, ясное, чистое восприятие мира и умение красками передать это на полотне» (*Вершинина И.* Человек, увидевший всходы. Интервью с Ел. Ф. Гнесиной // *Огонек*, 1964, № 24. С. 18—19)*.

Расхождение в названии учебного заведения, в котором учился В. Ю. Апфельбаум, имеющееся между текстом воспоминаний и цитируемым фрагментом из интервью с Еленой Фабиановной, объясняется тем, что, начав свои занятия в Академии художеств в Ленинграде, он затем перевелся во вновь учрежденный Художественный институт им. В. И. Сурикова в Москве.

2. Музыка к спектаклю сочинена композитором Ю. Л. Вейсберг, постановку осуществила Евг. Ф. Гнесина.

3. 15 февраля 1895 года в Училище сестер Е. и М. Гнесиных пришла первая ученица. С тех пор ежегодно в течение 80 лет этот день отмечался как день рождения учебных заведений им. Гнесиных. В 1970-е годы традиция празднования 15 февраля сохранялась только в Мемориальном музее-квартире Ел. Ф. Гнесиной. В 1983-м традиция возродилась организацией вечера-встречи в Концертном зале института. Подробнее о том, как проходили праздники 15 февраля и о «шаркоме» см. в воспоминаниях К. П. Виноградова, Н. А. Светозаровой, М. Э. Риттих и в комментариях к ним, публикуемых в этой книге.

4. Речь идет об экспромте, сочиненном Ел. Ф. Гнесиной в 1964 году (см. воспоминания А. В. Малинковской и М. Э. Риттих).

* См. также: Виктор Апфельбаум. Художник Московской школы / Сост. Е. А. Шиловская. — М.: Проун, 1997.

М. Гурвич. Из воспоминаний о Елене Фабиановне Гнесиной

Воспоминания написаны для первого издания книги. Здесь публикуются с некоторыми дополнениями.

Гурвич Мария Александровна (1897—1981) — пианистка, педагог, закончила Училище Е. и М. Гнесиных по классу Евгении Фабиановны в 1916 году, Московскую консерваторию по классу Н. К. Метнера — А. Ф. Гедике в 1926. Педагог школы, училища (1926—1961, несколько лет заведовала отделом) и ГМПИ им. Гнесиных (1944—1971), доцент, заслуженный учитель РСФСР (1945).

1. О Л. Н. Оборине см. также воспоминания К. П. Виноградова и комментарии к ним, публикуемые в этом сборнике.

2. А. Т. Гречанинов работал в Училище сестер Е. и М. Гнесиных с 1906 по 1908 год, затем с 1914 по 1920 год. О своих хоровых сочинениях и о детском хоре Евгении Фабиановны композитор пишет следующее: «В 1903 году выходит в свет мой первый сборник детских песен „Ай-дуду“. Образовавшийся вскоре после того в школе детский хоровой класс под руководством Евгении Фабиановны разучил песенки из этого сборника. Детская литература была тогда очень бедна, петь было почти нечего, и я с удовольствием принял предложение написать что-нибудь еще для детей. „Петушок“, „Ручеек“, „Времена года“ — один за другим появляются мои сборники.

Весело было писать, весело было и слушать свои хоры в прелестном детском исполнении. Таким образом для гнесинского детского хора я написал почти все свои хоровые детские песни» (см.: За тридцать лет. 1895—1925. Изд. юбилейной комиссии. — М., 1925. С. 39).

3. Музыкант, о котором рассказано в воспоминаниях, *Татулян* Арам Георгиевич (1915—1974) — пианист, педагог. Закончил техникум по классу Евгении Фабиановны в 1934 году, Московскую консерваторию по классу А. Б. Гольденвейзера в 1940 году. Педагог по классу специального фортепиано в училище (с 1940 года, заведовал отделом) и ГМПИ им. Гнесиных (1944—1974). Доцент, Лауреат Всесоюзного конкурса музыкантов-исполнителей.

К. Виноградов. Из моих воспоминаний о Елене Фабиановне Гнесиной

Виноградов Константин Петрович (1899—1980) — хормейстер, дирижер, пианист, педагог. Окончил техникум по классу фортепиано Ел. Ф. Гнесиной в 1925 году, ГМПИ им. Гнесиных экстерном по специальности хоровое дирижирование в 1946 году. Концертмейстер, главный хормейстер, главный дирижер Оперного театра им. Станиславского (1923—1936), руководитель Государственного хора СССР (1936—1941), художественный руководитель Ансамбля песни и пляски МПВО (1942—1946), главный хормейстер Краснознаменного ансамбля песни и пляски Советской Армии им. А. В. Александрова (1946—1965). Педагог Училища (1924—1941), ГМПИ им. Гнесиных (1944—1953), Московского института культуры, Московской консерватории. Доцент. Лауреат Государственной премии. Народный артист РСФСР.

1. *Оборин* Лев Николаевич (1907—1974) — пианист, педагог, учился по классу Елены Фабиановны Гнесиной в Училище Е. и М. Гнесиных (1916—1921). Закончил Московскую консерваторию по классу К. Н. Игумнова (1927). С 1930 вел там класс фортепиано, заведовал кафедрой (1954—1959, 1965—1971). Профессор. Лауреат Первого Международного конкурса пианистов им. Ф. Шопена в Варшаве (1927), первая премия. Народный артист СССР. Лауреат Государственной премии СССР.

2. Подтверждением сказанного являются «Экзаменные листы», заполненные рукой Елены Фабиановны с характеристиками и оценками успеваемости обоих учеников. За все годы обучения Оборина Елена Фабиановна определяла его способности только оценкой «5 с плюсом», прилежание тоже «5 с плюсом». Эта же оценка была преобладающей и среди экзаменационных оценок. При этом с первого курса он был переведен сразу на третий, с третьего весной — на четвертый, а осенью — на пятый. Примечательны словесные характеристики ученика в записях Гнесиной: «Прелесть!» или «Одна радость!».

В оценках же игры Виноградова преобладают четверки, хотя способности его оцениваются высоко — пятеркой (Елена Фабиановна всегда и впоследствии очень высоко ценила его как музыканта). О прилежании же говорится развернуто: «С прошлой весны до второго полугодия провел в казармах; с января начал успешно заниматься. Два года совсем не играл, за это полугодие очень много сделал». Или: «Почти не работает», «Прилежание — ?» (Архив Ел. Ф. Гнесиной. ММКЕЛФГ, оп. IX, д. 18, 19).

3. О большом внимании, уделяемом Ел. Ф. Гнесиной правильной посадке за роялем, говорят и другие авторы воспоминаний, а также многочисленные рисунки самой Елены Фабиановны, изображающие учеников со спины, сделанные ею с целью наглядно показать недостатки их посадки за роялем. Рисунки эти сохранились (всего 82) в ее архиве (ММКЕЛФГ, оп. V, №№ 94, 95, 98).

4. О дружбе Елены Фабиановны с С. В. Рахманиновым, товарищем по Московской консерватории, см. ее статью «О Рахманинове» // Воспоминания о Рахманинове. Сост., прим., предисловие З. Апетян. 5-е изд. — 1988. Т. 1. С. 205—211.

5. В кабинете Елены Фабиановны имеются две фотографии С. В. Рахманинова с его дарственными надписями. Речь идет, видимо, о более позднем портрете, датированном 24 марта 1916 года, запечатлевшем композитора в профиль, с музыкальным посвящением-автографом на тему «EFG» — начальных букв имени, отчества и фамилии Елены Фабиановны.

6. Один из документов, подтверждающий сказанное — записка А. В. Луначарского в Главтоп о необходимости обеспечить школу Гнесиных топливом, датированная 29 августа 1921 года — приводится в воспоминаниях Ю. В. Муромцева и в комментариях к ним, публикуемых в этой книге.

7. Педагогическая деятельность К. П. Виноградова, начавшаяся в 1924 году и продолжавшаяся до 1941 года, заключалась в преподавании теоретических дисциплин, работе в концертмейстерском и оперном классах, а также в хоровом классе взрослых учеников, где он был помощником Елены Фабиановны.

В. Духовская. Гнесины в моей жизни (из дневников 20-х годов)

Воспоминания публикуются впервые. Писались специально для первого издания книги, но вовремя закончены не были. Машинописный экземпляр рукописи уже после внезапной кончины автора передан в Музей Ел. Ф. Гнесиной сыном В. О. Духовской Германом Самвеловичем Духовским. Воспоминания прочитаны на творческом собрании музея 6 мая 1983 года, посвященном 80-летию певицы и годовщине со дня ее смерти. Публикуются с большими сокращениями.

Духовская Вера Осиповна (1903—1982) — певица, лирико-колоратурное сопрано. Закончила Государственный институт театрального искусства (1923) по классу Е. Ю. Жуковской. Солистка Московской филармонии (1923—1938), Всесоюзного гастрольно-концертного объединения (1938—1948). Педагог по классу вокального ансамбля в Училище им. Ипполитова-Иванова (1948—1957).

Выдающаяся камерная певица, обладавшая голосом особой красоты, чистотой интонирования, изумительно тонкой нюансировкой, свежо и искренне трактовавшая исполняемые произведения. Репертуар ее богат и широк. В нем представлены разные национальные школы. Помимо концертов из сочинений разных авторов выступала со многими тематическими концертами, например, «Истоки русского романса», «Театральная музыка Москвы», «Утро детской песни».

Музыкой Гнесина она увлекалась и пропагандировала ее, так же как и сочинения Прокофьева, Стравинского и многих отечественных композиторов.

Ее исполнительское дарование и мастерство особенно выявилось и расцвело в ансамбле с пианистом М. А. Бихтером.

1. О О. Ф. Гнесиной см. комментарии к воспоминаниям М. Э. Риттих, публикуемые в книге.

2. «Музыкальные выставки» проводились по инициативе певицы М. А. Дейша-Сионицкой в 1907—1911 годах в зале Синодального училища в Москве.

Лобачев Григорий Григорьевич (1888—1953) — композитор, активный деятель советской музыкальной культуры, особенно двух первых десятилетий. В сочинениях использовал фольклор разных народов. Его массовые песни, хоры, циклы и сборники детских песен широко исполнялись в 20—30-х годах.

Гребнев Александр Филимонович (1882—?) — композитор, хоровик, активный организатор массового музыкального воспитания в 20-е — начале 30-х годов. Автор вокальных и хоровых сочинений, а также исследований о фольклоре.

3. Имеется в виду музыка А. Ю. Симона к пьесе Гауптмана «Потонувший колокол», поставленной К. С. Станиславским на сцене Художественного театра 19 октября 1898 года. Сведений, подтверждаю-

щих исполнение фрагментов из этой музыки Духовской в ансамбле с А. Л. Доливо обнаружить не удалось.

4. Иванов-Борецкий Михаил Владимирович (1876—1936) — крупный ученый-музыковед, композитор, профессор Московской консерватории. С 1926 года преподавал в Техникуме им. Гнесиных историю музыки. Ему принадлежит статья «Техникум им. Гнесиных в системе музыкального образования нашей страны» (см.: Сорок лет Московского музыкального техникума им. Гнесиных. — М., 1935). Забытые в наши дни, его музыкальные сочинения в свое время исполнялись, особенно романсы. Входили они и в репертуар В. О. Духовской.

Шишов Иван Петрович (1888—1947) — композитор, музыковед, автор многих разножанровых сочинений, как монументальных, так и камерных. Среди последних — более трехсот романсов и песен, дуэтов, обработок народных мелодий. Его сочинения широко бытовали в свое время. Постановка оперы «Тупейный художник» осуществлена в 1929 году на сцене Московского экспериментального театра.

5. Постановка драмы А. А. Блока «Роза и крест» с музыкой М. Ф. Гнесина готовилась на сцене Художественного театра Вл. И. Немировичем-Данченко, но не была осуществлена.

Сочинение музыки относится к 1914 году. Тогда же П. Юргенсоном изданы два фрагмента из нее: Песня пажа Алискана для высокого голоса в сопровождении струнного квартета и арфы (в переложении А. Зилоти для голоса и фортепиано) и Песня Гаэтана в сопровождении оркестра (переложение автора для пения с фортепиано). Позже, в 1915, сочинен хор девушек «С майским деревом» для женского хора в сопровождении фортепиано. Издано П. Юргенсоном (М., 1916).

6. Об А. Т. Гречанинове см. комментарии к воспоминаниям М. А. Гурвич.

7. Бихтер Михаил Алексеевич (1881—1947) — пианист, дирижер, ансамблист. Заслуженный деятель искусств. Закончил Петербургскую консерваторию в 1910 году по классам: фортепиано — К. фон Арк и А. Н. Есипова, теории и композиции — А. К. Лядова, А. К. Глазунова, М. О. Штейнберг, дирижирования — Н. Н. Черепнина. Музыкальный руководитель и дирижер Петербургского театра Музыкальной драмы (1912—1917).

С 1917 года некоторое время жил в Харькове, затем в Ростове-на-Дону, где в те же годы трудился М. Ф. Гнесин, большим другом и поклонником творчества которого был пианист. В архиве Ел. Ф. Гнесиной хранятся его письма к ней из Харькова за апрель-июнь 1917 года. Он сообщает о назначении его директором Консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова при харьковском отделении филармонического общества, просит поделиться своим опытом в области руководства учебным заведением: «...мне необходимо посоветоваться с Вами о многом и просить Вас благословить и наставить меня на великий подвиг»; просит также посодествовать приглашению в Харьков видных музыкантов, в том числе Н. А. Орлова (ММКЕЛФГ, оп. VII, д. 2).

Позже, возвратившись в Ленинград, Бихтер посвящает себя исполнительству и педагогике. Выступает с выдающимися вокалистами — Ф. И. Шаляпиным, И. В. Ершовым, И. А. Алчевским, Н. И. Забелой-Врубель, М. И. Бриан, а с 1923 года много лет в дуэте с В. О. Духовской. С 1933 года до кончины — профессор Ленинградской консерватории, руководитель оперного класса и камерного ансамбля. Собрал большую ценную библиотеку. После его кончины она приобретена ГМПИ им. Гнесиных.

8. Подлинник письма М. А. Бихтера к Духовской находится в архиве певицы, хранящимся у ее сына Г. С. Духовского. Помимо переписки, в архиве дневники, фотографии, афиши, программы, пластинки, магнитные пленки с записью исполнения Духовской.

9. См.: «Музыкальная новь». 1923. № 2.

10. По библейской мифологии праведник Ной, спасенный богом во время всемирного потопа, имел трех сыновей — Сима, Иафета, Хама, от которых затем произошло население всей земли. Хам, вместе с Иафетом, надсмеялись над наготой спящего отца. Сим же пожалел его и прикрыл овечьей шкурой.

Е. Давыдова. Воспоминания о Елене Фабиановне Гнесиной

Давыдова Елена Васильевна (1902—1981) — теоретик, педагог, закончила техникум им. Гнесиных по классу фортепиано Ел. Ф. Гнесиной в 1926 году, затем Центральный заочный институт музыкального

образования по классу С. С. Скребкова в 1941 году. Преподаватель в обеих школах, училище и ГМПИ им. Гнесиных. Директор школы-семилетки (1948—1953), заместитель директора по учебной и научной работе ГМПИ им. Гнесиных (1953—1958). Заслуженный работник культуры РСФСР. Автор известных учебных пособий по сольфеджио.

1. *Давыдова* Наталья Яковлевна (1873—1926) — художница. Вместе с М. Ф. Якунчиковой принимала участие в организации Музея народного искусства в Москве, некоторое время была его заведующей.

2. См. воспоминания Е. Ф. Светланова и комментарии к ним, публикуемые в этой книге.

3. *Федосеев* Владимир Иванович (р. 1932) — дирижер, закончил ГМПИ им. Гнесиных по классу баяна Н. Я. Чайкина и дирижирования Н. П. Резникова в 1957 году. Главный дирижер Большого симфонического оркестра Гостелерадио. Народный артист СССР.

4. *Шаховская* Наталья Николаевна (р. 1935) — виолончелистка, закончила ССМШ им. Гнесиных по классу Д. Б. Любкина и А. К. Федорченко (1954), Московскую консерваторию по классу С. М. Козолупова (1958). Лауреат Первой премии Международного конкурса им. Чайковского (1962). Профессор Московской консерватории, РАМ им. Гнесиных. Народная артистка СССР.

5. См. воспоминания Е. С. Белова и комментарии к ним, публикуемые в этом сборнике.

6. См. воспоминания К. П. Виноградова и Н. Г. Козлова, помещенные в этой книге.

Шубина Вера Яковлевна (1909—1988) — пианистка, концертмейстер. Закончила Техникум им. Гнесиных по классу Евгении Фабиановны Гнесиной (1934). С начала 30-х годов и до 1972 — концертмейстер в Училище и в ГМПИ им. Гнесиных, затем — до 1986 года — в Московской консерватории. Близкий друг семьи Гнесиных.

7. *Аден* Геннадий Геннадиевич (1900—1989) — певец, педагог. Окончил Техникум им. Гнесиных по классу Г. П. Гандольфи (1928), Римскую консерваторию (1929). Вел класс сольного пения в училище, затем в ГМПИ им. Гнесиных. Профессор.

Ливанова Тамара Николаевна (1909—1986) — музыковед-историк, педагог. Училась в техникуме им. Гнесиных по классу вокала, закончила историко-теоретический факультет Московской консерватории. Преподавала в Московской консерватории (1933—1946), в ГМПИ им. Гнесиных (1944—1948). С 1945 года работала в Институте истории искусств (искусствознания). Заслуженный деятель искусств РСФСР. Профессор. Доктор искусствоведения.

8. *Листова* Валерия Владимировна (1883—1970) — пианистка, педагог. Окончила Московское филармоническое училище по классу А. Н. Корещенко. С 1927 года преподавала в учебных заведениях им. Гнесиных, одна из лучших гнесинцев-педагогов фортепиано. Среди ее учеников — С. Нейгауз, Э. Гроссман, А. Эшпай и др. Заслуженный учитель РСФСР.

Гельман Эфраим Григорьевич (1883—1953) — пианист, педагог, методист. Окончил Московскую консерваторию. С начала 1920-х годов по 1933 год преподавал в Техникуме им. Гнесиных. Среди его учеников — А. Иохелес, Т. Хренников. Будучи, по словам Ел. Ф. Гнесиной, «хорошим учителем», он, однако, сыграл негативную роль во время кампании 1929—1932 годов, организованной РАПМом, по отстранению Гнесиных от работы в созданных ими учебных заведениях.

Ростропович Леопольд Витольдович (1892—1942) — виолончелист, педагог. Заслуженный артист РСФСР. В 1930-е годы преподавал в Техникуме и школе им. Гнесиных, где среди его учеников был и его сын — будущий знаменитый виолончелист Мстислав Ростропович.

О других называемых педагогах см.: о Д. Р. Рогаль-Левицком — комм. 28 к воспоминаниям Р. Жив, о В. Р. Шоре — комм. 4 к воспоминаниям Н. Рогожиной, о А. Я. Георгиане — его воспоминания и комментарии к ним в этой книге.

9. См. воспоминания Духовской и комментарии к ним, помещенные в этом сборнике.

10. Паек-стипендию им. А. В. Луначарского получили пять наиболее нуждающихся учащихся Техникума им. Гнесиных.

АРА — American Relief Administration — Американская административная помощь европейским странам, пострадавшим в первую империалистическую войну. В 1921 году, во время голода в Поволжье,

по согласованию с Советским правительством, АРА поставляла продовольствие, медикаменты и другие товары нашей стране, чем оказала ей определенную помощь.

11. Автором воспоминаний эта записка Елены Фабиановны передана ММКЕЛФГ (оп. VII, д. 45).

Тиц Борис Борисович (1890—1963) — пианист, педагог, окончил Петербургскую консерваторию по классу А. Н. Есиповой. Совершенствовался в Берлинской консерватории. Преподавал фортепиано в Харьковском музыкальном институте. С 1920 года преподавал фортепиано в техникумах А. Н. Скрябина, Московском областном, с 1940 года — в Московской консерватории. Доцент.

Арле-Тиц Коретти Генриховна (1894—1955). Камерная певица, обладающая своеобразным по тембру и обширному диапазону лирико-драматическим сопрано. Негритянка, для которой Россия с 1913 года стала второй родиной. Совершенствовалась в Берлинской и Петербургской консерваториях, у М. Бихтера, М. Владимировой, В. Зарудной. Вместе с мужем Б. Тицем представляли замечательный дуэт. Много концертировали. В годы гражданской и Великой Отечественной войн выступали в воинских частях на фронте и в тылу.

Е. Акулов. Из воспоминаний

Акулов Евгений Алексеевич (1905—1997) — пианист, дирижер, педагог. Закончил техникум им. Гнесиных по классу фортепиано Ел. Ф. Гнесиной (1927), по классу композиции М. Ф. Гнесина (1928), Московскую консерваторию по дирижированию (класс К. С. Сараджева, 1931). Дирижер Большого театра (1930—1937), Белорусского театра оперы и балета (1937—1938), главный дирижер и заведующий музыкальной частью театра им. К. С. Станиславского, в 1941—1950 годах — театра им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. Дирижер симфонического оркестра Всесоюзного радио (1950—1960). С 1944 по 1955 год — также руководитель оркестрового и оперного классов в ГМПИ им. Гнесиных. С 1950 — преподаватель специального курса музыкальной драматургии в ГИТИСе. Профессор. Заслуженный артист РСФСР.

1. *Яворский* Болеслав Леопольдович (1877—1942) — музыковед, пианист, композитор, педагог, общественный деятель. Профессор Киевской (1915—1921) и Московской (1938—1942) консерваторий. Доктор искусствоведения (1941). Хорошо знал всю семью Гнесиных. Со старшими сестрами Гнесиными близко общался в 1921—1925 годах, когда заведовал отделом музыкальных учебных заведений Главпрофобра. В проводимой под его руководством реформе музыкального образования активно участвовали Евгений и Елена Гнесины.

2. *Стрельбицкая* Валерия Александровна (1887—1952) — пианистка, педагог. Училась в Училище Е. и М. Гнесиных. С 1921 года — педагог, заведующая фортепианным отделом, затем и учебной частью школы-семилетки им. Гнесиных.

Р. Жив (Михайлова-Микулинская). Памяти большого друга

Жив (Михайлова-Микулинская) Ревекка Исааковна (1906—1994) — пианистка, концертмейстер, педагог. Закончила Техникум им. Гнесиных по классу Ел. Ф. Гнесиной (1927), Московскую консерваторию по классу А. Б. Гольденвейзера (1931). Концертмейстер Московской консерватории (1927—1941, 1943—1948), преподаватель класса аккомпанемента в училище (1953—1976) и МССМШ им. Гнесиных (1964—1976).

1. *Шауб* Василий Васильевич (1890—1942) — пианист, композитор, педагог. Закончил Петербургскую консерваторию по классу М. Н. Бариновой в 1917 году, тогда же начал работать в Ростовской-на-Дону консерватории, а позже — в училище, заведовал учебной частью.

2. М. Ф. Гнесин в 1913 году поселился в Ростове-на-Дону, чтобы посвятить себя музыкально-просветительской деятельности в родном ему крае. О его деятельности тех лет см.: *Гнесин М. Ф.* Воспоминания о Ростове // М. Ф. Гнесин. Статьи, воспоминания, материалы. — М., 1961. С. 160—165.

3. О революционных событиях 1905 года см.: *Янковский М. О.* Римский-Корсаков и революция 1905 года. — М.-Л., 1950; Документы и статьи о революционном движении в Петербургской консерватории в

1905 году // Гнесин М. Мысли и воспоминания о Римском-Корсакове. — М., 1956. С. 299—330. Об этом см. также воспоминания М. Э. Риттих и комментарии к ним, публикуемые в этой книге.

4. В архиве Ел. Ф. Гнесиной сохранилось письмо к ней К. Н. Игумнова по поводу Р. Жив. Приводим его текст:

«Глубокоуважаемая Елена Фабиановна! Подательница сего г-ка Жив, известная Михаилу Фабиановичу, не может быть в данное время принята в консерваторию вследствие того, что Главпрофобр не разрешает среди года прием пианистов в консерваторию.

У нас состоялось постановление обратиться в Главпрофобр с просьбой направить г-ку Жив в один из Гос. техникумов. Проведение этой бумаги займет 3—4 дня. В благоприятном разрешении нет сомнения, а так как я советовал, да и сама г-ка Жив желает попасть в число Ваших учениц, то я направил ее к Вам и очень прошу помочь ей вступить в Ваш техникум. Нужную бумагу от ГПФ она представит.

28 января 1925 г.

Ваш К. Игумнов».

(ММКЕЛФГ, оп. VII, д. 49).

5. Автор воспоминаний ошибается. Имя Гнесиных учебным заведениям было присвоено позже, к тридцатилетнему юбилею. А в январе 1925 года (с конца 1923) училище еще именовалось Государственный музыкальный техникум бывший Гнесиных. Это наименование было дано Главпрофобром по ходатайству сотрудников и учащихся взамен более раннего — Третий Государственный показательный музыкальный техникум, присвоенного ему в 1920 году.

6. *Колобова-Мосолова* Елена Федоровна (1894?—1948) — пианистка, педагог. Закончила Московскую консерваторию по классу А. Б. Гольденвейзера в 1916 году, преподавала в училище, а с 1944 года — и в ГМПИ им. Гнесиных. Была женой композитора А. В. Мосолова.

7. *Островская* Анна Павловна (1868—1942) и *Нечаев* Василий Васильевич (1895—1956) — профессора Московской консерватории, пианисты.

8. *Крейн* Александр Абрамович (1883—1951) — композитор, заслуженный деятель искусств РСФСР. Был другом М. Ф. Гнесина (особенно близок в конце 20-х годов). Далее перечисляются друзья и коллеги М. Ф. Гнесина по Ростову.

Кравец Абрам Шахнович (1898—1966) — композитор, педагог-теоретик. Учился в Ростовской-на-Дону консерватории по классу композиции М. Ф. Гнесина. В 1941 году закончил Центральный заочный институт музыкального образования. Преподавал теоретические дисциплины в училище (1944—1962), а также в ГМПИ им. Гнесиных (1948—1951).

Назаревич Ксения Иосифовна — теоретик, педагог, коллега М. Ф. Гнесина по Ростовской-на-Дону консерватории.

Штрейхер Любовь Львовна (1888?—1958) — композитор. Окончила Петербургскую консерваторию (класс скрипки Л. Ауэра, класс композиции М. Штейнберга). Преподавала в Ленинградской консерватории и в ГМПИ им. Гнесиных. Доцент. Близкий друг М. Ф. Гнесина.

9. *Гнесина* Надежда Товиевна (ум. 1932) — первая жена М. Ф. Гнесина. Их сын — *Гнесин* Фабий Михайлович (1907—1942) — при своей болезни был очень одаренным человеком. Его жизнь оборвалась во время войны в Ташкенте (последствия истощения в блокадном Ленинграде).

10. *Федоровская-Славинская* Ольга Федоровна (1885—1960) — оперная певица-сопрано, педагог. С 1926 года вела класс сольного пения в училище, а с 1944 года — в ГМПИ им. Гнесиных, доцент.

11. *Львов* Михаил Львович (1887—1957) — педагог вокального класса, методист, доцент ГМПИ им. Гнесиных (1944—1957).

12. *Трофимова-Булгакова* Татьяна Николаевна (1890—1980) — певица-сопрано, пианистка, педагог. Закончила Петербургскую консерваторию по классам И. В. Тартакова и В. В. Тимановой в 1913 году. Товарищ по консерватории и друг М. Ф. Гнесина. С 1943 года — иллюстратор, затем организатор, педагог и заведующая классом аккомпанемента в Училище им. Гнесиных.

13. *Кудряшова* Елизавета Тимофеевна (см. статью М. Риттих и комментарий 46 к ней).

Ю. Муромцев. Воспоминания о Елене Фабиановне Гнесиной

Муромцев Юрий Владимирович (1908—1975) — пианист, дирижер, музыкальный деятель. Закончил Техникум им. Гнесиных по классу Ел. Ф. Гнесиной (1927), Московскую консерваторию по классу фортепиано К. Н. Игумнова (1931), по классу симфонического дирижирования Б. Э. Хайкина (1936). Концертмейстер, затем дирижер оперного класса Техникума им. Гнесиных (1927—1941). Концертмейстер, позже дирижер Оперного театра-студии им. К. С. Станиславского (1933—1941). С 1946 по 1951 год — заместитель директора, а с 1953 по 1970 год — директор, потом ректор ГМПИ им. Гнесиных. В 1970—1972 годы — директор Большого театра. Профессор, заслуженный деятель искусств РСФСР, заслуженный деятель искусств Башкирской АССР.

1. «Записка» наркома просвещения А. В. Луначарского впервые опубликована в кн.: Сорок лет Московского государственного музыкального техникума имени Гнесиных / Под ред. Ф. А. Ротштейна, Н. И. Шувалова, Б. Д. Владимирского. — М., 1935. С. 10. Текст этой «Записки» приводится самой Ел. Ф. Гнесиной в ее статье «Воспоминания о Луначарском» // Сов. музыка, 1967, № 3. С. 70—82.

В конце «Записки», текст которой приводится Муромцевым, имеются пропуски: опущено начало последнего предложения, датировка «Записки», исходящий номер и адрес. Приводим полностью последнее предложение «Записки»:

«Как видите, я отнюдь не настаиваю на каких-нибудь широких ассигнованиях топлива для всех музыкальных школ или школ каких-либо других категорий, но я прошу вас уважить вне всякой очереди, в виде исключения, просьбу этой исключительной школы.

Нарком просвещения А. Луначарский. 29 августа 1921 г. № 6059, Москва, Остоженка, 53».

2. Это был второй в нашей стране и, по всей вероятности, в истории музыкальных заведений других стран опыт организации заочного музыкального образования. Первый заочный музыкальный вуз*, учрежденный в Москве в конце 30-х годов, просуществовал всего несколько лет. Деятельность его, прерванная Великой Отечественной войной, уже не возобновлялась.

3. На факультете русских народных инструментов сначала было учреждено три класса: балалайки, домры, баяна. Затем добавился оркестровый и ансамблевый, еще позже — обязательный класс дирижирования оркестром народных инструментов, а затем, на рубеже 70—80-х годов, классы аккордеона и гитары.

4. Ответное слово, задолго и любовно подготовленное Еленой Фабиановной, к ее глубокому огорчению произнесено не было. Ей не предоставили слова, беспокоясь о ее здоровье и приняв во внимание совет врача. Приводимый в воспоминаниях Муромцева текст этого слова сверен с подлинником — автографом Ел. Ф. Гнесиной, сохранившимся в архиве Ю. В. Муромцева и переданным после его кончины ММКЕлФГ.

А. Хачатурян. Ел. Ф. Гнесина

Статья написана в 1964 году к 90-летию со дня рождения Ел. Ф. Гнесиной. Опубликована впервые в журнале «Муз. жизнь», 1964, № 10, с. 10 под заголовком «Вся жизнь искусству». Включена в кн.: Арам Хачатурян. Статьи и воспоминания. — М., 1980. С. 167—168.

Хачатурян Арам Ильич (1903—1978) — композитор. Окончил Техникум им. Гнесиных по классу М. Ф. Гнесина (1929), Московскую консерваторию по классу Н. Я. Мясковского (1934). С 1951 года преподавал одновременно в Московской консерватории и в ГМПИ им. Гнесиных (в 1951—1952 — заведующий кафедрой композиции института), профессор. Народный артист СССР. Лауреат Ленинской и Государственных премий. Герой Социалистического Труда. Доктор искусствоведения.

* Центральный московский заочный институт музыкального образования.

Н. Мемешкина. Из воспоминаний о занятиях с Еленой Фабиановной Гнесиной

Мемешкина Нина Георгиевна (1907—1982) — пианистка, концертмейстер, педагог. Закончила техникум по классу Ел. Ф. Гнесиной в 1929 году, Московскую консерваторию по классу А. В. Шацкеса в 1934 году. Концертмейстер в классах сольного пения Московской консерватории (1933—1937), в Оперной студии К. С. Станиславского (1937—1946), в Училище им. Гнесиных (1946—1951), в ГМПИ им. Гнесиных (1951—1970). Преподавала фортепиано в Школе и Училище им. Гнесиных (1936—1939).

1. Методика обучения игре на фортепиано как учебная дисциплина была введена в программы средних музыкальных учебных заведений лишь в начале 30-х годов, а в консерваторские курсы — с середины 20-х годов. В Училище сестер Гнесиных предмет этот практически существовал издавна (не позднее 1907 года). А в начале 20-х годов, с разделением училища на две ступени — школу и техникум, приобрел форму постоянно действующего кружка по методике для учащихся техникума.

2. Музыку для пополнения детского фортепианного репертуара Елена Фабиановна сочиняла в течение всей жизни. Поначалу произведения предназначались только для учащихся ее класса и учеников ее сестер. Вскоре упражнениями, этюдами, пьесами стали пользоваться и другие педагоги училища Гнесиных. За его пределы сочинения Гнесиной вышли уже в советское время, когда появились их первые издания.

Приводим перечень основных многократно переиздававшихся фортепианных опусов педагогического репертуара Ел. Ф. Гнесиной: «Фортепианная азбука»; «Маленькие этюды для начинающих» в четырех тетрадях; «Подготовительные упражнения к различным видам фортепианной техники»; «Три пьесы для фортепиано»; «Миниатюры для фортепиано» (11 программных пьес); «Маленькие пьесы для фортепиано»; «Тема и шесть маленьких вариаций»; «Пьески-картинки»; «Миниатюры для фортепиано» (9 пьес); «Первые шаги»; «Альбом детских пьес для фортепиано».

В педагогическом репертуаре Ел. Ф. Гнесиной имеются и произведения для скрипки: «Дуэты для маленьких скрипачей»; следует также отметить сборник «Музыкальные диктанты» — пособие для школ и училищ.

М. Мильман. О педагоге моей юности

В первом издании воспоминания были опубликованы с некоторыми сокращениями.

Мильман Марк Владимирович (1910—1995) — пианист, композитор, педагог. Закончил Техникум им. Гнесиных по классу фортепиано Ел. Ф. Гнесиной в 1929 году, Московскую консерваторию по классу Г. Г. Нейгауза в 1935 году. С тех пор вел в консерватории класс камерного ансамбля. Профессор. Заслуженный деятель искусств России.

1. О А. Клумове см. комментарии к статье С. В. Ганнушкиной-Клумовой, публикуемые в этом сборнике.

2. *Витачек* Фабий Евгеньевич (1910—1983) — композитор, пианист, педагог. Закончил Техникум им. Гнесиных по классу сочинения Р. М. Глиэра в 1928 году, по классу фортепиано Евг. Ф. Гнесиной в 1930 году, Московскую консерваторию по классу композиции Н. Я. Мясковского в 1931 году. Педагогическая работа в консерватории (1935, 1937—1938, 1943—1956), в Училище им. Гнесиных (1937—1941, 1942—1944), в ГМПИ им. Гнесиных (1944—1983). Профессор. Сын Елизаветы Фабиановны Гнесиной-Витачек.

3. *Гуревич* Александр Михайлович (1910—1973?) — пианист, композитор, педагог. Закончил Техникум им. Гнесиных по классу фортепиано Ел. Ф. Гнесиной.

4. *Мытник* Андрей Яковлевич (1911—1971) — пианист, концертмейстер. Закончил Техникум им. Гнесиных по классу Ел. Ф. Гнесиной в 1930 году.

5. Спектакль «Бранд» по драматической поэме Г. Ибсена был поставлен в 1906 году в Московском Художественном театре с В. И. Качаловым в заглавной роли.

6. *Ротштейн* Федор Аронович (1871—1953) — историк, дипломат, академик АН СССР, член коллегии Наркоминдела.

7. *Литвинов* Максим Максимович (1876—1951) — видный дипломат, нарком иностранных дел в 1930—1938 годах.

8. О Ю. Сухаревском см. комментарий 8 к воспоминаниям Е. Вержболович.

Е. Вержболович. О том что было

В настоящем издании воспоминания публикуются с некоторыми дополнениями.

Вержболович Елена Антоновна (1906—1987) — пианистка, библиотекарь-библиограф. Закончила Техникум им. Гнесиных по классу Ел. Ф. Гнесиной в 1929 году. Библиограф музыкальной библиотеки Московской консерватории.

1. *Старикова* Александра Семеновна (Соломоновна) (1894—1923) — пианистка, педагог. Закончила Московскую консерваторию по классу А. Б. Гольденвейзера, совершенствовалась в Вене у Л. Годовского, в Париже — у Р. Пюньо, затем — у А. Зилоти. Последние годы жизни — педагог Школы и Техникума им. Гнесиных.

2. *Стариков* Соломон Моисеевич (1873—1933) — пианист, дирижер, педагог, музыкально-общественный деятель. С 1894 года — директор музыкальных классов в Тамбове, затем техникума. Отец А. С. Стариковой. Сверстник старших сестер Гнесиных по Московской консерватории.

3. О Н. Г. Мемешкиной см. ее воспоминания и комментарии к ним, помещенные в этом сборнике.

4. *Трактина* Александра Ивановна — скрипачка, дирижер. Училась в Техникуме им. Гнесиных по классу скрипки Елиз. Ф. Гнесиной-Витачек.

5. О К. Арле-Тиц см. воспоминания Е. В. Давыдовой и комментарий к ним.

6. См. воспоминания К. П. Виноградова и комментарии к ним.

7. См. воспоминания Е. В. Давыдовой и комментарии к ним.

8. *Сухаревский* Юрий Михайлович (р. 1906) — физик-гидроакустик. Закончил Техникум им. Гнесиных по классу фортепиано Евгении Фабиановны Гнесиной в 1927 году, Московскую консерваторию по классу К. Н. Игумнова в 1931 году, школу высшего мастерства под тем же руководством в 1936 году. Работает в Акустическом институте Академии наук. Доктор технических наук. Профессор. Лауреат Государственной премии (1967). Постоянно выступал как пианист в Доме ученых.

9. *Кайдан-Дешкин* Сергей Федорович (1901—1972) — композитор. В 1927—1930 годах учился в Музыкальном техникуме им. Гнесиных по классу фортепиано у Ел. Ф. Гнесиной, по композиции — у М. Ф. Гнесина. В конце 1930 года по доносу арестован и сослан в Сибирь. Реабилитирован в 1956 году. Находился на Крайнем Севере, Алтае, Урале, где работал, главным образом, как театральным композитор и заведующий музыкальной частью Игарского, Норильского, Красноярского, Тувинского, Великолукского драматических театров (см.: *Гольденштейн М.* Автор пионерского гимна // Муз. Жизнь, 1973, № 11. С. 22). В архиве Елены Фабиановны сохранилось несколько писем С. Ф. Кайдан-Дешкина. В письме от 20 июля 1956 года, рассказывая о своей работе в Туве, он, в частности, пишет:

«Я не могу гордиться тем, что в каких бы тяжелых условиях я ни был, я нигде не уронил честь гнесинца, всегда был творчески активен и боролся за высокое искусство». Письмо опубликовано: *Ел. Гнесина.* Я чувствую себя обязанной (публикация И. П. Шеховцовой и В. В. Троппа) // Муз. Академия, 1998, № 3—4. С. 139.

В другом письме, от 11 ноября 1956 года, посылая Елене Фабиановне копию официальной бумаги от прокурора по надзору за следствием в органах Госбезопасности, С. Ф. Кайдан пишет:

«Как видно из этой бумажки в моих жилах скоро начнет течь кровь честного советского человека (!)... Скверный анекдот мой близится к концу с запозданием на 26 лет.

Целую историческую эпоху я жил в атмосфере морального угнетения. Сам себе удивляюсь, как я выскочил живым и с непомятым рассудком из всей этой кутерьмы.

Счастливым финалом моей жизни я обязан Вам и М[ихаилу] Ф[абиановичу], дорогим моим учителям, за это вечная моя вам благодарность.

Ваш С. К.» (ММКЕЛФГ, оп. VII, д. 20).

10. Грановский Вениамин Львович (1905—1964) — доктор физико-математических наук, профессор, лауреат Государственной премии. Учился в Техникуме им. Гнесиных, который окончил в 1925 году по классу Евг. Ф. Савиной-Гнесиной. Несколько лет вел класс обязательного фортепиано. Среди юбилейных материалов к разным датам, связанным с жизнью учебных заведений Гнесиных, имеются и письма В. Л. Грановского. Приводим отрывок из его письма к Евгении Фабиановне от 13 февраля 1920 года (Гнесинские учебные заведения стали уже государственными, и 15 февраля отмечалось их 25-летие):

«Послезавтра исполняется 25 лет существования Вашей школы, достаточно известной не только своими преподавателями, но и учениками. 25 лет непрерывных забот, тревог, волнений, надежд, разочарований, успехов и того удивительно теплого и сердечного отношения к делу и к ученикам, которое поражаало всех, хотя бы немного знакомых с Вашей деятельностью [...]. Разрешите же мне искренне поблагодарить Вас... и пожелать Вам лично более крепкого здоровья, а школе — дальнейшего развития. Кто знает, может быть, она пойдет по пути школы, основанной Рубинштейном, и превратится в консерваторию Гнесиных^{*}; тогда это будет венцом всех моих надежд и желаний в этом направлении.

Ваш Венья Грановский».

(Архив Ел. Ф. Гнесиной. ММКЕЛФГ, оп. XII, д. 4).

П. Козлов. Елена Фабиановна

Козлов Павел Геннадиевич (1902—1978) — теоретик, педагог. Учился в Техникуме им. Гнесиных по классу фортепиано у Евг. Ф. Гнесиной, по классу теории музыки у Г. И. Литинского в 1929 году. Закончил ГМПИ им. Гнесиных экстерном в 1944 году. Преподавал с 1927 года в Школе и Училище, а с 1944 года — в Институте им. Гнесиных, заведовал кафедрой теории музыки (1950—1961).

1. Юровский Александр Наумович (1882—1952) — пианист, педагог, музыковед. Закончил Московскую консерваторию по классу А. Б. Гольденвейзера в 1922 году. С основания ГМПИ им. Гнесиных — заместитель директора (1944—1946), декан фортепианного факультета, профессор кафедры специального фортепиано (1944—1952). Доктор искусствоведения. В 1922—1944 году — главный редактор, заведующий Музсектором Госиздата (Музгиз).

История, о которой рассказывается в этих воспоминаниях, происходила, видимо, в конце 40-х годов; Елене Фабиановне тогда было уже за семьдесят.

2. О Л. И. Рябковой см. воспоминания М. Э. Риттих и комментарии к ним.

3. Шатилов Сергей Савельевич (1901—1972) — генерал-полковник, начальник политотдела Военно-политической академии им. В. И. Ленина. Во время Великой Отечественной войны — заместитель начальника и начальник политотдела Брянских и Воронежских полков, начальник политотдела Первого украинского фронта. Во второй половине 30-х годов — начальник Музыкального управления Комитета по делам искусств. В мемориальной экспозиции ММКЕЛФГ находится фотопортрет С. С. Шатилова с его автографом: «Большому искреннему другу, выдающемуся музыканту-педагогу, талантливому организатору учебного дела — Елене Фабиановне Гнесиной.

Сер. Шатилов. 25/II-61». (ММКЕЛФГ, ИЗО-95.)

Э. Сокольский. Елена Фабиановна — в передовых рядах советской интеллигенции

Сокольский Эрнест Иванович (1896—1976) — лесопатолог. Восстанавливал и «лечил» парк в Горках, спасал знаменитый 800-летний дуб. Ветеран Октябрьской революции, участник гражданской и Великой Отечественной войн.

^{*} Подчеркнуто мною. — М. Р.

1. Елена и Евгения Фабиановны Гнесины принимали деятельное участие в работе МУЗО Наркомпроса. Елена Фабиановна так рассказывает об этом: «Еще в 1918 году, когда советское правительство переехало в Москву и началась деятельная работа Совнаркома по перестройке всего народного образования, при Наркомпросе был организован отдел музыкального образования. Я и моя сестра Евгения Фабиановна были привлечены к работе в Наркомпросе и в МУЗО» (см.: Воспоминания о Луначарском // Сов. музыка, 1967, № 3. С. 70—72).

2. В архиве Ел. Ф. Гнесиной ни значок, ни программа, упоминаемые автором воспоминаний, к сожалению, не обнаружены. Зато бережно сохранены другие материалы, подтверждающие рассказанное и наглядно воссоздающие дух того времени. Это три объединенных вместе документа: 1) просьба к Техникуму им. Гнесиных: «...принять участие в проведении торжеств октябрьского десятилетия и откликнуться на наш призыв»; 2) благодарность Октябрьской комиссии при Юдинском пос. Совете Перхушкинской вол. Звенигород. уезда Моск. губ.; 3) род благодарственного адреса Техникуму им. Гнесиных. Написан адрес рукой не профессиональной, скорее детской, черными и красными чернилами. На внешней передней стороне сдвоенного листа нарисован герб СССР, годы юбилея: 1917—1927. Листы адреса соединены красной ленточкой, концы которой завязаны бантом. Приводим текст этого характернейшего документа эпохи:

«1917 г. Да здравствует искусство — путь к культурному развитию трудящихся!

Товарищам учащимся музыкального Техникума имени Гнесиных.

Дорогие товарищи! Ваше участие в праздновании X-летия Октября деревни Юдино, деревни Лапино, поселков „Красная свобода“, — есть подлинное выполнение задач пролетарского государства.

Ответст. руководитель праздника Сокольский. Организац. комис. представители сельсоветов и поселковых Советов, партийных организаций, школы I ступ. и местного населения.

8/XI 1927. Перхушковская школа I ст. М. Б. Б. ж. д.

1927». (ММКЕлФГ, инв. № XII-106).

3. Приводимые автором сведения о знакомстве Елены Фабиановны с А. В. Луначарским в имении Д. Д. Гончарова Полотняный Завод подтверждаются воспоминаниями самой Ел. Ф. Гнесиной (см.: Советская музыка, 1967, № 3. С. 70—72; комментарий 21 к воспоминаниям М. Риттих, а также воспоминания Ю. В. Муромцева и комментарии к ним).

4. Достоверность приведенного рассказа о белорусском мальчике Косте Наборовском, которому Елена Фабиановна помогла стать на стезю музыканта, подтверждается материалами ее архива. В нем несколько писем К. Наборовского за 1964, 1965, 1966 годы. Из них ясно, что Елена Фабиановна и после его зачисления в музыкальную школу, продолжала о нем заботиться: с неизменной аккуратностью отвечала на каждое его письмо, посылала ему деньги, ноты, необходимые для занятий, ускорила предоставление ему места в интернате.

А. Николаев. Вся ее жизнь — трудовой подвиг

Впервые воспоминания прочитаны на творческом собрании, посвященном 97-летию со дня рождения Елены Фабиановны Гнесиной в Мемориальном музее-квартире 11 июня 1971 года и записаны на магнитофонную пленку. Опубликованы под заголовком «Елена Фабиановна Гнесина — педагог» в кн.: Вопросы музыкальной педагогики. — М., 1979. Вып. 1.

Николаев Александр Александрович (1903—1980) — пианист, педагог, музыковед. Закончил Техникум им. Гнесиных по классу Елены Фабиановны в 1929 году и Московскую консерваторию по классу А. Б. Гольденвейзера в 1934 году. По окончании консерватории вел там курсы истории и теории пианизма, заведовал одноименной кафедрой (1946—1974). Проректор по учебной и научной работе (1955—1972). Доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель искусств РСФСР.

1. *Бейер* Карл Вильгельм Эрнест (1856—1914) — немецкий пианист. Выпускник Лейпцигской консерватории. Некоторое время работал в России (Харьков). Известен, главным образом, как автор «Школы игры на фортепиано».

Дамм — псевдоним немецкого издателя Штейнгребера Теодора Леберехта (1830—1904). Его «Школа игры на фортепиано» впервые издана в Лейпциге в 1868 году.

2. Перечень основных сочинений Ел. Ф. Гнесиной педагогического репертуара см. в комментариях к воспоминаниям Н. Г. Мемешкиной.

С. Ценин. Человек горячего сердца

В настоящем издании книги текст воспоминаний несколько дополнен.

Ценин Сергей Александрович (1903—1979) — певец-тенор, критик. Автор ряда либретто опер и балетов. С 1925 по 1928 год учился в Техникуме им. Гнесиных по классу сольного пения у Г. П. Гандольфи. Солист Музыкальной студии им. Вл. И. Немировича-Данченко, впоследствии Музыкального театра им. Станиславского и Немировича-Данченко (1928—1961), заведующий литературной частью театра (1962—1977). Заслуженный артист РСФСР, лауреат Государственной премии СССР.

1. О К. П. Виноградове см. его воспоминания и комментарии к ним в этой книге.

2. *Бисмарк* Отто (1815—1898) — крупнейший политический деятель Германии, рейхканцлер в 1871—1890 году, получивший прозвище «железного канцлера». Его деятельность сыграла ведущую роль в объединении Германии в единое государство. Приводимая аналогия характеризует огромную по своему размаху созидательную деятельность Ел. Ф. Гнесиной. (В первом издании книги опубликована иная версия воспоминаний, где аналогия проводится с легендарным Давидом Строителем. В авторской рукописи она отсутствует.)

3. *Гандольфи* Этторе (Гектор Петрович, 1861—1931) — итальянский певец (бас), вокальный педагог. Профессор Киевской, а с 1923 года — Московской консерватории (одновременно преподавал и в Техникуме им. Гнесиных). Заслуженный артист Республики.

4. «Нежилой дом» — дом № 7 на Собачьей площадке занимал Музей быта середины XIX века. См. о нем воспоминания М. Риттих и комментарии к ним в этой книге. Называя годом передачи этого здания учебным заведениям им. Гнесиных 1928-й, автор воспоминаний ошибается. Музей был закрыт в 1929 году, и только с 1932 года в доме разместился техникум.

5. Вокальное отделение в Техникуме им. Гнесиных было открыто в 1919 году (тогда он носил другое название).

6. Автор воспоминаний ошибочно перечисляет здесь и тех педагогов, которые стали преподавать в техникуме позже, чем происходил описываемый экзамен.

7. Евгения Фабиановна Савина-Гнесина скончалась 6 апреля 1940 года.

8. Здесь в воспоминаниях вкралась ошибка. Здание на ул. Воровского закладывалось и возводилось первоначально для училища. Строительство его началось в 1939 году. К началу Великой Отечественной войны кладка дома была уже закончена. Прерванное войной строительство возобновилось уже в 1943 году, а с весны 1944 года пошло быстрым темпом. Сдано в эксплуатацию 10 сентября 1946 года. Это было первое здание, построенное после Октябрьской революции в центре Москвы специально для высшего учебного заведения.

9. Отделение музыкальной комедии было учреждено в Училище им. Гнесиных в 1962 года. Елена Фабиановна принимала самое деятельное участие в его организации, привлекая достойных профессионально-ценных педагогов.

Г. Смирнова. О двух встречах с Еленой Фабиановной

Смирнова Галина Константиновна (1910—1980) — композитор. Училась в Техникуме им. Гнесиных с 1925 по 1931 год по классу фортепиано у М. П. Корниловой, затем у Ел. Ф. Гнесиной, по композиции — у М. Ф. Гнесина. Московскую консерваторию закончила в 1940 году по классу композиции у В. Я. Шебалина.

1. Тетя Нина — *Козлова-Рабинович* Нина Александровна, училась у Ел. Ф. Гнесиной в Училище Е. и М. Гнесиных.

2. *Корнилова* Мария Петровна (1877—1960) — пианистка-педагог. Закончила Московскую консерваторию по классу В. И. Сафонова в 1899 году. С 1918 года преподавала фортепиано в Школе и Училище им. Гнесиных, после открытия института вела там общий курс фортепиано (1945—1954).

3. *Розаль-Левицкий* Дмитрий Романович (1898—1962) — теоретик, композитор, учился в Училище сестер Е. и М. Гнесиных (1907—1917). Закончил Московскую консерваторию в 1924 году по классам композиции Г. Э. Конюса и С. Н. Василенко, а также по классу арфы М. А. Корчинской. Преподаватель теоретических дисциплин в Училище им. Гнесиных (1922—1937, 1943—1945). С 1932 года преподавал в Московской консерватории, заведовал кафедрой инструментовки (1956—1962), с 1943 года — начальник кафедры инструментоведения Высшего училища военных дирижеров. Профессор. Кандидат искусствоведения.

4. О А. К. Клумове см. воспоминания С. В. Клумовой-Ганнушкиной и комментарии к ним.

5. Слова Елены Фабиановны «практикантом на радио к Шотниеву» означали включение Г. К. Смирновой в число практикантов радиоотделения, учрежденного в Техникуме им. Гнесиных в 1931 году и готовящего музыкальных работников для радиовещания.

Шотниев Константин Григорьевич (1900—1941) — редактор отдела музыки народов СССР на радио. Руководил практикой учащихся, будущих радиоредакторов на радио. Погиб на фронте во время Великой Отечественной войны.

6. *Волков* Вячеслав Иванович (1904—1979) — композитор. Учился в Техникуме им. Гнесиных в 1924—1927 годах по классу композиции М. Ф. Гнесина.

Морозов Игорь Владимирович (1906—1970) — композитор. Закончил Техникум им. Гнесиных в 1934 году по классу композиции В. Я. Шебалина, по этому же классу в 1939 году завершил курс Московской консерватории.

О А. А. Иконникове см. комментарий 47 к воспоминаниям М. Э. Риттих.

Слонов Юрий Михайлович (1906—1981) — композитор. Учился в Техникуме им. Гнесиных по классу композиции М. Ф. Гнесина в 1926—1930 годах.

Эйгес Олег Константинович (1905—1992) — композитор, пианист. Закончил Техникум им. Гнесиных по классу композиции Г. И. Литинского и В. Я. Шебалина в 1934 году, аспирантуру по композиции экстерном в Московской консерватории в 1938 году. Вел класс камерного ансамбля в ГМПИ им. Гнесиных (1960—1972). Доцент.

7. См.: *Гнесина Елена*. Дуэты для маленьких скрипачей. Первая позиция. — М., 1966.

Н. Светозарова. Из воспоминаний детства и отрочества

Светозарова Надежда Андреевна (1913—1992) — пианистка, педагог. Училась по классу Евг. Ф. Савиной-Гнесиной в Школе и Техникуме им. Гнесиных (окончила в 1932 году), затем в Московской консерватории по классу А. Б. Гольденвейзера (окончила в 1938 году). Педагог Школы-семилетки (1945—1991) и ГМПИ им. Гнесиных (1945—1969). Директор школы (1953—1958). Заведующая кафедрой общего фортепиано ГМПИ (1958—1969).

1. В связи с реконструкцией Москвы и строительством новой части Калининского проспекта особнячки школы и училища подверглись сносу, ликвидирована Собачья площадка. Школе-семилетке в 1962 году предоставлен старый особняк по улице Воровского, находящийся рядом со зданием института (Дом Шуваловой, или Дом Охотникова). В 1977 Школа временно переведена в Фили. В 1989 году после реставрации Дом Шуваловой передан Институту им. Гнесиных.

2. *Сенаторская-Одолевая* Елена Петровна (1888—1978) — пианистка, педагог. Закончила Училище Е. и М. Гнесиных в 1917 году по классу Ел. Ф. Гнесиной. С этого же времени — преподаватель в училище, позже и в Школе им. Гнесиных; с 1941 по 1966 год — преподаватель в музыкальной школе г. Ташкента. Землетрясение в Ташкенте заставило ее перебраться в Орел. См. комментарии к воспоминаниям А. Я. Ортенберг-Брук, где приводится фрагмент из ее письма к Н. А. Светозаровой.

3. Записка Елены Фабиановны к автору воспоминаний не датирована. Автор по памяти относит ее к 1937 году. (Хранится в личном архиве Н. А. Светозаровой)

3. Финкельштейн. О Елене Фабиановне Гнесиной. Мысли и факты

Статья готовилась автором специально для второго издания книги, но осталась не завершенной. Текст ее подготовлен составителем. В основе текста — предварительные наброски автора, письма Елены Фабиановны к нему, а также его устное выступление, которое состоялось на творческом собрании в Мемориальном музее-квартире Гнесиной 30 мая 1978 года к 104-летию со дня ее рождения. Запись этого выступления на магнитофонную пленку и ее последующая расшифровка, сделанная Н. С. Сванидзе, составляет значительную часть этих воспоминаний.

Финкельштейн Зиновий Исаакович (1910—1989) — пианист, дирижер, музыкальный деятель. Закончил Техникум по классу Ел. Ф. Гнесиной в 1934 году, ГМПИ им. Гнесиных экстерном в 1953 году. Вел классы фортепиано и оркестра в Школе-семилетке им. Гнесиных (1932—1941, 1945—1946). Со дня основания в 1946 году Специальной музыкальной школы-десятилетки им. Гнесиных до 1989 года — ее директор, дирижер симфонического оркестра. Заслуженный работник культуры России. Близкий друг семьи Гнесиных, особенно Елены Фабиановны и Ольги Фабиановны.

1. Об А. В. Луначарском см. статьи Ю. В. Муромцева, М. Э. Риттих, Э. И. Сокольского и комментарии к ним.

2. См. статью А. И. Хачатуряна в этой книге.

3. В санаторий «Архангельское» Елену Фабиановну возили Ольга Фабиановна и ее муж — профессор химии ВВА им. Жуковского генерал-майор Д. К. Александров.

4. ГУУЗ — Главное управление учебных заведений Комитета по делам искусств при СНК СССР. Данное письмо, как и все последующие письма и записки Гнесиных, приводимые в тексте этой статьи, хранятся в личном архиве автора воспоминаний З. И. Финкельштейна.

5. Решение Советского правительства об открытии в Москве нового высшего музыкального учебного заведения датировано 13 марта 1944 года. В тексте его значится: «Преобразовать с 1 сентября 1944 года Государственное музыкальное училище им. Гнесиных в Государственный музыкально-педагогический институт им. Гнесиных». В этом же решении говорится об открытии при институте Специальной школы-десятилетки для особо одаренных детей. Несколько позже, особым приказом председателя Всесоюзного комитета по делам высшей школы при Совете народных комиссаров СССР С. Кафтанова от 29 мая 1944 года было указано на необходимость сохранить и среднее звено — Музыкальное училище им. Гнесиных, а также самое «старое» учебное заведение — детскую музыкальную школу-семилетку.

6. Федор Иванович — вероятно, правильно — *Каминский Федор Петрович* — заместитель Елены Фабиановны в институте по административно-финансовой части.

7. *Газиева* Мария Никитична (1897—?) — по специальности библиограф. В 1944—1952 годах — начальник Управления делами института.

8. Все письма, за исключением двух, написаны из Москвы. Адрес, указанный на них — полевая почта. Ответных писем З. И. Финкельштейна в личном архиве Ел. Ф. Гнесиной не обнаружено.

9. См. воспоминания М. Э. Риттих и комментарии к ним.

10. См. указанные выше воспоминания, а также: История учебных заведений имени Гнесиных. — М., 1981. С. 41—42.

11. *Кухарков* Николай Никанорович — с осени 1941 года был единственным представителем в Москве комитета по делам искусств при СНК СССР.

12. Д. К. Александров был награжден орденом Красной Звезды.

13. *Шверник* Николай Михайлович (1888—1970) — советский партийный и государственный деятель. В 1943 году — Первый секретарь ВЦСПС, с 1944 года — Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР.

14. О М. Б. Храпченко см. комментарий 6 к воспоминаниям Б. Д. Владимирского.

15. Здесь цитируется строка из романа Глинки «Элегия» на стихи Н. Кукольника.

16. Волков — лечащий врач Ел. Ф. Гнесиной во время ее пребывания в больнице.

17. Об этом см. воспоминания Э. И. Сокольского и комментарии к ним.

Б. Владимирский. О выдающемся деятеле советской музыкальной культуры

В основе этих воспоминаний — устное выступление Б. Д. Владимирского на творческом собрании, посвященном памяти Ел. Ф. Гнесиной, состоявшемся 11 июня 1971 года в Мемориальном музее-квартире Ел. Ф. Гнесиной. (Запись на магнитофонную ленту и расшифровка — Н. С. Сванидзе, первоначальная литературная обработка — И. Б. Мацкевич. Текст проверен автором воспоминаний.)

Владимирский Борис Давыдович (1902—1979) — пианист, педагог, музыкальный деятель. Закончил Киевскую консерваторию по классу С. В. Тарновского (1924). Вел педагогическую работу, концертировал, был музыкальным руководителем на радио в Киеве (1925—1930), работал в Радиоуправлении Москвы (1930). Директор (1931—1932), заместитель директора и заведующий учебной частью Техникума им. Гнесиных (1932—1938). Начальник ГУУЗа Комитета по делам искусств при СНК СССР (1939—1943). Директор Дома звукозаписи (1943—1953), Заместитель начальника и главный редактор Управления музыкальных учреждений Министерства культуры СССР (1954—1958). Директор Всесоюзной студии грамзаписи и первый заместитель генерального директора Всесоюзной фирмы «Мелодия» (1958—1979).

1. *Кон* Феликс Яковлевич (1864—1941) — польский и советский революционер. После Великой Октябрьской революции находился на партийной и государственной работе. Заведующий музыкальным отделом (МУЗО) Наркомпроса, Начальник Главискусства, Председатель Всесоюзного радиокомитета. В 1932 году Московская консерватория называлась «Высшей музыкальной школой им. Ф. Кона».

2. У Елизаветы Фабиановны Гнесиной было два сына: старший, Шурик — от брака со скрипачом А. Вивьеном — исключительно одаренный музыкально, скончался в возрасте восьми лет (1911) от дифтерии; второй сын — от брака со скрипачом и скрипичным мастером Е. Ф. Витачеком, Фабий Евгеньевич Витачек — см. комментарий 3 к воспоминаниям М. В. Мильмана.

3. См. воспоминания самого З. И. Финкельштейна и комментарии к ним.

4. Концертные выступления Елены Фабиановны относятся к годам ее молодости (1895—1918). Много и успешно концертировала она и как солистка, и как ансамблистка, и как аккомпаниатор. Часто выступала в благотворительных концертах. Среди партнеров по выступлениям Елены Фабиановны — певцы П. Хохлов, Л. Собинов, А. Книппер, виолончелисты П. Казальс, М. Букиник, участники «Русского трио» братья И. и М. Пресс. Гнесина выступала в концертах «Кружка любителей русской музыки», Московской симфонической капеллы и др. 11 апреля 1907 года ею был организован большой благотворительный концерт в Малом зале Московской консерватории.

5. О Е. Т. Кудряшовой см. комментарии к воспоминаниям М. Э. Риттих.

6. *Эрденко* Михаил Гаврилович (1886—1940) — скрипач, педагог. Закончил Московскую консерваторию по классу И. В. Гржимали в 1904 году. Активно участвовал в событиях революции 1905 года, был выслан из Москвы. В 1906 году вернулся к концертной деятельности, преподавал в Киевской (1910—1920), Московской (1935—1940) консерваториях. Профессор, заслуженный деятель искусств РСФСР.

7. *Храпченко* Михаил Борисович (1904—1986) — литературовед, академик АН СССР. Был Председателем Комитета по делам искусств при СНК СССР (1939—1948).

8. *Ульянова Мария Ильинична* (1878—1937) — профессиональный революционер, партийный и государственный деятель, сестра В. И. Ленина. Елена Фабиановна неоднократно говорила разным лицам о том, что М. И. Ульянова некоторое время занималась в Училище сестер Гнесиных в классе Марии Фабиановны Гнесиной. Вероятно это обстоятельство и дало основание называть Марию Ильиничну «старой доброй знакомой».

9. История, о которой рассказывает автор, подлинная. Но в ней соединены события разного времени, вследствие чего возникли неточности. Вопросом организации Института Гнесиной начали заниматься после 40-летнего юбилея Училища и Школы им. Гнесиных, то есть после 1935 года. Обращение Ел. Ф. Гнесиной к Марии Ильиничне Ульяновой могло быть в 1936 или 1937 годах. Но К. Е. Ворошилов тогда еще не был Председателем Президиума Верховного Совета. Он стал им позже (1953—1960). Организационные хлопоты тогда, в конце 30-х годов, успехом не увенчались. Вторично с ходатайством об организации вуза на базе Училища им. Гнесиных Елена Фабиановна обратилась в Правительство уже во время Великой Отечественной войны; в 1943 году М. Б. Храпченко действительно поначалу отнесся к идее учреждения в Москве второго музыкального вуза, как сказано в воспоминаниях, «с недоверием». Вот тогда-то К. Е. Ворошилов, будучи заместителем председателя СНК СССР, горячо поддержал ходатайство Гнесиной, и вопрос об организации Музыкально-педагогического института им. Гнесиных Совнаркомом был решен положительно. К. Е. Ворошилов и впоследствии оказывал поддержку институту в разных вопросах, особенно в достройке здания, а затем и в строительстве концертного зала.

10. Мемориальный музей-квартира Ел. Ф. Гнесиной был учрежден в 1969 году как народный музей. Главным инициатором его создания и руководителем в течение 25 лет была М. Э. Риттих. Сотрудниками музея (на общественных началах) были педагоги, сотрудники и студенты учебных заведений им. Гнесиных. Открытие музея состоялось 25 февраля 1970 года при поддержке и активной помощи ректора института Ю. В. Муромцева. В подготовке музея к открытию и в его дальнейшей работе участвовали Е. Т. Кудряшова (первый хранитель музея), Р. И. Жив-Михайлова, Н. С. Сванидзе, И. Б. Мацкевич, Н. А. Листова, Д. А. Петрунина, А. М. Бабкина, Н. Г. Мемешкина, С. А. Ермакова, Е. А. Пустовит, Н. А. Светозарова, Л. Н. Алексеева, Т. А. Енько и многие другие. С 1988 года музей имеет государственный статус вузовского музея при ГМПИ (РАМ) им. Гнесиных. См.: *Риттих М. Э.* К истории Мемориального музея-квартиры Ел. Ф. Гнесиной // 50 лет Российской академии музыки имени Гнесиных. — М., Магнитогорск, 1995. С. 186—198; *Пустовит Е.* Музей на Поварской // Муз. жизнь, 1995, № 1. С. 18; *Тропп В.* Источник тепла, музыки, света // Мир музея, 1998, № 5. С. 24—31.

И. Мацкевич. Штрихи к портрету

Мацкевич Ирина Борисовна (1913—1996) — музыковед-историк, педагог, редактор. Закончила Техникум им. Гнесиных по классу фортепиано у Ел. Ф. Гнесиной и радиоотделение (1935), историко-теоретический факультет Московской консерватории по классу М. С. Пекелеса (1940). Преподаватель кафедры истории музыки Свердловской консерватории (1940—1946). Заведующая кабинетом истории музыки ГМПИ им. Гнесиных (1949—1958). Ответственный редактор редакционно-издательского отдела студии грамзаписи фирмы «Мелодия» (1958—1969).

1. С момента организации Мемориального музея-квартиры Ел. Ф. Гнесиной (1969) И. Б. Мацкевич несколько лет была его общественным сотрудником.

2. *Грешищева Надежда Леонидовна* (1885—1933) — пианистка, педагог. Закончила Московскую консерваторию в 1904 году по классу Н. Е. Шишкина, у которого в более ранние годы училась Мария Фабиановна Гнесина. По окончании консерватории Н. Л. Грешищева стала организатором музыкального образования и педагогом классов фортепиано, фортепианного ансамбля и слушания музыки в г. Ржеве Тверской губернии (1904—1933).

3. *Гуревич Софья Абрамовна* (1877—?) — пианистка. Закончила Московскую консерваторию в 1899 году; педагог Школы и Техникума им. Гнесиных с 1919 года.

4. Отделение музыкальных руководителей радиовещания учреждено в Техникуме им. Гнесиных в 1931 году. См. об этом воспоминания Б. Д. Владимирского и В. Б. Некрасовой, комментарии к ним, а

также: *Гуменник А.* О подготовке музыкальных работников для радиовещания // Сорок лет Московского государственного музыкального техникума им. Гнесиных. — М., 1935. С. 43—45.

5. *Брудная* Евгения Михайловна — пианистка, аккомпаниатор. Закончила Техникум им. Гнесиных по классу Ел. Ф. Гнесиной в 1935 году, работала концертмейстером в коллективах клубной самодеятельности — при фабрике «Большевик», заводе «Машиностроитель», в Доме культуры им. В. П. Чкалова.

В. Некрасова. Дорогая сердцу память...

Воспоминания написаны специально для второго издания данной книги. Публикуются впервые.

Некрасова Варвара Борисовна (1909—1997) — пианистка, педагог, автор ряда статей-воспоминаний о Е. Ф. Дауговет, Б. С. Житкове, В. В. Софроницком, М. В. Юдиной и др. В 1935 году закончила Техникум им. Гнесиных по двум отделениям — фортепианному (класс А. С. Яппо) и музыкальных руководителей радиовещания. Преподавала фортепиано в музыкальных школах Москвы (1934—1937, 1946—1947), Рыбинска (1938—1939), Ленинграда (1948—1981).

1. Мать В. Б. Некрасовой — *Лемке* Эльза Бернардовна (1884—1918) — пианистка, педагог. Закончила Петербургскую консерваторию по классу Н. С. Лаврова в 1916 году. Там же вела класс фортепиано.

Дауговет Екатерина Францевна (1882—1942) — пианистка. Доцент Ленинградской консерватории.

2. *Гаук* Александр Васильевич (1893—1963) — дирижер, композитор. Профессор Ленинградской, Московской и Тбилисской консерваторий. Руководитель Государственного симфонического оркестра СССР, дирижер Большого симфонического оркестра Всесоюзного радио. Народный артист РСФСР.

Малько Николай Андреевич (1883—1961) — дирижер, композитор. Дирижер Мариинского театра (с 1908 года). Один из организаторов и директор (1925—1929) Ленинградской филармонии. Профессор Ленинградской консерватории. С 1929 года жил за рубежом.

3. *Федорова* Екатерина Сергеевна — пианистка. Училась у В. В. Тимановой, затем у М. В. Юдиной.

Тиманова Вера Викторовна (1855—1942) — пианистка. Закончила Петербургскую консерваторию, училась у К. Таузига в Берлинской высшей музыкальной школе, у А. Рубинштейна и Ф. Листа (одна из его любимых учениц). Более 70 лет концертировала в России и по странам Европы, завоевала славу одной из лучших пианисток мира.

4. *Яппо* Александр Степанович (1898—1938?) — пианист, педагог. Закончил Московскую консерваторию по классу К. Н. Игумнова в 1927 году. С тех пор преподавал в Техникуме им. Гнесиных (фортепиано) и в Московской консерватории (камерный ансамбль). В 1937 году — репрессирован и вскоре погиб в сталинских застенках. Привожу строки о нем из письма автора этих воспоминаний В. Б. Некрасовой к составителю от 21 сентября 1986 года:

«...Он учил нас слушать и думать, непрерывно ставил перед нами задачи, которые диктовались культурой слуха... Человек он был доброжелательный, участливый, добрый, но одновременно и независимый, не боящийся сказать правду в глаза. У него были в результате этих черт недоброжелатели... всю жизнь храню к его памяти уважение, благодарность и нежность. Думаю, что все, кто помнит его, относятся к нему так же». (Архив М. Э. Риттих.) См. также: *Некрасова В. Б.* Александр Степанович Яппо // Записки Музея-квартиры Ел. Ф. Гнесиной. — М.: РАМ им. Гнесиных (в печати).

5. Требование Гнесиной настойчиво вырабатывать четкую речь объяснялось тем, что тогда, в начале 30-х годов, будущему музыкальному работнику радиовещания предстояли и дикторские выступления, предваряющие музыку или комментирующие ее. О многоохватности практики на радио пишет автор воспоминаний составителю книги в письме от 5 октября 1986 года: «На практике в радиоузле фабрики „Красный Октябрь“ я и придумывала программы, и объявляла, и аккомпанировала исполнителям. Поначалу на Радио были поиски форм вещания, специализация по „должностям“ возникла позже» (Архив М. Э. Риттих).

6. В другом письме В. Б. Некрасовой от 21 сентября 1986 года к составителю этой книги дается более подробная характеристика работы студентов радиоотделения техникума и практики на радио. В письме

повторяется, что основным предметом учащиеся ощущали спецкурс М. С. Пекелиса по истории музыки, «занятия которого были самыми любимыми». Из других предметов называется методика музыкального вещания. В основном это было составление программ — или чисто музыкальных, или тематических. «Из своих работ, — пишет автор, — я помню „Бетховен и Гете“ [...] Вел этот предмет А. Гуменник». Называется также история русской литературы (вел И. С. Дукор), история западноевропейской литературы (читала Гукасова), акустика радиовещания (А. А. Эггерт).

7. Здесь автор воспоминаний ошибается. Вс. Э. Мейерхольд в начале 30-х годов действительно работал на радио, но опер он не ставил. Речь идет о работе над «Каменным гостем» Пушкина, осуществленным им в 1935 году с музыкой В. П. Ширинского. Песни Лауры исполняли поочередно Н. П. Рождественская и В. М. Исаева. Над вторым спектаклем, тоже пушкинским, «Русалкой», Вс. Э. Мейерхольд начал работать в 1937 году. Постановка не была завершена.

В том же письме от 21 сентября 1986 года автор отмечает, что «репетиции эти давали практикантам возможность не просто слушать, а присутствовать... при организации звуковой картины. Например, Дон Жуан открывает калитку — она должна скрипнуть так, как считает Мейерхольд наиболее убедительным. Шаги Дон Жуана должны звучать как шаги по песку или гравия. Сейчас множество узких специалистов занимается подобными делами, а тогда все было впервые, и Мейерхольд искал и делал то, что сейчас может сделать обученный подсобный служащий на радио или при съемке фильма» (Архив М. Э. Риттих).

Себастьян Георг (Дьердь) (1903—1989) — венгерский дирижер. В начале 30-х годов работал в Советском союзе на московском радио. Осуществил несколько оперных постановок, в том числе «Дон Жуан» Моцарта.

8. См. комментарии к воспоминаниям А. А. Николаева.

9. См. воспоминания А. А. Николаева.

Н. Рогожина. Большое — в малом

Рогожина Нина Ивановна (1912—1993) — музыковед-историк. Закончила Техникум им. Гнесиных по классу фортепиано Б. М. Медведева в 1938 году, историко-теоретический факультет Ленинградской консерватории (классы Ю. Н. Тюлина и С. Л. Гинзбурга) в 1944 году. Преподавала историю музыки в той же консерватории (1950—1956). Кандидат искусствоведения.

1. *Афанасьева-Семенцова* Татьяна Николаевна (1890—1969) — пианистка, педагог. Закончила Петербургскую консерваторию по классу Н. А. Дубасова в 1912 году.

2. *Гагарина* Варвара Дмитриевна (1904—1990) — оперная певица, меццо-сопрано. Закончила Московскую консерваторию по классу В. Ф. Туровской в 1935 году. Солистка Большого театра (1936—1959). Заслуженная артистка РСФСР.

3. *Ренчицкий* Петр Николаевич (1874—1941) — пианист, композитор, теоретик, педагог. Закончил Харьковское музыкальное училище РМО по классу фортепиано А. В. Шульца-Эвлера (1893), Московский университет (1896). Композиции учился у С. И. Танеева. Преподавал в Харькове (1896—1904), в московских техникумах им. А. К. Глазунова, им. М. М. Ипполитова-Иванова (1919—1941), в Центральном заочном институте музыкального образования (1939—1941). Доцент кафедры истории и теории звуковых систем Московской консерватории (1927—1928).

4. *Медведев* Борис Михайлович (1881—1941) — пианист, педагог. С 1927 года вел класс фортепиано в Техникуме им. Гнесиных, с 1937 — в Московской консерватории. Доцент.

О М. А. Гурвич см. комментарии к ее воспоминаниям.

Шор Владимир Романович (1897—1952) — пианист, педагог. Закончил Московскую консерваторию по классу А. Б. Гольденвейзера в 1924 году. Тогда же начал работать в техникуме, а с 1944 года — в ГМПИ им. Гнесиных. Доцент.

5. См. комментарии к воспоминаниям Е. Б. Ромм-Иоффе.

6. *Бухарцева* Ирина Рафаэлевна (1918—?) — пианистка, педагог. Закончила Техникум им. Гнесиных по классу Евг. Ф. Гнесиной (1938), Саратовскую консерваторию по классу В. В. Нильсена (1944). Преподавала в Астраханском музыкальном училище.

7. *Подольская* Вера Васильевна (1914—1970) — пианистка, концертмейстер. Закончила Техникум им. Гнесиных по классу Б. М. Медведева (1936), Московскую консерваторию (1941). С 1936 года работала на кафедре концертмейстерского мастерства Московской консерватории.

8. Опыт этот не был единственным. Он характерен для тех лет. Редактор-составитель этого сборника в начале 30-х годов тоже был участником такой «коммуны» в общежитии Областного музыкального техникума на Новослободской улице.

Е. Ромм-Иоффе. Строки воспоминаний

Во втором издании воспоминания дополнены.

Ромм-Иоффе Евгения Борисовна (р. 1919) — пианистка, педагог. Закончила Техникум им. Гнесиных по классу Елены Фабиановны (1938), Ленинградскую консерваторию по классу М. Я. Хальфина (1943). Концертмейстер той же консерватории (1943—1945). Педагог ДМШ в Ленинграде (1945—1977).

1. *Штейнбух* Бетти (Берта) Моисеевна (1876—1960) — пианистка, педагог. Училась в Училище сестер Е. и М. Гнесиных по классу Евг. Ф. Гнесиной, подготовившей ее к поступлению в Лейпцигскую консерваторию. С начала 20-х годов до конца 50-х педагог Ростовского музыкальных училища и школы.

2. *Туровская* Вера Федоровна (1887—1957) — певица, педагог. В 1911 году экстерном закончила Петербургскую консерваторию. В начале 20-х годов преподавала сольное пение в Техникуме им. Гнесиных, в Московской консерватории (1920—1937), а также в Свердловской консерватории.

3. См. комментарий 27 к воспоминаниям М. Риттих.

4. См. комментарий 2 к воспоминаниям Н. Рогожиной.

5. *Штейнберг* Максимилиан Осеевич (1883—1946) — композитор, педагог. Закончил Петербургскую консерваторию по классу композиции Н. А. Римского-Корсакова. Соученик, близкий друг Михаила Фабиановича, как и всей семьи Гнесиных. С 1908 года преподавал в Петербургской — Ленинградской консерватории. Профессор. Доктор искусствоведения. Заслуженный деятель искусств РСФСР, народный артист Узбекской ССР.

6. См. воспоминания Е. А. Акулова и комментарии к ним.

7. См.: о Т. Герасимович и С. Харлампики — воспоминания А. Чистякова и комментарии 10 и 11 к ним; о З. Финкельштейне — его воспоминания и комментарии к ним.

8. См.: *Могилевская С.* Виолончель Санта Тереза. Повесть о музыке. — М., 1970. Автор этой повести — дочь виолончелиста Абрама Ильича Могилевского, преподававшего в Училище Гнесиных с 1913 года, затем после перерыва — до середины 1950-х годов.

А. Чистяков. В классе Елены Фабиановны Гнесиной

Чистяков Александр Николаевич (1914—?) — пианист, концертмейстер. Учился в Техникуме им. Гнесиных (1929—1934) у Ел. Ф. Гнесиной. Концертмейстер Московской областной филармонии (1936—1939, 1945—1950), Дворца пионеров (1950—1976).

1. Автор, видимо, имеет в виду академическую направленность репертуара, подбираемого Ел. Ф. Гнесиной для своих учеников (см. перечисленные здесь и ниже произведения).

2. *Гинзберг* Анна Матвеевна (1916—1995) — пианистка, концертмейстер. Закончила Техникум им. Гнесиных по классу Ел. Ф. Гнесиной в 1936 году, Московскую консерваторию по классу Л. Н. Оборина в 1944 году. С этого же времени — концертмейстер в училище, а затем и в ГМПИ им. Гнесиных.

3. *Рыцлин* Любовь Львовна (1910—?) — музыковед, педагог. Закончила Техникум им. Гнесиных по классу Ел. Ф. Гнесиной (1933), Московскую консерваторию по классам фортепиано А. В. Шацкеса и теории музыки В. А. Цукермана (1941). С 1943 по 1973 годы педагог музыкальной литературы в училище при Московской консерватории. Кандидат искусствоведения.

4. О Е. М. Брудной см. комментарии к воспоминаниям И. Б. Мацкевич.

5. *Сафронеев* Аркадий С.(?) (1915—1937) — пианист. Закончил Техникум им. Гнесиных по классу Ел. Ф. Гнесиной (1935), учился в Московской консерватории по классу Л. Н. Оборина. Погиб в годы сталинских репрессий.

6. *Коган* Агнесса Иосифовна (р. 1911) — пианистка, концертмейстер, педагог. Училась в Техникуме им. Гнесиных по классам Ел. Ф. и Евг. Ф. Гнесиных. В 1945 году окончила Московскую консерваторию (педагогическое отделение, класс Б. Я. Вайншенкера). Работала в музыкальных школах Фрунзенского района Москвы (1945—1952), в школе-семилетке им. Гнесиных (1952—1975).

7. *Альтерман* Элла Григорьевна — пианистка, концертмейстер, педагог. Закончила техникум им. Гнесиных по классу Ел. Ф. Гнесиной (1935), Московскую консерваторию по классу С. Е. Фейнберга (1944). Солистка и концертмейстер Украинской филармонии (1944—1949), преподаватель кафедры фортепиано Белорусской консерватории и Средней специальной школы (1949—1977).

8. *Вайнштейн* Эсфирь Ароновна (р. 1915) — пианистка, педагог. Закончила Техникум им. Гнесиных по классу Ел. Ф. Гнесиной (1935), Московскую консерваторию по классу Л. Н. Оборина (1941). Солистка Горьковской филармонии (1941—1944), иллюстратор, концертмейстер в Училище и Институте им. Гнесиных (1944—1955), преподаватель отдела общего фортепиано в Училище им. Гнесиных (1955—1977).

9. *Гуржисенко* Георгий (?) — пианист. Закончил Училище им. Гнесиных по классу Ел. Ф. Гнесиной в 1937 году.

10. *Герасимович* Тамара Сергеевна (1913-2002) — пианистка, педагог. Закончила Техникум им. Гнесиных по классу Ел. Ф. Гнесиной в 1936 году, Московскую консерваторию по классу Л. Н. Оборина в 1941 году. С 1945 года — концертмейстер в Училище им. Гнесиных, ассистент профессора Ел. Ф. Гнесиной (1946—1954), педагог кафедры общего фортепиано ГМПИ им. Гнесиных.

11. *Харламиди* Софья Ивановна — пианистка, концертмейстер оркестра. Закончила Техникум им. Гнесиных по классу Ел. Ф. Гнесиной (1935), Московскую консерваторию по классу Л. Н. Оборина (1941). Концертмейстер Государственного оркестра кинематографии.

12. О З. И. Финкельштейне см. его воспоминания и комментарии к ним.

13. Класс специального фортепиано Елены Фабиановны всегда был очень большим по количеству учеников. И все же она охотно брала к себе также и учеников теоретико-композиторского отдела, для которых занятия фортепиано не были специальной дисциплиной. Среди них были учащиеся, упоминаемые и автором этих воспоминаний:

Разоренов Сергей Алексеевич (1909—1996) — композитор. Учился в Техникуме им. Гнесиных по классу композиции М. Ф. Гнесина, по фортепиано — у Ел. Ф. Гнесиной. По окончании третьего курса техникума принят в Московскую консерваторию. Закончил ее по классу сочинения Н. Я. Мясковского (1937). Педагог музыкальных школ Москвы (1937—1941), редактор издательств «Музгиз», «Музыка», «Советский композитор» (1949—1973).

Герчик Вера Петровна (1911—1999) — композитор. Училась в Школе им. Гнесиных по классу О. Ф. Гнесиной, в Техникуме по классу сочинения М. Ф. Гнесина. Называя В. П. Герчик среди учеников Елены Фабиановны, автор воспоминаний ошибается, хотя отдельные занятия с Еленой Фабиановной на протяжении длительного времени вполне вероятны, так как для пользы дела сестры Гнесины менялись

своими учениками. По окончании третьего курса В. П. Герчик принята в Московскую консерваторию, где училась в классах М. Ф. Гнесина и Н. Я. Мяковского. Педагог музыкальных школ Москвы, редактор издательств «Музгиз», «Учпедгиз». Автор большого числа песен для детей.

Макаров-Ракитин Константин Дмитриевич (1912—1941) — композитор. Учился в Техникуме им. Гнесиных по классу композиции М. Ф. Гнесина, по классу фортепиано Ел. Ф. Гнесиной. По окончании третьего курса был принят на третий курс Московской консерватории, которую закончил в 1936 году по классу сочинения Н. Я. Мяковского; под его же руководством проходил аспирантуру. С 1937 года — преподаватель консерватории. Погиб на фронте во время Великой Отечественной войны.

Душский Михаил Ильич (1913—1942) — композитор. Учился в Техникуме им. Гнесиных по классу композиции у Г. И. Литинского, по классу фортепиано — у Евг. Ф. Савиной-Гнесиной. По окончании (1933) принят сразу на третий курс Московской консерватории, в класс сочинения Г. И. Литинского. Проходил аспирантуру под руководством Р. М. Глиэра. Преподавал в консерватории курс инструментовки. Погиб на фронте во время Великой Отечественной войны.

Н. Вербова. Жизнь, отданная музыкальным учебным заведениям

Вербова Нина Александровна (1897—1981) — певица (контральто), педагог. Закончила Техникум им. Гнесиных по классу О. Ф. Федоровской-Славинской (1932), экстерном — ГМПИ им. Гнесиных (1944). С 1932 года преподавала сольное пение в техникуме, а с 1944 года — в Институте им. Гнесиных, заведовала кафедрой сольного пения (1949—1972), была деканом факультета. Профессор.

1. *Цертелева* Екатерина Федоровна — пианистка, концертмейстер, педагог. В Техникуме им. Гнесиных (с 1927 года) вела класс камерного пения, заведовала вокальным отделением, руководила оперным классом.

2. О О. Ф. Федоровской-Славинской см. комментарии к воспоминаниям Р. И. Жив-Михайловой.

3. О Ф. Е. Витачеке см. комментарий 3 к воспоминаниям М. В. Мильмана.

4. *Сперанский* Николай Иванович (1877—1952) — оперный певец (бас), педагог. Закончил Саратовское музыкальное училище (1895), Московский университет (юридический факультет, 1899), учился пению у К. Эверарди, М. Баттистини. Вел класс сольного пения в Московской консерватории (1930—1941), в ГМПИ им. Гнесиных (1944—1952, в 1944-1949 заведовал кафедрой сольного пения). Профессор. Заслуженный деятель искусств РСФСР.

Б. Левик. Мои воспоминания

Левик Борис Вениаминович (1898—1976) — музыковед-историк, педагог. Окончил научное отделение Московской консерватории в 1928 году. Преподавал историю музыки в Московской консерватории (1930—1946), Техникуме им. Гнесиных (1930—1941) и ГМПИ им. Гнесиных (1945—1973), где заведовал кафедрой (1953—1954). Кандидат искусствоведения. Исполняющий обязанности профессора.

1. См.: Московская консерватория. 1866—1966. — М., 1966. С. 377.

2. Материалы архива Ел. Ф. Гнесиной подтверждают сказанное автором воспоминаний. Сохранилось несколько писем разных лет (черновики и копии), в которых Елена Фабиановна ходатайствует о присвоении Б. В. Левику звания профессора без защиты докторской диссертации, весомо доказывая эту возможность и необходимость.

3. Шуточные стихотворные экспромты, посвященные Дому творчества Союза композиторов «Руза», приводятся в воспоминаниях А. В. Малинковской и М. Э. Риттих.

4. О своеобразной «встрече» Елены Фабиановны с П. И. Чайковским рассказано ею в статье «Из моих воспоминаний» // Сов. музыка, 1964, № 5. С. 44. Рассказ Б. В. Левики не вполне точен.

5. О Л. Б. Булатовой см. комм. 2 к воспоминаниям А. В. Малинковской.

6. Грампластинка «Урок профессора Ел. Ф. Гнесиной»: Ф. Мендельсон — Песни без слов. Ел. Гнесина — Маленький этюд, Азбука, Пьески-картинки, Вариации, Альбом детских пьес, Три пьесы-миниатюры, Дуэты для маленьких скрипачей, Ладушки, Перезвон. Запись 1964 года. Всесоюзная студия грамзаписи «Мелодия». Вышла в свет в феврале 1971 года.

А. Ортенберг-Брук. Мои воспоминания

Ортенберг-Брук Анна Яковлевна (р. 1925) — музыковед-историк. Училась в Школе, Училище, Институте им. Гнесиных с 1933 по 1952 годы. По классу фортепиано занималась у О. Ф. Гнесиной. Закончила историко-теоретический факультет по классу К. К. Розеншильда (1952). Редактор издательств «Музыка», «Советский композитор».

1. *Иванова* Анфия Аполлоновна (1900?—1968?) — пианистка, педагог, секретарь учебной части Школы-семилетки им. Гнесиных (1930—1950).

2. *Култашева* Инна Викторовна (1896—1976). Закончила Училище сестер Е. и М. Гнесиных по классу фортепиано Е. А. Воскресенской в 1916 году. С конца 20-х годов до 1963 года — заведующая книжной и нотной библиотекой учебных заведений им. Гнесиных.

3. О В. А. Стрельбицкой см. комментарии к воспоминаниям Е. А. Акулова.

4. *Малютина* Надежда Николаевна (1879—1956?) — пианистка, педагог. Закончила Училище сестер Е. и М. Гнесиных в 1905 году. С 1915 по 1956 год — педагог Школы Гнесиных, первая учительница Л. Н. Оборина.

5. *Запорожец-Газенцер* Софья Федоровна (1914—1969) — педагог. Закончила Училище по классу сольного пения О. Ф. Федоровской-Славинской (1938), ГМПИ им. Гнесиных по классу хорового дирижирования у А. Б. Хазанова (1951). С конца 30-х годов вела сольфеджио и хоровое пение в школе-семилетке, а с 1946 года — в средней специальной школе-десятилетке им. Гнесиных.

6. О том, как проходили юбилейные для учебных заведений им. Гнесиных дни 15-го февраля, см. также воспоминания С. И. Апфельбаум, К. П. Виноградова, М. Э. Риттих и комментарии к ним.

О непосредственном участии Елены Фабиановны в праздничных развлечениях учащихся и педагогов учебных заведений им. Гнесиных рассказывает Елена Петровна Сенаторская-Одолеева, окончившая училище сестер Е. и М. Гнесиных в 1917 году и преподававшая там:

«Помню, как еще в начале моей педагогической работы у Гнесиных, я пришла на общий праздник. И что же я увидела? Вышла певица, педагог Вера Федоровна Туровская. С ней шарманщик. Это была Елена Фабиановна, закутанная в большой плащ, в мягкой шляпе, надвинутой на глаза. Крутила шарманку, а Вера Федоровна пела душеспасительный романс:

Я страдала три года любя,
И, страдая об Вас, — померла.
Вы смеялись над чувством моим.
Так идите ж к другим!

Вот помню до сих эти слова! А ведь это было в 1922 году! Так это было замечательно. Елена Фабиановна и в роли шарманщика. Прелесть!» (Из письма Е. П. Сенаторской к ее бывшей ученице Н. А. Светозаровой от 3 октября 1976 года. Архив ММКЕЛФГ).

О Е. П. Сенаторской-Одолеевой см. комм. 2 к воспоминаниям Н. А. Светозаровой.

7. *Кушенская* Мария Степановна (1900—?) — пианистка, педагог. Закончила Техникум им. Гнесиных по классу Е. Ф. Колобовой (1929). Преподавала в Училище им. Гнесиных (1937—1960).

О детском лагере в Елатье, организованном Еленой Фабиановной в первые месяцы Великой Отечественной войны для оставшихся в Москве учеников школы, см.: История учебных заведений имени Гнесиных. С. 39.

8. О Д. К. Александрове см. комментарии к воспоминаниям М. Э. Риттих.

Н. Рождественская. Она угадывала судьбы...

Воспоминания написаны специально для второго издания книги. Публикуются впервые.

Рождественская Наталья Петровна (1900—1997) — певица (сопрано), солистка Всесоюзного радио (1929—1960). Народная артистка РСФСР.

1. *Забела-Врубель* Надежда Ивановна (1868—1913) — певица (лирико-колоратурное сопрано). Пела на сцене Московской Русской частной оперы, затем в Петербургском Мариинском театре. Жена художника М. А. Врубеля.

2. Сын автора воспоминаний Геня — *Рождественский* Геннадий Николаевич (р. 1931) — дирижер. В детские годы учился в Школе-семилетке им. Гнесиных по классу фортепиано у Ел. Ф. Гнесиной. Один из ее любимых учеников. Закончил консерваторию по классу дирижирования у Н. П. Аносова, по классу фортепиано — у Л. Н. Оборина. Дирижер (1951—1960), главный дирижер Большого театра (1965—1970). В 1961—1978 годах — художественный руководитель и главный дирижер Большого симфонического оркестра Центрального телевидения и Всесоюзного радио. Народный артист СССР, лауреат Ленинской премии. Профессор.

4. В архиве Ел. Ф. Гнесиной имеется ряд поздравительных писем и телеграмм от Н. П. и Г. Н. Рождественских. Указанное же в воспоминаниях письмо — не обнаружено.

А. Эшпай. Мы должны хранить ее заветы

Воспоминания являются записью и литературной обработкой беседы А. Я. Эшпая с составителем этой книги М. Э. Риттих о Елене Фабиановне Гнесиной, происходившей 10 февраля 1976 года в Доме творчества Союза композиторов «Руза». Текст авторизован.

Эшпай Андрей Яковлевич (р. 1925) — композитор. Учился в Школе-семилетке им. Гнесиных по классу фортепиано В. В. Листовой. Закончил Московскую консерваторию по классу композиции Е. К. Голубева (1953). Народный артист СССР, лауреат Государственных премий.

1. Встреча автора воспоминаний и В. Такеноучи с Ел. Ф. Гнесиной состоялась в 1965 году и стала началом дружбы Елены Фабиановны с японским музыкантом. О В. Такеноучи см. также комментарии к воспоминаниям М. Э. Риттих. В архиве Елены Фабиановны хранится несколько писем В. Такеноучи и фотографии его и сына.

Ц. Бану-Лахути. Незабываемые встречи

Воспоминания написаны специально для второго издания этой книги. Публикуются впервые.

Бану-Лахути Цецилия Бенциановна (1911—1998) — поэтесса, переводчик на русский язык произведений классиков восточной поэзии Фирдоуси, Саади, Хафиза, Омара Хайяма, а также Абулькасима Лахути. Известны ее переводы на таджикский язык сочинений русской и европейской драматургии.

1. См. стихотворение Лахути Абулькасима Ахмед-заде «Гнесиным» в этой книге и комментарии к нему.

2. *Лахути* Гив Гасемович (р. 1937) — сын Абулькасима (Гасема) Лахути и Ц. Бану. Учился музыке в школе-семилетке им. Гнесиных по классу преподавателя Е. П. Крыловой. Писатель, журналист.

3. Бахор Фируз, о котором идет речь в воспоминаниях, *Бахор (Ахмедов)* Фируз Хаджиевич (р. 1942) — композитор, лауреат премии Ленинского комсомола Таджикистана.

В архиве Елены Фабиановны хранится несколько писем Ц. Б. Бану. В одном из них, от 9 декабря 1964 года, из Душанбе — просьба помочь студенту-таджику, которого со второго курса берут в армию. Приводим фрагмент этого письма:

«...Зная, как Вы молоды душой и как живо откликаетесь на все, что касается детища Вашего — института и его питомцев, решила обеспокоить Вас разговором о студенте второго курса Фирузе Ахмедове. Это едва ли не единственный подающий надежды молодой пианист из таджиков — во всяком случае

один из немногих — и перерыв на два-три года, вероятно, отбросил бы его далеко назад. Республика о нем хлопочет, в Москву послана телеграмма от Мин. культуры, но боюсь, что это предприятие позднева-то. Возможно, что единственный выход — это вступление его в какой-либо армейский ансамбль в Москве или под Москвой с тем, чтобы он мог параллельно продолжать учебу...

Мать Фируза — одинокая труженица, всю жизнь посвятила сыну, очень убивается в связи с тем, что все ее труды могут пропасть понапрасну.

Дело это, конечно, очень трудное, но м. б. Ваша мудрость подскажет какой-либо выход». (ММКЕЛФГ, оп. VII, д.)

На второй странице этого письма рукой Елены Фабиановны жирно подчеркнуто имя студента, а сверху страницы написано: «Военком Александров!» Это значит, что она тут же, как всегда, не откладывая, принялась хлопотать о судьбе этого студента. И, как следует из воспоминаний Ц. Б. Бану, помогла: студент — в будущем стал композитором, членом Союза композиторов.

4. *Лахути* Атея Гасемовна (р. 1931) — музыковед и органистка. Закончила Школу им. Гнесиных по классу фортепиано Е. Т. Кудряшовой, Московскую консерваторию по классам теории музыки В. А. Цуккермана и органа — А. Ф. Гедике.

И. Родзевич. Мои воспоминания о Елене Фабиановне

Родзевич Ирина Сергеевна (р. 1924) — пианистка, педагог. Училась у Елены Фабиановны Гнесиной в Школе, Училище и Институте им. Гнесиных. С 1951 года — педагог Средней специальной музыкальной школы им. Гнесиных.

1. Об А. Лахути см. комментарии к его стихотворению, публикуемому в этом сборнике.

2. *Шмидт* Отто Юльевич (1891—1956) — советский ученый, исследователь Арктики. Академик АН СССР, государственный и общественный деятель.

Е. Светланов. Ей удалось объять необъятное

Впервые воспоминания опубликованы в кн.: *Светланов Евг.* Музыка сегодня. — М., 1979. С. 131—133.

Светланов Евгений Федорович (1928-2002) — дирижер, пианист, композитор. Учился в Школе, Училище, Институте им. Гнесиных. Закончил институт по классу фортепиано М. А. Гурвич (1951) — посещал также класс сочинения М. Ф. Гнесина; Московскую консерваторию по классу дирижирования А. В. Гаука, композиции — Ю. А. Шапорина (1955). Дирижер Большого симфонического оркестра Всесоюзного радио (1953—1954), Большого театра (1954—1965), с 1965 года — главный дирижер Государственного симфонического оркестра СССР. Народный артист СССР. Лауреат Ленинской и Государственных премий. Герой Социалистического Труда.

1. О том, как Елена Фабиановна «словом и делом помогала» автору воспоминаний, пишет Е. В. Давыдова. Об этом же свидетельствует и письмо Елены Фабиановны к Н. С. Голованову:

«18 августа 1951 г.

Глубокоуважаемый, дорогой Николай Семенович!

У меня к Вам большая, горячая просьба. Весной окончил наш институт талантливейший пианист и композитор Евгений Светланов. Он узнал, что в Большом театре имеется вакантное место пианиста, которое он мог бы занять как блестящий пианист и музыкант, великолепно знающий оперную литературу и прекрасно читающий не только ноты, но и партитуры. Женя Светланов играл на пробе, возможно что и Вы слушали его, но препятствием поступления на эту работу послужил выговор (несправедливый) по комсомольской линии. Его виновность сильно раздута, и быстро распространился слух о том, что Женя исключен из комсомола, хотя этого не было в действительности, и только был вынесен ему самый обыкновенный выговор, что бывает не редко с молодежью.

Если еще не поздно и место пианиста свободно, очень прошу Вас предоставить это место Жене Светланову, который очень скоро докажет, что он вполне достоин этого места. Женя чрезвычайно любит русскую музыку и особенно Рахманинова и Чайковского.

Теперь немного о себе. Я вернулась 8-го августа из Барвихи, а 9-го мой первый заместитель Юрий Владимирович Муромцев объявил мне, что Комитет (Калошин и Бессонов) назначил его начальником всех оперных и музыкальных театров, и что приказ уже подписан и утвержден. Войдите в мое положение! Комитет ловко использовал мое отсутствие и приготовил мне такой сюрприз.

Я не пала духом, стала искать себе заместителя и уже нашла хорошего человека и талантливого музыканта, которого, может быть, еще успею воспитать для нашего института.

Будьте здоровы, дорогой Николай Семенович, и пожалуйста, возьмите под свое крыло талантливого и хорошего малого — Женю Светланова.

Елена Гнесина».

(ГЦММК, ф. Голованова, ГНС, инв. 908).

Л. Атанова. Деятельная доброта

Воспоминания написаны специально для второго издания этой книги, публикуются впервые.

Атанова Людмила Петровна (1920—1994) — музыковед-историк, лектор. Закончила историко-теоретический факультет ГМПИ им. Гнесиных по классу К. К. Розеншильда (1952), аспирантуру — под руководством М. С. Пекелиса. Кандидат искусствоведения. Работала в г. Уфе, заслуженный деятель искусств Башкирской АССР.

1. Дом № 7 по Собачьей площадке с начала 30-х годов занимал Техникум им. Гнесиных, а после его переселения во вновь отстроенное здание по улице Воровского, 30 (1946) до уничтожения Собачьей площадки, в этом доме находилось общежитие студентов Института им. Гнесиных.

2. Об И. В. Култашевой см. комментарий 2 к воспоминаниям А. Брук-Ортенберг.

3. *Шулепова-Поколенко* Людмила Николаевна (1921—1987) — музыковед-теоретик, педагог. Закончила Училище, затем Институт им. Гнесиных (1951) по классу К. К. Розеншильда. Работала в ГМПИ им. Гнесиных, в ДМШ им. С. С. Прокофьева.

4. *Пахтер* Иосиф Моисеевич (1911—1989) — проректор по административно-хозяйственной части ГМПИ им. Гнесиных (1946—1972).

5. *Бер* Вера Давыдовна (1909—1989) — певица (сопрано) и пианистка, педагог. Закончила Ленинградскую консерваторию по классу специального фортепиано Г. В. Бариновой, ГМПИ им. Гнесиных по классу сольного пения В. И. Садовникова (1950). Работала в филармонии г. Гродно, там же в Музыкальном училище, вела классы сольного пения и фортепиано.

6. Тетя Лина — *Пучкова* Акулина Егоровна — техническая служащая в Училище им. Гнесиных.

7. *Прокушева* Вера Георгиевна (р. 1927) — камерная певица (меццо-сопрано). Закончила Училище, затем Институт им. Гнесиных (1958) по классу сольного пения Н. П. Франковской. Солистка Москонцерта.

8. *Новиков* Анатолий Григорьевич (1896—1984) — композитор. Народный артист СССР. Герой Социалистического Труда.

9. *Прокушев* Юрий Львович (р. 1920) — писатель, литературовед. В годы, о которых идет речь — вальцовщик, заместитель секретаря комитета комсомола завода «Серп и молот». Лауреат Государственной премии РСФСР. В библиотеке Ел. Ф. Гнесиной есть книги Ю. Л. Прокушева, подаренные ей автором, с его автографами. Приведем один из них, прямо связанный с рассказанным в воспоминаниях сюжетом: «Дорогой Елене Фабиановне Гнесиной с признательностью за чуткую и сердечную заботу о дорогом и близком мне человеке.

Ю. Прокушев. 8.III.1959».

10. См.: комментарии к воспоминаниям Н. А. Вербовой.

В. Иванова. Такой она живет в наших сердцах

Иванова Виктория Николаевна (1924–2002) — певица (лирико-колоратурное сопрано). Училась в Школе им. Гнесиных по классу фортепиано Н. И. Хейфеца, в Училище и ГМПИ им. Гнесиных по классу сольного пения О. Ф. Федоровской-Славинской. С 1951 года — солистка Московской филармонии. Заслуженная артистка РСФСР.

А. Власов. Воспоминания о Елене Фабиановне Гнесиной

Власов Александр Кондратьевич (1911—1986) — виолончелист, педагог, композитор. Кончил Московскую консерваторию по классу виолончели С. М. Козолупова в 1937 году. Под его же руководством проходил аспирантуру (1939). Концертировал. В ГМПИ им. Гнесиных вел классы виолончели (1944—1986) и камерного ансамбля (1947—1953); декан оркестрового факультета (1944—1951); заведующий кафедрой (1954—1971). Профессор. Лауреат Всесоюзного конкурса скрипачей и виолончелистов (1937). Заслуженный деятель искусств РСФСР.

1. Открытие Концертного зала Института им. Гнесиных состоялось 21 ноября 1958 года.

Особенность концерта, посвященного открытию нового концертного зала Москвы, в том, что все его участники — воспитанники разных ступеней учебных заведений им. Гнесиных — либо в настоящем, либо в прошлом. Приводим программу концерта:

I отделение		
Витачек (окончил музыкальное училище им. Гнесиных в 1930 г.) Ел. Гнесина	Праздничная увертюра «Ладушки»	Симфонический оркестр Института; дирижер — доцент О. М. Агарков ученики музыкальной школы 10-летки им. Гнесиных Таня Загоровская и Марик Беленко
Раков	Скерцино	ученица музыкальной школы 7-летки им. Гнесиных Оля Кондратюк
Бородин	Ария Кончака из оперы «Князь Игорь»	Лауреат Всесоюзного конкурса, студент Института Арнольд Локшин
Онегин	Вариации на тему русской песни «То не ветер ветку клонит»	Лауреат Всесоюзного и Международного конкурсов, студент Института Вячеслав Галкин
Римский-Корсаков Паганини Чайковский Будашкин	«Полет шмеля» Кантабиле Вальс-скерцо Сказ о Байкале	Лауреат конкурса VI Всемирного фестиваля молодежи, аспирант Института Альберт Марков Оркестр русских народных инструментов Института; дирижер С. М. Колобков (окончил институт им. Гнесиных в 1953 г.)
Коваль	Русская песня «Как по лужку травка»	студентка института Инна Зорина в сопровождении оркестра русских народных инструментов, дирижер С. М. Колобков
Василенко	Русская песня «По сеничкам Дуняшенька гуляла»	
Шостакович	Праздничная увертюра	симфонический оркестр музыкального училища им. Гнесиных; дирижер доцент В. Л. Дегтяренко
II отделение		
Хачатурян (окончил музыкальное Училище им. Гнесиных в 1929 г.)	Танец девушек из балета «Гаяне»	Струнный ансамбль музыкальной школы 10-летки им. Гнесиных; руководители З. И. Финкельштейн и В. М. Вульфман

Бородин	Каватина Владимира Игоревича из оперы «Князь Игорь»	солист ГАБТа СССР В. Н. Орленин (окончил институт в 1954 г.)
Рахманинов	Две прелюдии Два этюда-картины	народный артист РСФСР, профессор Л. Н. Оборин (окончил училище Гнесиных в 1921 г.)
Чайковский	Ариозо Воина из кантаты «Москва»	солистка Гос. театра оперы и балета им. Мусы Джалиля (Казань), лауреат Всесоюзных конкурсов Н. И. Зайцева (окончила Институт им. Гнесиных в 1955 г.)
Чайковский	Ария Елецкого из оперы «Пиковая дама», Ария Роберта из оперы «Иоланта»	солист ГАБТа СССР, лауреат Международного конкурса Е. С. Белов (окончил Институт им. Гнесиных в 1955 г.)
Бетховен	Фантазия для фортепиано, хора и оркестра	профессор А. Л. Иохелес (окончил Училище им. Гнесиных в 1928 г.)
Партию фортепиано исполняют:		Переверзева А. С., Черняховская С. И., Шпиц В. В., Шубина В. Я.

2. См. примечание 3 к воспоминаниям С. Апфельбаум.

А. Георгиан. Елена Фабиановна Гнесина

Публикуется впервые. Воспоминания написаны А. Я. Георгианом в 1975 году для первого издания книги, однако, по неизвестным причинам, опубликованы не были.

Георгиан Армен Яковлевич (1904—1993) — виолончелист, педагог. Окончил Московскую консерваторию по классу А. А. Брандукова в 1926 году. Преподавал в Училище (1927—1972) и в Институте им. Гнесиных (1944—1989). Помимо класса виолончели вел также класс камерного ансамбля, был деканом оркестрового и фортепианного факультетов (1963—1966). Профессор. Заслуженный деятель искусств РСФСР.

1. *Брандуков* Анатолий Андреевич (1859—1930) — крупнейший русский виолончелист. С 1906 по 1921 год был директором Музыкально-драматического училища при Московском филармоническом обществе, с 1921 года — профессор Московской консерватории. Заслуженный деятель искусств. Ему посвящена виолончельная соната Рахманинова, ор. 19, которую Брандуков исполнил впервые в ансамбле с автором (2 декабря 1901 года).

2. Здание института им. Гнесиных на ул. Воровского было открыто 10 сентября 1946 года.

3. В 1895—1900 годах Училище Е. и М. Гнесиных размещалось в домике, принадлежавшем В. К. фон Шлиппе в Гагаринском переулке. Занятия проходили в комнатах, в которых жили сестры Гнесины и Т. В. Фигуровская. По некоторым неуточненным данным, В. К. фон Шлиппе, видный политический деятель, предоставил дом в пользование Гнесиным безвозмездно, по другим сведениям, дом был нанят для них В. О. Гаркави. См. также воспоминания М. Риттих в этой книге.

Е. Белов. О человеке большой души

Белов Евгений Семенович (1913—1992) — певец (баритон). Закончил ГМПИ им. Гнесиных по классу А. К. Минеева (1953). Солист Большого театра (1951—1964), Московской филармонии (1964—1977). С 1961 года — преподаватель сольного пения в ГМПИ им. Гнесиных. Доцент. Лауреат международного фестиваля (1950). Заслуженный артист РСФСР.

1. *Минеев* Анатолий Константинович (1883—1951) — певец (тенор). Закончил Московское синодальное училище в 1903 году. Артист Большого театра. Преподавал сольное пение в Училище, а затем и в Институте им. Гнесиных (1944—1951). Профессор.

2. *Пономаренко* Пантелеймон Кондратьевич (1902—1984) — советский государственный и партийный деятель. Министр культуры СССР (1953—1954).

3. Строительство нового здания Училища им. Гнесиных было завершено в начале 1974 года.

Ю. Тюлин. Встречи с Еленой Фабиановной

Тюлин Юрий Николаевич (1893—1978) — музыковед-теоретик, композитор. Закончил Петербургскую консерваторию по классу композиции Н. А. Соколова в 1917 году, тогда же — юридический факультет Университета. Преподавал музыкально-теоретические предметы в Ленинграде — в техникуме (1921—1929) и в консерватории (1925—1948, 1959—1969), заведовал кафедрой теории музыки (1933—1948). Руководил аспирантами на кафедре гармонии и сольфеджио ГМПИ им. Гнесиных (1971—1975) и в Московской консерватории (1975—1978). Профессор. Доктор искусствоведения. Заслуженный деятель искусств РСФСР.

1. В архиве Ел. Ф. Гнесиной имеется несколько писем к ней Ю. Н. Тюлина. Приводим фрагмент одного из них от 4 августа 1945 года:

«Не могу не выразить Вам чувства глубокого восхищения, оставшегося у меня от посещения Вашего института и Вас лично... Впечатление от знакомства с Вами и Вашим детищем — единственным в своем роде музыкальным учреждением — без всякого преувеличения, оставило у меня неизгладимое воспоминание. Я очень рад, что побывал у Вас. Помимо приятного для меня было и много поучительного.

Для того, чтобы полностью понять, от чего зависит творческая атмосфера и расцвет учебного заведения, надо изучить постановку Вашего дела или по крайней мере получить от нее общее впечатление. Каждому музыкальному организатору следовало бы поинтересоваться Вашим учреждением.

Я невольно вспоминаю те замечательные 3 года (1926—1929), когда я в содружестве с моими товарищами принимал деятельное участие, без помех со стороны, в организации и жизни „Центрального музыкального техникума“, в который стремились наши лучшие профессора. Это дело расцветало и доставляло огромное удовлетворение всем педагогам и учащимся, многие из которых теперь уже доценты консерватории и которые до сих пор вспоминают об этом времени, как о лучшем времени в своей жизни. Но, увы, это продолжалось только 3 года. РАПМ съел это учреждение, из которого в 1929 году ушло 23 педагога (в том числе все профессора консерватории). Ваша же школа цветет полвека и будет расцветать и шириться. Я жалею, что я не москвич и не окунулся в атмосферу Вашей школы». (Архив ММКЕлФГ, оп. VII, д. 9).

2. О дружеских отношениях автора воспоминаний с Мих. Ф. Гнесиным также свидетельствуют письма Ю. Н. Тюлина к Елене Фабиановне. Некоторые из них содержат глубокую и тонкую характеристику Гнесина — человека и музыканта. Приводим фрагмент одного из них, присланного Елене Фабиановне в связи с известием о болезни ее брата. Письмо от 19 апреля 1953 года:

«...Как его нам не хватает! На композиторском отделении у нас нет человека, который мог бы сказать авторитетное слово. Всюду Михаил Фабианович вносил свое необыкновенное доброжелательство к людям, какую-то особую теплоту в человеческих отношениях. Среди нас Михаил Фабианович оставил неизгладимый след как большой и тонкий художник, как умнейший и добрейший человек, при этом, что называется, „рыцарь без страха и упрека“. Никогда Михаил Фабианович не уклонялся от отстаивания своей точки зрения и от защиты чьих-либо интересов, если он считал это справедливым. Как мало теперь таких людей, а у нас в Ленинграде они, пожалуй, почти совсем перевелись. Невольно вспоминаю то время, когда Михаил Фабианович был вместе с нами» (ММКЕлФГ, оп. VII, д. 16).

О. Бошнякович. Влюбленность в дело, которому отдана вся жизнь

Бошнякович Олег Драгомирович (р. 1920) — пианист, педагог. Закончил Московскую консерваторию по классу К. Н. Игумнова (1949), аспирантуру ГМПИ им. Гнесиных под руководством Г. Г. Нейгауза (1953). С 1954 года ведет класс специального фортепиано в ГМПИ им. Гнесиных. Профессор. Народный артист России.

1. Говоря о том, что «стоило Елене Фабиановне поднять телефонную трубку, как просьба ее выполнялась», автор допускает большое преувеличение. Значительно чаще Елене Фабиановне приходилось на-

стойчиво и подчас продолжительно добиваться осуществления необходимого ей дела, хлопотать, звонить, писать неоднократно. Это сохранила память ее современников, а также документы архива.

Д. Журавлев. Ее титаническая энергия завораживала

Журавлев Дмитрий Николаевич (1901—1991) — драматический актер, мастер художественного слова. Учился в Третьей студии МХАТа (1924—1927), актер Театра им. Евг. Вахтангова (1927—1940), с 1940 года — артист Московской филармонии. Народный артист СССР. Многие годы был в дружеских отношениях с Еленой Фабиановной.

1. Две дочери Д. Н. Журавлева — Наталья и Мария учились в школе-семилетке им. Гнесиных у преподавателей Е. П. Крыловой (Наталья), Е. Т. Кудряшовой и Т. М. Партанской (Мария).

К. Аджемов. Мои встречи с Еленой Фабиановной Гнесиной

Аджемов Константин Христофорович (1911—1985) — пианист, педагог, музыковед. Закончил Московскую консерваторию по классу К. Н. Игумнова (1937), аспирантуру по классу камерного ансамбля под руководством А. Ф. Гедике (1940). Преподаватель по классу камерного ансамбля в Московской консерватории (1944—1984), по классу специального фортепиано в ГМПИ им. Гнесиных (1953—1972). Кандидат искусствоведения. Профессор. Заслуженный деятель искусств РСФСР.

1. Первый международный конкурс им. Чайковского состоялся в Москве в июне 1958 года.

2. *Журдан-Моранж* Элен (1888—1961) — скрипачка, музыкальный писатель и критик, корреспондент парижского еженедельника «Les Letters Francaises»; ряд лет была парижским корреспондентом журнала «Советская музыка».

3. *Триоле* Эльза (1896—1970) — французская писательница. Родилась в России, где прошли ее детство и юность. В Москве получила высшее архитектурное образование. Участница движения Сопротивления во Франции.

4. К. Х. Аджемов был первым музыкальным комментатором на Всесоюзном радиовещании, работал там в течение многих лет. Автор многих превосходных музыкальных радиопередач.

5. *Алчевский* Иван Алексеевич (1876—1917) — певец (тенор). Артистическую карьеру начинал в Мариинском театре в Петербурге, пел в Парижской Grand Opera (1905—1910), затем — в московском Большом театре. Был связан тесной дружбой со всеми сестрами Гнесиными и с Михаилом Фабиановичем. Один из первых исполнителей и пропагандистов многих его вокальных сочинений. См.: *Гнесин М.* Страницы воспоминаний. Глава «Семья Алчевских» // М. Ф. Гнесин. Статьи, воспоминания, материалы. — М.: Сов. композитор, 1961. С. 129—131.

6. См. воспоминания А. К. Власова и комментарии к ним в этой книге.

7. Соната-баллада для фортепиано и виолончели, соч. 7, М. Ф. Гнесина впервые исполнялась А. Зилоти и П. Казальсом в Москве в 1910 году. К. Аджемов и А. Власов исполнили ее сначала в зале института, а затем в Малом зале консерватории (12 ноября 1956 года).

8. В 1957 году А. Ф. Гедике — профессору Московской консерватории — исполнилось 80 лет.

9. О В. Я. Шубиной см. комментарий 6 к воспоминаниям Е. Давыдовой.

Т. Антонова. Из дневниковых заметок студентки-заочницы

Воспоминания подготовлены специально для второго издания этой книги, публикуются впервые.

Антонова Татьяна Владимировна (1912—1989) — пианистка, музыковед, педагог. В 1931—1932 годах училась в Техникуме им. Гнесиных по классу фортепиано В. Р. Шора. Закончила историко-теоретический факультет Ленинградской консерватории (1945) по классу Ю. Н. Тюлина, и заочное отделение ГМПИ им. Гнесиных по классу специального фортепиано Ел. Ф. Гнесиной (1956). Организатор, директор, педагог музыкального училища в городе Николаеве.

1. *Михайлов* Николай Александрович (1906—?) — министр культуры СССР (1955—1960).

2. *Булатова* (Кац) Лина Борисовна — см. комментарий 1 к воспоминаниям А. В. Малинковской.

3. *Ягодин* Илья Васильевич (р. 1938) — пианист, дирижер. Закончил ССМШ им. Гнесиных по классу Ел. Ф. Гнесиной (1956). Учился в ГМПИ им. Гнесиных у Я. В. Флиера, затем в Московской консерватории у Н. П. Аносова (класс дирижирования) и А. В. Шацкеса (класс фортепиано). С 1961 — руководит музыкальной частью Центрального Театра кукол под руководством С. В. Образцова.

4. Об А. Б. Гольденвейзере см. комментарии к статье М. Э. Риттих. В беседе с Т. Антоновой Гнесина говорит о состоявшемся 10 мая 1955 года чествовании Гольденвейзера в связи с его 80-летием. Юбиляр играл с оркестром под управлением Г. Н. Рождественского Концерт Моцарта d-moll.

5. Приводим текст письма Р. М. Глиэра:

«Педагогам и учащимся Николаевской Детской Музыкальной школы.

Дорогие друзья!

Благодарю вас за поздравление и добрые пожелания. Благодарю также за исполнение обширной и разнообразной программы, составленной из моих сочинений. Ваше отношение к ним меня необыкновенно трогает. Посылаю вам некоторые материалы, вышедшие за последнее время из печати и горячо желаю успеха в преподавании и учебе.

Искренне преданный вам

Р. Глиэр. 9/IV 1955».

На приложенной к письму фотографии Глиэра — автограф: «Николаевской детской музыкальной школе на память от Р. Глиэра. 9 IV 1955. Р. Глиэр».

Текст письма и автографа на фотографии публикуются по фотокопиям. Подлинники хранятся в школьном музее Николаевской ДМШ № 1.

Просьба руководства школы о присвоении ей имени Р. М. Глиэра Управлением культуры Украины удовлетворена не была. Отказ мотивировался тем, что Глиэр никогда не бывал в Николаеве. Школе присвоено имя Н. А. Римского-Корсакова, дважды бывшего в городе в связи с инспектированием оркестров Военно-морского ведомства.

6. *Ягодина* Екатерина Александровна (1902—1990) — мать ученика и воспитанника Ел. Ф. Гнесиной Илюши Ягодина (см. здесь комментарий 3). В годы учения сына была близким человеком, домашним секретарем Елены Фабиановны, а в годы 1953—1956 оформлена в этой должности.

7. Дрезденская галерея — одно из крупнейших и древнейших мировых собраний живописи различных школ, направлений и времен. Картины галереи, спасенные Советской армией в дни Великой Отечественной войны и сильно поврежденные, были отреставрированы крупнейшими советскими художниками-реставраторами и в 1955 году возвращены немецкому народу. Перед отправкой их в ГДР, в Москве, в залах Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина была развернута выставка этих живописных полотен. О ней и говорит Ел. Ф. Гнесина.

8. *Бражник* Леонид Федорович — певец (бас). Закончил ГМПИ им. Гнесиных по классу Г. Г. Адена (1955). С 1953 года — солист Белорусского театра оперы и балета. С 1976 года — преподаватель кафедры сольного пения Минской консерватории. Народный артист БССР.

9. *Муромцев* Юрий Владимирович — ректор института.

10. То, что Елена Фабиановна постоянно находилась в курсе важнейших политических событий как в нашей стране, так и международных, подтверждает и ее беседа с автором этих воспоминаний, а также сохранившиеся в ее архиве некоторые газеты и журналы с ее пометками.

Неру Джавахарлал (1889—1964) — вместе с М. К. Ганди боролся за освобождение Индии. С 1947 года — премьер-министр Индии и министр иностранных дел. Способствовал укреплению связей и дружбы с Советским Союзом, который он посетил весной 1955 года.

Аденауэр Конрад (1876—1967) — Федеральный канцлер ФРГ (1949—1963). Высказываемые оценки, разумеется, соответствуют трактовке событий в советской прессе того времени.

11. *Годовский* Леопольд (1870—1938) — знаменитый польский пианист и композитор, автор многочисленных фортепианных транскрипций. Преподавал в Парижской консерватории и в Академии музыки Вены, концертировал в Европе, Америке, России.

12. Речь идет о *Корзлинской* Ольге Николаевне (1891—?) — выпускнице Училища Гнесиных 1907 года, окончившей его с оценкой «пять с плюсом». Судя по открытке, хранящейся в архиве Ел. Ф. Гнесиной (ММКЕлФГ, оп. VII, д. 2) и датированной 1912 годом, фамилия Корзлинской по мужу — Пляттен, а прожила она несколько дольше, чем указывается в воспоминаниях (не менее двадцати одного года).

13. *Зернов* Дмитрий Сергеевич (1886—1912) — пианист, композитор. Закончил Училище Е. и М. Гнесиных по классу Евг. Ф. Гнесиной (1907). В Московской консерватории учился по классу К. Н. Игумнова. Один из самых любимых учеников и близких друзей Гнесиных. В библиотеке Ел. Ф. Гнесиной хранится двухтомное издание (напечатанное за счет друзей автора) его произведений.

Н. Сац. Молодость в девяносто два

Печатается по тексту главы из кн.: *Сац Наталья*. Новеллы моей жизни. Книга вторая. Издание второе, исправленное, дополненное. — М., 1984. Впервые опубликовано: «Сердце, пылающее любовью к людям» // Муз. жизнь, 1978, № 2—3. С. 6—8.

Сац Наталья Ильинична (1903—1993) — режиссер, организатор и руководитель первого в мире театра для детей (Москва, 1921), а затем — тоже первого музыкального театра для детей (Москва, 1964). Автор нескольких книг, либретто опер и балетов для этого театра. Герой Социалистического Труда. Народная артистка СССР. Лауреат Ленинской и Государственной премий.

1. См. комментарии к воспоминаниям М. В. Мильмана.

2. 15 февраля 1920 года отмечалось 25-летие организованного сестрами Гнесиными (1895) музыкального училища.

3. *Лурье* Артур Сергеевич (1892—1966) — композитор. Учился в Петербургской консерватории, брал уроки композиции у А. К. Глазунова. Заведовал музыкальным отделом и издательской секцией Наркомпроса (1918—1920). С 1922 года находился за рубежом.

4. В этом рассказе либо автором, либо рассказчиком ошибочно соединены два события, происходившие в разное время: юбилейное торжество школы Гнесиных и вечер, организованный Еленой Фабиановой для объединения московских музыкантов.

Ел. Ф. Гнесина была в то время заместителем председателя объединенного месткома московских музыкальных школ (см. личный листок по учету кадров Ел. Ф. Гнесиной, автобиографию. ММКЕлФГ, оп. X, д. 25).

5. Три участника шарады — крупные, известные музыканты и деятели музыкальной культуры:

Красин Борис Борисович (1884—1936) — композитор, фольклорист, участник революционного движения с начала нашего века. С 1918 года — государственный музыкальный деятель — руководитель музыкальных отделов ряда крупных учреждений (Главполитпросвета, Главнауки, Главпрофобра), директор Российской филармонии, председатель научной секции Союза композиторов и др. В юбилейном сборнике «Сорок лет Московского государственного музыкального техникума имени Гнесиных» опубликована его статья того же названия (М., 1935).

Мейчик Марк Наумович (1880—1950) — пианист. Учился в Московской консерватории по классу В. И. Сафонова, концертировал. С 1918 года заведующий концертным отделом МУЗО Наркомпроса, директор Института музыкальной драмы, Музсектора Госиздата, заведующий и главный редактор Музторга

МОНО, консультант радиовещания, зам. директора фабрики грамзаписи, внештатный сотрудник Дома-музея Чайковского в Клину.

Кусевицкий Сергей Александрович (1874—1951) — контрабасист-виртуоз, дирижер. В 1908 году основал в Москве симфонический оркестр и Российское музыкальное издательство. Впоследствии жил в США, руководил Бостонским симфоническим оркестром.

6. Роль А. В. Луначарского в учреждении этого театра действительно очень велика. Торжественное открытие в Москве Государственного театра для детей спектаклем «Маугли» по Р. Кипплингу, состоялось 4 июля 1920 года. Открывал вечер А. В. Луначарский, выступивший с большой интересной речью. «Анатолий Васильевич пришел за час до начала, — вспоминает Н. Сац. — Он был подлинным вдохновителем первого спектакля, и „Маугли“ своим успехом едва ли не больше всего был обязан ему». (*Сац Наталья*. Новеллы моей жизни. Книга первая. Изд. второе. — М., 1984. С. 138.)

7. Имеется в виду Учебно-консультационный пункт (УКП) при заочном. отделении Института им. Гнесиных, начавший свою деятельность в столице Башкирии осенью 1961 года, на основе которого уже в 1968 году был учрежден Уфимский институт искусств.

8. Бельгийская королева Елизавета, присутствуя в Москве на Втором международном конкурсе им. П. И. Чайковского, посетила Елену Фабиановну, а по возвращении на родину прислала ей свой фото-портрет с автографом: «Елене Фабиановне Гнесине и ее сестре с сердечным приветом. Елизавета». Елена Фабиановна нашла для него место на своем письменном столе, где он находится до сих пор.

9. Ел. Ф. Гнесина любила и высоко ценила пианиста С. Т. Рихтера, который платил ей тем же. В ее архиве несколько писем Рихтера. В кабинете — две его фотографии. На стене кабинета — этюд, изображающий уголок Парижа, работы самого пианиста (пастель).

Е. Балабанович. Две встречи

Балабанович Евгений Зенонович (1906—1980) — писатель, литературовед, музейный работник, научный консультант Мемориального музея-квартиры Ел. Ф. Гнесиной.

1. *Балабанович Евг.* Дом Чехова в Москве. М.: Московский рабочий, 1958. Два последующих издания, переработанных и дополненных, вышли в том же издательстве в 1961 и 1968 годах.

2. Автор воспоминаний допускает хронологическую ошибку: знакомство с О. Л. Книппер произошло гораздо раньше первой поездки Ел. Ф. Гнесиной в Полотняный завод, состоявшейся в 1901 году. Там они с О. Л. Книппер-Чеховой — уже актрисой МХТ — не встречались.

3. *Книппер* Анна Ивановна (1850—1919) — певица, профессор Московского филармонического училища.

4. *Губерт* Александра Ивановна (1850—1937) — пианистка. Закончила Московскую консерваторию (1872). С 1874 года вела там же класс фортепиано, в годы 1889—1914 была инспектором консерватории.

5. Приводим текст этого пригласительного билета:

«Среда. 8 июня 1960 г.

Вечер, посвященный 120-летию со дня рождения П. И. Чайковского. Сообщение „А. П. Чехов и П. И. Чайковский“ — старший научный сотрудник Дома-музея А. П. Чехова Е. З. Балабанович.

Концерт из произведений П. И. Чайковского. Сцены из оперы „Евгений Онегин“, романсы, произведения для скрипки, виолончели, фортепиано.

Исполнители — студенты Музыкально-педагогического института им. Гнесиных: М. Баранов, Д. Белоонова, Л. Гаврилюк, Л. Левченко, Л. Неучев, М. Разуваева, Л. Семенова, С. Яковенко, В. Яровицын.

Концертмейстеры: Н. М. Иллюкевич, В. Г. Стржижевская, И. А. Ханевская, Т. Н. Смирнова.

Художественный руководитель Института — заслуженный деятель искусств, профессор Ел. Ф. Гнесина. Начало в 7 час. 30 мин. вечера».

А. Тихонова. Заметки ученицы последних лет

Тихонова Александра Иосифовна (р. 1942) — музыковед-историк. С 1949 года училась в Средней специальной школе-десятилетке им. Гнесиных по классу фортепиано у С. И. Апфельбаум, затем — у О. Ф. Александровой-Гнесиной. В ГМПИ им. Гнесиных занималась в классе фортепиано у Ел. Ф. Гнесиной и А. В. Малинковской. Закончила Институт по классу истории музыки М. С. Пекелиса (1966). Преподаватель кафедры истории музыки. Доцент, кандидат искусствоведения.

1. *Кузьмич* Наталья Антоновна (р. 1943) — пианистка. Училась в Средней специальной школе-десятилетке им. Гнесиных по классу фортепиано у Ф. Г. Кантор и А. П. Кантор, в ГМПИ им. Гнесиных по классу Т. Д. Гутмана. Закончила Институт в 1965 году. С тех пор ведет курс педагогической практики и методики на кафедре специального фортепиано, постоянно выступает как концертмейстер с вокалистами. Доцент. Заслуженный работник культуры.

А. Малинковская. Из дневника студентки

Малинковская Августа Викторовна (р. 1937) — пианистка, методист. Закончила ГМПИ им. Гнесиных по классу Елены Фабиановны Гнесиной (1961). У нее же проходила аспирантуру (1961—1964). С 1964 — педагог Института им. Гнесиных по классам фортепиано, истории фортепианного искусства, методике обучения игре на фортепиано. Профессор. Доктор педагогических наук.

1. *Булатова* Лина Борисовна (р. 1929) — пианистка, педагог. Закончила ГМПИ им. Гнесиных по классу Елены Фабиановны (1951), аспирантуру под руководством Г. Г. Нейгауза (1954). Концертмейстер ГМПИ (1950—1952), ассистент в классе Елены Фабиановны (1951—1960), преподаватель кафедры специального фортепиано. Профессор, кандидат искусствоведения. Автор книги: *Педагогические принципы Е. Ф. Гнесиной*. — М.: Музыка, 1976. 2-е, расширенное издание: *Булатова Л.* Творческое наследие Е. Ф. Гнесиной / РАМ им. Гнесиных. М., 1999. См. также воспоминания Л.Б.Булатовой о Ел.Ф.Гнесиной в книге: 50 лет Российской академии музыки имени Гнесиных. — М., Магнитогорск, 1995. С. 4-12.

2. *Бекман-Щербина* Елена Александровна (1882—1951) — концертирующая пианистка, педагог. Закончила Московскую консерваторию по классу В. И. Сафонова (1899). С 1908 года вела класс фортепиано в Училище сестер Е. и М. Гнесиных, позже в Техникуме им. Гнесиных (1921—1940), в Московской консерватории (1921—1930) и Центральном заочном институте музыкального образования (1935—1941). Профессор. Заслуженная артистка РСФСР.

3. Программа этого концерта такова:

I отделение: И. Брамс. Фантазия соч. 116. Исполняет А. Малинковская.

Ф. Шопен. Фантазия фа минор. — К. Быстрова.

П. Чайковский. Концерт № 1, си бемоль минор. — Т. Бугаева.

II отделение: Н. Метнер. Соната ля минор. — Исполняет О. Корчагина.

К. Дебюсси. Прелюдия ля минор и «Остров радости». — Л. Николаева.

С. Рахманинов. Концерт № 1, ре минор. — М. Москаленко.

4. Ел. Ф. Гнесиной написано несколько пионерских песен, среди них: «Спасибо» на стихи Н. Добровольского, «Пионерская песня» на слова А. Чинарьяна, «Пионерская военная» на стихи В. Маяковского, «Чудо дерево» на стихи К. Чуковского, «Военный марш» на стихи Эмдена.

5. Текст стихотворения приводится по рукописному автографу (ММКЕЛФГ, V-3). Сохранены подчеркнутые автором слова, орфография и пунктуация. Отмеченные три строчки с кавычками являются аллюзией на текст популярной песни «Пусть всегда будет солнце» А.Островского на стихи Л. Ошанина (выделены Ел.Ф.Гнесиной).

Приводим текст другого поэтического экспромта Ел.Ф.Гнесиной, сочиненного в Рузе годом ранее (экспромт 1963 года приводится в воспоминаниях М.Риттих в данной книге):

Экспромт 1964 года Дому творчества композиторов «Руза»
Ел. Ф. Гнесиной

Прошел уж год, тяжелый год!
И снова я в чудесной Рузе!
И ею очарована еще сильнее!
«Иль, может быть, еще нежней»?
Хоть не могу я быть вполне счастливой —
Ведь волею судеб я целый день сижу.
Не вижу леса я, ни речки милой,
Но вижу жизнь на лицах (проходящих мимо).
Я жизнь люблю! — *привыкла долго жить!!*
Здесь кислородом я дышу!
В безделье письма всем строчу!
Я благодарна всей душой
За чудный отдых мой и за покой
И Дому творчеству — земному раю!
И коллективу кухни,
И работникам стола,
Всем, всем — хвала, хвала!
А мне — *домой уже пора!*
Мне 90 лет! Но я, как прошлый год, мечтаю:
Прожить бы мне еще хоть *пару лет*,
Еще разок приехать в Рузу —
И *со-тво-рить...*
Хотя б... один «куплет»...

(Рукописный автограф хранится: ММКЕлФГ, V-3. Курсивом выделены подчеркнутые автором слова.)